

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

891.79
P83br
1904

B 362759

1145
29

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*
1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
А. Г. АЛЕКСАНДРОВА
ПОКУПКА И ПРОДАЖА КНИГЪ
Детский пресл., д. № 13
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

С. Мерзасовой
VI кн.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
А. Г. АЛЕКСЬЕВА
ПОКУПКА И ПРОДАЖА КНИГЪ
Литейный просп., д. № 13
С-ПЕТЕРБУРГЪ

Porfin'ev Ivan Iakovlevich.

КРАТКІЙ КУРСЪ

6020

III, 8 - 58

ИСТОРИИ

ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

И. Порфирьева.

Изданіе 4-е

(безъ перелѣтъ).

УЧЕБНИКИ
ДЕРЖАВНЫЕ и НОВЫЕ
 ПОКУПАЙТЕ
 КНИЖКИ и ТОВАРЫ
 ИМПЕРАТОРСКАГО
 МАГАЗИНЪ
 И. Ф. ПОРФИРЬЕВА
 ПОКЕТЪ ПРАДАНА КНИГЪ
 ДАТСКАЯ
 ДРУГОЙ, Д. № 13
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Императорскаго Университета
1904.

891.79
P83kz
1904

882/00)

Дозволено цензурою. Г. Казань, 26 августа 1903 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Словесностию вообще обыкновенно называютъ всю совокупность умственныхъ произведеній народа, выраженныхъ въ *словъ*.

Способность къ слову или *словесная способность* въ человѣкѣ не есть отдѣльная какая-либо сила души; основаніе ея заключается въ умственной способности, которую мы называемъ разумомъ. Какъ всякая сила въ природѣ необходимо требуетъ обнаруженія и обнаруживается какимъ-нибудь образомъ, такъ и разумъ, сила духовная, и ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ выражается въ звукахъ человѣческаго слова. Поэтому слово заключается въ разумѣ, какъ въ своемъ основаніи, и есть не что иное, какъ внѣшнее выраженіе мысли, ея оболочка. Весьма хорошо эта тѣсная связь слова съ мыслию и способности мышленія съ способностію говорить выражается греческимъ словомъ *λόγος*, которое значитъ и *слово* и *разумъ*.

Развиваясь по опредѣленнымъ законамъ, словесная способность обнаруживается въ человѣкѣ многосложною системою словъ, совокупность которыхъ составляетъ *языкъ* народа. Следовательно, языкъ народа есть не что иное, какъ внѣшнее обнаруженіе его умственной или разумной способности, и каждое слово въ языкѣ должно быть выраженіемъ того или другого понятія о предметѣ, который оно обозначаетъ.

Въ развитіи языка филологи различаютъ два главныхъ періода: *изобразительный* и *символическій*. Въ первый періодъ, когда собственно образуется языкъ, слова имѣютъ непосредственное отношеніе къ предметамъ, т. е. въ словахъ изображаются тѣ впечатлѣнія, какія производятъ на человѣка разные предметы, тѣ представленія, какія они возбуждаютъ въ его душѣ. При этомъ, естественно, въ языкѣ отпечатлѣваются, въ большей или меньшей мѣрѣ, и особенности страны, занимаемой народомъ, и разные условія его первоначальнаго быта, образующія въ немъ

извѣстный характеръ. Отсюда и получаетъ языкъ такое великое значеніе для народа, что служитъ однимъ изъ главныхъ условий его національности. Развиваясь вмѣстѣ съ развитіемъ ума и всѣхъ другихъ силъ душевныхъ, языкъ въ этомъ періодѣ служитъ главнымъ выразителемъ всей духовной дѣятельности народа, всѣхъ его представленій религиозныхъ, нравственныхъ и житейскихъ. Первый плодъ умственной дѣятельности, онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *самый первый памятникъ народной словесности*. Хотя изобразительный періодъ языка начинается еще въ доисторическія времена, но слѣды его сохраняются, и до позднѣйшаго времени, въ древнихъ памятникахъ народной словесности—пѣсняхъ, былинахъ, сказкахъ, пословицахъ и въ языкѣ простонародномъ, особенно, въ областныхъ его нарѣчіяхъ, которыя меньше подвергаются вліянію языковъ иностранныхъ и дольше сохраняютъ свой первоначальный видъ. *Символическій* періодъ, когда теряется непосредственное отношеніе словъ къ предметамъ и слова становятся условными знаками предметовъ, наступаетъ въ языкѣ со времени появленія у народа письменности и книжнаго образованія. Во время развитія образованности, человѣкъ перестаетъ обращать вниманіе на отношеніе словъ къ предметамъ; языкъ становится уже чистымъ матеріаломъ словесности, совокупностію условныхъ знаковъ и формъ для выраженія мыслей. Выразителями религиозной, умственной и нравственной дѣятельности и вообще всей духовной жизни народа дѣлаются разнообразныя *произведенія словесности*.

Развитіе и характеръ произведеній словесности вполне соответствуетъ постепенному развитію народа, въ которомъ замѣчаютъ три періода: *мифическій, героическій и историческій*.

Мифическимъ называется самый древній первоначальный періодъ народной жизни, когда создаются *мифы*, т. е. сказанія, въ которыхъ народы изображаютъ происхожденіе міра, боговъ и людей, характеръ и дѣятельность боговъ и отношеніе ихъ къ міру и людямъ. Совокупность этихъ сказаній составляетъ *мифологию*, выражающую преимущественно религиозныя вѣрованія народа.

Въ мифахъ выражаются первыя представленія о божествѣ, природѣ и человѣкѣ; это первая религія и вмѣстѣ съ тѣмъ первая философія и поэзія народа; въ нихъ мы видимъ первые порывы къ знанію и первыя попытки младенствующаго ума рѣшить разные вопросы относительно всего окружающаго.

Героическимъ періодомъ называются первыя времена въ исторіи каждаго государства, когда народъ находится еще въ состояніи племеннаго быта, и, устроивая свою жизнь, ведетъ постоянную борьбу и съ природой своей страны, покоряя ее своему вліянію, и съ сосѣдственными племенами, расширяя свои владѣнія и отстаивая свое имѣніе и свою независимость. Такія вре-

мена и событія, въ нихъ происходившія, остаются навсегда въ памяти народа; фантазія народная украшаетъ ихъ разными вымыслами; лица, участвовавшія въ нихъ, становятся *героями*; въ этихъ герояхъ народъ представляетъ свои идеалы красоты, силы и храбрости, хитрости, ловкости, терпѣнія и другихъ физическихъ и нравственныхъ качествъ. Сказанія о героическомъ періодѣ выражаются въ героическихъ пѣсняхъ (таковы напр. наши былины о богатыряхъ), изъ коихъ образуются потомъ у нѣкоторыхъ народовъ обширныя героическія поэмы (напр. Илиада и Одиссея у грековъ).

Историческій періодъ въ народной жизни начинается съ того времени, когда народъ изъ племеннаго быта переходитъ въ гражданскій, образуя изъ себя общество съ опредѣленными формами государственной жизни, и когда факты этой жизни заносятся на страницы *исторіи*. Въ этотъ періодъ является исторія, философія или наука вообще и ораторское искусство.

Самую важную эпоху въ исторіи развитія и образованія народа составляетъ появленіе у него письменности; эта эпоха весьма рѣзко раздѣляетъ и его словесность на два различные рода: *словесность устную, народную и словесность письменную, художественную*.

Область *народной словесности*, или вѣрнѣе *народной поэзіи* составляютъ: мифическія и героическія пѣсни, былины, поэмы, сказки, пословицы, заговоры и загадки. Эти произведенія называются *естественной или безыскусственной поэзіей*, потому что они создаются естественными силами народа, безъ помощи науки, искусства и образованности, подъ вліяніемъ которыхъ возникаютъ и развиваются произведенія словесности письменной. Въ эпоху созданія этихъ произведеній у народа не бываетъ еще ни науки, ни искусства: и науку, и искусство, и вообще все, что называется образованіемъ, тогда замѣняютъ для народа преданія предковъ. Эти преданія, идущія съ самыхъ древнихъ временъ и, какъ священный завѣтъ старины, неизмѣнно передаваемые отъ предковъ къ потомкамъ, служатъ единственнымъ руководствомъ для народа во всѣхъ случаяхъ жизни. Воспитываемый на однихъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ преданіяхъ, весь народъ, естественно, долженъ имѣть одинаковый взглядъ на все въ мірѣ: здѣсь не можетъ быть рѣзкаго различія во взглядахъ и направленіяхъ отдѣльныхъ личностей, какое неизбѣжно бываетъ въ эпоху образованія искусственнаго, когда люди воспитываются, живутъ и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ разныхъ, часто противоположныхъ, вѣрованій, ученій, системъ; напротивъ всѣ люди на все смотрятъ болѣе или менѣе одинаково, всѣ руководствуются въ жизни одними и тѣми же преданіями. И потому, произведенія словесности, возникающія въ эту эпоху, являются созданіями пѣлаго народа, а не отдѣльныхъ личностей. Разумѣется, были извѣстныя лица, которыя сложили пѣсни, сказки,

былины, пословицы; но эти лица выразили въ своихъ произведеніяхъ не свой личный взглядъ, а взглядъ и преданія цѣлаго народа; и потому произведенія ихъ сохранились, а имена исчезли. Съ другой стороны, такъ какъ народъ, передавая эти произведенія устно изъ рода въ родъ, многое измѣнялъ и прибавлялъ въ нихъ, то они служатъ выраженіемъ не только не личнаго взгляда ихъ первоначальныхъ составителей, но и не одной эпохи, а часто нѣсколькихъ эпохъ, которыя въ нихъ смѣшиваются; смѣшеніе эпохъ, лицъ и событій, или такъ называемые анахронизмы составляютъ отличительную черту народныхъ произведеній. Указанному характеру содержанія народныхъ произведеній вполне соответствуетъ и внѣшняя ихъ форма. Какъ нѣтъ различія во взглядахъ составителей народныхъ пѣсней, такъ нѣтъ рѣзкаго различія и въ ихъ выраженіи; пѣвцы и рассказчики употребляютъ только общія формы, слова и обороты, которые издавна сложились въ народѣ и неизмѣнно повторяются. И потому, при разборѣ извѣстной пѣсни или сказки, не можетъ быть и рѣчи о *слогѣ* ихъ составителей, а можно говорить развѣ только о слогѣ пѣлой народной поэзіи, или по крайней мѣрѣ пѣлой какой-либо ея области. Этотъ слогъ, съ небольшими измѣненіями, общій всѣмъ народнымъ словеснымъ произведеніямъ, отличается особенною простотою, ровностію и спокойствіемъ тона и постояннымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же словъ и оборотовъ при рассказѣ объ извѣстномъ предметѣ.

Такъ какъ въ эпоху созданія народной словесности преобладающею силою надъ всѣми силами души въ народѣ бываетъ фантазія, то вся народная словесность относится къ области поэзіи, или всѣ ея произведенія имѣютъ поэтическій характеръ: всякая мысль, чувство и стремленіе облекаются въ образы. Поэзія обнимаетъ въ это время всѣ отрасли духовной дѣятельности человѣка: религіозныя миѳическія вѣрованія выражаются въ религіозныхъ гимнахъ и обрядовыхъ пѣсняхъ, заговорахъ и заклятіяхъ; сумма народной мудрости и знанія—въ притчахъ, пословицахъ и загадкахъ; нравственные поучительные примѣры—въ пѣсняхъ, былинахъ и сказкахъ. Прозаическія, историческія, ученныя и ораторскія сочиненія начинаютъ появляться со времени развитія письменности и книжнаго научнаго образованія. Да и изъ формъ поэтическихъ не всѣ достигаютъ въ народной словесности надлежащаго развитія. Драма, какъ высшій родъ поэзіи, требующій высокаго умственнаго и нравственнаго развитія, почти и не является въ народной словесности; только зачатки ея можно усматривать въ религіозныхъ хорахъ и хороводныхъ пѣсняхъ. Лирика главнымъ образомъ выражается въ формѣ бытовыхъ и семейныхъ пѣсень. Преобладающую форму народной поэзіи со-

ставляет *эпос—разказъ*. Эта форма вполне соответствует самой сущности народной поэзіи, потому что основу ея составляют *преданія* предковъ, *разказы* о временахъ прошедшихъ.

Съ появленіемъ у народа письменности, народная словесность, естественно, падаетъ: лучшія силы народа отвлекаются въ область словесности книжной, гдѣ сосредоточивается дѣятельность всѣхъ талантливыхъ грамотныхъ и образованныхъ людей. Если книжная словесность у народа развивается правильно и самостоятельно, безъ подавляющаго народнаго начала вліянія чуждой образованности, то словесность народная не теряетъ своего значенія: она становится источникомъ и матеріаломъ для книжной словесности, которая въ своихъ произведеніяхъ разрабатываетъ и выражаетъ въ художественныхъ формахъ преданія народныя, сохранившіяся въ народной словесности. Такъ было напр. у грековъ, у которыхъ письменная поэзія создалась на произведеніяхъ народной поэзіи. Но если письменная словесность возникаетъ и развивается подъ вліяніемъ чуждой образованности, тогда народная словесность надолго забывается. Оставленная въ пренебреженіи, не поддерживаемая новыми талантами, она остается удѣломъ только простого народа, и, естественно, подвергается искаженію. Только уже впоследствии, когда, по особымъ историческимъ обстоятельствамъ, въ народѣ или образованныхъ его классахъ обнаруживается стремленіе къ забытой ими народности, произведенія народной словесности начинаютъ собираться въ отдѣльные сборники и получаютъ значеніе историческихъ матеріаловъ и памятниковъ прошлой народной жизни. Такова была судьба нашей русской народной словесности.

Произведенія *книжной словесности*, развивающейся при другихъ условіяхъ, чѣмъ при какихъ возникаетъ словесность устная, народная, естественно, являются съ другимъ характеромъ. Такъ какъ они развиваются подъ вліяніемъ научнаго книжнаго образованія, составляютъ подъ руководствомъ теоріи, по существующимъ литературнымъ образцамъ, то, само собою разумѣется, получаютъ печать этихъ теорій и образцовъ, и потому, въ противоположность *естественнымъ* произведеніямъ народной словесности, называются *искусственными* произведеніями. Такъ какъ составители ихъ выходятъ изъ образованныхъ классовъ общества, и такъ какъ жизнь этихъ классовъ, по своему развитію, представляетъ болѣе богатства, разнообразія и интереса для литературныхъ произведеній, чѣмъ жизнь другихъ классовъ, то она преимущественно въ нихъ и изображается. И потому, произведенія книжной словесности никогда не являются, подобно народнымъ произведеніямъ, выразителями всей народной жизни; они всегда выражаютъ жизнь тѣхъ или

другихъ слоевъ общества отдѣльно, и притомъ въ извѣстное опредѣленное время. Сюжеты изъ низшихъ классовъ народной жизни заимствуются также писателями, или по особому личному сочувствію, или когда, въ слѣдствіе извѣстныхъ историческихъ причинъ, является потребность знакомства съ народною жизнью въ ея первоначальномъ источникѣ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ, *степень народности* въ словесныхъ произведеніяхъ, т. е. насколько они будутъ вѣрны общему характеру народной жизни, всегда зависитъ сколько отъ того, какъ глубоко писатель умѣлъ уразумѣть и выразить существенныя ея отличительныя черты, столько же и отъ того, въ какой степени эти черты сохранились и выражаются въ самомъ изображаемомъ классѣ народа. Но какъ бы ни было произведение вѣрно характеру народа, или того или другаго класса народа въ извѣстное время, на немъ всегда отразится еще характеръ самого писателя, его личнаго взгляда и направленія. Кромѣ того, сама жизнь народная, развиваясь въ разные времена, подъ вліяніемъ разныхъ вѣровацій, теорій, системъ и другихъ историческихъ условій, представляетъ удивительное разнообразіе взглядовъ и направленій, нравовъ и характеровъ; и потому произведенія словесности, изображающія такую жизнь, въ противоположность *монотонности и однообразію* безыскусственной народной поэзіи, отличаются чрезвычайнымъ *разнообразіемъ*, какъ по содержанію, такъ и по формѣ изложенія, по слогу и языку. Наконецъ, всѣ произведенія народной словесности, возникающія подъ преобладающимъ вліяніемъ фантазіи и чувства, имѣютъ поэтический характеръ; въ эпоху же книжной словесности, развивающейся подъ руководствомъ умственного и научнаго образованія, первое мѣсто занимаетъ *литература ученая*. Къ ученой литературѣ относятся всѣ произведенія, въ которыхъ выражается умственная дѣятельность народа, всѣ сочиненія и изслѣдованія его по разнымъ наукамъ. Эта литература становится главнымъ руководителемъ и двигателемъ просвѣщенія; отъ нея зависитъ, какъ въ развитіи, такъ и въ направленіи своемъ, и поэзія, которая дѣлается настоящимъ органомъ науки и проводитъ въ своихъ сочиненіяхъ ея идеи. При этомъ она, впрочемъ, нисколько не смѣшивается съ ученой литературой, но составляетъ самостоятельную область — область *литературы художественной*.

Настоящая ученая и художественная словесность развивается у народа не вдругъ, а иногда спустя очень долгое время послѣ появленія у него письменности, особенно когда у него образованіе книжное совершается подъ вліяніемъ чуждой образованности. Въ этомъ случаѣ книжная письменная словесность обыкновенно начинается *переводами* произведеній словесности другихъ

народовъ и особенно того народа, у котораго заимствуется письменность, а вмѣстѣ съ нею и первыя начала образованности. За переводами слѣдуютъ *заимствованія и подражанія* произведеніямъ словесности другихъ народовъ. Самостоятельныя же, ученныя и художественныя, произведенія начинаютъ появляться съ того времени въ народѣ, когда онъ, созрѣвая въ умственномъ отношеніи, старается освободиться отъ подражательности иноземнымъ вліяніямъ. Такимъ путемъ развивалась наша русская книжная словесность, которая въ древнемъ періодѣ находилась подъ вліяніемъ преимущественно греческой образованности и словесности, а въ новомъ періодѣ—подъ вліяніемъ словесности новыхъ европейскихъ народовъ.

Древній періодъ русской словесности отъ начала письменности продолжается до Петра В., а новый періодъ—отъ Петра В. до нашихъ временъ.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Произведенія народной словесности весьма долго оставались не записанными, очень естественно, что многія изъ нихъ совершенно утратились, а сохранившіяся подверглись порчѣ и искаженію. Передаваемые устно отъ одного поколѣнія къ другому, людьми незнакомыми съ образованіемъ, они дошли до насъ съ разными ошибками и разными измѣненіями и дополненіями, какія они получили въ разные времена при переходѣ отъ однихъ людей къ другимъ. Въ нихъ много анахронизмовъ или смѣшенія разныхъ эпохъ, лицъ и событій. Поэтому и разсматривать ихъ въ строгомъ историческомъ порядкѣ, по вѣкамъ, какъ разсматриваютъ произведенія книжной словесности, не удобно; большую часть изъ нихъ трудно, а нѣкоторыя и совершенно невозможно приурочить къ какому-нибудь опредѣленному времени. Гораздо лучше мы можемъ познакомиться съ ними, когда будемъ разсматривать ихъ по родамъ и отдѣламъ, на которые они могутъ быть раздѣлены. Всѣ произведенія народной словесности можно раздѣлить, главнымъ образомъ, на два отдѣла: I) отдѣлъ свѣтской, непосредственной народной словесности, возникшей изъ началъ народной жизни, безъ прямого участія книжнаго образованія и книжной словесности, и II) отдѣлъ словесности духовной или религіозной поэзіи, развившейся подъ вліяніемъ письменныхъ произведеній церковной словесности. Къ первому отдѣлу относятся: пѣсни разнаго рода, сказки и пословицы: ко второму—духовные стихи и легенды.

I. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Самый богатый отдѣлъ нашей народной словесности составляютъ пѣсни разнаго рода. Многія изъ нихъ сложены, вѣроятно, еще въ самыя отдаленныя времена; другія принадлежатъ къ разнымъ позднѣйшимъ историческимъ эпохамъ. Въ нихъ изображаются разные народныя преданія о прежнихъ временахъ, нравахъ и обычаяхъ, передаются рассказы о прежнихъ людяхъ и собы-

тіяхъ: это народный эпосъ, неписанная лѣтопись народа о своей жизни. Поэтому народъ и называетъ эти пѣсни *былью*: „сказка—складка (вымысль), а пѣсня *быль*“, говоритъ одна народная пословица, а нѣкоторыя пѣсни, именно богатырскія, прямо и называются *былинами*. Народъ хранилъ и передавалъ эти пѣсни, какъ дорогія для него воспоминанія о временахъ прошедшихъ; сохранившіяся въ нихъ преданія предковъ служили для него своего рода руководствомъ и въ этомъ отношеніи замѣняли для него книги и книжное образованіе, которыхъ у него не было.

Всѣ пѣсни, по характеру ихъ содержанія, можно раздѣлять на 1) мифическія или обрядныя, 2) богатырскія или былины, 3) историческія и 4) бытовыя или семейныя.

1) МИФИЧЕСКІЯ ИЛИ ОБРЯДНЫЯ ПѢСНИ.

Обрядными называются тѣ пѣсни, которыми сопровождаютъ праздничныя игры и семейные обряды и въ которыхъ сохранились слѣды мифическихъ вѣрованій нашихъ предковъ и старыхъ языческихъ обрядовъ: это пѣсни *Колядскія*, *Овсенева*, *Семикія или Троицкія*, *Купальскія* и нѣкоторыя *свадебныя пѣсни*.

Старинныя мифическія вѣрованія нашихъ предковъ, какъ народа индо-европейскаго племени, имѣли индо-европейскую основу и потому представляютъ много сходства съ древними мифическими вѣрованіями другихъ индо-европейскихъ народовъ (¹). Подобно другимъ индо-европейскимъ народамъ, наши предки въ своихъ божествахъ олицетворяли разныя стихіи, силы и явленія природы. Они обоготворяли *небо* подъ именемъ *Сварога* (отъ санскр. *suḡ*—блестать *suḡ*=*swaḡ*—небо), который въ нашей мифологіи соотвѣтствуетъ индійскому *Варунъ* и греческому *Урану*, и подобно *Урану*, былъ, вѣроятно, самымъ старшимъ божествомъ, такъ что другія божества, въ которыхъ были олицетворены разныя явленія на небѣ, назывались уже его дѣтьми. „И послѣ (послѣ Сварога), царствова сынъ его, именемъ *Солнце*, егоже наричють *Дажь-богъ*“, сказано въ Ипатьевской лѣтописи (П. С. Р. Л. т. 2, стр. 5). *Дажь-богъ* (слово *дажь* прилаг. отъ дагъ, вѣм. *tag*, санскр. *aḡan* вмѣсто *daḡan*, день, свѣтъ), въ которомъ олицетворялось солнце, былъ сынъ Сварога; о немъ упоминается въ лѣтописи Нестора и въ Словѣ о полку Игоревѣ, гдѣ весь народъ

(¹) Полное изложеніе мифическихъ представленій вообще славянскихъ племенъ, въ связи съ мифическими сказаніями другихъ индо-европейскихъ народовъ, находится въ сочиненіи Афанасьева: «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу»... т. I. 1865. т. II. 1868 т. III. 1869.

Русскій называется *внукомъ Дажь-бога*. Другой сынъ Сварога былъ *Огонь* (индійскій Агни). „И *огневи* молятся, зовуть его *Сварожичемъ*“, сказано въ словѣ Христороубца. Вѣроятно, это *огонь солнечный*, который назывался еще *Хорсомъ*; огонь же молніи, или молнію и громъ олицетворяли и почитали въ образѣ *Перуна*, который соотвѣтствовалъ индійскому Индрѣ, греческому *Зевсу* и скандинавскому *Тору*. Къ солнечнымъ же божествамъ принадлежалъ, конечно, и *Волосъ* или *Велесъ* (*Нѣмос*), который соотвѣтствуетъ греческому *Гелиосу* (Фебу, Аполлону); онъ называется скотскимъ богомъ и подобно Гелиосу признавался защитникомъ стадъ; подобно Фебу, онъ считался покровителемъ пѣвцовъ; вѣщій Боянъ въ словѣ о полку Игоревѣ называется его внукомъ. вмѣстѣ съ небомъ и его свѣтилами, солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами, покланялись, вѣроятно, *матери сырой земли*, на что могутъ указывать народные обычаи — клясться землею, обращаться къ землѣ въ случаѣ болѣзни, и другіе обряды, доказывающіе почтеніе къ землѣ (Аванасьева Поэтич. возр. т. I. 142—150). Стихи и силы природы, вѣроятно, также олицетворены были въ какихъ нибудь существахъ титаническаго характера, черты которыхъ въ послѣдствіи могли перейти на древнихъ богатырей нашего эпоса, отличающихся стихійными качествами, и на разныхъ чудовищъ, съ которыми сражаются эти богатыри. О Полянахъ въ Софійскомъ Временникѣ сказано: „бяху же тогда погани, жруще озерамъ и колодезямъ и рощеніямъ“ (П. С. Л. т. V, стр. 84). Божествомъ водной стихіи былъ *Водяникъ*, который въ былинѣ о купцѣ Садкѣ называется морскимъ царемъ; богомъ вѣтровъ былъ *Стрибогъ*; его внуками называются вѣтры въ словѣ о полку Игоревѣ; въ лѣсахъ царилъ *Лѣшій* (лѣсной богъ). Божествомъ домашняго очага былъ *Дѣдушка-Домовой*; души умершихъ предковъ почитались въ *Русалкахъ*; въ *Родѣ* и *Рожаницахъ* олицетворялся рокъ или судьба. У западныхъ славянъ упоминаются *Бѣлбогъ* и *Чернобогъ*, какъ представители свѣта и мрака, а вмѣстѣ съ тѣмъ добра и зла; но у насъ такого рѣзкаго дуализма не было, хотя кромѣ свѣтлыхъ божествъ были и такія существа, въ которыхъ олицетворялись вредныя и разрушительныя явленія природы. Такъ смерть и все мертвящее и разрушающее олицетворялось въ образѣ *Мораны* или *Морены* (лат. *mons*, санскр. *mr̥g*); одинаковое значеніе съ Мореной имѣло мифическое существо *Нежитъ*, или *Нежитъ*; зима олицетворялась въ образѣ *Бабы-Яги*; зимній холодъ и морозъ—въ образѣ *Кошеля* (Поэтич. возр. славянъ... т. 3. стр. 33—36). Обо всѣхъ упомянутыхъ божествахъ до насъ не дошло никакихъ опредѣленныхъ сказаній, подобныхъ мифамъ другихъ народовъ; славянская мифологія не успѣла создать ихъ; сохранились только отрывочныя указанія на эти божества въ про-

изведеніяхъ народной словесности и въ памятникахъ древней письменности. Между всѣми божествами особеннымъ уваженіемъ у нашихъ предковъ пользовались, кажется, *Дажь-богъ*, какъ богъ солнца, источника свѣта, теплоты и плодородія, *Перунъ*, какъ божество такихъ страшныхъ поразительныхъ явленій, каковы громъ и молнія, и *Волосъ*, какъ богъ скота, составляющаго главное богатство народа въ эпоху какъ кочеваго, такъ и земледѣльческаго быта. Въ честь этихъ божествъ совершались въ разные времена религіозныя празднества съ разными обрядами, каковы *Коляда*, *Овсень*, *Купало*, *Ярило* и др. По водвореніи христіанства, язычество пало; но языческія суевѣрія долго помнились, такъ что имена нѣкоторыхъ божествъ были перенесены на христіанскихъ святыхъ, и языческіе праздники слились съ христіанскими праздниками. Мѣсто Перуна заступилъ св. Илья пророкъ, который и до сихъ поръ въ народѣ считается распорядителемъ грома и молніи; мѣсто Волоса заступили свв. Власій, Флоръ и Лавръ, которые и нынѣ считаются покровителями скота; на св. Георгія, который признается покровителемъ земледѣлія, перешли, вѣроятно, черты Перуна или самого Дажь-бога. Подобно тому, и языческіе праздники присоединились къ тѣмъ христіанскимъ праздникамъ, къ которымъ они близко подходили по времени совершенія: празднованіе Коляды соединилось съ праздникомъ Рождества Христова, празднованіе въ честь Русалокъ съ праздникомъ св. Троицы, праздникъ Купалы съ днемъ св. Іоанна Крестителя 24 іюня. Къ этимъ праздникамъ и относятся старинныя обрядныя пѣсни: *Колядскія*, *Овсеньвыя*, *Семицкія*, *Купальскія*.

а) *Колядскія* и *Овсеньвыя* пѣсни. Первымъ праздникомъ въ честь Дажь-бога или солнца и вмѣстѣ началомъ стараго языческаго года, по мнѣнію ученыхъ изслѣдователей, былъ зимній праздникъ, во время такъ называемаго *солнворота*, въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда, послѣ долгихъ ночей, начинаетъ прибывать день, когда, по народному выраженію, *солнце поворачиваетъ на лѣто*. Близкое совпаденіе этого праздника съ церковнымъ праздникомъ Рождества Христова было, конечно, причиною того, что въ христіанскія времена онъ примѣнулся къ празднику Рождества и сталъ отправляться 24 декабря, наканунѣ Рождества, или во время самого Рождества. Въ Великороссіи онъ отправлялся еще въ XVII в., а въ Малороссіи отправляется и теперь такимъ образомъ: наканунѣ Рождества или цѣлую рождественскую недѣлю молодые люди и дѣти собираются подъ окнами богатыхъ крестьянъ, поютъ пѣсни, величая хозяина, хозяйку и дѣтей ихъ, и просятъ денегъ, пироговъ и проч. (1). Въ пѣсняхъ

(1) Въ Бѣлороссіи подобный обычай соблюдается на великій день или Пасху. Подобно колядующимъ, въ первый день Пасхи, ходятъ тамъ *волочобники* (отъ слав-

обыкновенно величается *Коляда*, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Овсень*, *Авсень*, *Таусень*; потому онѣ называются *Колядскими* и *Овсеньвыми*. Слово *Коляда* производятъ отъ латинскаго слова *Calendae* (Коляда у поляковъ *kolęda* отъ *caleo*, разгорячаться, горѣть, что указываетъ на жаръ солнца). Было ли это слово названіемъ самого Дажь-бога, или только праздника въ честь его, опредѣлить трудно. Въ числѣ особыхъ божествъ Коляда не встрѣчается въ памятникахъ древней письменности; въ пѣсняхъ же она упоминается большею частію въ видѣ припѣва. Въ одной изъ колядскихъ пѣсень говорится:

«За рѣкою, за быстрою
Ой Коліодка, ой Коліодка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Въ тѣхъ лѣсахъ огни горять,
Огни горять великіе.
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя.
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни Коліодушки.
Ой Коліодка, ой Коліодка!
Въ среднѣ ихъ старикъ сидитъ;
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котель кипитъ горячій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати...» (1).

Здѣсь, очевидно, описывается старый языческій праздникъ, когда предки наши приносили жертвы въ лѣсахъ; старикъ съ ножемъ—жрецъ, приносившій жертву, а козелъ—самая жертва. Для языческихъ жертвъ, во время праздника, собирались, вѣроятно, приношенія; во времена христіанскія это перешло въ обычай воспѣвать Коляду и собирать разныя подаванія. Вотъ Колядка, при которой собираются подаванія:

«Коляда, Коляда!
Пришла Коляда
На канунъ Рождества.

волочиться, бродить), молодые парни съ пѣснями и музыкой, и за славленіе выпрашиваютъ подарки—яица, пироги, водку, а иногда цѣлое угощеніе. Смолр. Бѣлорусскія пѣсни Безсонова стр. 20. У южныхъ славянъ Колядѣ соотвѣтствуетъ праздникъ *Божича*.

(1) Сахар. Сказ. рус. нар. т. I, кн. III. стр. 16. Окончаніе этой пѣсни взято изъ сказки *О царевичѣ козленочкѣ*.

Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ дворамъ, по проулочкамъ,
Нашли Коляду
У Петрова-то двора...» (1).

Называется дворъ хозяина, подъ окнами котораго поется пѣсня. Далѣе въ пѣснѣ величается этотъ дворъ, его хозяинъ, хозяйка и дѣти ихъ. Дворъ обнесенъ желѣзнымъ тыномъ, а среди двора стоятъ три терема. Хозяинъ сравнивается съ свѣтлымъ мѣсяцемъ въ одномъ теремѣ, хозяйка—съ краснымъ солнцемъ въ другомъ, а дѣти ихъ—съ частыми звѣздами въ третьемъ теремѣ. Очень можетъ быть, что солнце, мѣсяцъ и звѣзды первоначально прославлялись, во время Коляды, сами по себѣ самостоятельно, а потомъ, когда уже потерялся древній смыслъ праздника, они стали употребляться для сравненія съ ними прославляемаго въ пѣснѣ хозяина дома, его жены и дѣтей (2). Пѣсня оканчивается желаніемъ „здравствовать хозяину съ хозяйшкой на долгіе вѣки на многія лѣта“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто Коляды, въ пѣсняхъ воспѣвается *Овсень* или *Авсень*; потому и самыя пѣсни называются *Овсеньевыми*. Впрочемъ, какъ Коляды относятся собственно къ кануну Рождества, такъ Овсеньевыя пѣсни поются большею частію на канунъ Нового года, вечеромъ, который въ народѣ называется *Васильевымъ вечеромъ* отъ того, что въ новый годъ церковь празднуетъ память св. Василія В. (3). Содержаніе *Овсеньевыхъ* пѣсенъ

«Ой Овсень, ой Овсень!
Походи. погулай
По святымъ вечерамъ,
По веселымъ теремамъ!
Ой Овсень, ой Овсень!
Посмотри, погляди,
Ты войди, посѣти
Къ Филимону на дворъ!»(4)

(1) Сахар. Сказан. русск. народ. т. I. кн. III. стр. 16.

(2) Смотри. О. Миллера: Опытъ истор. обзор. русск. слов. ч. I. стр. 28.

(3) Въ Малороссіи Васильевъ вечеръ называется *щедрымъ* или *добрымъ вечеромъ*; пѣсни, которыя поютъ въ этотъ вечеръ подъ окнами богатыхъ людей называются *щедриками*; ходить съ этими пѣснями значить *щедровать* т. е. желать во всемъ изобилія и богатства. Смотри. А. Метлинскаго: Народныя южно-русскія пѣсни. Кіевъ. 1854, стр. 340—344.

(4) Сахар. Сказан. т. I. кн. III. стр. 259—260.

почти то же самое, что и Колядскихъ, только вмѣсто Коляды въ нихъ величается *Овсень* или *Авсень*. Вотъ пѣсня Овсеню.

Далѣе восхваляется домъ хозяина, обнесенный кипариснымъ тыномъ, съ серебромъ и позолотой, самъ хозяинъ, хозяйка и дѣти, точно такъ же, какъ въ колядскихъ пѣсняхъ. Слово *Овсень* одни производятъ отъ *обстванія* или *осыпанія овсомъ*, которымъ сопровождается пѣніе овсeneвыхъ пѣсень; поюшіе обыкновенно бросаютъ зерна разнаго хлѣба и особенно *овса*; зерна эти слушающіе собираютъ и хранятъ до осеняго посѣва. Другіе это слово, произносимое въ различныхъ мѣстахъ различно: *Авсень*, *Усень*, *Таусень*, сближаютъ со словомъ *ясный* и видятъ въ немъ измѣненіе слова *Ясень*—названія солнца (ясное солнце). Какъ бы то ни было, только упомянутый обрядъ осыпанія, при пѣніи овсeneвыхъ пѣсень, и сходство этихъ пѣсень съ колядскими и по содержанию и по времени, въ которое онѣ поются, показываютъ, что *Овсень*, подобно Колядѣ, *имѣетъ отношеніе къ солнцу*, и составляетъ, вѣроятно, только другое названіе одного и того же солнечнаго божества или праздника въ честь солнца, какъ источника свѣта, теплоты и плодородія. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ они даже соединяются вмѣстѣ и величаются рядомъ одна съ другимъ.

б) Святочныя обрядныя пѣсни. Нѣтъ сомнѣнія, что праздники Коляды, во времена языческія, сопровождался разными играми и обрядами. Сохранившіяся до сихъ поръ *святочныя игры, переряживанья и гаданія* не могли возникнуть во времена христіанства, духу котораго они совершенно противны, а составляютъ, несомнѣнно, остатки древнихъ языческихъ игръ и обрядовъ. Въ этомъ отношеніи и самыя *древне-русскія Святки* съ ихъ обрядовою обстановкою можно назвать продолженіемъ стараго праздника Коляды, соединившагося, во времена христіанскія, съ праздникомъ Рождества. *Въ обычаѣ переряживаться*, во время Святковъ, нѣкоторые не безъ основанія хотятъ видѣть остатокъ древняго языческаго обряда, въ которомъ переряживаніемъ обозначалось то не нормальное или превращенное состояніе природы, въ какомъ она находится во время зимы (1). Гаданіемъ на Святкахъ занимаются нынѣ молодые люди и дѣвушки, съ цѣлю узнать свою судьбу относительно женитьбы или выхода замужъ въ будущемъ году; но въ старыя языческія времена оно производилось, вѣроятно, всеми людьми, съ серьезною цѣлю узнать, будетъ ли счастливъ или благопріятенъ для плодородія вообще

(1) Смотр. Опытъ истор. обзор. русск. слов. О. Миллера. Стр. 38.

тотъ годъ, который начинался съ праздновавшагося въ это время солнечнаго поворота отъ зимы на лѣто. Напр. дѣвушки нынѣ на Святкахъ кормятъ курицу зерномъ и при этомъ гадаютъ о замужествѣ, а въ старину, вѣроятно, кормили курицу для того, чтобы, по ихъ клеванію зеренъ, судить о хорошемъ или плохомъ урожаѣ хлѣба и плодовъ въ слѣдующемъ году. Святочные гаданія и игры сопровождаются пѣніемъ разныхъ пѣсень, между которыми особенно замѣчательны *подблюдныя* и *шорныя*. *Подблюдными* называются тѣ пѣсни, которыя встарину пѣлись во время гаданія надъ блюдомъ или чашей съ водой. На столъ, вокругъ котораго садились гадающіе, ставили блюдо съ водой и покрывали его скатертью; около блюда гадающіе клали свои кольца, перстни и серьги; тутъ же клали еще кусочки хлѣба, соль и три уголька. За тѣмъ пѣлась пѣсня *хлѣбу и соли*:

Слава Богу на небѣ,

Слава!

Государю нашему на сей землѣ,

Слава!

Чтобы нашему государю не старѣться,
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Его добрымъ конямъ не изъѣживаться,
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
Чтобы правда была на Руси
Краше солнца свѣтла;
Чтобы царева золота казна
Была вѣкъ полнымъ полна;
Чтобы большимъ то рѣкамъ
Слава неслась до моря,
Малымъ рѣчкамъ до мельницы.
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу моемъ, хлѣбу честь воздаемъ ⁽¹⁾.

Слава!

По окончаніи этой пѣсни, кольца, перстни и серьги, а равно хлѣбъ, соль и угольки клали на блюдо и начинали пѣть одну за другою подблюдныя пѣсни: *Катилося зерно по бархату; Идетъ кузнецъ изъ кузницы; Летитъ соколъ изъ улицы; Скачетъ прыздо-*

(1) Сказан. Сахар. т. I. кн. III. стр. 11. № 1.

чекъ по ельничку ⁽¹⁾ и проч. Послѣ каждой изъ этихъ пѣсенъ, вынимали кодьцо или другую вещь изъ блюда и при этомъ пѣли особый припѣвъ:

«Да кому мы спѣли, тому добро,
Слава!
Кому выпетя, тому сбудетя,
Скоро сбудетя, не минуетя.»

Полнѣ другихъ подблюдныхъ пѣсенъ выражаетъ смыслъ святочныхъ гаданій слѣдующая пѣсня:

«Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Слава!
Несетъ кузнецъ три молота,
Слава!
Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и новъ,
Изъ остаточковъ золотъ перстень,
Изъ обрѣзочковъ булабочку.
Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
Мнѣ тою булабочкою убрусь притыкать» ⁽²⁾.

Въ этой пѣснѣ выражается мысль о замужествѣ; этою же мыслию о замужествѣ и женитьбѣ пронизаны и всѣ святочные гаданія и пѣсни, въ которыхъ все направлено къ знакомству и сближенію молодыхъ людей и устроенію ихъ судьбы. Но въ то же время, указанная мѣстическая обстановка (хлѣбъ, соль, вода и угли—предметы, употреблявшіеся при языческомъ богослуженіи), которою сопровождалась святочные гаданія, приводитъ къ мысли, что первоначально они имѣли другое значеніе и выродились изъ какихъ нибудь религиозныхъ обрядовъ въ честь солнца, которому праздновали во время Коляды.—*Игорными* назывались тѣ святочные пѣсни, которыми сопровождалась святочные игры. Самою употребительною изъ нихъ была игра—*хороненіе золота*, при которой пѣлась известная пѣсня:

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню...⁽³⁾

(1) Тамъ же стр. 11—15.

(2) Сказ. Сахар. т. I. кн. III. стр. 12. № 4

(3) См. тамъ же стр. 15. № 37.

Хороненіе золота начиналось послѣ модблюдникъ пѣсенъ. Дѣвушки садилась въ вѣрхоу и начинали пѣть указанную пѣсню. Одна изъ дѣвушекъ брала изъ гадальной чашки или блюда послѣднее кольцо и во время пѣнія пѣсни вдала его въ чьи-нибудь руки, а дѣвушки передавали его одна другой. По окончаніи пѣсни, *хоронившая золото* должна была отгадать, у кого кольцо находится. Эта пѣсня, бывшая самою популярною изъ всѣхъ святочныхъ пѣсенъ до послѣднихъ временъ, по мнѣнію исследователей, имѣетъ самую старинную мифическую основу. Въ золотѣ, которое хоронится при ея пѣніи, они видятъ указаніе на *небесное золото, ясное красное солнышко*, растительная и плодотворная сила котораго, во время зимы, скрывается и представляется какъ бы похороненною. Употребляемый въ этой игрѣ перстень своею круглой формою представляетъ подобіе солнца.

в) Весеннія пѣсни или веснянки. Праздникъ воляды былъ только начальнымъ праздникомъ древняго языческаго года и первымъ праздникомъ въ честь солнца, за которымъ, конечно, слѣдовало много другихъ праздниковъ. Въ народѣ еще до сихъ поръ сохраняется множество примѣтъ, игръ и обрядовъ, совершаемыхъ въ разныя времена года и составляющихъ, вѣроятно, слѣды этихъ праздниковъ. Извѣстно, какимъ почетомъ пользуется въ народѣ *масляница*. „Этотъ праздникъ, по замѣчанію Соловьева, праздновался въ началѣ весны; но такъ какъ это время приходится въ великій постъ, то, по принятіи христіанства, празднованіе его перенесено на конецъ рождественскаго мясоѣда и отчасти на „Свѣтлое воскресенье“ (1). На отношеніе этого праздника къ солнцу указываетъ то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, на огромныхъ санахъ, возятъ тогда наряженнаго мужика, который сидитъ *на колесѣ*, вверху столба, утвержденнаго посреди саней; колесо у языческихъ народовъ было изображеніемъ солнца. Въ другихъ мѣстахъ, во время масляницы, возятъ на санахъ большое дерево, убранное разными лоскутками и разными украшеніями; этимъ деревомъ, какъ и рождественскою елкою, изображается плодородіе, источникомъ котораго служить солнце. Наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ концѣ масляницы, производится сожженіе соломенной вуклы, которая называется *зимой*; этимъ обрядомъ означается уничтоженіе зимы, съ усиленіемъ солнечной теплоты весной.

Другіе весенніе праздники соединились съ Благовѣщеніемъ, Пасхой, Ѳоминой недѣлей, днемъ св. Георгія и особенно съ

(1) Ист. Росс. т. I. стр. 66.

праздникомъ св. Троицы. Въ мартѣ мѣсяцѣ и большею частію предъ Благовѣщеніемъ или даже въ день Благовѣщенія во многихъ мѣстахъ соблюдается обычай заливать весну съ пѣснями, которыя называются *веснянками*. Вотъ эти пѣсни:

«Благослови, Боже,
Весну заливати,
Весну заливати,
Зиму заперати.

—
Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостію,
Съ радостію, радостію,
Съ великою милостію,
Съ льномъ высокімъ,
Съ корнемъ глубокимъ,
Съ хлѣбами обильными.»⁽¹⁾

Въ день Благовѣщенія въ древнія времена еще былъ обычай разводить предъ домами огонь и скакать чрезъ него, потому что этотъ день считался началомъ весны. Въ первый день Пасхи, когда, по народному повѣрью, *играетъ солнышко*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поется пѣсня:

«Солнышко, ведрышко,
Выгляни въ окошечко!
.
Твои дѣтки плачутъ
.
Солнышко, покажись,
Красное, снарядишь.»⁽²⁾

Въ Малороссіи и Галиціи на Пасхальной недѣлѣ совершается обрядъ погребенія *Кострубонька*, которымъ изображается замираніе солнечной теплоты зимою и пробужденіе и оживленіе ея весною: при этомъ одна изъ дѣвушекъ, играющихъ въ хороводѣ, падаетъ, и всѣ начинаютъ оплакивать ее, какъ умершую, потомъ она поднимается и встаетъ, какъ ожившая, и всѣ радуются.

г) Хороводныя весеннія пѣсни. На Троицкой недѣлѣ, особенно замѣчательнъ весенній праздникъ — *красная горка*. Онъ

⁽¹⁾ Сказан. Сахар. т. I. к. III. стр. 260.

⁽²⁾ Сказан. Сахар. т. 2. кн. VII. стр. 75—76.

получилъ такое названіе отъ того, что происходитъ на горѣ или на возвышенности, покрытой первою весеннею травою и освѣщенной *краснымъ* солнышкомъ ⁽¹⁾. Съ красной горки начинаются хороводы, продолжающіеся до конца іюля. Круглая форма хороводовъ и ихъ кругообразное движеніе—символь солнечнаго движенія, показываютъ, что они обязаны своимъ происхожденіемъ празднованію въ честь солнца и первоначально имѣли религиозное значеніе.

Припѣвки въ хороводныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ величаютъ Дидь-Ладо, Лель, откуда, вѣроятно, образовались постоянныя въ нихъ припѣвки—*моли, мошеньки*, величанія *Дона и Дуная Ивановича*, безъ сомнѣнія, составляютъ остатки праздничныхъ языческихъ хороводовъ. Что хороводы въ частности имѣли отношеніе къ почитанію солнца, это показываетъ одна изъ хороводныхъ пѣенъ—*о стяннѣ проса*:

«А мы съчу чистили, чистили;
Ой Дидь-Ладо чистили!
А мы просо съяли, съяли;
Ой, Дидь-Ладо съяли, съяли» и проч. ⁽²⁾

Слова *Дидь* (дѣдъ), *Ладо* (свѣтъ, радость), составляющія припѣвъ этой пѣсни, безъ сомнѣнія, относятся къ солнцу или Дажь-богу, внуками котораго называются русскіе въ Словѣ о полку Игоревѣ, и самое содержаніе пѣсни указываетъ на старинный земледѣльческій праздникъ въ честь солнца, какъ источника плодородія.

Въ день св. Георгія (23 апрѣля) совершается много таинхъ обрядовъ, которые указываютъ на старыя языческія времена. Между прочимъ, въ этотъ день выгоняютъ въ первый разъ скотину въ поле освященною вербою; при этомъ поется пѣсня:

«Мы вокругъ поля ходили,
Егорья окликали.....
Егорій ты нашъ храбрый..
Ты спаси нашу скотину
Въ полѣ и за полемъ,
Въ дѣсу и за дѣсомъ,

⁽¹⁾ Исг. русск. слов. Галах. ч. 1, стр. 13.

⁽²⁾ Сказ. Сахар. т. 1. кн. III стр. 27.

Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго
Отъ звѣря лукаваго» (1).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ день св. Георгія крестьяне рано утромъ обходятъ засѣянные поля и поютъ:

«Юрій, вставай рано,
Отмылай землю,
Выпускай росу—
На теплое лѣто,
На буйное жито,
На ядренистое
На колосистое
Людямъ на здоровье»....

Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ св. Георгій представляется начальникомъ весны, отмывающимъ землю, выпускающимъ росу и траву, покровителемъ земледѣлія и защитникомъ стада. На него, вѣроятно, перенесены черты какого-нибудь солнечнаго божества. Онъ и изображается въ народныхъ сказаніяхъ подобно миѳическому существу, герою, или богатырю: „половотъ руки въ красномъ золотѣ, по колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ, во лбу солнце, въ тылу мѣсяць, по косицамъ звѣзды частыя“.

д) Русальныя и семицныя пѣсни. Къ празднику св. Троицы присоединился древній языческой праздникъ въ честь *Русалокъ*, въ которыхъ предки наши почитали, вѣроятно, души людей умершихъ (2).

Во всѣ праздники въ честь солнца было, кажется, воспоминаніе объ умершихъ; употребленіе блиновъ на масленицѣ указываетъ на то, что въ старину, въ то время, поминали усопшихъ; красная горька до сихъ поръ соединяется съ тѣмъ называемой *Гадунницей* (3), во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, когда ходятъ на могилы для поминовенія

(1) Сказ. Сахар. т. 2. VII, стр.

(2) Названіе *русалокъ* одни производятъ отъ *руса* или древне-славянскаго названія рѣки *руса*, такъ какъ русалки, по народному вѣрованію, живутъ въ водѣ; другіе названіе ихъ производятъ отъ слова *русый* (свѣтлый, ясный), такъ какъ русалки, по тому же народному вѣрованію, выходятъ во время весны на землю насладиться оживленною природою.

(3) Въ словѣ *радуница* нѣкоторые не безъ основанія видятъ измѣненное слово *родоеница* — отъ слова *родъ*, предокъ. Смолеръ. О. Миллера Обзор. русск. слов. ч. 1, стр. 96.

родителей. Но особенно поминались души умерших *въ праздниѣ Русалонъ*, который, во времена христіанскія, соединился съ праздникомъ св. Троицы. Извѣстный *Семиѣ*, отправляемый въ четвергъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи, былъ главнымъ днемъ русалонъ (великъ день русалонъ); потому эта недѣля въ старину называлась *семицкой и русальной*. Старикъ въ семиѣ ходилъ прежде на могилы родителей помянуть ихъ; поэтому его считаютъ остаткомъ древней языческой тризны; онъ и приходится на недѣлѣ христіанскаго поминовенія усопшихъ предъ вселенской троицкой субботой, которая замѣнила языческую тризну. Молодые парни и дѣвушки въ семиѣ обыкновенно отправлялись въ лѣсъ, рубили березки, украшали ихъ лентами, завивали вѣнки и бросали ихъ въ прудъ и рѣку съ гаданіемъ, потонетъ вѣнокъ или нѣтъ, остановится на одномъ мѣстѣ, или поплыветъ въ сторону, чей вѣнокъ поплыветъ и чей останется назади (1). Всѣ эти обряды находятся въ тѣсной связи съ древнимъ языческимъ вѣрованіемъ *въ Русалонъ*, по которому русалки, съ весенняго разлитія воды до троицына дня, живутъ въ водахъ, на берега выходятъ только поиграть, съ троицына до Петрова поста живутъ на деревьяхъ, а потомъ уходятъ въ могилы. Въ нѣкоторыхъ семицкихъ пѣсняхъ, которыя поются при завиваніи вѣнокъ, мы находимъ чрезвычайно странное смѣшеніе христіанскихъ понятій съ языческими, котораго поющіе, конечно, нисколько не понимаютъ. Вотъ одна изъ этихъ пѣсень:

«Благослови Троица,
Богородица!
Намъ въ лѣсъ пойти,
Намъ вѣнки завивать.
Ай Дидо, ой Ладол!
Намъ вѣнки завивать
И цвѣты сорывать.
Ай Дидо, ой Ладол!
А мы въ лѣсъ пойдѣмъ,
И цвѣтовъ нарвѣмъ,
Мы цвѣтовъ нарвѣмъ,
И вѣнокъ совьѣмъ.
Ай Дидо, ой Ладол!» (2).

(1) Вслѣдствіе обычая рубить березки, ставить ихъ въ домахъ и около домовъ, вить изъ нихъ вѣнки и водить хороводы съ пѣснями, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ семиѣ и вся седьмая недѣля послѣ Пасхи назывались *зелеными святками*.

(2) Сахар. Сказан. т. I. кн. III. стр. 260.

Здѣсь, вмѣстѣ съ словами *Троица Богородица* стоятъ слова: *Дидь-Ладо*, относящіяся къ Дажь-богу, или солнцу. Въ другой пѣснѣ, съ которою молодые люди отправляются въ лѣсъ завивать вѣнки, также рядомъ съ *Семикомъ*, упоминается *Троица*;

Ю, ю Семикъ да Тройца!
Туча съ громомъ сговаривалась;
Пойдемъ громъ, погуляемъ съ тобой. . . (1).

Сдѣлавъ вѣнки изъ березовыхъ вѣтвей, молодые люди надеваютъ ихъ на голову, поютъ пѣсни и играютъ въ хороводы. Нѣкоторые пѣсни отличаются особенною простотою и граціозностью. Таковы напр.:

«Я въ вѣночкѣ,
Я въ зеленочкѣ
Хожу, гуляю.
По городочку.
Ищуль я, ищу
Ласкова Ладу.
Я въ вѣночкѣ,
Я въ зеленочкѣ
Хожуль я хожу
Вокругъ городочка,
Добрый молодчикъ!
Будь мнѣмъ Ладой» (2).

«А я вью вѣночки, вью зеленочки,
Хожуль я, вокругъ городочку,
Хожуль я, найду ли я,
Ласкову себѣ невѣсту.
Ты будешь мнѣ, красна дѣвушка, невѣстой» и проч. (3)

Въ Бѣлоруссіи, на другой день Троицы, убираютъ дѣвушку зелеными вѣтвями и листьями, такъ что она въ этомъ убранствѣ получаетъ видъ и названіе *Куста*. Съ этою дѣвушкою другія дѣвицы и женщины ходятъ съ пѣснями по всѣмъ домамъ и при этомъ собираютъ разныя подачки для угощенія (4).

е) Нупальскія пѣсни. Лѣтніе языческіе праздники присоединились къ праздникамъ св. Іоанна Крестителя, Петра и Павла и пророка Іліи. Главнымъ лѣтнимъ праздникомъ былъ праздникъ

(1) Бытъ Русск. нар. Терещенка, ч. VI. стр. 164—165.

(2) Бытъ Русск. нар. Терещенка, ч. VI. стр. 166—167.

(3) Также, ч. IV стр. 145.

(4) Смотр. Бѣлорусск. пѣсни Безсонова стр. 25.

Купалы, совершавшійся, вѣроятно, въ концѣ іюня, и потому во времена христіанскія присоединившійся въ праздникъ рождества Іоанна Крестителя 24 іюня. Потому онъ получилъ въ народѣ названіе *Ивана Купалы* и сталъ отправляться въ ночь на Ивановъ день. Это смѣшеніе древняго явчскаго праздника съ праздникомъ христіанскимъ выражается въ слѣдующей пѣснѣ, которую въ Бѣлоруссіи поютъ около зажженного костра, на верху котораго кладутъ чучелу изъ соломы, называемую *Купалою*:

«Купала на Ивана!
Гдѣ купала почевала?
Купала на Ивана
Почевала у Ивана» (1)

Въ другихъ мѣстахъ чучелу, сожигаемую въ Иванову ночь называютъ *Костромой* (отъ слова костерь); иногда же прост сожигаютъ костерь, который называется Купалой. Костерь составляетъ необходимую принадлежность купальскаго праздника огонь дня него разводять треніемъ досоѣкъ, или изъ досоѣкъ старой посуды. Иногда соломенную чучелу бросаютъ въ воду и при этомъ поютъ:

«Купала на Ивана!
Купався Иванъ,
Та въ воду упавъ.
Купала на Ивана» (2).

Между разными обрядами Купальской ночи особенно замѣчательнъ *обрядъ скатыванія съ горы зажженного колеса въ воду*, прямо указывающій на отношеніе этого праздника къ солнцу, которое изобразалось при этомъ *горящимъ колесомъ*, а *скатываніе съ горы этого колеса* означало то, что солнце съ этого времени начинаетъ какъ бы возвращаться назадъ т. е. *поворачиваетъ*, по народному выраженію, опять *на зиму* (3). Кроме того, въ Купальскую ночь обыкновенно собираютъ разныя травы, которымъ приписывается чудесное дѣйствіе (плауунъ-траву, одолень-траву, чертополохъ, разрывъ траву), и особенно ищутъ цвѣтъ *папоротника*, который будто только въ эту ночь цвѣтетъ огненнымъ цвѣтомъ и который считается необходимымъ при отыскываніи кладовъ. При добываніи цвѣта папоротника поется пѣсня:

(1) Быть Русск. народа Терещенка ч. V, стр. 76.

(2) Быть Русск. народа Терещенка, ч. V, стр. 81.

(3) Аванасьева: Поэтич. возр. славянъ т. 1. стр. 210—212

•Купала паша Купала!
Дай намъ котлы золота!
Вотъ Солодушка (одинъ изъ видовъ папоротника) цвѣтеть;
Я ѱяду при ней,
Проночую при ней,
Подстерегу красочку (цвѣтъ),
Сорву папоротку,
Буду богачъ—богатырь,
Закуплю я весь свѣтъ . . .»⁽¹⁾.

Наконецъ въ Иванову ночь купаются для здоровья, прыгаютъ чрезъ зажженные костры, для предохраненія отъ заразы и болѣзней, ищутъ кладовъ ⁽²⁾.

Вмѣсто съ *Купалой* чествуется *Купальница*, имя которой сдѣлалось эпитетомъ *св. Аграфены*, такъ какъ память этой святой празднуется 23-го іюня. День Аграфены Купальницы посвящается также собираию разныхъ травъ; изъ нихъ особеннымъ уваженіемъ пользуются *купаленка* или *купальница* и цвѣтокъ *Иванъ да Марья* ⁽³⁾. Къ празднику Купалы близко подходили по времени похороны *Костромы и Ярилы*, которыя совершались на Всесвятской недѣлѣ, или въ первое воскресеніе послѣ Петрова дня, празднуемаго 29 іюня. Похоронами Ярилы и Костромы, какъ и многими обрядами, совершавшимися въ солнечные праздники, изображались смѣна весны и лѣта осенью и зимою и, съ умаленіемъ свѣта и теплоты солнечной, замираніе растительной силы природы, которая во время зимы кажется какъ-бы похороненною.

На день Ильи пророка, который у Сербовъ называется *Ильей громовникомъ*, перешло празднованіе *Перуну*, богу грома и молніи. Громъ въ облакахъ народному воображенію казался ѳздой на колесницѣ, а на колесницѣ огненной былъ взятъ на небо Илья пророкъ; къ тому-же около Ильина дня и въ самый Ильинъ день почти всегда бывають болѣе или менѣе сильныя грозы; весьма естественно, поэтому, было народу перенести на Илью пророка черты Перуна Перунъ, по народному вѣрованію, производилъ громы, молнію и дожди, благодѣтельные для всякихъ растений, хлѣбовъ и плодовъ; Илья пророкъ во время своей земной жизни низводилъ съ неба огонь, производилъ засуху и проливалъ дождь. Сохранились пѣсни, въ которыхъ Илья пророкъ прославляется какъ покровитель земледѣлія, но которыя, впрочемъ, поются не въ Ильинъ день, а въ другіе праздники. Одна изъ нихъ въ Малороссіи поется въ Васильевъ вечеръ:

(1) Бѣлорус. пѣсни Безсонова ч. I. стр. 45, № 80.

(2) Указанія на разные обряды и игры, происходившія прежде въ Купальскую ночь, находятся въ Посланіи игумена Самфила во Псковъ въ 1505 г (напечатано въ Дополн. къ Акт. Ист. т. I. № 22) и въ Стоглавѣ (глав. 41).

«Ходить Илья
На Василья
Носить пугу
Житяную.
Де замахне
Жито расте». . . (1).

Другая пѣсня поется въ Бѣлоруссіи на Великъ день, или въ Пасху. На праздникъ призываются всѣ святые:

«Чи усѣ святцы (всѣ святые) позбиралися?
Одного нѣту—святаго Илли.
Кого обобратъ (выбратъ), по Иллию послать!
Пятра (Петра) обобратъ, по Иллию послать.
Толькижъ Пѣтра да на коника,
Да на коника за воробячки,—
Ажъ святой Илья и самъ иде;
Уросившися, умочившися
Гдѣжъ ты, Илья, призабавися (замедлялъ)?
По мяжамъ ходиу, жито рядиу,
По бору ходиу пшодки садивъ.
Роди, Божа, жито и пшаницу,
Жито и пшаницу, ўсякую пшаницу» (2).

ж) Свадебныя обрядныя пѣсни. Наконецъ слѣды старыхъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ сохранились еще въ нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ. Къ свадебнымъ обрядамъ, по свидѣтельству древнихъ писателей, относились: прыганіе жениха и невѣсты чрезъ огонь, приготовленіе на свадьбѣ хлѣбнаго корова и каши, курицы и пѣтуха. Прыганіе чрезъ огонь, на которое древніе церковные учителя жаловались, какъ на повсемѣстный обычай, вытекало изъ языческаго почитанія солнца и огня; корова и пѣтухъ, вѣроятно, приносились первоначально въ жертву богамъ. На религиозное значеніе корова указываетъ одна свадебная пѣсня, которая въ старину пѣлась при разрѣзываніи корова:

«Свѣта, свѣта, шѣсяць,
Нашему короваю!
Проглянь, проглянь, солнце,
Нашему короваю!» и проч. (3).

(1) Сахар. Сказ. Р. Н., т. 2. кн. VII стр. 3 Народ. Южно-русе пѣсни А. Метлинскаго, стр. 344.

(2) Бѣлорус пѣсни Безсонова ч. I. стр. 1—3 № 1.

(3) Сахар Сказан. т. I. кн. III. стр. 163.

Думаютъ, что это обращеніе въ пѣснѣ къ солнцу и мѣсяцу было сначала молитвеннымъ обращеніемъ въ эти свѣтила, которыя почитались въ язычествѣ. Пѣтухъ почитался птицею, посвященною Перуну и домашнему очагу, и вмѣстѣ эмблемою счастья и плодородія; потому его при свадьбахъ, вѣроятно, приносили въ жертву богамъ, чтобы вымолить счастье и плодородіе новобрачнымъ. Обычаи, бывшіе сначала религіозными обрядами, получили въ послѣдствіи символическое значеніе (1).

Таковы болѣе замѣчательныя обрядныя пѣсни. Онѣ интересны для насъ потому, что въ нихъ сохранились хотя не ясныя слѣды старыхъ языческихъ вѣрованій нашихъ предковъ, смѣшавшихся съ христіанскими понятіями, указанія на старые языческіе праздники, которые слились съ праздниками христіанскими. Это смѣшеніе относится, конечно, еще къ самымъ первымъ временамъ христіанства; но необразованный народъ долго, въ свои христіанскіе праздники, продолжалъ отправлять языческіе обряды и пѣть при этомъ старыя обрядныя пѣсни, смысла которыхъ онъ уже рѣшительно не понималъ въ послѣдствіи. За это смѣшеніе христіанскихъ понятій съ языческими наши пастыри церкви называли нашъ народъ *двоевѣрнымъ*; *двоевѣрными* же всего приличнѣе назвать и старинныя обрядныя пѣсни.

2) БЫЛИНЫ, ИЛИ БОГАТЫРСКІЯ ПѢСНИ.

Былины составляютъ *героическій или богатырскій эпосъ* нашего народа. *Былина* отъ слова *быль* собственно значить—пѣсня, или рассказъ о томъ, что *было*; но, чтобы правильно понимать былины (2), надобно помнить, что *былыя времена* изображаются въ нихъ не по лѣтописи или исторіи, а по памяти и устнымъ преданіямъ народа, отъ самыхъ отдаленныхъ временъ переходящимъ отъ одного поколѣнія къ другому. Какъ вообще въ эпическихъ сказаніяхъ всякаго народа разныя эпохи смѣшиваются и героическій періодъ такъ тѣсно соединяется съ миѳическимъ, что героическое сказаніе во многомъ получаетъ миѳическій колоритъ, и самые герои являються съ чертами, свойственными миѳическимъ божествамъ; такъ и въ нашихъ былинахъ, рассказы-вающихся о первыхъ временахъ нашего отечества, вмѣстѣ съ чер-

(1) Аванасьева Поэтич. возвр. Слав. т. I. стр. 467.

(2) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ и изданныя П. А. Безсоновымъ. Вып. I—X. М. 1860—1870 г. Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ ч. I—III. 1861—1864. Онежскія былины, записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ въ 1871 г. Спб. 1873.

тами историческаго и христіанскаго періода, встрѣчаются слѣды самой глубокой старины, слѣды еще кочевой жизни нашихъ предковъ, а въ нашихъ богатыряхъ и ихъ чудовищныхъ врагахъ, приурочиваемыхъ къ опредѣленному времени, попадаются образы какихъ-то древнѣйшихъ, титаническихъ или миѣическихъ существъ. Отъ этихъ существъ, по мнѣнію Буслаева, перешло на нихъ и самое названіе *богатыря*. „Слово *богатырь*, говоритъ онъ, происходитъ отъ слова *богъ*, чрезъ прилагательное *богатый* и собственно значить существо, одаренное высшими, божескими преимуществами, какъ герой, происшедшій отъ *бога*“ (1). Но вмѣстѣ съ слѣдами самаго отдаленнаго миѣическаго періода, мы находимъ въ былинахъ и черты позднѣйшихъ историческихъ временъ. На князѣ Владимірѣ есть черты и Краснаго-Солнышка—Дажь-бога и русскаго князя удѣльнаго періода; на Вольгѣ Святославичѣ—черты чародѣя, волшебника-оборотника, и историческаго князя Олега Вѣщаго и князя оборотника Всеслава Полоцкаго; на Ильѣ Муромцѣ черты бога-громовника Перуна и земскаго богатыря крестьянина и стараго казака Украинскаго и проч. Переходя отъ одной эпохи къ другой, былины захватывали на пути своемъ черты разныхъ эпохъ; передаваемыя отъ одного поколѣнія другому, въ устномъ преданіи народа, не знакомаго ни съ исторіей, ни съ географіей, онѣ приняли въ себя множество анахронизмовъ, противорѣчій исторіи и географіи. Богатыри временъ князя Владиміра сражаются съ татарами; князь Олегъ воюетъ противъ Турецъ-Салтана (гурецкаго султана). Въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ упоминается Литва; въ былинѣ объ Идолищѣ поганомъ—никогда не существовавшій греческій царь, Константинъ Боголюбовичъ; между татарскими ханами называются Калинъ Калиновичъ, Бутеянъ Бутеяновичъ. Упоминаются неизвѣстные ни въ какой географіи: Сафать-рѣка, рѣка Смородина, гора Сорочинская, городъ Кидишъ и проч. Но, не смотря на указанныя наслоенія отъ стараго и позднѣйшаго времени, на множество анахронизмовъ, въ былинахъ мы находимъ много *были* если не въ историческомъ, то въ *бытовомъ* смыслѣ. Приурочиваемыя въ разнымъ мѣстностямъ, лицамъ и событіямъ, онѣ выражаютъ характеръ народной жизни въ извѣстныхъ эпохи и черты народныхъ нравовъ и понятій, народнаго быта и вкуса.

(1) Впрочемъ, другіе въ словѣ «*богатырь*» видятъ измѣненіе слова *богатырь*, или *багадуръ*, *батуръ*, *батырь*, и считаютъ его Тюркскимъ или Монгольскимъ. Но корень всѣхъ этихъ словъ заключается въ Санскритскомъ словѣ *bhaga* счастье, сила, удача, (*portio, bona fortuna*), откуда *bhadra, bhagadara*, счастливый, обладающій счастьемъ. Смotr. объясненіе этого слова въ книгѣ О. Миллера: Богатырство Кіевское стр. XXIII—XXV.

Дѣятельность всѣхъ богатырей въ былинахъ относится въ эпохѣ князя Владиміра, но при этомъ изображаются въ нихъ и такіе богатыри, которые не принадлежатъ собственно ни къ какой исторической эпохѣ, которые обрисовываются чертами, свойственными еще миѳическому періоду народной жизни. Этихъ богатырей, по отношенію къ богатырямъ эпохи Владиміра, называютъ *старшими богатырями*. Такимъ образомъ, въ былинахъ изображаются два разряда богатырей: *старшіе и младшіе*.

1) Былины о богатыряхъ старшихъ. Къ старшимъ богатырямъ, изображаемымъ въ былинахъ, относятся: *Святогоръ, Микула Селяниновичъ, Волга Святославичъ или Волхъ Всеславьевичъ, Сухманъ Одикмантьевичъ, Донъ Ивановичъ и Дунай Ивановичъ*. Хотя, подобно другимъ младшимъ богатырямъ, они дѣйствуютъ вмѣстѣ съ ними въ эпоху Владиміра, но въ то же время они представляются съ такими свойствами, которыя могутъ характеризовать скорѣ стихійныя силы природы, чѣмъ силы и свойства человѣческія. Древніе греки, желая представить борьбу стихій и силъ природы, создали титановъ, существа съ страшными, непомерными силами; титаническія же свойства, стихійныя качества выражаются и въ нѣкоторыхъ старшихъ богатыряхъ нашего эпоса. На нихъ отпечатлѣлись слѣды глубокой старины, той эпохи народной жизни, когда народъ только начиналъ слагаться и переходить отъ кочеваго быта къ осѣдлому, земледѣльческому и государственному.

Святогоръ. Въ лицѣ Святогора изображается богатырь съ такою непомерною силой, что его едва земля можетъ носить на себѣ. Онъ напоминаетъ собою знаменитаго богатыря персидскаго эпоса, Рустема, который былъ такъ силенъ и тяжелъ, что не могъ ходить по землѣ, какъ ступить, такъ и начнетъ проваливаться. Не въ состояніи будучи совладѣть съ такою страшною силой, онъ долженъ былъ передать часть ея на сохраненіе горному духу. Съ такою же силою представляется и Святогоръ. „Снарядился Святогоръ, говоритъ былина, во чисто поле гуляти.

«Засѣдлаеть своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю,
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться.
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
«Какъ бы я тяги нашель
Такъ я бы всю землю поднялъ!»
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную;

Береть погонялочку, пощупает сумочку,—она не скрянется;
Двинетъ перстомъ ее,—не сворохнется,
Хватить съ коня рукою,—не подымется;
«Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
А эдакова чуда не наѣзживалъ,
Такова дива не видывалъ:
Маленькая сумочка переметная
Не скрянется, не сворохнется, не подымется!»
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма руками,
Поднял сумочку повыше колѣвъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрызъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течеть.
Гдѣ Святогоръ угрызъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и конченіе» (1).

Въ другой былинѣ о смерти Святогора разсказывается иначе. Ъхалъ однажды Святогоръ по чистому полю съ Ильей Муромцемъ, и встѣтили они великой гробъ, на которомъ была подпись подписана: *кому суждено въ гробу лежать, тотъ въ него и ляжетъ*. Легъ сначала Илья, гробъ не по немъ; легъ Святогоръ, гробъ какъ нарочно для него сдѣланъ. Святогоръ началъ просить Илью закрыть гробъ крышкой, но Илья отказался; тогда Святогоръ самъ закрылъ себя; но закрывши, онъ не могъ уже поднять крышки. Онъ просилъ Илью ударить по крышкѣ мечемъ; Илья ударилъ поперекъ крышки, на ней выросла полоса желѣзная; ударилъ вдоль—выросла другая полоса. Тогда понялъ Святогоръ, что для него пришло время умереть. Онъ попросилъ Илью наклониться ко гробу и передалъ ему часть своей богатырской силы, а самъ задохнулся (2). Черты, въ которыхъ изображается Святогоръ, вѣроятно, сняты съ какого нибудь мифическаго великана горъ, представителя горныхъ силъ. „Уже самое имя его, говоритъ Буслаевъ, указываетъ на связь его съ горою“ (3). „Въ одномъ сва-

(1) Пѣсни Рыбн., ч. 1 стр. 32—33. У Гильфердинга № 270.

(2) У Рыбн., стр. 40—42. У Гильф. № 1 и 273.

(3) На происхожденіе *отъ горъ* также указываютъ, по мнѣнію Буслаева, и названія изображаемыхъ въ былинахъ чудовищнаго *Змѣя Горыныча или Горыныча* и исполинской чародѣйки—*Бабы Горынычки*. Русск. богат. эпосъ. Русск. Вѣстн. 1862 г. № 3. стр. 45—47. Другіе (Аванасевъ и Миллеръ) подъ горою при этомъ разумѣютъ не обыкновенную гору, а гору въ облакахъ, облачную—*гору тучу*. Поэтому Святогора считаютъ олицетвореніемъ *гори тучи*, а Змѣя Горыныча олицетвореніемъ *молніи*, живущей *въ гори тучи*. Аванасьева: Поэтич. возвр. т. I стр. 583—584; Миллера: Богат. Киевск. стр. 145.

заніи объ Ильѣ Муромцѣ дѣйствительно говорится о такомъ великанѣ, котораго земля не могла держать на себѣ и который во всемъ мірѣ нашель только одну гору, могущую выдержать его силу и тяжесть. Илья Муромецъ захотѣлъ съ нимъ помѣриться силою и пошелъ искать его. Приходить къ горѣ, а на ней лежитъ громадный богатырь, *самъ какъ гора*. Илья наноситъ ему ударъ. „Никакъ зацѣпился я за сучекъ“, говоритъ богатырь. Илья, напрягнувши всю силу, повторяетъ ударъ. „Вѣрно я за камешекъ задѣлъ“, говоритъ богатырь. Оборотаясь, онъ увидѣлъ Илью Муромца и сказалъ ему: „а! это ты, Илья Муромецъ! ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ: меня и земля не держитъ. Нашель себѣ гору и лежу на ней“ (1).

Микула Селяниновичъ. Разъѣзжая путемъ-дорогою, говорить одно сказаніе, Святогоръ увидѣлъ однажды прохожаго и припустилъ своего добраго коня, чтобы догнать его, но никакъ не могъ догнать его. „Поѣдетъ во всю рысь, прохожій идетъ впереди; ступью поѣдетъ, прохожій идетъ впереди“. Святогоръ сталъ просить его остановиться; тотъ остановился, снялъ съ плечъ сумочку и положилъ ее на сыру землю. „Что у тебя въ сумочкѣ“, спросилъ Святогоръ.—„А вотъ подыми съ земли, такъ увидишь“, сказалъ прохожій. Святогоръ слѣзъ съ коня и сталъ поднимать сумочку обѣими руками, но не могъ и пошевелить ее, а только самъ по волѣни въ землю угрязъ. „Что у тебя въ сумочкѣ“, спрашиваетъ онъ богатыря?—„Въ сумочкѣ у меня *тяга земная*“, отвѣчалъ тотъ.—„Да ктожь ты есть, и какъ тебя именемъ зовутъ, величаютъ какъ *по изотчины* (по отечеству)?—*Я есть Микулушка Селяниновичъ*“ (2). А кто такой Микулушка Селяниновичъ, это изображается въ былинѣ о *Вольѣ Святославичѣ*. Собирая дань съ разныхъ городовъ, съ своею храброю дружиною, Вольга слышалъ въ полѣ *ратая*: „ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ, сошка у ратая поскрипываетъ, омѣшники по камешкамъ почеркиваютъ“. Вольга поѣхалъ на его голосъ, но только на третій день могъ доѣхать до него и увидѣлъ:

«Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;

(1) Приложенія къ 1-му выпуску Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣвскимъ стр. XXX—XXXI. «Въ Германскомъ эпосѣ, говоритъ Миллеръ, этому походу Ильи Муромца эпически соответствуетъ похождение Тора съ великаномъ Скримиромъ.»

(2) Пѣсни Рыбн. ч. 1, стр. 39.

Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Каменья, коренья вывертываетъ,
А великия-то всѣ каменья въ борозду валить;
Кобылка у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольга таковы слова:
«Божья ти помочь, оратаюшко,
Орать, да пахать, да крестьянствовать»...
Говорилъ оратай таковы слова:
Подитко, Вольга Святославовичъ,
Со всею со дружинишкой хороброю,
Миѣ-ка надобна помочь крестьянствовать!»

Поздоровавшись съ ратаемъ, Вольга сталъ звать его съ собою ѣхать въ товарищахъ. Ратай тотчасъ же согласился на это, выпрягъ свою кобылку, и они поѣхали. Но ратай забылъ спрятать свою соху, „бросить за ракитовъ кустъ“. Вольга хочетъ услужить ему и посылаетъ изъ своей дружины сначала пять, а потомъ десять могучихъ молодцевъ, чтобы они спрятали соху. Но не только эти пять и десять могучихъ молодцевъ, но и вся храбрая дружина Вольги не могла даже выдернуть соху изъ земли.

Они сошку за обжи вокругъ вертять,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.

Тогда ратай самъ подѣхалъ къ ней и, выдернувъ ее одной рукой, бросилъ за ракитовъ кустъ. Когда они потомъ поѣхали, Вольга никакъ не могъ поспѣть за ратаемъ: „у ратая кобылка рысью идетъ, а Вольгинъ конь поскакиваетъ; у ратая кобылка грудью пошла, а Вольгинъ конь остается“, такъ что Вольга остался далеко позади и началъ махать своимъ болпавомъ, прося его остановиться. Наконецъ Вольга спрашиваетъ его, кто онъ такой:

Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
Какъ звеличаютъ по отечеству?
Говорилъ оратай таковы слова:
Ай же Вольга Святославовичъ!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да пива наварю.
Пива наварю, да мужичковъ напою,

тають мужички меня покликвати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ!» (1)

Мифическія преданія о началѣ земледѣлія, о золотомъ небесномъ плугѣ, огненной или жгучей боронѣ, спускающейся съ неба, о чудесныхъ пахаряхъ встрѣчаются у разныхъ народовъ и принадлежатъ, вѣроятно, къ древнимъ арійскимъ преданіямъ; изъ такихъ же преданій возникла и былапа о Микулѣ Селяниновичѣ. Въ лицѣ Микулы Селяниновича представляется образъ могучаго богатыря крестьянина-пахаря, соответствующаго Чешскому пахарю Премыслу. Страшная его сила, сопоставленіе съ Святогоромъ и другія необыкновенныя черты, въ которыхъ онъ изображается, показываютъ, что типъ его, какъ типъ Святогора, сложился подъ вліяніемъ образа какого нибудь титаническаго существа, бывшаго, вѣроятно, олицетвореніемъ земли или бога покровителя земледѣлія. На это можетъ указывать особенно *сумочка съ тягой земли*, съ которой изображается Микула и которая, очевидно, есть не что иное, какъ образъ земли. Но самъ онъ уже представляетъ не землю, какъ стихію, а идею осѣдлой земледѣльческой жизни, въ которой онъ и поставляетъ свою силу и значеніе: „а я ржи напашу, и во скирды сложу, говоритъ онъ, ... станутъ мужички меня покликвати: молодой Микулушка Селяниновичъ!“ Фантазія народа изобразила этого своего представителя въ величавомъ образѣ и неизмѣримо возвысила его по силѣ предъ княземъ Вольгою Святославичемъ, со всею его *дружиною хороброю*.

Вольга Святославичъ (Волхъ Всеславьевичъ). Въ былинѣ о *Вольгѣ Святославичѣ* изображается типъ богатыря князя-дружинника. Нѣтъ сомнѣнія, что образцемъ для него послужилъ народу историческій князь Олегъ-вѣщій. Изъ лѣтописи мы знаемъ, что онъ сильно поражалъ народъ своею мудростію. Это же качество—мудрость, или лучше сказать, хитрость составляетъ основную черту и въ характерѣ Вольги Святославича. Но въ то же время нельзя не видѣть на немъ и слѣдовъ мифическихъ. Появленіе его на землѣ, какъ существа необыкновеннаго, сопровождалось потрясеніемъ земли:

«Мать сыра земля сколыбалася
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжались,
И птицы по подоблачью разлетались,
И рыбы по синю морю разметались».

(1) Пѣсни Рыбн. ч. I. стр. 17—22. У Гильфердинга № 32 п 136.

Дѣйствительно, самое рожденіе Вольги было не обыкновенное; Вольга (по другой былинѣ Волхъ Вееславьевичъ) родился отъ змѣя, отъ котораго народная фантазія обыкновенно производитъ вѣдовство, колдовство, оборотничество: происшедши отъ такого существа, Вольга самъ становится вѣдуномъ и оборотнемъ. Его хитрость-мудрость, по словамъ былинны, состояла въ способности превращаться въ разные виды, которой онъ учился съ малыхъ лѣтъ.

«Сталъ Вольга растѣть-матерѣтъ;
Похотѣлся Вольгѣ много мудрости:
Шукой-рыбою ходить ему въ глубокихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ».

Выросши, Вольга началъ набирать себѣ дружину и набралъ тридцать молодцовъ безъ одинаго, самъ сталъ тридцатымъ. Съ этою дружиною онъ ѣздитъ на охоту и собираетъ дань съ трехъ городовъ, которые пожаловалъ ему его дядюшка, стольно-киевскій Владиміръ князь. Успѣха въ своихъ дѣлахъ Вольга достигаетъ не силою своей храброй дружины, а своею собственною хитростию или способностію превращаться въ разные виды. Вольга приказываетъ своей храброй дружинѣ „становить веревочки шелковыя по темну лѣсу, по сырой землѣ, и ловить куницъ и лисицъ... по три дня и по три ночи. Дружина поставила веревочки шелковыя, но не могла добыть ни одного звѣрка. Вольга самъ обернулся *лѣвымъ* (львомъ) *звѣремъ*, поскочилъ по темному лѣсу, заворачивалъ куницъ, лисицъ и дикихъ звѣрей. Въ другой разъ Вольга велѣлъ дружинѣ становить слышки на темный лѣсъ и ловить гусей, лебедей, ясныхъ соколей, по три дня и по три ночи. Дружина поставила слышки на темный лѣсъ, но не могла добыть ни одной птички. Вольга повернулся *Наулъ птицей* (страусомъ) и нагвалъ гусей, лебедей и другихъ птицъ. Наконецъ онъ приказываетъ дружинѣ выѣзжать на сине море и ловить рыбу семжинку и бѣлужинку, щученьку и плотиченьку и дорогую рыбу осетринку. Дружина строила суденышко дубовое, вязала путевья шелковыя, выѣзжала на сине море и ловила по три дня и по три ночи, но не могла добыть ни одной рыбы. Вольга самъ повернулся рыбой щучиною, побѣжалъ по синю морю, заворачивалъ рыбу семжинку и бѣлужинку, щученьку и плотиченьку и дорогую рыбу осетринку“. Названіе *внцаго* князь Олегъ получилъ за походъ на Византію, изъ котораго онъ возвратился съ богатою добычею. Былина изображаетъ его въ такомъ видѣ:

«Повернулся Вольга сударь Буславичъ
Малюю птицей пташицей,
Полетѣлъ онъ по подоблачью.
И скоро будетъ во Турецъ-землѣ,
Будеть у царя турецкаго,
Противъ самыхъ окошечекъ,
И слушаетъ онъ рѣчи тайныя—
Говорить царь со царицею:

.
А я думаю скоро ѣхать на святую Русь,
Возьму я девять городовъ
И подарю своихъ девять сыновей,
Привезу себѣ шубоньку дорогую».

Услышавъ, что Турецъ-салтанъ собирается на святую Русь, Вольга тотчасъ повернулся малымъ горностаюшкомъ, прониѣвъ въ ружейную горницу царя, и здѣсь, обернувшись добрымъ молодцомъ, испортилъ все оружіе: переломалъ тугіе луки, валенныя стрѣлы, испортилъ замки у ружьевъ, залилъ весь порохъ въ бо-ченкахъ; потомъ, повернувшись сърымъ волкомъ, онъ отправился въ царскую конюшню и передушилъ тамъ всѣхъ коней. Устроивъ все это, Вольга вернулся домой, взялъ свою храбрую дружину и пошелъ съ нею на Турецъ-землю, и они силу турецкую въ полонъ взяли! Былина оканчивается рассказомъ о раздѣлѣ добычи, пріобрѣтенной во время набѣга:

«Что было надѣлу дорого
И что было надѣлу дешево?
Вострыя сабли по пяти рублей,
А оружіе булатное по шести рублей,
А добрые кони по семи рублей;
А только надѣлу было дешево—женскій полъ;
Старушечки были по полущечкѣ,
А молодущечки по двѣ полущечки,
А красныя дѣвушки по денежкѣ» (1).

Незнакомый ни съ силами природы, ни съ силами своего духа, народъ, въ первобытную эпоху, во всякомъ дѣйствіи человеческомъ, которое только что выходитъ изъ ряда повседневныхъ явленій жизни, обыкновенно видитъ помощь или вліаніе какой нибудь особенной высшей силы; дѣйствіемъ высшей волшебной силы представился ему и счастливый набѣгъ Олега на Византію,

(1) Рыбн. ч. I стр. 1—6. У Гильфердинга ЖЖ 15 и 91.

и самъ Олегъ получилъ въ народной фантазіи образъ не просто хитраго или мудраго князя, но хитраго волшебника-оборотня. Впрочемъ, волшебный характеръ могъ перейти на Вольгу Святославича и отъ другаго извѣстнаго князя-оборотника, Всеслава Полоцкаго. О Всеславѣ Полоцкомъ въ лѣтописи сказано, что его мать родила отъ волхвованія, а въ Словѣ о полку Игоревѣ онъ изображается волшебникомъ-оборотнемъ, который днемъ людей судилъ, а въ ночь волкомъ рыскалъ. На это родство Вольги съ княземъ Всеславомъ можетъ указывать и то, что онъ въ нѣкоторыхъ былинахъ называется *Волхомъ Всеславъевичемъ*.

Эти три богатыря, указывая своими сверхъ-естественными свойствами на древнѣйшую мифическую эпоху, въ то же время представляютъ собою разныя ступени въ развитіи народной русской жизни: Святогоръ, разѣзжающій по чистому полю, богатырь стихійный и принадлежитъ еще кочевой жизни; онъ *уиразъ* въ землю, когда эта жизнь для народа кончилась и смѣнилась бытомъ осѣдлымъ и земледѣльческимъ; представителемъ первыхъ временъ осѣдлаго быта и перехода отъ стихійной силы въ богатыряхъ къ силѣ нравственной служитъ Мигула Селяниновичъ; у него есть сумочка переметная, принадлежность кочевой жизни, но онъ уже называетъ себя *Селяниновичемъ*, жителемъ сельскимъ; онъ занимается хлѣбопашествомъ и въ этомъ занятіи полагаетъ свою огромную силу и значеніе; Вольга Святославичъ представляетъ новое начало въ русской жизни, начало княжеской дружины и княжеской власти. Основное качество въ первыхъ богатыряхъ—страшная физическая сила, отличительное свойство послѣдняго—мудрость-хитрость (1).

Къ богатырямъ, указывающимъ на старую доисторическую эпоху, могутъ быть отнесены еще Сухманъ Одихманъевичъ, Донъ Ивановичъ, Дунай Ивановичъ и Нѣпра Королевична.

По былинамъ объ этихъ богатыряхъ рѣка Дунай произошла отъ богатыря Дуная, а рѣки Днѣпръ и Донъ—отъ богатыря Дона и супруги его, Нѣпры Королевичны. Эти былины указываютъ на то старое доисторическое время, когда предки наши Славяне, ведя кочевую жизнь, расселились по рѣкамъ, которыя были для нихъ и путями переселенія и сообщенія и главными мѣстами, гдѣ они основывали свои становища, когда, въ силу этого значенія рѣкъ, они питали къ нимъ религиозное почтеніе, какъ къ

(1) См. Пѣсни Рыбникова ч. I. Замѣтка П. Безсонова стр. IX—XXIII.

мѣстамъ самымъ благодѣтельнымъ и священнымъ. По многихъ временѣхъ, говоритъ Несторъ, славяне сѣли *по Дунаю*, гдѣ нынѣ земля угорская и болгарская. Отъ тѣхъ славянъ разошлись другіе по землѣ и прозвались своими именами, смотря по тому, *идъ кто стѣлз, на котормъ мѣстѣ* (1). Поэтому, конечно, Дунай, какъ мѣсто первоначальнаго поселенія славянъ,—нашихъ предковъ, и до сихъ поръ воспѣвается въ нашихъ хороводныхъ пѣсняхъ: *Дунай ли мой Дунай, сынъ Ивановичъ Дунай*“. При указанномъ значеніи рѣкъ для предковъ, совершенно понятнымъ становится олицетвореніе Дуная, Дона и Днѣпра въ видѣ славныхъ богатырей (2).

2) **Былины о богатыряхъ младшихъ.** Къ младшимъ богатырямъ принадлежатъ: *Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, Соловей Будимировичъ, Дюкъ Степановичъ, Чурилла Пленковичъ, Гришка боярскій сынъ, Иванъ Гостинной сынъ, Васка Долгополый* и другіе. Младшими они называются по отношенію къ старшимъ богатырямъ. Кромѣ Ильи Муромца, стоящаго на переходѣ отъ старшихъ богатырей къ младшимъ, всѣ они въ былинахъ изображаются людьми *молодыми; молодецъ, добрый молодецъ*—постоянные и обыкновенные эпитеты, которые къ нимъ прилагаются. И вообще они представляютъ уже не историческую старину, а позднѣйшую историческую, сравнительно *молодую* эпоху князя Владиміра. Эпоха Владиміра—самая ранняя историческая эпоха, какою помнятъ былины; Кіевъ въ эту эпоху является средоточіемъ всѣхъ русскихъ областей, а самъ Владиміръ центромъ, вокругъ котораго собираются всѣ русскіе богатыри. Въ лѣтописяхъ же богатыри упоминаются отъ конца XI в. и до начала XIII в. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1046 г. упоминается о Садеѣ богатомъ гостѣ; Илья Муромецъ, какъ лицо историческое, жилъ въ концѣ XII в. (3); между богатырями

(1) Лѣт. т. I стр. 3.

(2) «Названія *Донъ* и *Дунай*, говоритъ Буслаевъ, древнѣйшаго индоевропейскаго происхожденія, имѣютъ себѣ родственныя формы въ санскритѣ въ смыслѣ воды, или рѣки вообще.... отъ индоевропейскаго имени рѣки вообще—*дуни* произошли *дун* и *дон*, которыя на Кавказѣ у Осетинцевъ еще до сихъ поръ означаютъ рѣку или воду вообще.... У славянъ *Донъ* получилъ смыслъ собственнаго имени, а форма *дун*, съ окончаніемъ *авъ*, именно *Дунавъ*, а потомъ *Дунай*, имѣетъ значеніе не собственное известной рѣки, а нарицательное, рѣки вообще, какъ напр. поется въ одной польской пѣснѣ: «*за рѣками за Дунаями*». Русск. Богат. Эпосъ. Русск. Вѣстн. 1862. № 3, стр. 32—33.

(3) Смотр. Опис. Киевопеч. Лавры стр. 87. Мощи Ильи Муромца почиваютъ въ Кіевѣ, въ пещерѣ преп. Антонія; память его празднуется 19 декабря

XII и XIII в. упоминается Мстиславъ Мстиславичъ Удалой; Александръ Поповичъ со слугою Торопомъ, Добрыня Рязаничъ, Золотой Поясъ; наконецъ въ 1224 г. въ первой битвѣ Русскихъ съ Татарами на рѣкѣ Калкѣ было убито 70 богатырей. Въ былинахъ богатыри являются представителями не только разныхъ областныхъ городовъ, но и разныхъ сословій народа: Добрыня Никитичъ—изъ Рязани—представитель княжескаго рода; Алеша Поповичъ—изъ Ростова—изъ духовнаго сословія; Гришка боярскій сынъ—представитель бояръ; Иванъ Гостиной сынъ—представитель жуличества; Илья Муромецъ—изъ Мурома—крестьянскій сынъ—представитель крестьянства; Васька Долгополый—вѣроятно дьякъ-грамотѣй. Само собою разумѣется, что областное значеніе богатырей гораздо древнѣе сословнаго, которое они могли получить уже во времена позднѣйшія, когда рѣзко раздѣлились и самыя сословія. Надобно помнить, что былины, переходя отъ одной эпохи къ другой, получали разные добавленія и дошли до насъ съ отпечаткомъ разныхъ эпохъ.

Лѣтопись, рассказывая о Владимірѣ, весьма пространно говоритъ о пирахъ, которые онъ любилъ устраивать для народа. Подобно лѣтописи, и былины постоянно воспѣваютъ пиры Владиміра; многія изъ нихъ и начинаются рассказами о томъ, какъ

Во стольномъ городѣ, во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра
Было пированье почестенъ пврѣ
На многихъ князей, на бояръ,
На могучихъ на богатырей.

Пиръ Владиміра, вѣроятно, производили такое глубокое впечатлѣніе на народъ, что заслонили собою въ его памяти всѣ его дѣйствія. Былины не помнятъ ни обращенія его въ христіанство и крещенія имъ русской земли, ни другихъ его подвиговъ, а прославляютъ только его радушіе и гостепрѣимство, называютъ его *ласковымъ княземъ, краснымъ солнышкомъ*. Часто онъ даже теряетъ въ нихъ образъ христіанскаго князя и является тѣмъ многоженцемъ, какимъ изображаетъ его лѣтопись до обращенія въ христіанство. Вся дѣятельность Владиміра, по былинамъ, состоитъ въ томъ, что онъ собираетъ вокругъ себя богатырей, пируетъ съ ними, женитъ ихъ и самъ женится, отправляетъ богатырей на разные подвиги, но самъ не совершаетъ никакихъ подвиговъ. Частныя, отличительныя черты князя Владиміра уничтожились въ общемъ типѣ князя древняго удѣльно-вѣчеваго пе-

ріода. Такимъ общимъ типомъ, дѣйствительно, и представляется князь Владимірь, изображаемый въ былинахъ.

Подвиги богатырей, изображаемыхъ въ былинахъ, состоятъ въ томъ, что они разъѣзжаютъ *по полямъ*, для охраненія ихъ отъ враговъ, и потому сами называются *полянниками*, разчищаютъ и пролагаютъ пути и дороги прямоѣзжія, стоятъ *на розстаняхъ* (на распутіяхъ дорогъ) и *заставахъ* для ихъ защиты и сражаются съ врагами Россіи. Противниками богатырей являются въ былинахъ разные чудовища: Змѣй Горыничъ, Тугаринъ Зміевичъ, богатырь Жидовинъ, Идолище поганое, Соловей-разбойникъ, Шаркъ великанъ, чудь бѣлоглазая, сорочина долгополая, червеса пятигорскіе, калмыки съ татарами, чухши и алюторы.—Подъ ними разумѣются, конечно, разные внутренніе и внѣшніе враги древней Руси. Внутренними врагами были: язычество, враждовавшее съ христіанствомъ, разбойническія шайки, которыя, при слабости государственнаго устройства, такъ усиливались, что противъ нихъ нужно было высылать цѣлыя войска; а внѣшними—дикіе народы: печенѣги, половцы и хозары. Но главною враждебною силою Россіи представляется въ былинахъ сила татарская. Смѣшеніе эпохи Владиміра съ эпохой татарской составляетъ такой грубый анахронизмъ, что онъ объясняется только страшными бѣдствіями, которыя испыталъ народъ во время монгольскаго ига. Татарскіе погромы превосходили всѣ прежнія опустошенія земли и производили такое потрясающее дѣйствіе, что изгладили изъ памяти народа прежнихъ его враговъ или слили ихъ съ образомъ татаръ, такъ что татарская сила слѣбалась для народа символомъ вообще всякой враждебной, непріятельской силы.

Илья Муромецъ. Главнымъ богатыремъ эпохи Владиміра является Илья Муромецъ, который занимаетъ среднее переходное мѣсто между старшими и младшими богатырями. На немъ, какъ и на старшихъ богатыряхъ, мы видимъ также миѣическія черты, перешедшія на него отъ какого нибудь миѣическаго божества и можетъ быть отъ Перуна. Такъ какъ Илью пророка народная фантазія соединила съ Перуномъ, то весьма естественно было и на Илью Муромца, носившаго имя Ильи пророка, перенести черты Перуна, бога-громовника. По народнымъ преданіямъ, онъ былъ сынъ крестьянина Ивана Тимоеева, изъ села Карачарова, въ муромской области. Сидѣлъ онъ саднемъ тридцать лѣтъ, не владѣлъ ни руками, ни ногами Происхожденіе въ немъ богатырской силы былинны объясняютъ различно. По однѣмъ былинамъ ⁽¹⁾, Илья получилъ свою силу *отъ каликъ переходожихъ*. При-

(1) Рыбн. ч. I. стр. 33—35. Кирѣев. Вып. I, стр. 1—3.

или однажды калики (по другому варианту, нищая братія, или самъ Христось съ двумя апостолами) и просятъ его принести имъ напитокъ. Илья всталъ въ первый разъ и принесъ имъ чашу въ полтора ведра. „Выпей самъ“, говорятъ ему калики; онъ выпилъ. При этомъ одна былина замѣчаетъ:

«Какъ выпилъ-то чару питьца медвянаго,
Богатырско его сердце разгорѣлося,
Его бѣлое тѣло распотѣлося».

Калики спросили: „Много ли Илья чувствуетъ въ себѣ силушки?“ Илья отвѣчаетъ:

«Отъ земли столбъ былъ бы до небушки,
Къ столбу было бы золото кольцо,
За кольцо бы взялъ, Сваторусску (т. е. землю) поворотилъ».

Калики увидали, что много дано силы Ильѣ, что земля не снесетъ такой силы. Они еще велѣли Ильѣ принести питья и еще напоили его и потомъ спросили: „много ли, Илья, чувствуетъ въ себѣ силушки?“ Онъ отвѣчалъ: во мнѣ силушки половинушка (противъ прежняго). Калики попросили Илью „проводить ихъ во чисто поле, къ высоку бугру“.

«На бугрѣ Илья отдохнуть прилежъ.
Богатырскій сонъ на двѣнадцать дѣнь».

По другому варианту ⁽¹⁾, калики, прощаясь съ Ильей, прибавили:

«Будешь ты, Илья, великій богатырь.
И смерть тебѣ на бою не написана:
Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
И со всею поленицею удалю,
А только не выходи драться
Съ Святогоромъ богатыремъ:
Его и земля на себѣ черезъ силу носить;
Не моги драться съ Самсономъ богатыремъ:
У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
Его любить матушка сыра-земля;
Не ходи еще на Вольгу Сеславича (Святославича):
Онъ не силою возметъ,
Такъ хитростію-мудростію».

⁽¹⁾ Рыбн. ч. I. стр. 34—35.

По другой былинѣ, Илья Муромецъ получилъ свою богатырскую силу отъ Святогора. Святогоръ выучилъ Илью всѣмъ похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ, и, умирая въ гробу, который они встрѣтили на полѣ, передалъ ему часть своей богатырской силы сквозь щелочку гроба. Святогоръ велѣлъ Ильѣ наклониться ко гробу, и когда тотъ наклонился, онъ дохнулъ на него изъ маленькой щелочки своимъ богатырскимъ духомъ. Илья почувалъ, что въ немъ силы прибыло втрое противъ прежняго. „Задыхаюсь я, меньшей братецъ, сказалъ Святогоръ. Наклонись къ щелочкѣ: я дохну еще на тебя, и передамъ тебѣ всю великую силу“. „Будетъ съ меня силы, большой братецъ, сказалъ Илья; не то земля на себѣ носить не станетъ“. Промолвился тутъ Святогоръ: „хорошо ты сдѣлалъ, меньшей братъ, что не послушалъ моего послѣдняго наказа; я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня“ (1).

(1) Рыбн. ч. I. стр. 42. По былинамъ, записаннымъ Гильфердингомъ, передача силы Ильѣ Святогоромъ происходитъ иначе. Святогоръ заставилъ Илью два раза лизнуть, по одной былинѣ—поту, а по другой—пѣны, которые выходили изъ Святогора въ то время, когда онъ умиралъ (Онежскія быliny... № 265). Кромѣ того, въ народѣ сохранилось сказаніе еще о другомъ богатырѣ, который изображается предшественникомъ Ильи Муромца и указываетъ на богатырей прежней эпохи. Вотъ это сказаніе: Илья Муромецъ, прежде своей поѣздки въ Кіевъ, идетъ на поклощъ къ сосѣднему богатырю, къ слѣпому *Старчищу-многолѣтчищу Билогремачищу*, который въ свое время носилъ на глобѣ, вмѣсто шишака, колоколъ въ 300 пудовъ, а на палецѣ палицу и того тяжелѣй. И когда скликалъ свою дружину по темнымъ лѣсамъ, тогда булавою ударялъ въ колоколъ. Отецъ Муромца, остерегая сына, наказываетъ, чтобы онъ, при свиданіи съ слѣпымъ богатыремъ, не давалъ ему своей руки, а не то-де онъ сдѣлаетъ изъ нея бросовую рукавицу. Въ морозный день входитъ Муромецъ въ богатырскую хоромину, гдѣ сидѣлъ слѣпой Старище-Двище. А Ильюша предъ нимъ словно тросточка, а старикъ передъ Ильей какъ бы коренастый дубъ на густыхъ на вѣтвяхъ съ зимнимъ яніемъ. Послѣ обычныхъ: «здравствуй», «здорово!», старъ богатырь проситъ у Ильи руку; ему хочется попытать, горяча ли кровь у Муромца. «Я-де знавалъ во очью твою родню почестную, а тебя, другъ, хоть только пощупаю». Илья отвѣчалъ, что его руки съ морозу захолодѣли, что ему надобно поразмяться; а между тѣмъ бросилъ свою мѣдную 25-пудовую палицу въ топящуюся печь, и накалилъ ее до бѣла, подалъ вмѣсто руки въ руки слѣпца. Старъ-богатырь жметъ палицу, только искры брызжутъ, да послѣ каждаго жема остаются глубокіе перехваты. «Ну, сказалъ богатырь,—горяча, Ильюшка, твоя кровь, а всё супротивъ нашей не будетъ». Это сказаніе, напечатанное въ первый разъ Д. И. Минаевымъ въ статьѣ: «Доветровская женщина въ новомъ историческомъ освѣщеніи» (Библ. для чтен. 1864 г. № 9), приведено Л. Н. Майковымъ въ его статьѣ по поводу былинъ Рыбникова въ Журн. Мнѣ. Нар. Пр. 1868 Май стр. 624, откуда и заимствовано нами.

Этими сказаніями опредѣляется отношеніе Ильи Муромца къ богатырямъ старшимъ. Онъ ихъ непосредственный преемникъ; онъ отъ нихъ получилъ даже свою силу; но онъ совсѣмъ не такой великанъ, какъ они; калики не совѣтуютъ ему биться съ ними; ему дано столько силы, чтобы земля могла носить его на себѣ, чтобы ему можно было жить между людьми.

Имя Ильи Муромца, какъ главнаго и любимаго богатыря, встрѣчается почти въ каждой былинѣ; онъ принимаетъ участіе въ разныхъ подвигахъ, совершаемыхъ богатырями; но главнымъ образомъ въ былинахъ изображаются три подвига Ильи Муромца: плѣнь Соловья-разбойника, который засѣлъ на дорогѣ къ Кіеву, уничтоженіе Идолища поганаго и побѣда надъ исполиномъ Жидовиномъ.

Получивъ богатырскую силу, Илья Муромецъ выпросилъ благословеніе у своего родимаго батюшки съѣздить посмотреть земли святорусскія, и особенно въ Кіевъ Богу помолиться, князю Владиміру поклониться. Одна былина изображаетъ это въ такой картинѣ:

«Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажны листочки разстилаются:
Разстилается сынъ передъ батюшкой;
Онъ и проситъ себѣ благословеньца;
Охъ ты гой еси, родимой, милой батюшка!
Дай ты мнѣ свое благословеньцо,
Я побѣду въ славной стольной Кіевъ-градѣ,
Помолиться чудотворцамъ Кіевскимъ,
Заложиться за князя Володимира,
Послужить ему вѣрой-правдою,
Постоять за вѣру христіанскую.
Отвѣчаетъ старой крестьянникъ Иванъ Тимоеевичъ:
Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
А на худыя дѣла благословенья пѣтъ:
Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
Ни помысли вломъ на татарина,
Ни убей въ чистомъ полѣ христіанина» (1).

Отслуживъ, говоритъ другая былина, „у Микола Заручевскаго обѣдню и поставивъ запрестольную свѣчу въ двадцать пять рублей“, и пообѣщавъ послѣ поставить еще свѣчу въ пятьдесятъ рублей, Илья Муромецъ отправился въ Кіевъ тою дорогою, на которой засѣлъ Соловей воръ-разбойникъ и по которой не ѣздили никто уже тридцать лѣтъ.

(1) Сборн. Кирѣев. Вып. I, стр. 34.

«У него конь бѣжить, какъ соколъ летить,
Рѣки и озера промежъ ногъ беретъ,
Хвостомъ поля устилаются,
Старшіе богатыри дивуются:
Нѣтъ (лучше) на поѣздку Ильи Муромца,
У его поѣздка молодецкая,
Вся поступочка богатырская» (1).

На пути онъ освобождаетъ градъ-Черниговъ отъ несчетныхъ бусурманскихъ полчищъ (2); потомъ встрѣчается съ *станишниками* (разбойниками), вынимаетъ изъ налушна тугой лукъ, пускаетъ калену стрѣлу, но не въ самихъ станишниковъ, а по сыру дубу:

«Спѣла тетива у туга лука—
Станишники съ коней попадали;
Угодила стрѣла въ сыръ-кряковистый дубъ.
Изломало дубъ въ черенья ножевые».

Наконецъ онъ выѣхалъ на ту дорогу, которая *заложена* была Соловьемъ разбойникомъ.

«Сидитъ Соловей разбойникъ на семи дубахъ,
Захватываетъ злодѣи онъ на семи верстахъ.
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
Забилъ въ долони по богатырскому,
Заревѣлъ вѣдь онъ по звѣриному,
Зашипѣлъ по змѣиному» (3).

Конь Ильи съ испугу упалъ на колѣни. Илья натянулъ свой тугой лукъ, выстрѣлилъ въ Соловья и попалъ ему въ правый глазъ и взялъ его въ плѣнъ. Проѣзжая далѣе, онъ встрѣтилъ городъ Кидишь, который обложила кругомъ литва некрещеная; онъ перебилъ эту литву и отправился къ Киеву. На заставѣ у Кіева сидѣло семь сыновей Соловья-разбойника; Соловей приказываетъ имъ немедленно отпирать погреба глубокіе и выносить Ильѣ злата и серебра и скатнаго жемчуга на выкупъ его изъ плѣна. Но Илья не зарится на подарки, отправляется съ Соловьемъ далѣе и доѣзжаетъ до рѣки Дуная. На Дунаѣ перевозчикомъ была дочь Соловья, Катюшенька. Отецъ не приказываетъ ей пе-

(1) Тамъ же, стр. 77—78.

(2) Тамъ же, стр. 54—55. У Гильфердинга № 3.

(3) Сбор. Рыбн. ч. I, стр. 47. Сборн. Кирѣев. Вып. I, стр. 78. Сбор. Гильфердинга №№ 56. 74.

ревозить Илью, пока онъ не отпуститъ его. Тогда Илья слѣзъ съ своего коня:

«Онъ въ лѣву взялъ въ руку да шелковъ поводъ;
Правой рукой рветъ дубе съ кореньями;
Онъ мосты мостилъ крѣпко на крѣпко,
Крѣпко на крѣпко да дѣльно на дѣльно,
Онъ самъ перешелъ да и коня перевелъ».

Переѣхавъ черезъ рѣку, онъ стегнулъ два раза дочь Соловья своей шелковой плеткой и убилъ ее. Приѣхавъ въ Кіевъ, онъ идетъ къ князю Владиміру во свѣтлыя свѣтлицы, во княженецкія горницы:

«Онъ и крестъ кладеть да по писанному,
Онъ поклонъ ведеть да по ученому,
Онъ и кланяется на всѣ на четыре стороны,
Еще князю-то да на особицу:
Еще здравствуй, князь славной Кіевской,
Славной Кіевской да Владимірской».

Князь спрашиваетъ его, кто онъ такой, какихъ родовъ да какихъ городовъ? Въ отвѣтъ на это Илья рассказываетъ, какъ онъ очистилъ дорогу къ Кіеву, заложенную Соловьемъ-разбойникомъ, и взялъ его въ плѣнъ. Владиміръ не повѣрилъ: „еще врешь ты, дѣтина сельщина, да полыгаешься, надо мной княземъ насмѣхаешься“. Илья повелъ князя на дворъ, гдѣ онъ оставилъ Соловья привязаннымъ у лѣваго стремена своего коня, и приказалъ Соловью посвистать по соловьиному. „И засвисталъ Соловей по соловьиному, зашипѣлъ по змѣиному, заревѣлъ по звѣриному; темны дѣса къ землѣ приклонилися, потряслися всѣ палаты бѣлокаменны, полетѣло изъ дымолокъ кирпичье заморское; полетѣли изъ оконницъ стекла аглицкія“. Князь такъ испугался, что началъ просить Илью унять Соловья; Илья унялъ его по своему: „схватилъ за черныя кудри и ударилъ о сыру землю“. Этимъ обыкновенно и оканчивается въ былинахъ рассказъ объ уничтоженіи Соловья разбойника; только въ одной былинѣ встрѣчается еще слѣдующее прибавленіе. Когда Илья убилъ Соловья разбойника, князь позвалъ его во свою свѣтлицу, гдѣ въ это время пировали всѣ знаменитые богатыри. Илью посадили за столъ вмѣстѣ съ ними *по край стола и по край скамьи*. Онъ потребовалъ себѣ „чашу большую да обѣручную зелена вина да вполтора ведра“, и выпивъ двѣ такихъ чаши, такъ охмелѣлъ, что поломалъ скамьи дубовыя и погнулъ сваи желѣзныя, которыя были устроены для богатырей. Когда же князь Владиміръ указалъ ему на это, то

онъ такъ разсердился, что, отказавшись отъ угощенія и отъ предложенія Владиміра быть у него воеводой, перебилъ всѣхъ богатырей.

Въ Соловьѣ разбойникѣ, какъ самое имя его показываетъ, олицетворены разбойники, которые укрывались въ неразчищенныхъ лѣсахъ и ненаселенныхъ мѣстахъ и дѣлали ихъ непроходимыми: „дворъ Соловья на семи дубахъ, на семи верстахъ; въ глубокихъ погребахъ его множество награбленныхъ богатствъ — золота, серебра и скатнаго жемчуга; девять сыновей его живутъ на заставахъ, а дочери на перевозахъ“. Но какъ типъ богатырей сложился подъ вліаніемъ мифическихъ образовъ, такъ и враги, съ которыми они сражаются, имѣютъ черты чудовищныхъ существъ: Соловей разбойникъ, какъ чудовище, „шипить по змѣиному, зрываетъ по звѣриному“.....

Поганое Идолище изображается въ былинахъ ⁽¹⁾ чудовищемъ страшно прозорливымъ, которое за-разъ „по семи ведръ пива пьетъ, по семи пудъ хлѣба кушаетъ“. Въ немъ, очевидно, народная фантазія олицетворила азычество съ его идолами и жрецами, требовавшими отъ народа постоянныхъ и огромныхъ жертвъ.

«Пріѣзжалъ Идолище поганое въ стольно-Кіевъ градъ.

.....
Посылалъ посла ко князю Владиміру,
Чтобы князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Ладилъ бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротивника».

Владиміръ испугался, но Илья Муромецъ сказалъ ему:

«Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся:
На бою мѣ-ка смерть не написана,
Пойду я въ раздольице чисто поле
И убью то я Идолища поганаго».
Обуль Илья лапотки шелковые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ шляпу земли греческой,
И пошелъ ко Идолищу ко поганому».

Дорогой Илья вспомнилъ, что онъ забылъ взять съ собою на случай палицу булатную или саблю вострую.

(1) Рыбн. ч. I. стр. 85—94. У Гильфердинга ЖЖ 4. 178.

«На ту пору, на то времячко
Идетъ ему въ стрѣчу Каличище Иванище,
Несетъ на рукахъ кляку девяносто пудъ».

Илья отнялъ у него кляку и явился въ идолищу. Идолище принялъ его за калику переходяго и спрашиваетъ:

«Ай же ты, калика переходяя!
Какъ великъ у васъ богатырь Илья Муромецъ?»
Говоритъ ему Илья таковы слова:
«Толь великъ Илья, какъ и я».
Говоритъ ему Идолище поганое:
«По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣсть,
«По многу ли Илья вашъ пива пьеть?»
Говоритъ Илья таковы слова:
«По стольку ѣсть Илья, какъ и я,
По стольку пьеть Илья, какъ и я».
Говоритъ ему Идолище поганое:
«Экой вашъ богатырь Илья:
Я вотъ по семи ведеръ пива пью,
По семи пудъ хлѣба кушаю».

За это Илья сравнилъ Идолище съ прозорливой коровой своего батюшки, которая много пила и ѣла, и лопнула. Идолище разсердился и бросилъ въ Илью свое кинжалище булатное; Илья ловко увернулся отъ него:

«У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схватилъ съ головунки шляпу земли греческой,
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы».

По другому варианту былинны (1), жилищемъ Идолища представляется Царь-градъ, и само оно смѣшивается съ татарами погаными, а вмѣсто Владиміра князя называется царь Константинъ Боголюбовичъ, который за истребленіе Идолища наградилъ Илью Муромца богатыми дарами.

Жидовинъ изображается въ былинѣ (2) такимъ страшнымъ великаномъ, что одна *ископѣть* (яма, выбитая копытомъ) его коня величиною *съ полъ-печи*. Этотъ Жидовинъ проѣхалъ чрезъ

(1) Рыбн. ч. I. стр. 89—94. (2) Сборн. Кирѣев. Вып. I. стр. 46—52.

богатырскую заставу предъ Кіевомъ, на которой атаманомъ былъ Илья Муромецъ, и насмѣялся надъ русскими богатырями. Илья выбираетъ богатыря, который долженъ сразиться съ Жидовиномъ и отмстить ему за насмѣшку.

Сначала богатыри выбрали Ваську Долгополага; Илья Муромецъ сказалъ:

«Не ладно, ребятушки, положили:
У Васьки поды долгиа,
По землѣ ходитъ Васька,—заплетается;
На бою-на дракѣ заплетется,
Погинѣтъ Васька по напрасному».

Потомъ выбрали Гришку Боярскаго; Илья Муромецъ сказалъ:

«Не ладно, ребятушки, удумали;
Гришка роду боярскаго:
Боярскіе роды хвастливые;
На бою-дракѣ призахвастается,
Погинѣтъ Гришка по напрасному».

Выбрали Алешу Поповича; Илья сказалъ:

«Не ладно, ребятушки, положили:
Алѣшинька роду поповскаго;
Увидитъ Алѣша на нахвальщикѣ
Много злата, серебра,—
Злату Алѣша позавидуетъ,
Погинетъ Алѣша по напрасному».

Наконецъ выборъ Ильи падаетъ на Добрыню Никитича. Добрыня выѣхалъ въ поле, посмотрѣлъ въ трубочку серебряную и вызвалъ Жидовина на бой; Жидовинъ бросился на него съ такой силой, что „мать-сыра земля всколебалася, изъ озеръ вода выливалася, а конь подъ Добрыней на колѣнца палъ“. Добрыня началъ молиться Богородицѣ о спасеніи и обратился въ бѣгство. Тогда Илья, сказавши, что ему не кѣмъ замѣнитися, самъ отправился на бой съ Жидовиномъ. Выѣхавъ въ поле и, вмѣсто трубки, посмотрѣвъ въ свой *молодецкій кулакъ*, онъ вызвалъ великана на битву. Долго боролись между собою противники, не одолевая другъ друга; вдругъ Илья поскользнулся на лѣвую ногу и упалъ. Жидовинъ тотчасъ вскочилъ на него и хотѣлъ распороть ему грудь кинжаломъ:

«Лежить Илья подъ богатыремъ,
Говоритъ Илья таково слово:
Да не ладно у святыхъ Отцовъ написано,
Не ладно у Апостоловъ удумано;
Написано было у святыхъ Отцовъ,
Удумано было у Апостоловъ:
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому;
А теперъ Илья подъ богатыремъ.—
Лежучи у Илья втрое силы прибыло».

Увѣренность, что судьбами Божьими не положено умереть ему въ бою, придаетъ ему силы и спасаетъ его. Однимъ взмахомъ онъ скидываетъ Жидовина на воздухъ; потомъ, отрубивъ ему голову, онъ везетъ ее на своемъ булатномъ копьѣ на заставу. Здѣсь, бросивъ ее на сыру землю, онъ говоритъ богатырямъ:

«Бѣдилъ въ полѣ тридцать лѣтъ,
Экаго чуда не наъживалъ!»

Жидовинъ называется въ былинѣ богатыремъ изъ земли козарской; въ немъ, очевидно, олицетворена борьба съ козарами, принадлежавшими къ жидовской вѣрѣ, которые, какъ извѣстно изъ исторіи, отъ самыхъ древнихъ временъ осаждали русскій народъ своими жидовскими вѣрованіями.

Кромѣ указанныхъ былинъ, Илья Муромецъ выводится главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и во многихъ другихъ былинахъ и даже въ тѣхъ былинахъ и историческихъ пѣсняхъ въ которыхъ изображается эпоха татарская. Между всѣми младшими богатырями онъ является первымъ и старшимъ; онъ называется ихъ атаманомъ и назначаетъ имъ богатырскіе подвиги. Самъ Владиміръ князь, въ трудныхъ случаяхъ, обращается къ нему за совѣтомъ и помощію. Такимъ почетомъ онъ пользуется потому, что и силою и храбростію онъ выше всѣхъ богатырей: онъ богатырь непобѣдимый. Но Илья Муромецъ не только силенъ и храбръ, но и честенъ и благороденъ всѣхъ другихъ богатырей. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна былина о Василиѣ Мивуличнѣ. Всѣ богатыри, желая угодить Владиміру, положили отнять для него у Черниговскаго князя, Данилы Денисьевича, его супругу, Василису Мивуличну, а его самого извести, пославъ на вѣрную смерть; только одинъ Илья Муромецъ возсталъ противъ этого безчестнаго поступка ⁽¹⁾. Въ такихъ чертахъ фантазія народа изобразила своего любимаго богатыря.

(1) Кирѣвск. Вып. III. стр. 32.

Добрыня Никитичъ. Послѣ Ильи Муромца, былины отдають предпочтеніе предъ всѣми богатырями Добрынь Никитичу—богатырю изъ Рязани. Въ былинахъ Добрыня называется племянникомъ Владиміра (вмѣсто дяди) ⁽¹⁾ и сыномъ гостя рязанскаго; онъ же, вѣроятно, и Добрыня Рязаничъ, *Золотой поясъ*, о которомъ упоминають лѣтописи. Добрыня представляется ближе всѣхъ богатырей ко двору княжескому и исполняетъ разныя придворныя должности:

«По три года Добрынюшка стольничаль,
По три года Добрынюшка чашничаль,
По три года Добрынюшка пословничаль»⁽²⁾.

Онъ отличался особеннымъ благородствомъ и *въжествомъ*: „въжество у Добрыни прироженое“, говоритъ одна былина. Его посылають богатыри къ Дюку Степановичу, „какъ грамотой во-страго, на рѣчахъ разумнаго, съ гостями почестливаго“ ⁽³⁾. „У него рѣчи, говоритъ другая былина, привѣтливы, у него рѣчи умильныя; онъ прельститъ и уговоритъ“ ⁽⁴⁾. Въ борьбѣ съ противниками Ильи Муромецъ больше другихъ богатырей надѣется на Добрыню. Между подвигами Добрыни указывается ⁽⁵⁾ на то, что онъ вырубилъ чюдъ бѣлоглазую, перекратилъ (укротилъ, уничтожилъ) сорочину (сарацны-магометане) долгополую, черкесовъ пятигорскихъ, и тѣхъ калмыковъ съ татарами, чуччи всѣ и алюторы (названіе одного изъ сибирскихъ народовъ, по объясненію К. Аксакова). „По приказу Владиміра, онъ ѣздитъ въ орды не мирныя, очищаетъ дороги прямоѣзжія; вмѣстѣ съ Васильемъ Казиміровичемъ отвозитъ дани-выходы за двѣнадцать лѣтъ и грамоту повинную къ царю Бутеяну Бутеяновичу (къ царю Батю?)“⁽⁶⁾. Но особеннымъ подвигомъ Добрыни выставляется въ былинахъ уничтоженіе страшнаго *Змѣя Горынища*. Однажды, рассказываетя въ былинѣ ⁽⁶⁾, онъ купался *во Израй-рѣкѣ* (по другимъ вариантамъ, на Сафать-рѣкѣ, или Пучай-рѣкѣ); струя (теченіе) унесла его въ глубь рѣки, и онъ очутился въ пещерахъ бѣлокаменныхъ, гдѣ жилъ страшный Змѣй Горыничъ.

«Налетѣлъ на него Змѣй Горынище,
Хочетъ Добрыню огнемъ спалитъ,
Огнемъ спалитъ, хоботомъ ушибитъ.

⁽¹⁾ По лѣтописямъ Добрыня—дядя Владиміра, братъ Малуши, ключницы Ольги. ⁽²⁾ Жилъ въ послахъ. Пѣсни Рыбн. ч. II. стр. 10. У Гильфердинга № 17.

⁽³⁾ Рыбн. ч. II стр. 174. ⁽⁴⁾ Рыбн. ч. I, стр. 195.

⁽⁵⁾ Кирш. Данил. стр. 201. ⁽⁶⁾ Сборн. Кирш. Дан. стр. 345—351. Сборн. Кирѣев. Вып. II, стр. 49—53. У Гильфердинга № 64.

На то-то Добрынюшка не робокъ былъ,
Бросаетъ шляпу земли греческой,
Со тѣми пески желтыми,
Ко лютому Змѣю Горынчицу:
Глаза запорошилъ и два хобота ушибъ ⁽¹⁾.
Упалъ Змѣй Горынчище
Во ту во матушку во Израй-рѣку;
Когда ли Змѣй исправляется,
Во то время и во тотъ же часъ
Схватилъ Добрыня дубину, тутъ убилъ до смерти,
А вытащилъ Змѣя на берегъ,
Его повѣсилъ на осину на кляпую (поклапую).

Потомъ Добрыня проникъ въ жилище Змѣя, нашель его ма-
лыхъ дѣтушекъ, всѣхъ прибилъ, пополамъ перервалъ, нашель
въ пещерахъ Змѣя много золота и серебра и свою любимую те-
тушку, Марью Дивовну (по другимъ вариантамъ, племянницу
князя Владиміра, Запаву Путятишну). Другая былина говоритъ,
что, кромѣ Марьи Дивовны, Добрыня нашель въ пещерахъ Змѣя
въ плѣну „много царей и царевичей, королей и королевичей, про-
стой-то силы и смѣты нѣтъ.“ Въ другой былинѣ рассказывается,
какъ Добрыня встрѣтился со змѣемъ у еретницы Марины Иг-
натъевны, которая водила знакомство съ этимъ змѣемъ.

«А бросится Змѣища Горынчища,
Чуть его Добрыню огнемъ не спалилъ,
А и чуть молодца хоботомъ не ушибъ,
А и самъ тутъ Змѣй почалъ бранити его...
.
Ему туто-тко Добрыня за бѣду стало,
И за великую досаду показалося.
Вынималъ саблю острую,
Воздымалъ выше буйны головы своей:
А и хочешь ли тебя, Змѣя, изрублю я
Въ мелкія части пирожныя,
Разбросаю далече по часту полю?
А и тутъ Змѣй Горынчичъ хвостъ поджавъ
Да и вотъ побѣжалъ».

За то, что Добрыня разстроилъ пирушку у Марины и про-
гналъ Змѣя Горынчица, Марина, какъ волшебница, обернула его
гнѣдымъ туромъ:

(1) По другому варианту былины, у Змѣя было двѣнадцать хоботовъ.

«Обернула его, Добрыню, гвѣдымъ туромъ,
Пустила его даже во чисто поле,
А гдѣ-то ходять девять туровъ,
А девять туровъ, девять братаниковъ,
Что Добрыня имъ будетъ десятый туръ
Всѣмъ атаманъ — золотые рога».

Черезъ полгода, однакоже, она принуждена была снять съ Добрыни волшебное очарованіе и согласилась возвратить ему настоящій видъ подѣ тѣмъ условіемъ, если онъ женится на ней. Добрыня принялъ условія, но какъ только Марина сняла съ него чары, онъ жестоко отомстилъ ей за свое безчестіе.

Алеша Поповичъ — богатырь изъ духовнаго сословія, сынъ стараго попа соборнаго въ Ростовѣ. Онъ отличается не силою и храбростію, какъ другіе богатыри, а смѣлостію: „какъ нѣтъ въ Кіевѣ сильнѣе Ильи Муромца, и вѣжливѣе Добрыни Никитича, такъ нѣтъ смѣлѣе Алеши Поповича“, говоритъ былина (1). Но смѣлостію у Алеши доходитъ до безразсудства, такъ что богатыри не хотять его посылать на трудные и опасные подвиги, гдѣ требуется осторожность и благоразуміе. „Алеша говоритъ гораздъ, но онъ въ тоже время гордивъ и спѣсивъ, не умѣетъ съ богатыремъ какъ съѣхаться, не умѣетъ богатырю честь отдать“ (2). Особенно Алеша не пользуется между богатырями хорошей репутаціей за свои отношенія въ женщинамъ. Алеша принимаетъ участіе въ разныхъ подвигахъ съ другими богатырями, главнымъ же его подвигомъ, который и доставилъ ему мѣсто между богатырями, было уничтоженіе Тугарина Зміевича. Этотъ подвигъ Алеши былина также приписываетъ не силѣ и храбрости, а смѣлости и хитрости или, лучше сказать, обману. Ъздилъ однажды Алеша Поповичъ съ братомъ своимъ Екимомъ Ивановичемъ по чистому полю и встрѣтилъ калику перехожаго:

«Лапки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская земли греческой.
Въ тридцать пудъ шелепуга подорожная,
Въ пятьдесятъ пудъ налита свинцу чебурацкаго».
Калика сказалъ богатырямъ:
«Видѣлъ я Тугарина Зміевича:
Въ вышину-ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,

(1) Кирѣев. Вып. III, стр. 55. 68.

(2) Кирѣев. вып. IV.

Промежь плечей косая сажень,
Промежу глазъ калена стрѣла;
Конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
Изъ хайлица пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ».

Алеша выпросилъ у калики его платье и шелепугу подорожную въ тридцать пудъ, и нарядившись каликой, отправился противъ Тугарина. Увидавъ его, Тугаринъ закричалъ: „гой еси, калика переходая! не видалъ ли ты молодого Алеша Поповича?“ Алеша притворился, что не слышитъ, „подъѣзжай поближе ко мнѣ, не слышу я, что ты говоришь“. Какъ только Тугаринъ поровнялся съ Алешей, „Алеша хлеснулъ его шелепугой по буйной головѣ, расшибъ ему буйну голову“. Въ другой разъ Тугаринъ вызвалъ Алешу сразиться одинъ на одинъ въ открытомъ бою. Когда въ положенное время они съѣхались, Алеша закричалъ Тугарину:

«Гой ты еси Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
Бился ты со мною о великъ закладъ,
Биться-драться одинъ на одинъ,
А за тобою нынѣ силы смѣты нѣтъ
На меня, Алешу Поповича».

Тугаринъ оглянулся, чтобы посмотрѣть, какую силу за нимъ видить Алеша, а Алеша только того и ждалъ:

«Втапоры Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ,
И пала глава на сыру землю, какъ пивной котель» (1).

Потокъ-Михайла Ивановичъ. И Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ сражаются съ змѣемъ; съ тѣмъ же чудовищемъ борется и Потокъ-Михайла Ивановичъ. Възидъ Потокъ на корабль по морю, получать дани-выходы съ царя Лиходѣя Лиходѣевича. Увидѣвъ однажды на морѣ бѣлую лебедь, онъ хотѣлъ застрѣлить ее; но лебедь сама прилетѣла на корабль, обернулась красной дѣвицей и говоритъ Потоку: „есть я роду невѣрнаго, есть я роду некрещенаго. Когда свезешь меня на славную святую Русь, и сохдмъ во матушеу Божью церковь, тогда мы примемъ съ тобою золоты вѣнцы“. Потокъ согласился, и *Марья-Лебедь Бѣлая* стала

(1) Кирш. Дан. стр. 192—193. Сборн. Кирѣев. Вып. 2. стр. 70—80. Друга редакція былины у Гилфердинга № 99.

его женой ⁽¹⁾. По другой былинѣ, она была дочь царя Лиходѣя и сама пришла къ Потокѣ, когда онъ стоялъ въ патрѣ на зеленыхъ лугахъ ея отца. При вѣнчаніи, Потокъ и Настасья Лебедь бѣлая (такъ переименовали ее при крещеніи) положили между собой такую заповѣдь: „когда одинъ умретъ, тогда и другому вмѣстѣ съ нимъ въ гробъ лечь“. Во время одной богатырской поѣздки Потокѣ, Настасья умерла; узнавъ объ этомъ, Потокъ немедленно возвратился, приказалъ сдѣлать дубовую колоду, чтобы „двоимъ и сидѣть и стоять можно было“, взялъ себѣ хлѣба на пропитаніе да клещи да прутья желѣзные, сѣлъ въ колоду съ умершей женой,—и живетъ подъ землею три мѣсяца. Наконецъ приплыла подземная змѣя, проточила колоду и хотѣла сосать тѣло. Потокъ схватилъ ее клещами и началъ сѣчь прутьями желѣзными, и потребовалъ, чтобы она черезъ три часа принесла живой воды. Этою водою онъ оживилъ Настасью и закричалъ такимъ громкимъ голосомъ, что мать сыра-земля всколебалася. Богатыри услышали и вырыли ихъ изъ земли. Но Настасья была не простая женщина, а колдунья и чародѣйка, подобная еретницѣ Маринѣ,—и былина рассказываетъ далѣе, какъ она сдѣлалась врагомъ Потокѣ и старалась известить его ⁽²⁾.

Въ былинахъ о Добрынѣ Никитичѣ, Алешѣ Поповичѣ и Потокѣ-Михайлѣ Ивановичѣ замѣчательно то, что всѣ они сражаются со змѣемъ. Этотъ змѣй является то Змѣемъ Горыничемъ, то Тугариномъ Зміевичемъ, то просто змѣемъ. Онъ живетъ въ горахъ и рѣкахъ, летаетъ по воздуху и разсыпается огненными искрами; принимаетъ видъ богатыря и сражается съ богатырями; похищаетъ женщинъ и вступаетъ въ самыя тѣсныя сношенія съ ними; онъ обладаетъ несмѣтными богатствами и знаетъ, гдѣ находится живая вода, составляющая источникъ жизни, силы и здоровья. „Здѣсь сведены воедино, говоритъ Аванасьевъ, различныя поэтическия представленія, въ которыхъ древній человѣкъ любилъ живописать небесныя тучи и грозы... Въ огненномъ змѣѣ, народная фантазія олицетворила *молнію*, прихотливый извивъ которой напоминалъ воображенію скользящую по землѣ змѣю, а равно *воздушные метеоры и падающія звѣзды*, которые младенчески неразвитому народу, ради производимаго ими на глазъ впечатлѣнія, казались тождественными съ сверкающей молніей. Всѣ эти естественныя явленія, быстро мелькающія въ небесныхъ пространствахъ свѣтлыми пламенными полосами, для предковъ нашихъ представляли близкое подобіе летучаго и рассыпающагося въ ис-

(1) Собрн. Рыбн. ч. 1, стр. 206—229. У Гильф. № 6.

(2) У Рыбн. стр. 213—227. У Гильф. № 40.

жрахъ змѣя“ (1). Дѣйствительно, въ мифическихъ сказаніяхъ всѣхъ народовъ борьба разныхъ героевъ со змѣемъ представляется какъ символъ борьбы солнечнаго свѣта съ мрачными тучами, его закрывающими. Но кромѣ этого стихійнаго значенія, во всѣхъ народныхъ сказаніяхъ змѣю приписывается еще аллегорическое значеніе; онъ представляется символомъ всего вреднаго и враждебнаго человѣку, символомъ злой и нечистой силы. Особенно рѣзко выставляется, какъ въ другихъ народныхъ сказаніяхъ, такъ и въ нашихъ былинахъ, чародѣйское губительное вліяніе змѣя на женщинъ, съ которыми онъ находится въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ. Основой всѣхъ подобныхъ сказаній о змѣѣ послужило еще библейское сказаніе о томъ древнемъ змѣѣ обольстителѣ, или о томъ исконномъ врагѣ человѣка, который принялъ на себя видъ змѣя, сталъ враждебно между первымъ мужемъ и первой женой, обольстилъ первую жену и ввелъ первыхъ людей въ искушеніе.

Кромѣ кievскихъ богатырей, въ былинахъ изображаются еще богатыри такъ называемые *запѣжіе*, изъ разныхъ мѣстъ: Чурило Пленковичъ—изъ Малаго Кіевца; Дюкъ Степановичъ—изъ Волынца-Красна Галичья, или изъ Индіи богатой, и Соловей Будимировичъ—богатый купецъ изъ за-моря.

Новгородскія быliny о Садкѣ и Василии Буслаевѣ. Особеннымъ, мѣстнымъ колоритомъ отличаются отъ кievскихъ былинъ эпохи Владиміра быliny новгородскія о *Садкѣ и Василии Буслаевѣ*.

Въ былинахъ о новгородскомъ купцѣ, Садкѣ, въ поэтическихъ чертахъ изображаются торговая, промышленная жизнь и богатство Великаго Новгорода. По одной былинѣ, Садко былъ удалый молодець—выходецъ съ Волги. Задумавъ отправиться въ богатый Новгородъ поискать счастья, онъ бросилъ въ рѣку Волгу лодку съ хлѣбомъ и солью и сказалъ:

«А спасибо тебѣ, матушка Волга рѣка!
А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
Никакой я притки, скорби не видывалъ надъ собой,
И въ добромъ здоровьи отъ тебя отошелъ,
А иду я молодець въ Новгородъ побывать».
Проговорить ему matka Волга рѣка:
«А и гой еси, удалой доброй молодець!
Когда придеши ты во Новгородъ,
А ставь ты подъ башню проѣзжую.
Поклонися отъ меня брату моему,
А славному озеру Ильмену».

(1) Поэт. возр. т. 2. стр. 109—110.

Садко такъ и сдѣлалъ. Прибывъ въ Новгородъ, онъ прежде всего справилъ поклонъ Ильменю отъ сестры его, матушки Волги. Въ благодарность за этотъ поклонъ Ильмень посоветовалъ Садкѣ выпросить у новгородцевъ три невода и закинуть ихъ въ озеро. Въ первый неводъ попало множество мелкой рыбы; въ другой попала красная рыба; а въ третій—крупная бѣлая рыба. Садко сложилъ всю рыбу въ три погреба, а чрезъ три дня, когда сталъ осматривать ихъ, въ одномъ погребѣ, вмѣсто мелкой рыбы, оказались разныя мелкія деньги, въ другомъ, вмѣсто красной рыбы—червонцы, а въ третьемъ—вмѣсто крупной бѣлой рыбы,—крупныя монеты. Садко такъ сильно разбогатѣлъ, что однажды на пиру, во время братчины Нивольщины, у Николы Можайскаго, похвалился, что на свое богатство выкупить въ три дня всѣ товары въ Новгородѣ. Въ первый день онъ выкупилъ всѣ товары и построилъ храмъ во имя архидіакона Стефана.

Въ другой день пошелъ Садко по Новгороду, а въ Новгородѣ товаровъ больше стараго; онъ опять выкупилъ всѣ товары и построилъ церковь во имя Софіи премудрая. Въ третій день Садко нашелъ опять въ Новгородѣ товару больше стараго; онъ выкупилъ и этотъ товаръ и построилъ церковь во имя Николы Можайскаго. На четвертый день Садко не нашелъ уже товаровъ въ Новгородѣ „ни на денежку, ни на малу разну полушечку“, только „въ темномъ ряду стоятъ черепаны, гнилые горшки, всѣ горшки уже битые“; Садко купилъ и битые горшки:

«Пригодятся ребятамъ черепками играть,
Поминать Садку гостя богатаго»⁽¹⁾.

По другой былинѣ, Садко былъ бѣдный новгородецъ и сначала жилъ только тѣмъ, что ходилъ играть въ гусли на пирахъ богатыхъ людей. Случилось такъ, что Садку долго не приглашали на пиры; онъ сталъ ходить на озеро Ильмень; сѣдился на берегу, на бѣль горючъ камень, и игралъ здѣсь по три дня *въ гуселки яровчаты*. Въ третій день показался на озерѣ морской царь *Водяникъ* и сказалъ Садкѣ:

«Ай же ты Садке новгородскій!
Не знаю чѣмъ буде тебя пожаловать
За твои утѣхи за великія,
За твою игру нѣжную
Аль безсчетной золотой казной?»

⁽¹⁾ Кирш. Даннл. стр. 266—274.

А не то ступай въ Новгородъ
И ударь о великъ закладъ,
Заложн свою буйну голову,
И выражай съ прочихъ купцовъ
Лавки товара краснаго,
И спорь, что въ Ильмень-озерѣ
Есть рыба-золоты перья.
Какъ ударишь о великъ закладъ,
И прїѣзжай ловить въ Ильмень-озеро:
Дамъ три рыбины-золоты перья,
Тогда ты, Садке, счастливъ будешь».

Садко на первомъ пиру, какъ позвали его играть, ударилъ объ закладъ съ новгородскими купцами, что онъ въ озерѣ Ильмень-озерѣ поймаетъ три золотыхъ рыбы, и выигралъ *три лавки товару краснаго*.

«Сталъ Садко поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе».

И такъ разбогатѣлъ, что на одномъ пиру, когда пировали у него всѣ гости новгородскіе и похвалялись кто безсчетной золотой казной, кто силой-удачей молодецкою, кто старымъ батюшномъ, кто молодой женой, онъ такъ похвалился своимъ богатствомъ:

«А похвастать не похвастать безсчетной золотой казной:
На свою безсчетну золоту казну
Новыкуплю товары новгородскіе,
Худые товары и добрые».

Но какъ ни былъ богатъ Садко, Новгородъ оказался несравненно богаче его. „Вставалъ Садко, говоритъ былина, ранымъ-рано, будилъ свою дружину хоробрую, безъ счета давалъ золотой казны, распущалъ дружину по улицамъ торговымъ, а самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ и повеуипилъ товары новгородскіе, худые товары и добрые“. Но на другой день Садко увидѣлъ:

«Вдвойнѣ товаровъ привезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу на великую новгородскую».

Садко выуипилъ и эти товары, но на третій день опять увидѣлъ:

«Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено
На ту на великую на славу новгородскую».

Садко призадумался и сказалъ:

• Не выкупить товара со всего бѣла свѣта.
Още ⁽¹⁾ выкуплю товары московскіе,
Подоспѣютъ товары заморскіе.
Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій,—
Побогаче меня славный Новгородъ».

Далѣе былина рассказываетъ о морскомъ торговомъ путешествіи Садки, подѣ которымъ, конечно, разумѣется иностранная торговля Новгорода и указываются пути этой торговли. „Нагрузили Садко, говоритъ былина, своими товарами тридцать кораблей и поѣхали по Волхову, со Волхова во Ладожско, а со Ладожска во Неву рѣку, а со Невы рѣки во сине море, воротили онъ въ Золоту орду, продавалъ товары новгородскіе, получалъ барыши великіе, насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра, поѣзжалъ назадъ во Новгородъ“. На возвратномъ пути застигла Садку сильная буря.

Садко говоритъ своей дружинѣ:

«Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
А морскому царю дани не плачивали,
Видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ».

Бросили въ море на жертву морскому царю „бочку сороковку чиста серебра, потомъ красна золота“, но буря не утихла. „Видно, говоритъ Садко, морской царь живой головы требуетъ“. Когда бинули жребій, кого бросить въ море, жребій выпалъ на самого Садку,—и Садко началъ готовиться въ смерти:

«Онъ сталъ имѣннице отписывать:
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Иное имѣнье нищей братіи,
Иное имѣнье молодой женѣ,
Остатнее имѣнье дружины(ѣ) хоробрыя(ой).
Говорилъ Садке купецъ, богатый гость:
Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мнѣ гуселки яровчаты,
Поиграть-то мнѣ въ остатнее:
Больше мнѣ въ гуселки не игрывати.
Али мнѣ взять гусли во сине море?».

(1) Если.

Садко взялъ гусли и спустился въ море на дубовой досечкѣ. Скоро онъ очутился въ бѣлокаменныхъ палатахъ морскаго царя, который тотчасъ же заставилъ его играть въ гусли. Садко игралъ трои сутки, а морской царь все это время плясалъ такъ сильно, что отъ пляски его

«Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много гибнуть имѣнницевъ,
Стало много тонуть людей праведныхъ,
Какъ сталъ народъ молиться Миколѣ Можайскому».

Явился Николай чудотворецъ, запретилъ Садкѣ играть и научилъ его, какъ спастись отъ морскаго царя. Возвратившись въ Новгородъ, Садко, въ благодарность за спасеніе, построилъ церковь во имя Николая чудотворца и не сталъ больше ѣздить на сине море, а сталъ жить въ Новгородѣ ⁽¹⁾.

Въ этихъ былинахъ о Садкѣ изображается богатая торговая жизнь Новгорода, источники богатства и торговля Новгорода, набожность торговыхъ людей, выражающаяся въ построеніи храмовъ Божіихъ на приобрѣтенныя торговлею богатства, и наконецъ двоевѣріе древняго русскаго человѣка, по которому Садко обогащается при помощи морскаго царя и за это долженъ платить ему дань своей головой, но находитъ защиту и спасеніе отъ него въ святомъ покровителѣ всѣхъ плавающихъ мореходцевъ—Николаѣ чудотворцѣ, которому, въ благодарность за спасеніе, строить церковь въ Новгородѣ.

Въ былинахъ о Василии Буслаевѣ изображается другая характеристическая черта Новгорода—вольная, буйная жизнь Новгородцевъ, выражавшаяся по временамъ въ страшныхъ междоусобныхъ битвахъ одной стороны или партіи съ другой. Представителемъ буйной новгородской вольницы въ былинахъ является Василій Буслаевъ. Еще въ молодыхъ лѣтахъ Василій началъ „шутить шутки не маленькія: кого возьметъ за руку, у того рука прочь, кого за ногу, у того нога прочь, кого хватить за голову, головой вертитъ будто пуговицей“, такъ что всѣ въ Новгородѣ стали жаловаться на него матери его, честной вдовѣ, Амелѣ Тимоѣевнѣ:

«Уйми ты свое дѣтище любимое,
Молода Васильюшка Буславьева:
Ходитъ онъ по городу, похаживаетъ,
На княженецкій дворъ онъ загуливаетъ,
Шутить онъ шуточки не хорошія

(1) Сбор. Рыбн. ч. I. стр. 370—380. У Гильф. № 70.

Со тѣми дѣтьми со боярскими,
Со боярскими дѣтьми княженецкими,
Побиваетъ смертію напрасною (1).

Мать указывала Василю на примѣръ его отца, Буслая, который жилъ въ Новгородѣ 90 лѣтъ, и ни съ кѣмъ не спорилъ и не ссорился. Но Василій продолжалъ буйствовать, и чтобы защититься отъ мести побитыхъ и обиженныхъ имъ, онъ началъ набирать дружину изъ такихъ же буйныхъ удалцовъ, какимъ былъ самъ; повѣстилъ весь Новгородъ, чтобы кто хочетъ пить и веселиться, шелъ къ нему на дворъ. Угощая приходившихъ, онъ ударялъ каждаго червленнымъ вязомъ по спинѣ и плечамъ; это вытерпѣлъ такіе удары, тѣ составили его дружину.

Однажды Василю съ своею дружиною незванный явился на пиръ ко князю новгородскому и здѣсь держалъ завладѣть, что онъ будетъ биться на Волховскомъ мосту со всѣми мужиками новгородскими, а если не устоитъ, *срубить ему буйну голову*. Когда онъ разсказалъ объ этомъ матери, мать заперла его въ глубокой погребъ, а сама съ богатыми дарами отправилась къ князю съ просьбою о помилованіи сына. Но князь сказалъ: „тогда прощу, когда голову срублю“. Между тѣмъ на Волховскомъ мосту собралось множество народа.

Дружина Василя завязала съ ними битву, победила много народу, но начала ослабѣвать. Услышавъ объ этомъ, Василій вырвался изъ погреба, схватилъ *ось тельжную желзную* и прибѣжалъ къ мосту.

«И видать дружину хоробрую попячену,
Стоять дружина по колѣнъ въ крови,
Головки шалыгами процелканы,
Платками руки перевязаны,
И ноги кушаками переверчены.
Говоритъ Васильюшка Буславьевичъ:
«Ай моя дружина хоробрая!
Вы теперь позавтракали,
Мнѣ-ко-ва дайте пообѣдати».
Становилъ дружину на сторону,
А самъ началъ по мужичкамъ похаживать
И началъ мужичковъ пощелкивать.

(1) Сборн. Рыбн. ч. I. стр. 345.

Осю желѣзною помахивать,
Махнетъ Васильюшка—улица,
Отмахнетъ назадъ—промежуточекъ,
И впередъ просунетъ—переулочекъ» (1).

Видя такое побоище, князья новгородскіе обратились къ матери Василія съ просьбою унять его; но мать, не надѣясь усмирить Василія, послала ихъ въ сергіевскій монастырь къ Старчищу Пилигримищу, сказавши:

«Крестовый его батюшка, старчище Пилигримище
Имѣетъ силу нарочитую,
Попросите князья Новгородскіе,
Не можетъ ли унять мое чадо милое».

.....
«Идетъ крестовый батюшка, Старчище Пилигримище:
На буйной головѣ колоколь пудовъ во тысячу,
Во правой рукѣ языкъ во пятьсотъ пудовъ» (2).

Василій не послушалъ и Старчища Пилигримища. Когда онъ сталъ обѣждать его прекратить побоище, Василій сказалъ:

«А у насъ-то вѣдь дѣло дѣлается:
Головами, батюшка, играемся,
И здынулъ шалыгу девяносто пудъ,
Какъ хлыснулъ своего батюшку въ буйну голову,
Такъ рассыпался колоколь на черенья ножевыя;
Стоять крестный—не кренется,
Желтыя кудри не ворохнутся.
Онъ скочилъ батюшку противъ очей его
И хлеснулъ то крестнаго батюшка
Въ буйную голову промежъ ясны очи:
И выскочили ясны очи, какъ пивны чаши» (3).

По другой былинѣ, Буслаевъ, послѣ перваго удара въ Старчище, одумался: старца убить не спасенья залѣсть (добыть), а грѣха себѣ на душу», сказалъ онъ и посовѣтовалъ Старчищу отправляться въ свое мѣсто (4). Тогда, говоритъ одна былина,

(1) Рыбн. ч. 1 стр. 347—348. У Гильф. № 30.

(2) Судя по этому изображенію Старчища, можно думать, что въ немъ олицетворенъ совѣтъ стариннаго новгородскаго Вяча съ его колоколомъ.

(3) Рыбн. ч. I. стр. 343—344. Гильф. № 44. (4) Рыбн. ч. II стр. 206—207.

вышла изъ монастыря Смоленская сама мать пресвятая Богородица и велѣла матери Васильевой унять своего сына: эта подробность въ былинѣ совершенно согласна съ лѣтописями, которыя рассказываютъ, что во время междоусобныхъ кровопролитныхъ битвъ въ Новгородѣ, духовенство часто выходило съ крестами и иконами, для усмиренія враждующихъ. Василій усмирился, когда мать стала заклинять его: „никого я не послушалъ бы, а послушалъ тебя родну матушку: не послушать мнѣ законъ не даетъ“ (1). Какъ эпилогъ къ разсказу о Буслаевѣ и вмѣстѣ какъ послѣдняя черта, дорисовывающая образъ этого представителя буйной новгородской вольницы, въ былинахъ изображается еще путешествіе Василя въ Іерусалимъ (2). „Съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душу спасти“, говоритъ онъ и отправляется ко святымъ мѣстамъ, со всею своею дружиною. Это совершенно согласно съ характеромъ древне-русскаго человѣка: послѣ буйнаго разгула страстей въ молодости, послѣ всякихъ насилій и неправдъ въ жизни, приходя къ раскаянію, онъ начиналъ строить церкви и монастыри, иногда самъ уходилъ въ монастырь, и чаще всего, для успокоенія своей совѣсти, отправлялся въ путешествіе по святымъ мѣстамъ: „съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душу спасти“. Но и Іерусалимъ и святые мѣста не могли усмирить своевольнаго и буйнаго характера Василя. Отпуская въ Іерусалимъ, мать запретила ему купаться въ Іорданѣ *нагимъ тѣломъ*, а велѣла купаться *въ рубашечкѣ*; но онъ не послушался матери и выкупался въ Іорданѣ *нагимъ тѣломъ*. Поднимаясь на Өаворь-гору, дружина Василя встрѣтила огромный камень-*Латырь*; чтобы дойти до церкви Преображенія, стоящей на горѣ, нужно было трижды перескочить черезъ этотъ камень. Прежде стали скакать товарищи Василя, и трижды перескочили; послѣ нихъ сталъ скакать самъ Василій; „разъ скочилъ и другой скочилъ, и говоритъ своей дружинѣ: „я на третій разъ не передомъ, а задомъ перескочу“. Скочилъ задомъ и задѣлъ ногою за камень и убился до смерти (3).

Такъ какъ былины сложились подъ вліяніемъ древнѣйшихъ мифическихъ представленій, то въ нихъ много чудеснаго и фантастическаго элемента. Но подъ чудесными и фантастическими образами въ былинахъ выражаются идеальныя представленія народа о богатыряхъ. Богатыри представляютъ собою олицетвореніе тѣхъ свойствъ и качествъ, какія всего болѣе цѣнились и

(1) Рыбн. ч. I. стр. 357. (2) Кирш. Дан. стр. 166—179.

(3) Рыбн. ч. I. стр. 361—363. Гильф. № 54 к 141.

уважались народомъ: это своего рода идеалы и типическія лица, изображающія разные характеры народа. Князь Владиміръ—идеаль челоуѣка счастливаго, *ласковаго* и гостепріимнаго; Илья Муромецъ—идеаль силы и храбрости; Добрыня Нивитичъ—идеаль вѣжливости, благородства и образованности; Алеша Поповичъ—смѣлости и удалства; Чурило Пленковичъ—идеаль красавца и щеголя; Дюкъ Степановичъ и Садко-Новгородскій—идеалы богатства. Эти идеалы, разумѣется, вполнѣ соотвѣтствуютъ степени развитія народа, среди котораго они образовались. Не развитый умственно и нравственно народъ еще не можетъ вполнѣ оцѣнить высочія духовно-нравственныя свойства, каковы напр. сила ума, высота нравственнаго характера, глубина чувства и проч.; ему нравятся болѣе наружныя качества: физическая сила и храбрость, смѣлость и удалство, ловкость и хитрость; тѣлесная красота, щегольство и богатство. Въ первыя времена устройства челоуѣческихъ обществъ, когда челоуѣку постоянно приводится бороться и съ силами природы и съ разными врагами, внутренними и вѣшними, всего необходимѣе, разумѣется, физическая сила и храбрость, которыя, по этому, цѣнятся народомъ выше всѣхъ другихъ качествъ. Всѣ богатыри въ былинахъ изображаются съ страшною физическою силой: „кого хватить богатырь за руку, у того рука прочь, за ногу, нога прочь, за голову, голова долой. Соединивъ на пирахъ Владиміра цѣлую толпу богатырей съ подобною чрезвычайною силою, фантазія народная нашла необходимымъ выдумать для нихъ особыя для каждаго помѣщенія и перегородки съ желѣзными сваями; „у меня, говоритъ князь Владиміръ въ одной былинѣ, промежь каждыиъ богатыремъ были свай желѣзныя, чтобы они въ пиру да напивались, напивались да не столкались“. Но Илья Муромецъ, разсердившись однажды, перемѣшалъ всѣ мѣста богатырскія, погнулъ всѣ свай желѣзныя и побилъ всѣхъ богатырей; между богатырями, которые всѣ отличаются чрезвычайною силою, онъ идеаль силы непобѣдимой и храбрости неустрашимой.

Вмѣстѣ съ хорошими свойствами, въ былинахъ отразились и черты грубости и жестокости того вѣка, въ который онъ возникли. Страшная сила богатырей выражается иногда въ жестокихъ и чисто звѣрскихъ поступкахъ: богатырь часто не довольствуется тѣмъ, что побѣдилъ своего врага; онъ рубить ему голову, распарываетъ грудь или животъ и издѣвается надъ нимъ. Удалство богатырей въ былинахъ соединяется съ похвалбою, или лучше сказать, съ неприятною хвастливостію: вся бесѣда богатырей на пирахъ Владиміра состоитъ въ томъ, что они напиваются да хвастаютъ: „еще всѣ на пиру напивались, еще всѣ на пиру порасхвастались“.

Вмѣстѣ съ богатырями, въ былинахъ нерѣдко изображаются и воинственныя женщины, которыя, подобно богатырямъ, отличаются чрезвычайною силою и храбростію, ѣздятъ по полямъ, сражаются со врагами, стрѣляютъ изъ лука и присутствуютъ иногда на пирахъ Владиміра. Таковы: воинственная супруга Дуная, Настасья Королевична, и супруга Дона, Днѣпра Королевична, которыя искусствомъ стрѣлять изъ лука побѣдили своихъ мужей-богатырей; таковы три дочери богатыря Мивуды Селяниновича: Василиса, Настасья и Марья; жена Святогора и жена Ильи Муромца, Савишна, которая однажды прогнала отъ стѣнъ Кіева Тугарина Зміевича со всею его силою. Кромѣ воинственности, другую отличительную черту женщинъ-героинь, изображаемыхъ въ былинахъ, составляетъ то, что онѣ, ахотясь въ связи съ нечистою силою, владѣютъ чародѣйскою пособностію превращаться и другихъ превращать въ разные виды.

Рядъ былинъ заключается былиною о томъ, отъ чего перевелись богатыри на святой Руси (1). Въ этой былинѣ разсказывается о битвѣ богатырей съ татарами на Сафать-рѣкѣ. Силы татарской было столько, что „той силы доброму молодцу не объѣхать, сѣрому волку не обрыскать, черному ворону не облетѣть; но богатыри перебили всю эту силу и одержали такую побѣду, что возгордились своею силою, и одинъ изъ нихъ, Алеша Поповичъ, сказалъ: „подавай намъ силу небесную; мы и съ тою силою, витязи, справимся“. Едва онъ проговорилъ эти слова, какъ явилось двое небесныхъ воителей, которые сказали: „а давайте съ нами, витязи, бой держать“. Налетѣлъ на нихъ Алеша Поповичъ и разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча: стало ихъ четверо, и живы всѣ. Налетѣлъ потомъ Добрыня Никитичъ, разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча: стало восьмеро и живы всѣ. Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ, разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча, стало вдвое болѣе, и живы всѣ.

«Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть, рубить,
А сила все растеть да растеть.
Всѣ на витязей съ боемъ и деть.
Не столько витязи рубять,
Сколько добрые кони ихъ топчуть,
А сила всё растеть да растеть,
Всѣ на витязей съ боемъ и деть.
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя,

(1) Мы приводимъ ее по первой редакціи, напечатанной Шевыревымъ въ Ист. рус. слов. т. I. стр. 246—249.

Уходились кони ихъ добрые,
Притушились мечи ихъ булатные.
А сила всё растеть да растеть,
Всё на витязей съ боемъ идеть.
Испугались могучіе витязи,
Побѣждали въ каменные горы, въ темныя пещеры,
Какъ побѣжить витязь къ горѣ, такъ и окаменѣть,
Какъ побѣжить другой, и окаменѣть,
Какъ побѣжить третій, такъ и окаменѣть.
Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси.

Трудно опредѣлить, что разумѣется въ былинѣ подѣ *силою небесною*. Въ одномъ вариантѣ былины (1), вмѣсто небесной, сила названа *не здѣшнюю*: „подавай намъ силу не здѣшнюю“. Въ другой былинѣ (2), вмѣсто Алеши Поповича, Илья Муромецъ, возгордившись, подумалъ: „если бы была вся сила небесная, прирубилъ бы и всю силу небесную“, но вмѣсто небесной силы, подѣ ударами богатырей, начала увеличиваться сила татарская: „разрубая татарина единого, сдѣлается два татарина; разрубая два татарина, сдѣлается четыре татарина“ и т. д. Эти измѣненія въ былинахъ сдѣланы народомъ, вѣроятно, въ позднѣйшее время, когда онъ, повторяя былины, борьбу богатырей съ небесною силою нашель оскорбительною для своего религіознаго чувства. Какъ бы то ни было, только погибель богатырей, по былинѣ, произошла отъ ихъ гордости непомерной силой своей, и состояла въ томъ, что они окаменѣли; „русскій народъ, по замѣчанію Шевырева, этимъ глубокомысленнымъ преданіемъ объясняетъ себѣ, какъ въ древней его жизни сила тѣлесная, олицетворенная въ витязяхъ, побѣдивъ азіатскія орды, уступила мѣсто силѣ духовной, которая мало по малу простерлась во всѣ концы земли русской“ (3).

3) ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Былины о богатыряхъ сохранились не на югѣ Россіи, гдѣ онѣ первоначально были сложены, а въ разныхъ областяхъ Велико-россіи, куда онѣ перенесены были удалившимся съ юга населеніемъ во времена татарскихъ нашествій. По образцу ихъ въ Великой Россіи составились такъ называемыя *историческія пѣ-*

(1) Сынъ Отч. 1856 № 17. (2) Рыбн. ч. I стр. 119.

(3) Ист. русск. слов. т. I. стр. 249.

сни; на югъ же Россіи, подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ условій жизни, въ послѣдствіи возникъ особый эпосъ, въ формѣ *малороссійской думы*.

Послѣ разоренія Кіева и Кіевской Руси татарами, центромъ русскихъ областей и государственной жизни сдѣлались сначала Владиміръ, а потомъ Москва. Около Москвы сосредоточился и народный эпосъ, какъ прежде онъ сосредоточивался около Кіева. Какъ въ былинахъ Кіевъ и кіевскій князь Владиміръ служатъ центромъ, вокругъ котораго собираются всѣ богатыри, такъ въ историческихъ пѣсняхъ всѣ сказанія примыкаютъ къ Москвѣ и московскому царству. Ярче всѣхъ эпохъ въ историческихъ пѣсняхъ выставляются времена Грознаго; но рядъ ихъ начинается еще пѣснями о татарской эпохѣ, которыми онѣ и связываются съ былинами кіевского цикла, и потомъ продолжаются пѣснями о временахъ Грознаго, смутной эпохѣ самозванцевъ, царствованіи Алексѣя Михайловича и Петра В. По формѣ историческія пѣсни близки къ былинамъ, по образцу которыхъ онѣ и составились: въ нихъ тѣ же, какъ въ былинахъ, приемы при изображеніи предметовъ и тотъ же складъ рѣчи.

Пѣсни о татарской эпохѣ. Пѣсни о татарской эпохѣ связываютъ собою историческій эпосъ съ богатырскимъ. Татарскія нашествія оставили такое сильное и страшное впечатлѣніе въ народѣ, что татары сдѣлались для него символомъ вообще всякой непріятельской силы, и эпоха татарская соединилась въ его воображеніи съ эпохой князя Владиміра и его богатырей. Съ особенною яркостію ужасъ и тяжесть татарскихъ нашествій изображаются въ былинѣ или пѣснѣ о *царѣ Калинѣ*. „Изъ орды, золотой земли, рассказывается въ этой былинѣ - пѣснѣ, подымался злой Калинъ царь Калиновичъ, ко стольному городу, ко Кіеву, со своею силою, съ поганюю. Собиралось съ нимъ силы на сто верстъ во всѣ четыре стороны“. Далѣе изображается страшный ужасъ, каковой производили на народъ татарскія нашествія:

«За чѣмъ мать сыра-земля не погнется?
За чѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяць, солнце померкнуло.
Не видать луча свѣта бѣлаго.
А отъ духа татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть».

Присылаетъ царь Калинъ ярлыки скорописчаты, въ которыхъ было написано, чтобы Владиміръ немедленно сдаль

стольный Кіевъ-градъ. Владиміръ опечалился: „по грѣхамъ князю учинилося, богатырей (въ то время) въ Кіевѣ не случилось“ Былъ тамъ одинъ богатырь, Василій пьяница; онъ взбѣжалъ на башню и выстрѣлилъ оттуда, но не попалъ въ Калина царя, а попалъ въ зятя его, въ правый глазъ. Въ это тяжкое время для Кіева является Илья Муромецъ и говоритъ Владиміру: Ни о чемъ, государь не печалуйся.

«Насыпай ты мису чиста серебра,
Другую красна золота,
Третью мису скатнаго жемчуга;
Поѣдемъ со мною къ Калину царю,
Со своими честными подарками».

Эти слова указываютъ на тѣ огромныя дани, которыя должны были платить татарамъ наши предки. Но царь Калинъ не сдается на подарки; онъ требуетъ выдачи виноватаго, кто застрѣлилъ его зятя, и самого Илью Муромца, когда онъ сталъ невѣжливо убѣждать его отойти отъ Кіева, приказалъ связать крѣпкими веревками. Но Илья тотчасъ же разорвалъ эти веревки, и такъ какъ его не допускали до его мѣдной палицы въ три тысячи пудъ, то онъ схватилъ стоявшаго около него татарина.

«И зачалъ татаринѣмъ помахивати:
Куда ли махнеть—тутъ и улицы лежать,
Куда отвернеть—съ переулками.
А самъ татарину приговариваетъ:
А и крѣпокъ татаринъ, не ломится,
А жиловать, собака, не изорвется».

При этомъ голова татарина оторвалась и угодила вдоль всего татарскаго войска: „бьетъ ихъ, ломить, въ конецъ губить; остальные татары на побѣгъ пошли; въ болотахъ, въ рѣкахъ притонули всѣ, оставили свои возы и лагери“. А самого Калина Илья Муромецъ поднялъ выше головы, ударилъ „о горючь камень и расшибъ его въ крошечки“.

Къ этому же разряду пѣсенъ, связывающихъ времена татарства съ эпохой Владиміра, относится пѣсня о Михайлѣ Казариновѣ. Михайло Казариновъ представляется въ пѣснѣ богатыремъ князя Владиміра. Исполняя порученіе князя—настрѣлять гусей бѣлыхъ лебедей во столу княженецкому, Михайло встрѣтилъ въ полѣ три шатра.

«На бесѣдѣ сидятъ три татарина,
Три собаки нѣзвѣдника;
Передъ ними ходить красна дѣвица,
Русская дѣвица полоняночка,
Молода Марѣя Петровна;
Во слезахъ не можетъ слово молвити,
Добрѣ жалобно причитаючи:
О злосчастная моя буйна голова» (1).

Михайло убилъ татаръ, а въ ихъ плѣнницѣ узналъ свою родную сестру, которую татары плѣнили въ то время, какъ она гуляла дома въ саду съ своею матерью. При татарскихъ нашествіяхъ подобныя похищенія и уводы въ плѣнъ женщинъ были, конечно, весьма обыкновеннымъ дѣломъ. Такъ въ пѣснѣ о князѣ Романѣ Дмитріевичѣ и супругѣ его, княгинѣ Марѣѣ Юрьевнѣ, разсказывается, какъ эта княгиня взята была въ плѣнъ татарами къ царю Батю. При подобныхъ случаяхъ похищенія очень могло быть, что въ слѣдъ за дочерью въ одинъ и тотъ же домъ попадала въ плѣнъ и ея мать. Такой именно случай изображается въ одной пѣснѣ:

«Доставалася
Теща зятю въ плѣнъ;
Онъ отвезъ ее
Къ молодой женѣ.
А и вотъ тебѣ,
Молодая жена,
Полоняночка
Съ Руси русская».

Полоняночка стала нянчить дитя молодой жены татарина и говорить:

«Ты бѣю, бѣю,
Мое дитятко!
Ты по батюшкѣ
Злой татарченокъ,
Ты по матушкѣ
Милъ внученочекъ:

1) Кирш. Давил. стр. 208—209.

Вѣдь твоя-то мать
Мнѣ родная дочь;
Семи лѣтъ она
Во половъ взята,
На правой рукѣ
Нѣтъ мизинчика» (1).

Кромѣ этихъ пѣсенъ объ эпохѣ татарской, замѣчательна еще пѣсня о *Щелканѣ Дуденъевичѣ*. Эта пѣсня основана на дѣйствительномъ событіи, которое записано въ лѣтописи подъ 1327 г. Въ ней изображается, какъ безжалостно поступали со всѣми татарскіе чиновники, собиравшіе дань для своихъ хановъ. Подъ Щелканомъ здѣсь разумѣется Шевкаль Дуденевъ, посоль Узбека, который въ пѣснѣ названъ Азьякомъ, бывший въ Твери въ 1327 г., при князѣ Александрѣ Михайловичѣ. Вотъ какъ Щелканъ или Шевкаль собиралъ дань съ Литвы.

«Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани, невыходы,
Царски невыплаты.
Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ,
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ.
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самаго головой возьметъ» (2).

Но когда Шевкаль также сталъ поступать и въ Твери, то тверитяне возмутились противъ него и разорвали его на части.

Пѣсни объ *Іоаннѣ Грозномъ*. Изъ Московскаго періода ни одно лицо не обратило на себя такого вниманія народныхъ пѣвцовъ, какъ *Іоаннъ Грозный*. Въ одной пѣснѣ онъ говоритъ о себѣ:

(1) Сказ. Сахар. т. I. ч. 3, стр. 263—264. Подобная пѣсня, подъ названіемъ: «Теща въ плѣну у зятя», напечатана въ Истор. пѣсняхъ Малор. народа Антоновича и Драгоманова т. I. стр. 286. (2) Кирш. Данил. стр. 32—33. У Гильфердинга жж 269, 283.

«Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
Я повынесъ царенье изъ Царь-града,
Царскую порфиру на себя надѣлъ,
Царскій костыль себѣ въ руки взялъ
И повыведу измѣну съ каменной Москвы (1)»

Другая пѣсня говорить о немъ:

«Что взялъ онъ царство казанское,
Симеона царя во полонъ полонилъ
Со царицею со Еленою
Выводилъ онъ измѣну изъ Кіева,
Что вывелъ измѣну изъ Нова-Города,
Что взялъ Рязань, взялъ и Астрахань».

Этими словами вполне объясняется вниманіе народа къ Грозному, не смотря на страшную его жестокость, наводившую ужасъ на подданныхъ; причина этого вниманія заключается въ томъ, что Грозный возвысилъ санъ царя московскаго, распространилъ и усилилъ русское царство огромными завоеваніями а жестокость его народъ объясняетъ необходимостью—вывести измѣну изъ царства, т. е. укротить боярское самовластіе. Пѣсни не только не скрываютъ гнѣвнаго и жестокаго характера Грознаго, но какъ бы желаютъ выставить его съ особенною силою. Вотъ какою картиною начинается пѣсня, рассказывающая объ убійствѣ имъ своего сына:

«Не сине море всколебалось,
Не сыры дубы разгорались,
Распался Грозный царь, Иванъ Васильевичъ».

Во время пира, говоритъ пѣсня, онъ похвалился тѣмъ, что вывелъ измѣну изъ Москвы; царевичъ Иванъ Ивановичъ замѣтилъ, что ему не вывести измѣны, потому что измѣна сидитъ за однимъ столомъ съ нимъ, и при этомъ указалъ на брата своего, Федора Ивановича, который будто бы покрываетъ измѣну:

«Свѣтъ-государь, мой батюшка!
А которой улицей ты ѣхалъ, батюшка,
Всѣхъ сѣкъ, и кололъ, и на колъ садилъ;
И которой улицей я ѣхалъ,

(1) Рыбн. ч. I стр. 383.

Всѣхъ сѣкъ, и кололъ, и на колъ садилъ;
А которой улицей ѣхалъ Ѳеодоръ Ивановичъ,
Онъ писалъ ярлыки милостивые,
И кидаль по улицамъ Новгородскимъ»

т. е. для того, чтобы Новгородцы успѣли укрыться отъ гнѣва Грознаго. Грозный приказалъ тотчасъ же казнить царевича, и Малюта Скуратовъ повелъ его на казнь. Но народъ не могъ помириться съ сыноубійствомъ царя, и пѣсня спасаетъ его отъ этого страшнаго преступленія. О приказаніи царя, говоритъ она, услышала царица, Анастасія Романовна, и бросилась къ брату своему, боярину Никитѣ Романовичу; Никита Романовичъ поспѣшилъ на мѣсто казни, убилъ Малюту, а царевича взялъ къ себѣ. Между тѣмъ Грозный, думая, что сынъ его погибъ, по всей Москвѣ отдалъ приказаніе, чтобы всѣ люди молились, постились и носили *одежды опальныя* (траурныя, черныя), а самъ съ царицей и царевичемъ отправился въ церковь молиться. Въ церковь пришелъ и Никита Романовичъ, только не въ черной одеждѣ, какъ было приказано, а въ самомъ дорогомъ цвѣтномъ платьѣ, и весело началъ здороваться съ царемъ. Царь принялъ все это за насмѣшку надъ своимъ несчастіемъ, и страшно разсердился; но когда Никита рассказалъ ему о спасеніи царевича, царь захотѣлъ наградить его городами и селами, но Никита отказался отъ нихъ:

«Не беру я города съ пригородками,
Не надо мнѣ сель со приселками,
Не надо мнѣ бояръ со крестьянами:
.
А ты пожалуй-ка Микитину вотчину,
Кто коня угналъ, кто жену увель,
Да ушелъ въ Микитину вотчину,
Того въ Микитиной вотчинѣ не взыскивати» (1).

Въ другомъ вариантѣ пѣсни роль Ивана Ивановича дана Ѳеодору Ивановичу, который указываетъ Грозному на другихъ измѣнниковъ:

«Что есть у насъ въ каменной Москвѣ,
Что три большіе боярина,
А три Годунова измѣнника».

(1) Рыбн. ч. I. стр. 402. У Гильфердинга ЖЖ 13. 25. 142.

Грозному не понравилось это указаніе, и онъ велѣлъ казнить Федора. Но Никита Романовичъ спасаетъ его, приказавъ палачу Малютѣ, вмѣсто него, убить и похоронить одного конюха. Отъ радости, что ему удалось спасти царевича, Никита устроилъ большой пиръ. Не зная настоящей причины радости боярина, Грозный воспылалъ гнѣвомъ и поввалъ его къ себѣ. Когда пришелъ бояринъ, у Грознаго въ рукахъ былъ желѣзный острокопечный посохъ:

«А ткнетъ онъ Никиту въ праву ногу,
Пришилъ его ко сырой земли;
А самъ онъ царь приговариваетъ:
Велю я Никиту въ котлѣ сварить,
Въ котлѣ сварить, либо на колъ посадить,
У меня кручина несносная,
А у тебя, боярина, пиръ на веселѣ» (1).

Пѣсня здѣсь, очевидно, смѣшала боярина Никиту Романовича со стреманнымъ князя Курбскаго, Шибановымъ, съ которымъ, дѣйствительно, такъ поступилъ Грозный, когда тотъ привезъ ему изъ Литвы извѣстное письмо Курбскаго. Узнавъ истинную причину пира, Грозный пожаловалъ Никитѣ село Преображенское.

Въ пѣснѣ о свадьбѣ Грознаго замѣчательно, какъ царица Софья (т. е. Анастасія) Романовна, при смерти своей, просить царя *не быть ярымъ, а быть милостивымъ* и не жениться, послѣ ея смерти, въ проклятой Литвѣ, на Марьѣ Темрюковнѣ. Но царь, говорить пѣсня, не послушался и черезъ три мѣсяца, послѣ смерти царицы, поѣхалъ въ Литву жениться.

Въ пѣснѣ „*О взятіи казанскаго царства*“ разсказывается о самыхъ послѣднихъ событіяхъ войны, о взрывѣ подкоповъ подъ крѣпостною стѣною. Русскія войска

«Подходили подъ Казанское царство за пятнадцать верстъ
Становились они подкопью подъ Булатъ-рѣку,
Подходили подъ другую, подъ рѣку подъ Казанку.
Съ чернымъ порохомъ бочки закатали
А и подъ гору ихъ становили,
Подводили подъ царство Казанское.
Воску яраго свѣчу становили,
А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ:

(1) Кирш. Данил. стр. 334.

Еще на полѣ свѣча-то сгорѣла,
А и въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣя.
Возпалился тутъ Великій князь московскій,
Князь Иванъ сударь Васильевичъ, прозоритель,
И зачалъ канонеровъ тутъ казнити,
Что началась отъ канонеровъ намѣна».

Но одинъ изъ нихъ осмѣлился замѣтить Грозному, что на вѣтру въ полѣ свѣча горитъ скорѣе, чѣмъ въ землѣ. Эти слова заставили царя задуматься, а между тѣмъ и въ землѣ свѣчи догорѣли, и послѣдовалъ взрывъ подкоповъ. Замѣчательно, что и народная пѣсня, согласно съ исторіей, взятію Казани приписываетъ великое значеніе, какъ для самого Грознаго, который будто съ этого времени сдѣлался царемъ, такъ и для Москвы, которая, по выраженію ея, тогда основалася:

«И въ то время князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася,
И съ тѣхъ поръ великая слава» (1).

О покорителѣ Сибири. Ермавъ, народъ составилъ двѣ пѣсни. Въ одной пѣснѣ „*На Бузанъ островъ*“ разсказывается о томъ, какъ шайка Ермака убила персидскаго посла Коромышева, въ другой пѣснѣ—о покореніи Сибири.

Далѣе слѣдуетъ разсказъ о походѣ Ермака въ Сибирь и о покореніи ея; онъ оканчивается описаніемъ гибели Ермака въ Енисеѣ (2).

Пѣсни объ эпохѣ самозванцевъ и смутнаго времени. Къ эпохѣ самозванцевъ и смутнаго времени относятся пѣсни о Лжедмитріи и князѣ Скопинѣ-Шуйскомъ.

Пѣсня о Лжедмитріи представляетъ самозванца противникомъ и презрителемъ народныхъ вѣрованій и обычаевъ, и объясняетъ такимъ образомъ то негодованіе, какое онъ возбудилъ противъ себя въ народѣ. Вотъ въ какомъ видѣ представляется въ пѣснѣ его поведеніе на Московскомъ царствѣ:

«Не успѣлъ воръ-собака воцариться,
Похотѣлъ воръ-собака пожениться,

(1) Кирш. Данил. стр. 284—287. У Гильфердинга ЖЖ 199, 160.

(2) Кирш. Дан. стр. 113—122

Не въ своей онъ Россіи въ каменной Москвѣ,
Поженился воръ-собака въ хорооброй Литвѣ....
На той ли Маринушкѣ Юрьевой.
Они свадьбу играли во Филиповъ постъ,
Вѣнецъ принимали въ Николинъ день.
Дошло-то это время до Великаго дня....
Всѣ князи-бояра къ обѣднѣ пошли,
Воръ Гришка-разстрижка въ мыльну пошелъ,
Со душечкой, со Маринушкой, со Юрьевой.
Всѣ князи-бояра Богу молятся,—
Воръ Гришка-разстрижка въ мыльнѣ моется,
Всѣ князи-бояра отъ обѣдни пришли,
Воръ Гришка-разстрижка съ мыльни идетъ.

Приходить, воръ, на царское крылечушко,
Прицыкиваетъ, собака, громкимъ голосомъ,
Чтобы слышно было въ хорообру Литву,
Ко Юрью пану Сердопольскому (т. е. Сендомирскому):
Ай же ты, Марина, Лебедь бѣлая!
Ты не кланяйся московскимъ князьямъ-боярамъ,
Не молись-ка Марина чуднымъ образамъ (¹).

Пѣсни о князѣ Скопинѣ-Шуйскомъ сохранились въ трехъ видахъ. Въ одной пѣснѣ, послѣ описанія подвиговъ Скопина, рассказывается о причинѣ его внезапной смерти. Внезапную смерть Скопина народная молва приписала зависти бояръ къ его славѣ: въ пѣснѣ Скопинъ называется „оберегателемъ міра крещенаго и всей земли святорусской“. Въ другой пѣснѣ ничего не говорится ни о подвигахъ Скопина, ни объ обстоятельствахъ его смерти, а изображается только плачь по немъ московскихъ людей и свейскихъ (шведскихъ) нѣмцевъ.

Въ третьей пѣснѣ Скопинъ представляется современникомъ Грознаго. Когда обошла Москву Литва поганая, говорится въ ней, Скопинъ набралъ въ Новгородѣ сорокъ тысячъ войска и пріѣхалъ въ Москву просить боярина, Никиту Романовича, помочь ему—прогнать *Литву поганую*. Пѣсня представляется не оконченною; весь интересъ ея сосредоточивается на князѣ Никитѣ Романовичѣ, который изображается въ ней княземъ оборотнемъ, подобно Вольгѣ Святославичу въ былинѣ.

Вторая изъ этихъ пѣсней о Скопинѣ была записана въ сборникѣ Ричарда Джемса. Баккалавръ Ричардъ Джемсъ, въ качествѣ священника при англійскомъ посольствѣ, былъ въ Мос-

(¹) Рыбн., ч. I, стр. 406—407. У Гильфердинга ЖЖ 14, 111, 143.

евѣ, въ 1619—20 г. Неизвѣстно, кѣмъ для него записано было нѣсколько пѣсенъ, которыя тогда сложились въ народѣ о современныхъ событіяхъ. Кромѣ пѣсенъ о Скопинѣ, въ сборникѣ Джемса помѣщены: пѣсня о вѣздѣ въ Москву патриарха Филарета Никитича въ 1619 г.; двѣ пѣсни о царевнѣ, Ксеніи Борисовнѣ Годуновой; пѣсня о набѣгѣ крымскихъ татаръ и еще пѣсня о *весновой службѣ* (1). Пѣсни о царевнѣ, Ксеніи Борисовнѣ, которая по приказанію самозванца была пострижена въ инокини, подъ именемъ Ольги, весьма замѣчательны. Судьба этой царевны, похвальной современниками за умъ, образованіе и красоту лица, невинной самой по себѣ, но жестоко пострадавшей за грѣхи отца, глубоко поразила народъ, и онъ изобразилъ ее въ простой, но весьма нѣжной и трогательной картинѣ. Пѣсня сравниваетъ царевну съ *блгой перепелкой*, у которой хотятъ гнѣздышко разорити, милыхъ дѣтей побити и ее самое поймати. Предчувствуя свое несчастье, свой плѣнъ и постриженіе,—она ходитъ-горюетъ по царскимъ теремамъ и переходамъ и прощается съ ними и съ своей свободой:

Спlachетца мала птичка
 Бѣлая перепелка:
 «Охте мнѣ молоды горевати!
 Хотятъ сырой дубъ зажигати,
 Мое гнѣздышко разорити,
 Мои милыи дѣтки побити,
 Меня перепелку поймати».

Спlachетца на Москвѣ царевна:
 «Охте мнѣ молоды горевати,
 Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
 Ино Гришка Отрепьевъ разстрига,
 Что хочеть меня полонити,
 А полонивъ меня, хочеть постритчи,
 Чернеческій чинъ наложить.
 Ино мнѣ постритчися не хочеть(ся),
 Чернеческаго чину не сдержати;
 Отворити будетъ темна келья,
 На добрыхъ молодець посмотретьи.
 Ино охъ милыи наши переходы,
 А кому будетъ по васъ да ходити,
 Послѣ царскаго нашего житья
 И послѣ Бориса Годунова?
 Ахъ милыи наши теремы,

(1) Смотр. эти пѣсни въ Хрест. Буслаева, стр. 1031—1037.

А кому будетъ въ васъ да сидѣти,
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?»

Изъ временъ царствованія Алексѣя Михайловича въ пѣсняхъ разсказывается объ осадѣ Соловецкаго монастыря и о бунтѣ Стеньки Разина. Въ пѣснѣ объ осадѣ Соловецкаго монастыря это событіе излагается съ раскольнической точки зрѣнія, что показываетъ, что пѣсня составлена въ средѣ раскольниковъ.

Особый разрядъ составляютъ пѣсни казацкія, разбойничьи и солдатскія. Въ большей части казацкихъ и разбойничьихъ пѣсень героемъ является *Стенька Разинъ* съ своими товарищами. Воровскія и разбойничьи шайки часто упоминаются въ древнихъ памятникахъ: особенно стали увеличиваться разбои въ Московскомъ государствѣ съ XIV в. послѣ татарскаго ига; въ XVII вѣкѣ разбойничество было страшною общественною язвою. Многочисленныя сборища воровъ, бѣглыхъ боярскихъ холоповъ и всякаго рода отверженныхъ людей держали въ страхѣ часто цѣлыя области. Большею частію, подъ именемъ казаковъ, они нападали на села и деревни, побивали бояръ и дѣтей боярскихъ, жгли и грабили дома и пытали людей, чтобы узнать, гдѣ спрятаны ихъ деньги и пожитки ⁽¹⁾. Между тѣмъ народныя пѣсни, хотя и называютъ ихъ ворами или воровскими казаками, часто однакожь обнаруживаютъ къ нимъ замѣтное сочувствіе. Разбойники называются въ пѣсняхъ *удальми добрыми молодцами*, а ихъ грабежи и разбои—*подвшами отваги и удалства*. Такое странное явленіе можетъ быть объяснено только тѣмъ тяжелымъ положеніемъ, въ которомъ находился простой народъ въ XVII в. и которое, можетъ быть, всего болѣе и способствовало особенному усиленію и самаго разбойничества. Многочисленные тяжелые налоги на всякую торговлю и промышленность, жестокое обращеніе помещиковъ съ крѣпостными холопами, неправосудіе и вымогательство судей, наконецъ частыя войны производили въ народѣ такую нищету и такое озлобленіе, что цѣлыя толпы уходили въ лѣса и начинали грабить на дорогахъ, или присоединялись къ разбойничьимъ шайкамъ нонизовой вольницы. Въ грабежѣ и разбоѣ этихъ людей народъ видѣлъ стремленіе отомстить за разныя притѣсненія и бѣдствія, которыя онъ испытывалъ. Такъ по край-

(1) Смотр. Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсень Н. Я. Аристова. Филол. Записки. 1874. Вып. III—IV, V. 1875. Вып. I и II.

ней мѣрѣ былъ понятъ народомъ бунтъ Стеньки Разина, который потому и получилъ такую силу, что народъ считалъ Разина своимъ защитникомъ. О Разинѣ сложено много пѣсенъ, и въ этихъ пѣсняхъ онъ является настоящимъ героемъ, похожимъ на древнихъ богатырей. Въ одной пѣснѣ онъ даже соединяется вмѣстѣ съ любимымъ народнымъ богатыремъ, Ильей Муромцемъ, который называется его есауломъ. Корабль, на которомъ плылъ Стенька съ Ильей Муромцемъ, называется *Соколы-корабль* и описывается такъ же, какъ корабль Соловья Будиміровича въ былинѣ: „бока его были сведены по куриному; носъ да корма по змѣиному“. Кромѣ необычайной силы, мужества и храбрости, ему приписывается еще волшебство, при помощи котораго онъ спасается отъ всякихъ бѣдъ и опасностей. Сидя однажды въ тюрьмѣ, говоритъ народная молва, онъ вдругъ вздумалъ нарисовать на стѣнѣ углемъ лодку съ гребцами, и эта лодка, сплю его волшебства, превращается въ настоящую лодку, на которой онъ спасается изъ тюрьмы; посредствомъ волшебства также онъ заговаривалъ пушки и ружья, такъ что они нисколько не могли вредить ему. Въ одной пѣснѣ, сочиненіе которой приписывается самому Разину, онъ, прощаясь съ своими товарищами, проситъ ихъ похоронить его на перекресткѣ между трехъ дорогъ: „межъ Московской, Астраханской, славной Кіевской“:

«Въ головахъ моихъ поставьте животворный крестъ,
Во ногахъ мнѣ положите саблю вострую.
Кто пройдетъ или проѣдетъ — остановится,
Мосму да животворному кресту помолятся,
Моей сабли вострой испужается:
Что лежитъ тутъ воръ удалый добрый молодецъ,
Стенька Разинъ, Тимоеевъ по прозванію».

Въ другой пѣснѣ о казни Разина говорится:

«Помутился славный тихій Донъ
Отъ Черкаска до Черна Яра!
Помѣшался весь казакій кругъ!
Атамана болѣ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана Тимоеевича,
По прозванью Стенька Разина!»

Сообщники Стеньки Разина представляются также не простыми разбойниками, а удалыми рабочими:

«Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы все помощнички.
Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ—караванъ собьемъ.
Мы рукой махнемъ—дѣвицу возьмемъ».

Но какъ бы ни идеализировала народная пѣсня дикую, отчаянную удаль и этихъ удалыхъ молодцевъ, она помнитъ однакожь, въ какой судьбѣ эта удаль неизбѣжно приводитъ ихъ. Эта неизбѣжная судьба весьма характеристично изображается въ известной разбойничьей пѣснѣ:

«Не шуми мати, зеленая дубравушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати,
Какъ завтра мнѣ, доброму молодцу, во допросъ итти,
Передъ грознаго судю, самого Царя»....

Пѣсни о Петрѣ В. Въ сборникѣ Кирѣевского почти цѣлый томъ занимаютъ пѣсни объ эпохѣ Петра В., но между этими пѣснями мало интересныхъ. Онѣ очень однообразны и бѣдны по содержанію, особенно сравнительно съ такимъ богатымъ и разнообразнымъ содержаніемъ эпохи. Въ нихъ отразилось только общее впечатлѣніе, какое производили на народъ такія событія, какъ стрѣльцкіе бунты и казни стрѣльцовъ, и вообще внѣшнія дѣла Петра, особенно его войны; внутреннія же событія, разные государственныя реформы Петра были непонятны для народа и потому не вошли въ его пѣсни. Лучшими пѣснями можно назвать пѣсни на рожденіе и смерть Петра въ монастырѣ. Въ пѣснѣ на рожденіе Петра выражается всеобщая радость о его рожденіи:

«Какъ свѣтель, радошенъ во Москвѣ
Благовѣрный царь, Алексѣй Михайловичъ!
Народилъ Богъ ему сына, царевича Петра Алексѣевича,
Перваго Императора по землѣ.
Всѣ-то русскіе какъ плотники мастера
Во всю ноченьку не спали, колыбель-люльку дѣлали
Они младому царевичу;
А и нянюшки, мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали, шириночку вышивали,
По бѣлому рытому бархату онѣ краснымъ золотомъ.
Тюрьмы съ покаянными всѣ растворялися—
У царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости;
А князи собиралися, бояре съѣзжались и дворяне сходилися,
А все народъ Божій; на пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются,

Во весельи, въ радости не видали, какъ дни прошли,
Для младаго царевича, Петра Алексѣевича,
Перваго Императора».

Въ пѣсняхъ на смерть Петра изображается плачь о Петрѣ государыни и войска. Плачь государыни не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго; интереснѣе плачь войска, объ устройствѣ котораго Петръ заботился съ особенною любовію:

«Ахъ ты батюшка, свѣтель мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому и не попржнему,
Закрываешься тучей темною?
Что у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго у крылоса,
У гробницы Государевой,
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ.
Стоючи онъ призадумался,
Призадумавшись онъ плакать сталъ.
И онъ плачетъ—что рѣка льется,
Возрыдаетъ—что ручьи текутъ.
Возрыдаючи онъ вымолвилъ:
Ахъ ты, матушка, сыра земля,
Разступись ты на всѣ стороны,
Ты раскройся, гробова доска,
Развернись ты, золота парча,
И ты встань, проснись, Православный царь.
Посмотри, сударь, на свою гвардію,
Посмотри на свою армію...» (1).

Малороссійскія думы. Малороссійскій эпосъ относится къ эпохѣ казачества. Казачество было совершенно народнымъ явленіемъ; оно вызвано было историческими условіями жизни малорусскаго народа, который поставленъ былъ въ необходимость постоянно бороться съ окружающими его врагами. Возникнувъ въ XVI в. въ видѣ особенной воинственной общины въ Запорожьѣ, оно вскорѣ распространилось отсюда по всей Малороссіи, такъ что слово казакаъ стало со временемъ означать не только всякаго воина, но и вообще малороссіянина, и

(1) Сборн. Кирѣев. Вып. 8, стр. 280—281.

стало прилагаться ко всему малороссійскому народу. За вѣру и церкви, народность и волю казаки постоянно боролись съ крымскими татарами и турками, которые своими набѣгами опустошали города и села, съ іезуитами и польскими всендзами, которые старались ввести въ Малороссіи повсюду увію и католичество, и съ польскими панами, которые, постоянно притѣсняя народъ, отдавали жидамъ въ аренду церкви, дороги и рынки. Это была борьба героическая. и подвиги этой борьбы воспѣвали въ думахъ и пѣсняхъ. Пѣсни эти слагались или самими участниками въ событіяхъ, или ихъ очевидцами, и распѣвались съ игрою на бандурѣ или кобзѣ, народномъ малороссійскомъ инструментѣ, отъ котораго и сами пѣвцы получили названіе бандуристовъ или кобзарей. Между малороссійскими пѣснями есть одна чрезвычайно поэтичная и характерная дума о смерти казака бандуриста, который, потерявъ въ битвѣ саблю и коня, весь израненный, ожидаетъ смерти и прощается съ своей бандурой:

«Ой на татарскихъ поляхъ,
На казацкихъ поляхъ,
Не вовки-сіроманці квілять—приквіляють,
Не орли-черпокряльці клебѣчуть і підъ небесами літають:
То сидять козакъ старесенькій,
Якъ голубонько сивесенькій,
У кобзу грає—виграває.
Голосно співає:
Кобзо жъ моя дружино вірная,
Бандуро моя малеваная!
Де жъ мині тебе діти?
А чи у чистому степу спалити?
И попілець по вітру пустити?
А чи на могілі положити?
Нехай буйний вітеръ по степахъ пролітає,
Струни твоє зачинає,
Смутнесенько, жалібіесенько грає—виграває....» (1).

Отъ бандуристовъ пѣсни перешли впоследствии къ нашимъ слѣпцамъ, которые и до сихъ поръ ихъ распѣваютъ.

Всѣ малороссійскія думы можно раздѣлить на три отдѣла:
1) думы, изображающія борьбу казаковъ съ турками и татарами;
2) думы, изображающія борьбу съ поляками и 3) думы о событіяхъ послѣ присоединенія Малороссіи къ Московскому царству.

(1) Записки о Южной Россіи, ч. I, стр. 185.

1) Въ думахъ, изображающихъ борьбу казаковъ съ турками и татарами, рассказывается про Малаго-Гареку, т. е. Менгли-Гирея, опустошившаго Украйну въ 1493 г.; о Самуилѣ Кушеѣ, или Кошеѣ, который бился съ турками на Черномъ морѣ; о Димитріи Байдѣ (гетманѣ вн. Димитріи Вишневецкомъ), о Свирговскомъ, Серпягѣ (Подковѣ), Богданѣ Ружномъ и др. Особенно полною и характеристичною отличается дума о Самуилѣ Кошеѣ (Побѣгъ Самуила Кошки изъ турецкой неволи въ 1599 г.) (1). Изображаются въ думахъ и отдѣльные подвиги или поединки казаковъ противъ турокъ. Между думами довольно такъ называемыхъ *невольничкихъ*, въ которыхъ описывается пребываніе казаковъ на турецкихъ галерахъ, или въ плѣну у турокъ и татаръ.

Вотъ какъ въ одной изъ думъ изображается тоска казака въ плѣну:

Поклоняється бідний невольник
Із землі Турецької, із віри бусурманської
У города Християнської,—до отця, до матусі.
Що не может він їм поклонитися,—
Тільки поклоняється голубонькам сивеньким:
Ой ти, голубонько сивеньки:
Ти далеко летаєш, ти далеко буваєш,
Полети ти в города Християнської,
До отця моєго, до матусі,
Сядь пади на подвір'ї отцовськїм,
Жалобненько загуди:
Об мої пригодї казацької припомани.
Нехай отець і матуся
Мою пригоду казацькую знають,
Статки, маєтки збувають,
Великі скарби собирають,
Головоньку казацькую із тяжкої неволі визволяють!» (2)

Къ этому разряду невольничкихъ пѣсень относится дума о *Марусь Богуславкѣ*. Въ ней рассказывается, что въ каменной темницѣ, на Черномъ морѣ, сидѣло 700 казаковъ невольниковъ. 30 лѣтъ они сидѣли въ неволѣ, свѣта Божьяго, солнца праведнаго не видѣли. У турка, смотрѣвшаго за плѣнниками, жила также русская плѣнница *Маруся Богуславка* (изъ города Богуслава). Въ годовой праздникъ—Великъ день (день Пасхи), воспользовавшись тѣмъ, что турокъ, отправляясь въ мечеть, отдалъ

(1) Истор. пѣсни малор. народа Антоновича и Драгоманова, т. I, стр. 208—220.

(2) Стр. 93—94.

ей ключи на руки, она отперла темницу и выпустила казаковъ.

Къ этому же разряду пѣсенъ относится дума о трехъ братьяхъ, убѣжавшихъ изъ Азова, гдѣ они находились въ плѣну. Двое изъ нихъ были на коняхъ и спаслись, а третій младшій братъ былъ пѣшій, отсталъ отъ братьевъ и умеръ въ степи; братья, боясь погони турокъ и не желая бросить на дорогѣ своего имущества, не взяли его съ собою. Дума чрезвычайно трогательно изображаетъ смерть младшаго брата, оставленнаго въ степи на съѣденіе звѣрей: „только сизыя кукушки, говорить она, прилетали къ нему, сядились въ головахъ и какъ родныя сестры куковали надъ нимъ“. Во многихъ думахъ довольно рѣзко выступаетъ дидактическій элементъ, вызванный разгуломъ казацкой жизни и частыми побѣгами молодыхъ людей въ Запорожскую сѣчь, внушается набожность, почтеніе къ отцу-матери, уваженіе къ старшимъ.

2) Въ думахъ, изображающихъ борьбу казаковъ съ поляками, прославляются подвиги Наливайки, Тетеренко, Лободы, Чурая, Полтара-Кожуха. Но главнымъ героемъ въ этихъ думахъ является гетманъ Богданъ Хмѣльницкій. Изъ нихъ замѣчательны думы: *о Феськѣ Ганжѣ Андыберѣ*; *о Блюцерковскомъ мирѣ и войнѣ съ поляками*; *о жидовскихъ откупахъ и войнѣ за нихъ*; *о Богданѣ Хмѣльницкомъ*; *о побѣдѣ надъ Корсунемъ*. Въ думѣ о Ганжѣ Андыберѣ ⁽¹⁾ изображается вражда казаковъ къ польскимъ панамъ за то, что они захватили у народа лучшія земли и угодыя. Въ думѣ о *жидовскихъ откупахъ* рассказывается, какъ жидаы взяли въ аренду всѣ казацкія дороги и на одной милѣ становили по три кабака, всѣ казацкіе рынки и брали пошлины отъ воза по полузлоту, отъ пѣшаго по три денежки, у бѣдняги нищаго забирали куръ и яйца, взяли въ аренду всѣ казацкія церкви.

3) Изъ думъ, рассказывающихъ о событіяхъ послѣ присоединенія Украины къ Московскому царству, замѣчательны думы или легенды о Мазепѣ и Паліи. Въ нихъ изображены заключеніе Паліи въ темницу, ссылка въ Сибирь и потомъ появленіе его на полтавскихъ боевыхъ равнинахъ.

4) БЫТОВЫЯ ПѢСНИ.

Бытовыми въ общемъ смыслѣ называются всѣ пѣсни, въ которыхъ изображаются черты какъ вообще народнаго быта, такъ

⁽¹⁾ Ганжа Андыберъ по исторіи неизвѣстенъ. Предполагаютъ, что онъ былъ гетманомъ въ первой половинѣ XVII в. и вѣроятно не задолго предъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, т. е. до 1647 г. Смотри южно-русскія пѣсни А. Метлинскаго, стр. 432—433.

и въ частности жизни семейной ⁽¹⁾. Поэтому въ сборникахъ къ нимъ причисляются: 1) пѣсни, которыми сопровождаются разные народные праздники и игры въ разные времена года: святочные, хороводныя и др.; и 2) пѣсни, изображающія собственно семейную жизнь—свадебныя и семейныя. Такъ какъ народные праздники и игры большею частію идутъ отъ самыхъ древнихъ временъ и составляютъ остатки еще языческихъ праздниковъ и обрядовъ, то и въ пѣсняхъ, которыми они сопровождаются, сохранились слѣды еще языческой старины, и многія изъ нихъ, по своему характеру, относятся къ обряднымъ, или миѳическимъ пѣснямъ, указывающимъ на старыя языческіе праздники и обряды (смотри выше—миѳическія или обрядныя пѣсни). Черты нравовъ и разные стороны собственно семейной жизни изображаются преимущественно въ свадебныхъ и семейныхъ пѣсняхъ.

Свадебныя пѣсни ⁽²⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ сохранились слѣды самаго древняго быта нашихъ предковъ, того отдаленнаго времени, когда, по выраженію Кавелина: „кровное родство было единственной, исключительною связью между людьми, семьи и роды—единственными человѣческими союзами и обществами, семейный и родственныя распорядокъ—единственнымъ общественнымъ устройствомъ“ ⁽³⁾. Въ однихъ свадебныхъ пѣсняхъ невѣста тужитъ и плачетъ горькими слезами о томъ, что ее увезутъ на сторону чуждальную, въ чужди люди незнакомые, къ чуждому отцу-матери, къ чуждому роду-племени ⁽⁴⁾; родныхъ жениха и вообще всю его свиту называетъ своими недругами, разлучниками, а самаго жениха—своимъ погубителемъ ⁽⁵⁾, и проситъ свою мать и своихъ подружекъ схоронить ее отъ этихъ недруговъ и погубителя. Въ другихъ пѣсняхъ женихъ называется кунцомъ, а невѣста—товаромъ; невѣста проситъ отца не продавать ея; женихъ и невѣста называются сужеными, ряжеными, а бракъ судомъ Божіимъ ⁽⁶⁾. Всѣ эти странныя выраженія, употребляемыя поющими свадебныя пѣсни безъ смысла, по одному простому обряду, имѣли сначала опредѣленный смыслъ и означали не пустой обрядъ, а обычай, существовавшій въ самой жизни.

⁽¹⁾ Изданія пѣсень: Чулкова: Собраніе разныхъ пѣсень. Спб. 1770—74. Новикова: Новое и полное собраніе росск. пѣсень. М. 1780—81. Сахарова: Пѣсни русскаго народа. Спб. 1838—39 (вошли въ Сказанія русскаго народа); Сборникъ народныхъ пѣсень Шейна. Изслѣдованія: Бодянскаго: о народной поэзіи славянскихъ племенъ. М. 1837. Костомарова: объ историческомъ значеніи русскои на родной поэзіи. X. 1843.

⁽²⁾ О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскіхъ, Н. Θ. Сумцова. Харьковъ. 1884.

⁽³⁾ Сочин. Кавелина, ч. 4, стр. 82.

⁽⁴⁾ Сказ. русск. народ. Сахар., I, кн. III, стр. 143, 145. ⁽⁵⁾ Тамъ же, стр. 153, 163. ⁽⁶⁾ Тамъ же, стр. 113, 148.

По сказанію лѣтописи, у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Руси, первоначально браковъ не было, а невѣсть добывали *похищеніемъ*. Хотя похищеніе невѣсть происходило иногда по предварительному согласію невѣсты, но родственники похищенной, конечно, старались отомстить похитителямъ и начинали борьбу, которая могла оканчиваться иногда истребленіемъ цѣлаго рода. На подобныя слѣдствія похищенія, конечно, указываетъ одна свадебная пѣсня (1). Невѣста сидѣла у окна въ теремѣ и шила волю золотомъ, обшивала чистымъ серебромъ; вдругъ къ окну прилетѣлъ орелъ и говоритъ ей, чтобы она не тратила чиста серебра и не портила красна золота:

«По сегодняшнему денечку
Быть саду да полоненному,
Всему роду покоренному;
Волюшкѣ быть въ неволюшкѣ,
Дѣвушкѣ быть во забавушкѣ».

Но не всегда, конечно, похищеніе невѣсть приводило къ плѣненію или поворенію рода, какъ говоритъ пѣсня. Начавшіяся изъ за похищенія ссоры могли оканчиваться мировыми сдѣлками; похитившій родъ въ этомъ случаѣ платилъ, конечно, пеню обиженнымъ родственникамъ похищенной. Часто, конечно, и прямо безъ похищенія одинъ родъ покупалъ дѣвицу у другого. Такимъ образомъ, рядомъ съ *умъжаніемъ*, надо предполагать, отъ самыхъ первыхъ временъ, существовалъ обычай покупать невѣсть. На этотъ обычай указываетъ какъ то, что еще до сихъ поръ въ обществѣ женихъ называется *купцомъ*, а невѣста *товаромъ*, такъ и тѣ свадебныя пѣсни, въ которыхъ невѣста проситъ отца, мать, братьевъ и родныхъ не выдавать ея и не продавать ея волюшки:

Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшко,
Красно солнышко, родима матушка!
Не бейте вы полу о полу,
Не хлопайте вы пирогъ о пирогъ,
Не пробивайте вы меня бѣдную,
Не давайте вы меня горькую
На чужую дальню сторону» (2).

При покупкѣ невѣсты, конечно, заключались опредѣленные договоры, въ которыхъ указывалось, что обязаны были заплатить

(1) Сказ. русс. народ., т. I, кн. III, стр. 199, № 4.

(2) Тамъ же, стр. 112, № 18.

покупающіе невѣсту. Отсюда въ пѣсняхъ невѣста называется *ряженою* отъ слова *рядъ*—договоръ. По совершеніи ряда или договора, договаривавшіеся подавали другъ другу руку правую, или били по рукамъ. Отсюда самое сосватанье стало называться *обрученіемъ, по рученіемъ, рукобитьемъ* (1).

При заключеніи брачныхъ союзовъ, главными дѣйствующими лицами были не женихъ и невѣста, а ихъ родные, которые болѣе всего заботились о матеріальныхъ выгодахъ союза. Естественно, что судьба невѣсты, при подобныхъ условіяхъ, переходившей въ новую семью, представлялась весьма печальною, и очень понятными становятся послѣ этого та глубокая грусть и сѣтованіе, которыми проникнуты всѣ свадебныя пѣсни. Въ одной пѣснѣ невѣста, упрасивая отца и мать не отдавать ея на чужую сторону, въ чужому отцу, чужой матери, говоритъ:

«Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
Безжалостны уродились:
Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ смолы у нихъ глѣвъ раскипается:
Наспжусь-то я у нихъ, бѣдная,
По коонецъ стола дубоваго,
Нагляжусь-то я, наплачуся» (2).

Прощаясь съ подругами, невѣста просить ихъ научить:

«Какъ мнѣ быть да жить въ чужихъ людяхъ,
Какъ мнѣ назвать свекра лютаго?
Какъ величать свекровь лютую?
Мнѣ свекромъ назвать—осердится;
Мнѣ батюшкою назвать—не хочется;
Мнѣ свекровью назвать—осердится;
Мнѣ матушкой назвать—не хочется.
Убавлю я спеся, гордости,
Прибавлю я ума разума:
Назову я свекра батюшкой,
А люту свекровь—матушкой» (3).

Само собою разумѣется, что при такой обстановкѣ жизни только забвеніе своей воли и полная покорность и услужливость всѣмъ и каждому могли быть защитой молодой женщины въ новой чужой семьѣ. И женихъ, собираясь жениться, искалъ себѣ суженой съ такими именно качествами.

(1) Соч. Кавелина, ч. 4, стр. 164—165.

(2) Сах. Сказ., т. I, кн. III, стр. 112, № 48.

(3) Сахар. Сказ., т. I, кн. III, стр. 140, № 123.

Такъ какъ выборъ жениха и невѣсты зависѣлъ отъ родителей, воля которыхъ считалась также священной, какъ воля самого Бога, то женихъ и невѣста называются *сужеными*, т. е. назначенными, *присужденными*, а самый бракъ—*судомъ Божиимъ*.

«Въ воскресенье мнѣ, матушка,
Къ суду Божьему ѣхать.
Подъ золотымъ вѣнцомъ стояти» (1).

Въ свадебныхъ пѣсняхъ молодой называется *княземъ*, а молодая—*княгиней*, лица, составляющія свадебный поѣздъ, свиту жениха и невѣсты, называются *боярами*, а главное между ними лицо—*тысяцкимъ - воеводой* (2): въ нихъ постоянно упоминаются *серебро, золото, шелкъ и бархатъ, дорогія парчи, черные соболю*, и вообще вся обстановка жизни изображается не простая, какъ у низшихъ классовъ, у которыхъ теперь поются эти пѣсни, но *боярская и княжеская*. Объясняя это, Кавелинъ говоритъ, что „встарину быть княжеской и боярской былъ идеаломъ для низшихъ классовъ. Основанный на однихъ началахъ съ простонароднымъ бытомъ, онъ былъ его продолженіемъ, какъ бы высшей степени, и потому предметомъ удивленія и подражанія. Многія свадебныя пѣсни, сохранившіяся теперь въ народѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, сложены и пѣлись сначала на боярскихъ и княжескихъ свадьбахъ. Богатство, роскошь, упоминаемыя въ нихъ, могли быть дѣйствительностію между одними высшими зажиточными сословіями и только идеаломъ, мечтой для простого народа. Да, вѣроятно, и не однѣ свадебныя пѣсни такъ произошли. Многія изъ тѣхъ, которыя теперь поются одними крестьянами, носятъ на себѣ слѣды стариннаго боярскаго и княжескаго житья-бытья“ (3).

Семейныя пѣсни. Бракъ составляетъ основу всей семейной жизни. Заключаемые при указанныхъ выше условіяхъ, при которыхъ имѣлись въ виду главнымъ образомъ не интересы жениха и невѣсты, ихъ взаимное расположеніе и нравственный ихъ характеръ, а интересы родителей и родныхъ, которые прежде всего и болѣе всего заботились о выгодахъ брачныхъ союзовъ, о богатствѣ и знатности рода, браки, конечно, въ большей части случаевъ, приводятъ къ правильной и счастливой жизни. Невѣста болѣею частію не даромъ горькими слезами плакала передъ свадьбой, представляя свою будущую жизнь въ новой семьѣ, гдѣ ни она никого, ни ея никто не знаетъ, самую тяжелою и безотрадною, болѣею частію такую жизнь она испытывала на самомъ дѣлѣ. Вотъ въ какомъ видѣ изображаютъ пѣсни положеніе молодой женщины въ чужомъ семействѣ:

(1) Тамъ же, стр. 143. Ж 151. (2) Тамъ же, стр. 136.

(3) Сочин. Кавелина, ч. 4, стр. 136.

«Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ,
Въ помысленнѣ того не было,
Чтобъ красной дѣвицѣ замужъ иди.
Сонзволдилъ такъ сударь батюшка,
Похотѣла такъ моя матушка,
Ради ближнева перепутьяца:
И я въ торгъ пойду, побывать зайду,
Изъ торгу пойду, ночевать зайду.
Я спрошу у своей дитятки:
Каково жить въ чужихъ людяхъ?
Государыня моя матушка!
Отдавши въ люди, стала спрашивать:
Въ чужихъ людяхъ жить умѣючи,
Держать голову поклонную,
Ретиво сердце покорное.
Ахъ, вечеръ меня больно свекоръ билъ,
А свекровь ходя похваляется;
Хорошо учить чужихъ дѣтей,
Не роженныхъ, не хоженныхъ,
Не вспоенныхъ и не вскормленныхъ» (1).

«Выдавала меня матушка далече замужъ,
Хотѣла матушка часто ѣзжати,
Часто ѣзжати, подолгу гостити.
Лѣто проходить, матушки нѣту;
Другое проходить, сударыни нѣту,
Третье въ доходѣ, матушка ѣдетъ....
Ужъ меня матушка не узнаваетъ:
— Что это за баба, за старуха?—
Я, вѣдь, не баба, я не старуха:
Я твое, матушка, милое чадо.
— Гдѣ твое дѣвалось бѣлое тѣло?
Гдѣ твой дѣвался алый румянецъ?—
Бѣлое тѣло на шелковой плетѣ,
Алый румянецъ на правой на ручкѣ:
Плетвой ударить, тѣла убавить,
Въ щеку ударить—румянцу не станетъ» (2).

Такой печальный характеръ имѣють пѣсни, изображающія тяжелое положеніе молодой женщины въ чужой семьѣ, суровое обхожденіе съ нею мужа и родныхъ. Впрочемъ и всѣ почти другія семейныя пѣсни проникнуты глубокою грустію и скорбію. Въ нихъ изображаются также преимущественно печальные случаи и событія. Въ одной пѣснѣ, напр., изображается прощаніе добраго молодца съ милой, который говорить ей:

(1) Сахар. Сказ., т. I, кн. III, стр. 212, № 43.

(2) Хрест. Филонова, т. II, стр. 40.

«Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ;
Ты не жги свѣчу воску яраго,
Ты не жди меня до полуночи.
Ахъ, прошли, прошли наши красны дни,
Наши радости буйный вѣтръ унесъ,
И разсѣялъ ихъ по чисту полю.

.....
Созволилъ такъ родной батюшка,
Приказала мнѣ родная матушка,
Чтобъ женился я на иной женѣ.

.....
Ужъ я батюшки не слушаюсь,
Родной матушки я послушаюсь,
Обвѣнчаюсь я со иной женой,
Я съ иной женой, съ смертью раннею,
Съ смертью раннею и насильною»⁽¹⁾.

Въ другой пѣснѣ изображается смерть добраго молодца далеко въ чистомъ полѣ. Онъ лежитъ около огня, на войлочкѣ; припекаетъ свои *ранушки боевыя* и, прощаясь съ своими товарищами, говоритъ:

«Ахъ, не жаль-то мнѣ роду племени,
Мнѣ жаль-то малыхъ дѣтушекъ,
Остались дѣтушки малешеньки,
Малешеньки дѣтушки, глупешеньки,
Натерпятся холода и голода»⁽²⁾.

Подобная картина рисуется въ другой пѣснѣ, гдѣ также разсказывается, какъ добрый молодецъ умираетъ далеко въ чистомъ полѣ: лежитъ онъ подъ ракитовымъ вустомъ — *избитъ, израненъ, исколотъ весь*:

«Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родная матушка.
Она плачетъ, какъ—рѣка льется,
А родная сестра плачетъ, какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ»⁽³⁾.

Иногда въ пѣснѣ вообще изображается глубокое горе, которое ничѣмъ избыть нельзя:

⁽¹⁾ Сах. Сказ., т. I, кн. III, стр. 208, № 29. ⁽²⁾ Тамъ же, стр. 204, № 9. ⁽³⁾ Тамъ же, стр. 209, № 30, и Хрест. Филонова, т. II, стр. 43.

«Привязалось ко мнѣ горе;
Я не знаю, какъ и быть,
Своему горю пособить,
Не могу горя избыти,
Ни заѣсть, ни запить:
Я пойду ли лучше въ поле,
И разсѣю мое горе,
По всему по чисту полю.
Уродися, мое горе,
Ты травой полыньюю.
Какова трава полынъ горька,
Таково-то горе сладко» (¹).

Это горе, подобно злой неотвязчивой судьбѣ, постоянно преслѣдующее человѣка, весьма хорошо олицетворено въ слѣдующей пѣснѣ, въ которой народъ иронически шутитъ надъ своимъ бѣдственнымъ положеніемъ и посмѣивается надъ своимъ горемъ и самимъ собою:

«Ай горе, горе, гореваньце!
А я лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя въ темные лѣса—
А горе прежде въ лѣсъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестной пирь—
А горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ горя въ царевъ кабакъ—
А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащить,
Какъ я нагъ-то сталь, насмѣялся онъ» (²).

Дѣйствительно, при бѣдности и отсутствіи образованія, лишенный благородныхъ развлеченій, народъ издавна привыкъ все утѣшеніе въ своемъ горѣ находить въ винѣ. Объ этомъ онъ поетъ въ известной глубоко грустной и трогательной пѣснѣ:

«Да спасибо же тебѣ, сивему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску кручину:
Посѣдѣла-то моя буйная головушка
Ни отъ время, ни отъ лѣтъ, все отъ безвременья;
Я родился во слезахъ, во слезахъ крестился,
Плакалъ долго сиротой отъ людскихъ навѣтовъ;
Красна дѣвица душа не для утѣшенья,
Все для слезъ же меня молодца полюбила.

(¹) Сахар. Сказ., т. I, кн. III, стр. 210, № 34. (²) Тамъ же, стр. 223—224, № 28

Потухаютъ во слезахъ мои ясны очи,
Исыхаетъ бѣда грудь съ тяжкихъ воздыханій.
Да спасибо же тебѣ, синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску кручину» (1).

Этотъ глубоко грустный характеръ нашей народной пѣсни подалъ поводъ Пушкину назвать ее *грустнымъ воємъ*, который отражается и въ художественныхъ пѣсняхъ образованныхъ поэтовъ. „Отъ ямщика до перваго поэта, говорить онъ,

Мы всё поемъ уныло. Грустный вой
Пѣсня русская. Извѣстная примѣта!
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ и дѣвъ,
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ».

Гоголь также называетъ русскую пѣсню *тоскливою, рыдающею и хватающею за сердце*. Въ объясненіе такого характера народныхъ нашихъ пѣсней, критики ихъ указываютъ обыкновенно прежде всего на суровость и угрюмость сѣверной природы Россіи съ ея пасмурнымъ небомъ, мрачными лѣсами, необозримыми топями и болотами, съ продолжительной зимой, сопровождающейся частыми вьюгами, мятелями и буранами, съ мимолетной весной и короткимъ лѣтомъ, которое, по выраженію поэта, только карриатура южныхъ зимъ, на природу, которая уже сама по себѣ не могла возбуждать въ народной фантазіи свѣтлыхъ и веселыхъ картинъ, а потомъ,—на всегдашнюю бѣдность и убожество народнаго быта, на стѣснительную обстановку семейной жизни, такъ ясно выразившуюся въ семейныхъ пѣсняхъ, и наконецъ на тяжелыя историческія обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ суждено было жить русскому народу, каковы, напр., продолжительное монгольское иго, смутное время самозванцевъ и междоусобицъ, брѣвостное право и проч.

Разгульныя и плясовыя пѣсни нашего народа представляютъ противоположность семейнымъ пѣснямъ и, повидимому, противорѣчатъ ихъ грустному характеру; онѣ такъ веселы, что веселье ихъ часто выходитъ изъ всякихъ границъ. Но это и заставляетъ подозрѣвать искренность ихъ веселія; источникомъ его служить не чистая и спокойная свѣтлая радость, а тоже горе и

(1) Сахар. Сказ., т. I, кн. III, стр. 208, № 28, и Хрест. Филонова, т. II, стр. 42—43.

нужда, которая народъ хочет на время забыть въ разгульи; этимъ разгульемъ онъ обязанъ бываетъ тому же *синему кувшину*, въ которомъ онъ привыкъ искать забвенія своего гора.

По формѣ и изложенію, наши пѣсни отличаются особенною образностію и живописностію. Эти качества сообщаютъ имъ частыя обращенія къ природѣ, сравненія и уподобленія. Въ пѣсняхъ постоянно встрѣчаются эти обращенія къ солнцу красному, полю чистому, вѣтру буйному, лѣсу дремучему, березѣ кудрявой, травушкѣ-муравушкѣ, ясному соколу, бѣлому лебедю, кукушечкѣ, сѣрой утицѣ. Мысли, чувства и разныя положенія человѣка, печальныя и радостныя состоянія души изображаются посредствомъ сравненій, которые большею частію имѣютъ отрицательный характеръ, напр. „не былинушка въ чистомъ полѣ запаталася, запаталася безпріютная головушка“; „не трава растеть, не огонь горить, не огонь горить—ретиво сердце“; „ужъ не лебедь ходитъ бѣлой, ходитъ красна дѣвица душа“; „что не ласточки не касаточки вкругъ тепла гнѣзда увиваются, увивается тутъ родная матушка“. Въ языкѣ пѣсенъ замѣчательны преимущественно двѣ особенности: 1) постоянное соединеніе съ извѣстными словами однихъ и тѣхъ же эпитетовъ, которые съ той или другой стороны характеризуютъ обозначаемые словами предметы; напр. „солнце красное“, „младъ свѣтеть мѣсяцъ“, „звѣзды частыя“, „море синее“, „мать сыра земля“, „зелена трава“, „шелкова трава“, „буйная березонька“, „зеленая дубровушка“, „дремучій лѣсъ“, „сизый орелъ“, „сѣрый волкъ“, „кормилецъ батюшка“, „родимая матушка“, „свекровъ лютой“, „злая мачиха“, „слѣзы горючія“, „ретиво сердце“; и 2) частое употребленіе уменьшительныхъ словъ; напр. „вставалъ ранешенько“, „умывался бѣлешенько“; „курится огонекъ малешеньекъ“; „лазуревые цвѣточки, василечки“; „бѣлая лебедушка“; „сѣрая утушка“; „дѣтушки малешеньки, глупешеньки“ и проч. Употребленіе эпитетовъ дѣлаетъ рѣчь живописною, а обиліе уменьшительныхъ словъ сообщаетъ пѣснѣ особенную нѣжность и задумчивость.

Малороссійскія бытовыя пѣсни. Кромѣ историческихъ пѣсенъ, называемыхъ думами и, въ малороссійской поэзіи очень много *бытовыхъ* пѣсенъ. Въ сборникахъ малороссійскихъ пѣсенъ мы встрѣчаемъ пѣсни весеннія (веснянки), троицкія, купальныя, волядскія (щедрилки—на щедрый, т. е. Васильевъ вечеръ), заживныя (на заживки хлѣба), свадебныя и наконецъ семейныя, въ которыхъ изображаются черты семейнаго быта. Особенною красотою отличаются семейныя пѣсни. Гоголь находитъ въ нихъ совершенную противоположность малороссійскимъ думамъ. „Въ думахъ, говоритъ онъ, одни казаки, одна военная, бивачная и суровая жизнь; здѣсь,

напротивъ, одинъ женскій міръ, нѣжный, тоскливый, дышащій любовью. Эти два пола видѣлись между собою самое короткое время и потомъ разлучались на цѣлые годы. Годы эти были проводимы женщинами въ тоскѣ, въ ожиданіи своихъ мужей"... Какъ образецъ нѣжности и глубины чувства въ малороссійскихъ пѣсняхъ, Гоголь приводитъ въ переводѣ слѣдующую пѣсню:

„Разсердился, разгнѣвался на меня мой милый! Вотъ онъ сѣдлаетъ своего вѣрнаго коня и ѣдетъ далеко-далеко отъ меня. Куда же ты, мой милый, голубчикъ мой сизый, куда ты уѣзжаешь? Кому ты меня беззащитную, молодую, кому оставляешь?“
„Оставляю тебя, моя милая, одному Богу. Жди меня, пока не возвращуся изъ дальней дороги“. „О еслибъ я знала, еслибъ я вѣдала. откуда будетъ ѣхать мой милый: я бы ему по всей дороге мостила мосты изъ зеленаго тростника и все бы ждала его въ гости. Боже Всесильный! выровнай всѣ долины и горы, чтобы вездѣ было ровно, чтобы оттолѣ ему до самаго дому было хорошо ѣхать“ и проч. (1).

Сравнивая малороссійскія пѣсни съ великорусскими, Максимовичъ говоритъ: „въ русскихъ пѣсняхъ выражается духъ покорный своей судьбѣ и готово повинующійся ея велѣніямъ.... Русскія пѣсни отличаются глубокою уныlostію, отчаяннымъ забвеніемъ, какимъ-то раздольемъ и плавною протяженностію. Въ малороссійскихъ меньше такой роскоши и протяженности; онѣ, будучи выраженіемъ борьбы духа съ судьбою, отличаются порывами страсти, сжатою твердostію и силою чувства, а равно и естественностію выраженія. Въ нихъ видимъ не забывчивость и уныlostь, но болѣе досаду и тоску; въ нихъ больше дѣйствія.... Въ русскихъ пѣсняхъ превосходнѣе описательная поэзія... въ нихъ встрѣчаемъ рассказъ сочинителя, между тѣмъ какъ въ пѣсняхъ малороссійскихъ находимъ драматическое изложеніе предмета.... Пѣсни нѣжныя отличаются неподражаемымъ простодушіемъ и естественностію, которой ни мало не противорѣчатъ безпрестанныя сравненія“. Говоря о сравненіяхъ, онъ указываетъ „на частыя сравненія съ окружающею безукрашенною природою, частыя бесѣды съ буйнымъ вѣтромъ, дробнымъ дождемъ, черными тучами. Унылая, вѣщая зозуля (кукушка), одинокій яворъ, плакучія ивы и гибкія лозы, печальная калина, вращатый барвинокъ служатъ эмблемами отдѣльныхъ состояній духа.... Если сравненія

(1) О малорос. пѣсняхъ. Сочин., т. II, стр. 185—186.

отрицательныя составляють... отличительное свойство народной поэзіи русской, то малороссійскія пѣсни будутъ отличаться положительностію своихъ сравненій“ (1).

II. РУССКІЯ СКАЗКИ.

Народная пословица называетъ сказку *сладкой*, т. е. вымысломъ: „сказка сладка, а пѣсня боль“, говоритъ она, противопоставляя сказку былевой пѣснѣ, или былинѣ. Дѣйствительно: отличительную черту сказки составляетъ вымысль, и не таковой вымысль, какой обыкновенно бываетъ, напр., въ романахъ и повѣстяхъ новаго времени, но *фантастическій*, т. е. въ сказкахъ часто изображаются такія лица и предметы, каковыхъ совершенно нѣтъ въ дѣйствительности, или же дѣйствительно существующіе лица и предметы представляются съ такими свойствами, какими они въ дѣйствительности не обладаютъ. Дѣйствіе или событіе въ сказкѣ происходитъ часто въ тридевятомъ царствѣ, въ тридесатомъ государствѣ, иногда подъ землею, въ какомъ-нибудь хрустальномъ дворцѣ; дѣйствующими лицами являются: Баба-Яга, которая хотя имѣетъ человѣческій видъ, но въ то же время ѣздитъ въ желѣзной ступѣ, погоняя пестомъ и замечая слѣдъ помеломъ; Кощей безсмертный, Змій шести или двѣнадцати-главый, который летаетъ по воздуху и говоритъ человѣческимъ языкомъ; жарь-птица, олень-златорогій, конь-златогривый, свинья-золотая щетинка, сапоги-самоходы, коверъ самолетъ, сватерть-самобранка живая и мертвая вода и проч. Вслѣдствіе такого фантастическаго элемента и составилось понятіе о сказкѣ, какъ о произвольномъ совершенно и бессмысленномъ вымыслѣ, достойномъ вниманія только дѣтей и людей необразованныхъ. Но съ одной стороны, народная фантазія не создаетъ ничего по одному чистому произволу, безъ всякаго смысла и основанія, а съ другой—нельзя оставить безъ вниманія того обстоятельства, что сказки разныхъ народовъ удивительно сходны между собою. Почти всѣ указанная выше диковинки встрѣчаются не только въ русскихъ, но и вообще славянскихъ сказкахъ и повторяются съ разными измѣненіями въ сказкахъ нѣмецкихъ и сказкахъ другихъ народовъ. Это сходство сказокъ, котораго нельзя объяснить одними позднѣйшими заимствованіями одного народа у другого, потому что оно замѣчается у народовъ не только сосѣднихъ, но и отдѣленныхъ другъ отъ друга пространствомъ и временемъ, указываетъ

(1) Малоросс. пѣсни. Предисл., стр. XIII—XVIII.

на одинъ общій первобытный источникъ сказокъ и заставляетъ допустить, что всѣ сказочныя диковины первоначально имѣли опредѣленный смыслъ, который впоследствии затерялся.

Въ сказкахъ, дѣйствительно, усматриваются слѣды мифическихъ воззрѣній того періода народной жизни, когда народамъ были обоготворяемы стихіи и силы природы, когда въ разныхъ формахъ представлялись солнце, луна и звѣзды, явленія грома и молніи, вѣтра, дожда и снѣга, борьба силъ природы въ разные времена года. Сказочные герои и героини—царевичи и царевны изображаются съ солнцемъ, мѣсяцемъ или звѣздами во лбу или на лицѣ или головѣ; это можетъ указывать на первоначальное сродство ихъ съ этими небесными свѣтилами, образами коихъ они сначала, вѣроятно, и были. Между дѣйствующими лицами въ сказкахъ часто являются силы природы; напр. въ сказкѣ *о Федорѣ Туларинѣ* сватаются за красавицъ и уносятъ ихъ съ собою Вѣтеръ, Градь и Громъ; въ сказкѣ *объ Иванѣ Бѣломъ* (1) Вѣтеръ, Дождь и Громъ женятся на трехъ сестрахъ-царевнахъ. Наконецъ во многихъ сказкахъ разсказывается объ очарованіяхъ, превращеніяхъ, усыпленіяхъ и окаменѣніяхъ. Такъ, въ сказкѣ *Заколдованная невѣста* говорится о царевнѣ, которая превращена была въ медвѣдицу (2); въ сказкѣ *Царевна-лягушка* разсказывается о Еленѣ прекрасной, которая оборачивалась лягушкою (3); въ сказкѣ *Окаменелое царство* изображается цѣлое царство въ состояніи окаменѣнія: „бругомъ камни, и скотъ и люди, гдѣ кто былъ, стоялъ или сидѣлъ, кто куда ѣхалъ, такъ всѣ и окаменѣли; иной дрова рубить, руку съ топоромъ поднялъ, да такъ и остался“ (4). Превращеніе въ какой-нибудь странный видъ, оцѣпенѣніе, окаменѣніе въ мифическихъ представленіяхъ служатъ символомъ замиранія растительной и плодотворной силы и вообще ненормальнаго состоянія природы во время зимы. Заколдованная царевна, послѣ того, какъ снято было съ нея очарованіе, даетъ мѣшокъ съ сѣменами: куда ни бросятъ эти сѣмена, повсюду начинаютъ расти деревья, цвѣты и плоды; царевна, очевидно, служитъ здѣсь образомъ скованной зимнимъ холодомъ природы, которая, освободившись отъ оковъ зимы, повсюду выказываетъ свое плодородіе весною и лѣтомъ.

Возвращеніе похищенныхъ, или очарованныхъ красавицъ, добываніе жаръ-птицы, коня-златогриваго, живой и мертвой воды и тому подобныхъ диковинокъ составляетъ обыкновенные подвиги большей части сказочныхъ героевъ. Врагами, съ коими при этомъ приводится сражаться героямъ, представляются: Змѣй ше-

(1) Лѣт. русс., лат. т. III.

(2) Аван. вып. VIII, № 12. (3) Тамъ же, вып. VII, № 17. (4) Тамъ же, Вып. V, № 40.

сти или двѣнадцати-главый, Кощей безсмертный, водяной или морской царь, Морозко, Баба-Яга-костяная нога. Фантазія народная въ нихъ первоначально олицетворяла, вѣроятно, вредныя явленія силъ природы, препятствующія свѣту и теплотѣ и останавливающія развитіе плодотворной силы земли, каковы, напр., тучи и облака (Змій), закрывающія солнце, стужа и холодъ (Кощей безсмертный, Морозко), уничтожающіе растительную жизнь, и зима (Баба-Яга), измѣняющая весь видъ природы. Соответственно тому и сказочныя диковинки, за которыя герои сражаются съ указанными врагами, могли первоначально указывать на солнце и благодѣтельныя явленія солнечнаго свѣта и теплоты: сапоги-самоходы или скороходы и коверъ-самолетъ, вѣроятно, образы вѣтра или быстро летящей тучи; живая вода, оживляющая мертвыхъ и убитыхъ,—образъ росы и весенняго и лѣтнаго дождя, оживляющаго природу; скатерть-самобранка, доставляющая героямъ все нужное для пищи и питія,—символь богатства и изобилія растительности природы во время весны и лѣта.

При изображеніи походженій героевъ, для добыванія этихъ диковинокъ, въ сказкахъ встрѣчается нѣсколько постоянныхъ мотивовъ и приемовъ. Отправляясь на подвиги, сказочные герои большею частію встрѣчаютъ три дороги, съ надписью на столбѣ: „по правой сторонѣ ѣхать—быть убитому; по лѣвой сторонѣ ѣхать—быть самому голодному; по средней сторонѣ ѣхать—быть коню голодному“. Герои всегда выбираютъ дорогу по правую сторону и на ней находятъ отыскиваемые диковинки. Весьма важнымъ лицомъ, заправляющимъ всѣмъ ходомъ приключеній въ большей части сказокъ, является *Баба-Яга-костяная нога*. Она изображается въ видѣ сердитой и безобразной старухи, которая живетъ въ лѣсу, въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ; эта избушка обнесена заборомъ изъ костей человѣческихъ, вмѣсто дверей у воротъ—ноги человѣческія, вмѣсто запоровъ—руки, вмѣсто замка—ротъ съ острыми зубами. Избушка обращена къ лѣсу и поворачивается при словахъ: „избушка, избушка, повернись къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ“. Ѣздитъ Баба-Яга въ желѣзной ступѣ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Роль Бабы-Яги въ сказкахъ не одинакова. Сказки собственно о Бабѣ-Ягѣ изображаютъ ее злою и кровожадною; какова, напр., извѣстная сказка, въ которой Баба-Яга собирается съѣсть дѣвочку, которую прислала къ ней для этого не любившая ея мачиха. Въ другихъ сказкахъ она изображается помогающею сказочнымъ героямъ въ борьбѣ ихъ со врагами; такъ, напр., Иванъ-царевичъ въ одной сказкѣ, при помощи Бабы-Яги, достаетъ жаръ-птицу. Здѣсь она имѣетъ характеръ вѣщей вѣдьмы, знающей то, что недоступно обыкновеннымъ смертнымъ—прошедшее и будущее, колдуньи,

владѣющей способностію производить разныя чары. Въ подобныхъ сказкахъ обыкновенно дѣйствуетъ не одна, а три сестры Бабы-Яги, изъ коихъ старшая, разумѣется, самая сильная и самая знающая. Баба-Яга непременно знаетъ, гдѣ скрыты похищенные красавицы, или тѣ дорогія диковинки, которыя герои отыскиваютъ, она наставляетъ ихъ, какъ дойти туда, какъ побѣдить враговъ, или убѣжать отъ ихъ преслѣдованія. Она даетъ герою влубочекъ, который покатится и доведетъ его до искомой цѣли. Въ другихъ случаяхъ этотъ клубочекъ исполняетъ другую роль: стоитъ бросить его, и онъ превратится въ огромную гору, которая задержитъ или остановитъ врага, преслѣдующаго героя. Такую же роль играютъ—полотенце, гребень и щетка, которыми также снабжаетъ Баба-Яга сказочныхъ героев; если бросить на дорогѣ полотенце, сдѣлается быстрая и глубокая рѣка; если бросить гребень, явится дремучій, непроходимый лѣсъ; если бросить щетку, сдѣлается огненная рѣка (Жарь-птица). Иногда эти же вещи въ другихъ сказкахъ (о Бабѣ-Ягѣ) служатъ защитой противъ самой Бабы-Яги.

Итакъ чудовищные и фантастическіе образы въ сказкахъ суть образы мифическіе, въ которыхъ въ древнія времена представлялась дѣятельность силъ обоготворенной природы. Когда забылись мифы, потеряли смыслъ и сказочные образы. Впослѣдствіи ихъ стали переносить на людей и дѣйствія человѣческія. Но то, что казалось понятнымъ и естественнымъ, когда было просто только символомъ извѣстнаго явленія природы, сдѣлалось непонятнымъ и неестественнымъ, когда стало прилагаться къ дѣйствіямъ человѣческимъ; сказочные образы получили характеръ чудесныхъ и чудовищныхъ.

Утративъ мифическій смыслъ, сказка сдѣлалась такимъ *нравоописательнымъ рассказомъ*, въ которомъ возрѣнія народа и черты нравовъ дѣйствительной жизни самымъ страннымъ образомъ перемѣшаны съ старинными, потерявшими смыслъ, мифическими представленіями. Чѣмъ древнѣе сказка, тѣмъ болѣе, разумѣется, въ ней старинной мифической примѣси: въ сказкахъ позднѣйшаго происхожденія преобладаетъ уже бытовой и нравоописательный элементъ. Чудесное мифическое въ этихъ сказкахъ уже смѣняется чудеснымъ христіанскимъ, и самая сказка часто имѣетъ характеръ религіозной легенды, изображающей понятія и нравы временъ христіанскихъ.

Къ первому роду относятся всѣ почти сказки о мачихѣ, падчерицѣ и пасынкахъ, о трехъ сестрахъ, трехъ невестахъ и о трехъ братьяхъ. На мифическій элементъ этихъ сказокъ указано выше; здѣсь указывается элементъ нравоописательный. Въ сказкахъ о мачихѣ и падчерицѣ (Баба-Яга и Морозко) изображается

нелюбовь мачихи къ падчерицамъ и пристрастіе ея къ роднымъ дочерямъ; но, желая извести или погубить падчерицу, мачиха, обывновенно, губить своихъ дочерей. Падчерица всегда представляется умной, доброю и трудолюбивою, и потому она повсюду находитъ себѣ друзей, спасается отъ всѣхъ преслѣдованій и дѣлается счастливою; родныя же дочери, избалованныя пристрастіемъ матери, избѣженныя и не пріученныя ни къ какому дѣлу, становятся заносчивыми и ни къ чему неспособными, и потому не заслуживаютъ любви и помощи отъ другихъ и подвергаются тѣмъ бѣдствіямъ, которыя мачиха готовитъ для падчерицы. Въ сказкахъ о трехъ сестрахъ (Перушко Финниста-ясна сокола) ⁽¹⁾ и трехъ невѣсткахъ (Царевна-лягушка) ⁽²⁾ старшія сестры или невѣстки стараются извести младшую сестру или младшую невѣстку. Старшія сестры представляются завистливыми къ счастью младшей сестры и стараются отнять у нея счастье, или погубить ее; но ихъ зависть и злость обнаруживаются, и онѣ сами погибаютъ. Особенно замѣчательны сказки *о трехъ братьяхъ*. Братья представляются иногда царевичами, а иногда просто крестьянами; старшіе братья изображаются умными и любимыми, младшій же братъ Иванъ-царевичъ или просто Иванушко—большею частію дурачкомъ, нелюбимымъ и гонимымъ. Несмотря на то, героями сказокъ становятся не старшіе, а младшіе братья, которымъ судьба всячески покровительствуетъ и награждаетъ всевозможнымъ счастіемъ. Типъ младшаго брата, или дурачка въ сказкахъ, весьма интересный для характеристики народныхъ понятій, рисуетъ въ двойномъ видѣ. Иногда младшій братъ изображается дурнемъ въ самомъ прямомъ смыслѣ; онъ ничего не дѣлаетъ такого, за что бы стоилъ такой удачи, казая во всемъ достается на его долю; судьба награждаетъ его безъ всякаго основанія, какъ будто единственно потому, что она любитъ дурней ⁽³⁾. Нельзя конечно, допустить, чтобы народъ сознательно хотѣлъ выразить этими сказками свое одобреніе или защиту глупости или лѣности; по всей вѣроятности, онѣ принадлежатъ къ искаженнымъ произведеніямъ позднѣйшаго времени, когда основной смыслъ, на которомъ первоначально созданы сказки о трехъ братьяхъ, уже затерялся и стали повторяться и различнымъ образомъ варіироваться только одни внѣшніе ихъ приемы, когда, съ утратою первоначальнаго смысла, сказка утратила и серьезный тонъ и стала

⁽¹⁾ Сказки Аванасьева. Вып. VII, № 1. Сказки Худякова, ч. 1, стр. 25—30.

⁽²⁾ Тамъ же, Вып. II, № 23. Вып. VII, № 17.

⁽³⁾ Тамъ же, V, № 53. VI, 14, 32.

служить шуткѣ и забавѣ. Дѣйствительно, во многихъ другихъ сказкахъ глупость дурача имѣетъ особенный смыслъ; онъ представляется глупымъ только для другихъ и сравнительно со старшими братьями. Старшіе братья называются умными въ практическомъ смыслѣ: они поступаютъ хитро и осторожно, наблюдая вездѣ только свои личныя выгоды, и потому не бросаются туда, гдѣ нельзя получить пользы для себя и гдѣ особенно можетъ быть какая-нибудь опасность; младшій же братъ, напротивъ, отличается прямою, добродушіемъ и незлобіемъ; онъ всегда поступаетъ прямо и по совѣсти, всѣмъ готовъ помочь другимъ, часто со вредомъ и явною опасностію для себя, и безъ отговорокъ всегда идетъ, куда его посылаютъ. При такомъ характерѣ и такомъ поведеніи, онъ, естественно, осторожнымъ и эгоистическимъ братьямъ представляется совершенно глупымъ; но на самомъ дѣлѣ онъ оказывается умнѣ ихъ: въ трудныя и рѣшительныя минуты у него являются твердость, ловкость и паходчивость, какихъ нѣтъ у старшихъ братьевъ. И потому, гонимый и страдающій вначалѣ, онъ представляется въ концѣ торжествующимъ надъ другими. „Въ царскій звѣринецъ,—такъ рассказывается въ сказкѣ *Звѣрь-Норка* (1),—повалился Звѣрь-Норка и постоянно похищала изъ него звѣрей. Царь приказалъ своимъ тремъ сыновьямъ каждую ночь поочередно караулить звѣринецъ. Старшіе сыновья прогуляли свои ночи въ трактирѣ и, разумѣется, не видали звѣря; но младшій добросовѣстно караулилъ и хотя не поймалъ звѣря, но узналъ, гдѣ онъ скрывается. Спасаясь отъ преслѣдованія младшаго брата, Норка подбѣжала къ огромному бѣлому камню и скрылась подъ нимъ въ землю. По общему совѣту отца и братьевъ, положено было спуститься за звѣремъ подъ землю на веревкѣ; но у старшихъ братьевъ недостало силы поднять камень. Поднявъ камень, младшій братъ предложилъ старшимъ спуститься въ землю; но они трусили и отказались. Тогда младшій спустился одинъ, сказавши братьямъ, чтобы они тянули веревку кверху, когда она затрясется. Въ подземномъ царствѣ у Норки было три сестры красавицы. Взявши съ младшаго брата обѣщаніе, что онъ выведетъ ихъ на свѣтъ, онѣ научили его, какъ можно побѣдить Норку. Побѣдивъ звѣря, младшій братъ привязалъ къ веревкѣ трехъ красавицъ и потрясъ ее; старшіе братья вытащили ихъ и снова опустили веревку. Теперь слѣдовало ему самому привязаться; но, зная зависть и злобу братьевъ, онъ подумалъ, что они захотятъ завладѣть одни сестрами и, чтобы погубить его, непременно обрѣжутъ веревку, и потому, для опыта,

(1) Сказки Аванас. Вып. 1, № 6.

вмѣсто себя, онъ привязалъ къ веревкѣ камень. Предположеніе оправдалось: братья, дѣйствительно, обрѣзали веревку на такой высотѣ, что привязанный къ ней камень совершенно расшибся. Младшій братъ одинъ остался въ подземномъ царствѣ и, не вида средствъ выйти оттуда, горько заплакалъ. Вдругъ поднялась сильная буря; чтобы укрыться отъ нея, онъ подходитъ къ одному дереву и видитъ, что на немъ въ гнѣздѣ сидятъ маленькія птички и совсѣмъ измолви отъ дождя. Забывая свое положеніе, онъ, по чувству состраданія, снялъ съ себя платье и прикрылъ имъ птичекъ. Вскорѣ прилетѣла огромная птица—мать этихъ птичекъ. Узнавъ, что онъ прикрылъ ея дѣтей отъ дождя, она въ награду за это вынесла его на себѣ на землю, гдѣ онъ обличилъ своихъ злыхъ братьевъ.—Старшій отецъ,—говорится въ другой сказкѣ (Царевна Елена прекрасная) ⁽¹⁾,—при смерти своей, просилъ своихъ сыновей приходитъ къ нему на могилу читать по очереди; старшіе братья хотя и дали обѣщаніе, но не пошли на могилу, а младшій читалъ по три ночи, не только за себя, но и за нихъ, и въ награду за это получалъ отъ отца коня, съ помощію коего досталъ себѣ невѣсту, Елену прекрасную, которой напрасно помогали старшіе братья. Въ другихъ сказкахъ ⁽²⁾ младшій братъ награждается за то, что, желая помочь больному отцу, рѣшается достать цѣлительныхъ средствъ, подвергая себя страшнымъ опасностямъ. Такимъ образомъ, младшаго брата сказка награждаетъ за его добродушіе, состраданіе, любовь и послушаніе, и вообще цѣнить въ немъ прямоту, честность и доброгу его нравственнаго характера, совершенно противоположнаго характеру хитрыхъ, эгоистическихъ и злыхъ старшихъ братьевъ.

Ко второму роду относятся тѣ сказки, въ которыхъ мифическіе образы смѣняются христіанскими представленіями и нраво-описательный элементъ становится преобладающимъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны сказки *о правдѣ и кривдѣ* и *о богатствѣ и бѣдности*. Вотъ содержаніе одной сказки *о правдѣ и кривдѣ* ⁽³⁾. „Два мужика—правдивый и вшиводушный—спорили мел-

⁽¹⁾ Сказки Аванасьева. Вып. VI, № 26. ⁽²⁾ Тамъ же, Вып. VII, № 9. Вып. VIII, № 4.

⁽³⁾ Сказки Аванасьева. Вып. I, № 10. Другія сказки *о правдѣ и кривдѣ* смотр. тамъ же. Вып. V, № 13. Вып. VI, № 15.

ду собою о томъ, чѣмъ лучше жить на свѣтѣ—правдой или кривдой, и, не могши разрѣшить спора, потому что каждый изъ нихъ настаивалъ на своемъ, они положили—спросить объ этомъ „до трехъ разъ тѣхъ, кто встрѣтится съ ними на дорогѣ. Прежде всего они увидѣли барскаго мужика, который землю пахалъ; „какъ лучше жить на свѣтѣ,—спросили они его,—правдой или кривдой?“ „Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—правдой вѣкъ прожить не сможешь; кривдой жить легче: вотъ и наше дѣло, изъ-за неволи прикинешься, удто нездоровъ.... а самъ между тѣмъ въ лѣсъ стѣздишь за дровами не днемъ, таѣ ночью, если запретъ есть“. Потомъ они встрѣтили купца и предложили ему тотъ же вопросъ; „правдой жить мудрено,—сказалъ купецъ,—насъ обманываютъ, и мы обманываемъ“. Наконецъ попался имъ приказчикъ; но онъ, по-видимому, и отвѣчать имъ не хотѣлъ, когда они спросили его: какъ лучше жить на свѣтѣ—правдой или кривдой; „нашли,—сказалъ онъ,—о чемъ спрашивать; какая нынче правда; за правду въ Сибирь попадешь, скажутъ—влязники“. Такимъ образомъ, всѣ трое говорили противъ правдиваго; несмотря на то, правдивый остался при своемъ мнѣнiи, что „надо жить правдой“. Пошли они, говорить далѣе сказка, странствовать. Криводушный умѣлъ во всѣмъ приладиться, умѣлъ всѣмъ польстить и угодить, и за то его вездѣ кормили и всего ему давали, а правдивый, при своей прямотѣ и честности, часто долженъ былъ голодать. Однажды у правдиваго долго совсѣмъ нечего было ѣсть; онъ попросилъ у криводушнаго кусочекъ хлѣба; тотъ согласился дать, но подъ тѣмъ условiемъ, чтобы выколоть у него глазъ. Умирающiй съ голоду правдивый рѣшился пожертвовать своимъ глазомъ. Спустя нѣсколько времени правдиваго опять началъ мучить сильный голодъ; онъ опять сталъ просить у криводушнаго кусочекъ хлѣба; криводушный потребовалъ за него другой глазъ. Сколько ни убѣждалъ его правдивый пожалѣть его, криводушный не согласился; „за то ты правдивый,—говорить онъ ему съ насмѣшкой,—а я живу кривдой“. Выколовъ у правдиваго оба глаза, криводушный оставилъ его одного на дорогѣ. Но сказка не оставляетъ правдиваго и награждаетъ его за правоту чудеснымъ образомъ.—Послѣ горячей молитвы въ Богу, на котораго только и оставалось надѣяться правдивому, онъ услышалъ голосъ, который повелѣваетъ ему итти на гремучiй ключъ, умыться изъ него водой, потомъ взлѣзть на одинъ дубъ и остаться тамъ на ночь. Умывшись водою изъ указаннаго ключа, правдивый прозрѣлъ и, нашедши дубъ, взлѣзъ на него. Въ полночь въ этому дубу слетѣлись нечистые духи и начали разговаривать между собою. „Вотъ

уже десять лѣтъ,—говорилъ одинъ духъ другому,—какъ я вселился въ такую-то царевну и мучу ее; выгнать меня можетъ только тотъ, кто достанетъ образъ Смоленской Божіей Матери, поставленный на воротахъ въ кіоти у такого-то купца“. Выслушавъ все это, правдивый на другой день отправился къ купцу, трехлѣтней работой у него приобрѣлъ образъ и, явившись съ нимъ къ царю, испѣлялъ царевну. Въ награду за это царь выдалъ царевну за него замужъ. Наградивъ правдиваго за его правоту и терпѣніе, сказка не оставляетъ криводушнаго безъ наказанія. Увидѣвъ правдиваго и узнавъ, какимъ образомъ онъ сдѣлался богатымъ и знатнымъ, криводушный и самъ вздумалъ добиться такого же счастья, и отправился къ тому дубу, подъ которымъ, по указанію правдиваго, собирались нечистые духи на совѣщаніе; но его постигла совсѣмъ иная участь: духи замѣтили его на дубу и растерзали на мелкія части. Смыслъ всей связи такой: хотя правда не уважается на землѣ и правдивымъ людямъ приводится только терпѣть и страдать, но все же должно жить правдой; за нее награждаетъ Богъ, а за неправду Онъ наказываетъ. Какъ въ борьбѣ правды съ неправдою народная сказка перевѣсь и конечное торжество предоставляетъ правдѣ, такъ и при изображеніи богатства и бѣдности она становится на сторону честной и правдивой бѣдности и, награждая ее, наказываетъ въ то же время богатство, соединенное съ неправдою. Такова, напр., сказка о *Маркѣ богатомъ и Василии безчастномъ* (1). Марко былъ богатый купецъ, но не милостивый; особенно онъ терпѣть не могъ нищихъ и приказывалъ травить ихъ собаками, когда они къ нему приходили. За такую жестокость Богъ опредѣлилъ отнять у Марка богатство и передать его только-что родившемуся сыну самаго бѣднаго крестьянина, Василию безчастному. Узнавъ объ этомъ, Марко тотчасъ отправился къ отцу Василия, вызвался быть его крестнымъ отцомъ и выпросилъ его себѣ на воспитаніе, но, возвращаясь домой, на дорогѣ бросилъ его въ оврагъ. Здѣсь нашли Василия купцы, ѣхавшіе къ Марку съ деньгами, и взяли его съ собой. Марко выпросилъ Василия у купцовъ, согласившись за него простить имъ долгъ, который они привезли къ нему. Въ судьбѣ Василия приняла участіе дочь Марка, добрая и милостивая къ бѣднымъ, Анастасія прекрасная, но Марко въ одну ночь посадилъ Василия въ боченокъ и бросилъ въ воду. Боченокъ приплылъ къ одному монастырю; монахи пой-

(1) Сказки Аонасьева. Вып. I, № 13.

малы его и воспитали Василю. Марко захалъ однажды въ монастырь на богомолье и узналъ здѣсь своего крестника. Опъ предложилъ игумену монастыря 25 рублей вкладу и выпросилъ опять себѣ Василю въ приказчики. Желая погубить его, онъ послалъ его къ своей женѣ съ письмомъ, въ которомъ онъ приказалъ, при первомъ же случаѣ, столкнуть его въ кипячій котель на мыльномъ заводѣ. Но на дорогѣ встрѣтилъ Василю старецъ, который чудеснымъ образомъ измѣнилъ содержаніе письма; жена Марка нашла въ письмѣ приказаніе отдать замужъ за Василю дочь, Анастасію прекрасную, и тотчасъ исполнила его. Страшно разсердился Марко, когда, возвратившись домой, нашелъ Василю своимъ зятемъ. Чтобы вѣрнѣе погубить его, онъ наконецъ послалъ его къ царю змію на съѣденіе; но Василий и отъ змѣи спасся и возвратился домой съ 12 кораблями, которые далъ ему тотъ же старецъ, сдѣлавшій его зятемъ Марка; Марка же старецъ сдѣлалъ перевозчикомъ, который вѣчно долженъ всѣхъ перевозить черезъ рѣку. Такимъ образомъ, по смыслу сказки, чѣмъ богаче дѣлается человекъ, тѣмъ скупѣе становится, жаднѣе и немилостивѣе. Такой же взглядъ на богатство выражается и въ пословицахъ: „не отъ скудости скупость вышла, а отъ богатства“; „чѣмъ богатѣе, тѣмъ скупѣе“; „будешь богатъ, будешь и скупъ“; „залѣзъ въ богатство, забылъ и братство“.

Чѣмъ древнѣе сказки, по своему происхожденію, тѣмъ болѣе онѣ отличаются наивностію и простотою взгляда, ровностію и спокойствіемъ тона; но, съ теченіемъ времени, сказка мало-помалу утрачиваетъ эти качества и, подчиняясь требованіямъ времени, становится выраженіемъ разныхъ взглядовъ и направленій и наконецъ получаетъ характеръ сатирическій. Являются сказки *сатирическія*, въ которыхъ, какъ вообще въ сатирическихъ произведеніяхъ, осмѣиваются разныя смѣшныя и неправильныя явленія жизни, разные недостатки и пороки. Къ такимъ сказкамъ относятся, напр., сказки: о *Шемякиномъ судѣ* и о *Ершѣ Ершовицѣ Шетинникѣ*.

Есть сказки, содержаніе которыхъ заимствовано изъ былинъ. Таковы, напр., сказка объ Ильѣ Муромцѣ, сказка объ Алешѣ Поповичѣ. Нѣкоторыя сказки передѣланы изъ западныхъ повѣстей и сказокъ; напр., извѣстная сказка о Бовѣ Королевичѣ составляетъ передѣлку одной итальянской поэмы XIV в. „*Vuovo d'Antona*“. Сказка о „Петрѣ — златыхъ ключахъ“ есть также отрывокъ изъ одной западной повѣсти о графѣ Петрѣ Прованскомъ ⁽¹⁾. Эти сказки пере-

(1) Очеркъ Пыпина, стр. 233, 234.

шли къ намъ съ запада чрезъ Польшу и сначала, разумѣется, обращались въ книжной литературѣ, изъ которой потомъ перешли въ народъ.

Средствомъ къ распространенію въ народѣ сказокъ съ поэтическимъ содержаніемъ и вообще сказокъ книжнаго происхожденія служили, между прочимъ, и до сихъ поръ служатъ такъ называемыя „*лубочныя картинки*“. Всего чаще встрѣчаются на лубочныхъ картинкахъ сказки „о Бовѣ Королевичѣ, Ерусланѣ Лазаревичѣ, семи Семіонахъ, объ Иванѣ царевичѣ, жарь-птицѣ и сѣромъ волкѣ“. Но особенно въ нихъ много сказокъ сатирическаго или забавнаго содержанія, между которыми самая обыкновенная сказка—*„Погрѣбеніе kota мышами“*.

Особый отдѣлъ сказокъ составляютъ сказки о животныхъ, называемыя *животнымъ или зверинымъ эпосомъ*, хотя не совсемъ точно, потому что, кромѣ животныхъ, въ нихъ разсказывается и о разныхъ неодушевленныхъ предметахъ. Эти сказки получили начало свое еще въ тѣ древнія времена, когда, при младенческомъ взглядѣ на природу и подъ преобладающимъ вліяніемъ фантазіи, народъ любилъ придавать разумную жизнь всему окружающему, влагая свою человѣческую мысль, чувство и слово не только въ животныхъ, но и въ неодушевленные предметы. Основные мотивы сказокъ о животныхъ, какъ и мотивы сказокъ мифическихъ, очень сходны у всѣхъ народовъ индо-европейскаго племени. Это даетъ право предполагать, что всѣ сходные мотивы въ сказкахъ образовались еще въ то время, когда всѣ эти народы находились въ нераздѣльности. При сходствѣ въ основныхъ мотивахъ, въ сказкахъ много и особенностей. Сообразно съ разными мѣстностями, у однихъ народовъ дѣйствующими лицами или героями сказокъ чаще являются одни животныя,—у другихъ—другія: въ восточныхъ сказкахъ, напр. индійскихъ—тигръ, въ греческихъ—левъ, въ нѣмецкихъ, славянскихъ и русскихъ—волкъ, медвѣдь и лиса. Сказки о лисѣ особенно были распространены въ средніе вѣка въ западной Германіи, сѣверной Франціи и Фландріи и въ XII—XIII в. получили даже литературную обработку, подъ названіемъ *Reinhart Fuchs*. Наши сказки также разсказываютъ преимущественно о волкѣ, медвѣдѣ и лисѣ („Лиса и Волкъ“, „Лиса и Пѣтухъ“, „Лиса и Заяць“, „Лиса на ночлегѣ“, „Лиса-плачя“, „Мужикъ, Медвѣдь и Лиса“). Лиса изображается хитрымъ животнымъ; при помощи своей хитрости, она всегда беретъ верхъ надъ другими сильными, но недогадливыми животными, особенно волкомъ и медвѣдемъ. Изъ другихъ животныхъ въ нашихъ сказкахъ изображаются: заяць, котъ, возель и баранъ; изъ птицъ—пѣтухъ, гуси, лебеди и утки.

III. РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

Пословицами ⁽¹⁾ называются краткія изреченія, въ которыхъ выражаются мысли и сужденія, вѣрованія и суевѣрія и правила житейской мудрости народа, характеризуются разными явленія жизни и историческія событія. Мысли и правила выражаются въ пословицахъ иногда прямо и непосредственно, напр. „всегда себя покоить, таеъ дому не устроить“; иногда въ формѣ сравненія, напр. „конь узнается при горѣ, а другъ при бѣдѣ“; „гляда на лѣсъ не выростешъ, смотря на людей богатъ не будешъ“; иногда въ формѣ указанія на какой-нибудь частный случай, которому придается общее значеніе, напр. „за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь“, „обожежешся на молокоъ, будешъ дуть и на воду“; или наконецъ въ формѣ указанія на какое-нибудь историческое событіе, напр. „погибоша, аки Обре“, „погибъ, какъ шведъ подъ Полтавою“. Поэтому, большая часть пословицъ имѣютъ два смысла—одинъ, который прямо представляется въ указываемомъ случаѣ, а другой общій смыслъ, который изъ него выводится или только подразумевается; поэтому и говорится: „пословица заднимъ умомъ живегъ“. Эта образная форма выраженія мыслей составляетъ отличительную черту пословицъ и придаетъ имъ поэтическій характеръ: „голая рѣчь не пословица“ или „одна рѣчь не пословица“. Словесное выраженіе въ пословицахъ отличается особымъ мѣрнымъ складомъ и созвучіемъ словъ или въ началѣ и срединѣ пословицы, что называется аллитераціей, напр. „отъ сумы да отъ тюрьмы не отрекайся“, или въ концѣ, т. е. риемою, напр. „не проси у богатаго, проси у тороватаго“.

Пословицы не сочинялись народомъ намѣренно, а возникали

⁽¹⁾ Встарину пословица называлась притчею. «Есть притча въ Руси и до сего дне», говоритъ Несторъ, «погибоша, аки Обре». Эта притча впоследствии стала называться пословицею. Въ Словѣ Даниила Заточника пословицы называются также притчами. Изданія пословицъ: «Русскія народныя пословицы и притчи» 1848 г.; дополненіе къ послѣднему сборнику было напечатано Буслаевымъ во 2-мъ томѣ Архива Калачова въ 1854 г.; въ 1857 г. Снегиревъ издалъ новый сборникъ пословицъ. Самый полный сборникъ русскихъ пословицъ напечатанъ В. И. Далемъ: «Пословицы русскаго народа». Москва. 1862; «Малороссійскія пословицы, поговорки и загадки и галицкія приповѣдки, собр. Н. Закревскій» М. 1860 г.; Южно-русскія пословицы въ Трудахъ Географ. экспедиціи, т. I, вып. 2 (1877 г.). Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ И. И. Носовича, напечатанъ въ Сборн. 2-го Отд. Ак. Наукъ, т. XII.

въ немъ естественно, вызываемая самою жизнію народною, умпожались постепенно, вмѣстѣ съ историческимъ ходомъ развитія жизни и народной и книжной словесности, подъ вліяніемъ коей многія изъ нихъ и образовались. Поэтому на пословицахъ отпечатлѣлись слѣды разныхъ временъ. Есть пословицы весьма древнія, въ которыхъ можно видѣть слѣды еще миѣическихъ вѣрованій нашихъ предковъ. По замѣчанію Буслаева въ пословицахъ: „изъ пустого дупла—либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана“; „горы да овраги—чертово житѣ“; „всякому черту вольно въ своемъ болотѣ бродить“; „вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли“ сохраняется память о древнихъ языческихъ обрядахъ (почитаніи дуплинъ деревяныхъ, горъ, рѣкъ, озеръ и вѣнчаніи вокругъ ракитова куста) и языческихъ божествахъ, которыя, съ появленіемъ христіанства, въ воображеніи нашихъ предковъ, превратились въ злыхъ духовъ. Есть пословицы историческія, указывающія на разныя историческія эпохи. Такъ, пословицы или притчи: „погибоша, аки Обре“; „бѣда, аки въ Роднѣ“; „Радимичи Волчья Хвоста бѣгають“; „Путята крести (новгородцевъ) мечемъ, а Добрыня огнемъ“ (Нестор. Лѣт.) указываютъ на самыя первыя времена исторіи. Такъ, пословица: „съ добрымъ думцею (совѣтникомъ) князь високаго стола додумается, а съ лихимъ думцею и малаго стола лишень будетъ“ (изъ Слова Даніила Заточника) указываетъ на времена удѣловъ. Пословицы: „не во время гость хуже татарина“; „тутъ словно Мамай воевалъ“; „постой, татаринъ, дай саблю выпнуть“; „каковъ ханъ, такова и орда“; „хоть въ орду, такъ пойду“ (т. е. судиться) говорятъ о владычествѣ татаръ. Пословица: „семеро пойдуть Сибирь возьмутъ“ составила, вѣроятно послѣ покоренія Сибири небольшою шайкою Ермака. Пословица „вогъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день“ указываетъ на время уничтоженія, при Борисѣ Годуновѣ, крестьянскихъ выходовъ, происходившихъ въ Юрьевъ день (св. Георгія). Пословицы: „пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавою“; „голодный французъ и воронѣ радъ“ говорятъ о пораженіи Карла XII и бѣдствіяхъ французовъ въ Россіи въ 1812 г.

Однѣ пословицы составились подъ вліяніемъ книгъ св. Писанія, или вообще церковнаго ученія; таковы пословицы религиозныя и нравственныя: „Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ“; „сила Господня въ немощи совершается“; „Господь богатитъ и выситъ, убожитъ и смиряетъ“; „коли Господь не сохранитъ града, то всеу стража и ограда“; „Богъ далъ, Богъ и взялъ“; „Богъ тому даетъ, кто правдою живетъ“; „материна молитва со дна моря вынимаетъ“. Особенно много вошло въ пословицы изреченій изъ Псалтири и изъ книгъ Притчей, Екклезіаста, Премудрости Соломона и Премудрости Іисуса, сына Сирахова. Другія пословицы составились

подъ вліяніемъ произведеній народной поэзіи—былинь, пѣсень и сказокъ. Таковы, напр.: „то старина, то и дѣянье“ (изъ былины); „отъ радости кудри вьются, въ печали сѣкуются“ (изъ пѣсни); „носъ вытащить, хвостъ увязить, хвостъ вытащить, носъ увязить“ (изъ сказки о журавлѣ); „корова съ медвѣдемъ (или волкомъ) тягалась, хвостъ да рога остались“ (изъ сказки о медвѣдѣ и волкѣ) Пословицы: „прямой что дурной“, т. е. глупый; „глупый да малый всегда говорятъ правду“; „дурному горя не ма“; „дурному страху не ма“ составились на основаніи сказокъ „о трехъ братьяхъ“. Большая же часть пословицъ образовалась чрезъ наблюденіе надъ жизнью, общественною и частною, какъ естественный выводъ изъ разныхъ ея явленій, случаевъ, положеній и обстоятельствъ. Таковы пословицы о значеніи міра—нарола: „гласъ народа—гласъ Божій“; „міръ великъ челоувѣкъ“. Пословицы о значеніи дома—семьи: „всякъ домъ по большу голову стоитъ“. Пословицы, выражающія разныя практическія и житейскія истины и наставленія: „бѣлыя руки чужіе труды любятъ“; „частыя пирушки изведутъ полущки“; „счастье безъ ума—дырявая сума, гдѣ найдешь, тамъ и сгубишь“; „новая метла чисто мететь“; „рыба ищетъ гдѣ глубже, а челоувѣкъ гдѣ лучше“; „ретивая лошадка не долго живетъ“; „не будетъ пахотника, не будетъ и бархатника“; „въ чужихъ рукахъ всегда ломоть великъ кажется, а какъ намъ достанется, такъ и малъ покажется“; „не все то перенять, что по рѣкѣ плыветь, не все то переслушать, что люди говорятъ“; „не бойся той собаки, которая лаетъ, а бойся той, которая исподтишка кусаетъ“; „въ большомъ мѣстѣ сидѣть, надо много ума имѣть“. При этомъ пословицы кратки, но иногда чрезвычайно мѣтко обрисовываютъ разныя положенія, нравы и обычаи въ народной жизни и разныя характеры людей. Въ этомъ отношеніи интересны пословицы: „въ дѣвкахъ сижено—горе мыкано; замужъ выдано—двое прибыло“; „плачетъ какъ на дѣвичникѣ“; „въ лѣсу медвѣдъ, а дома мачиха“; „за чужую душу одна сваха божится“. Изъ пословицъ, обрисовывающихъ разныя характеры людей, можно указать на слѣдующія: „у злой Натальи всѣ люди каналы“ (злой челоувѣкъ); „шипить, какъ каленое желѣзо, когда плюнешь“ (челоувѣкъ горячій, раздражительный); „его семью пестами въ ступѣ не попадешь“ (увертливый); „его въ ступѣ пестомъ не умелешь“ (упрямый); „идеть въ сапогахъ, а слѣдъ босикомъ“ (хитрый); „на небо посматриваетъ, а по землѣ-то пошариваетъ“ (разсчетливый ханжа); „гдѣ ни ступитъ, тутъ и стукнетъ“ (увалень); „лепечеть что сорока“ (скороговорчатый); „сказалъ что отрубилъ“ (говорящій отрывисто и рѣшительно); „говоритъ что рѣка льется“ (плавно и связно); „воркуетъ какъ голубокъ“ (ласково и нѣжно); „что слово молвить, то рублѣмъ подарить“ (говоритъ хорошо и дѣльно).

Такимъ образомъ, пословицы образовались въ разныя времена, чрезъ наблюдене надъ жизнью, и суть не что иное, какъ выводы, сдѣланные изъ разнообразныхъ ея явленій. Поэтому, какъ взятыя непосредственно изъ жизни, пословицы легко и сами собою примѣняются къ разнымъ ея случаямъ. Особенно встарину, когда не было книгъ и книжнаго образованія, онѣ пользовались высокимъ уваженіемъ и имѣли значеніе правила и руководства въ жизни. Такое значеніе пословицы и до сихъ поръ сохраняютъ въ нашемъ простомъ народѣ, который употребляетъ ихъ для подтвержденія своихъ мыслей, для оправданія своихъ поступковъ, для обличенія или обвиненія другихъ. „Старинная пословица во вѣкъ не сломится“; „на пословицу суда нѣтъ“, говорятъ о себѣ сами пословицы. Само собою разумѣется, что не всѣ пословицы могутъ имѣть такое значеніе; есть много пословицъ грубыхъ и оскорбительныхъ для нравственного чувства, выражающихъ ложный, превратный взглядъ на дѣла и отношенія людей. Впрочемъ, подобныя пословицы народъ и не относитъ къ настоящимъ пословицамъ: „не всякая рѣчь пословица“, говоритъ онъ, „пень не околица, глупая рѣчь не пословица“.

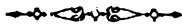
Отъ настоящихъ пословицъ надобно отличать поговорки, присловія или присказки. „Поговорка цвѣточекъ, пословица ягодка“, говоритъ народъ. Поговорка, не имѣя полного смысла, заключаетъ только намекъ на какую-нибудь мысль; напр. „на поминѣ легокъ“, „какъ снѣгъ на голову“. Приговорка, присловіе или присказка прибавляется въ рѣчи, при разсказѣ или описаніи чего-нибудь, какъ простое украшеніе; напр. „ни дать ни взять, ни вздумать ни взгадать, ни перомъ описать“; „не по днямъ, по часамъ растеть“; „скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается“.

Загадки. Къ произведеніямъ народной словесности относятся еще *загадки и заговоры* или *заклятія*. Загадки составляютъ одну изъ первоначальныхъ формъ поэзіи у каждаго народа; особенно въ большомъ уваженіи онѣ были у восточныхъ народовъ; какъ признакъ мудрости и того, кто можетъ давать загадки, и того, кто способенъ отгадывать ихъ. Въ настоящее время интересъ загадокъ заключается въ томъ, что въ нихъ выражаются еще древнѣйшія представленія народа о разныхъ явленіяхъ природы; таковы, напр., загадки о солнцѣ, о мѣсяцѣ, о солнечномъ лучѣ: „изъ окна въ окно золото бревно (въ другихъ—веретено)“; о зарѣ и росѣ: „варя заряница, красная дѣвица, врата запирала, по полю туляла, ключи потеряла, мѣсяцъ видѣла, солнце скрало“. Нѣкоторыя изъ этихъ загадокъ указываютъ еще на ту эпоху, когда явленія природы и свѣтила небесныя представлялись еще въ жи-

вотныхъ образахъ; таковы загадки: о мѣсяцѣ: „сивый жеребецъ чрезъ прясло (или: подъ ворота) глядѣть“; о громѣ: „конь бѣжить, земля дрожитъ“; о ночи и днѣ: „черная корова весь мѣръ поборола, а бѣлая подняла“. Загадка всегда имѣетъ метафорическую форму. „Вся трудность и вся сущность загадки, замѣчаетъ Аванасевъ, именно въ томъ и заключается, что одинъ предметъ она старается изобразить чрезъ посредство другого, какой-нибудь стороной аналогическаго съ первымъ. Сравненія въ загадкахъ часто весьма наивны и незамысловаты; мѣсяцъ, напр., сравнивается то „съ краюшкою хлѣба“, то „съ кускомъ творогу“; иногда мѣсяцъ называется пастухомъ, а звѣзды стадомъ; небо, усѣянное звѣздами, сравнивается съ рогожкой, по которой раскиданы горошины. По содержанію большая часть загадокъ довольно пусты; въ нихъ изображаются обыкновенные предметы и случаи обыденной жизни.

Заговоры или заклятія. Заговоры или заклятія принадлежатъ къ области такъ называемаго *народнаго знахарства* и сохраняются между людьми, слывущими въ народѣ *колдунами, вѣдунами, знахарями*. Они составляютъ остатокъ еще языческой старины, когда были обоготворяемы разныя силы и явленія природы, когда вѣрили, что посредствомъ молитвенныхъ словъ и обрядовъ можно привлечь къ себѣ ихъ благотворное вліяніе и уничтожить или остановить ихъ вредное дѣйствіе, когда думали, что физическія явленія и разные вещественные предметы могутъ имѣть вліяніе и на нравственные качества людей, на ихъ добрыя и дурныя дѣйствія. Въ заговорахъ постоянно дѣлаются обращенія къ солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ, зарѣ, вѣтрамъ, огню, грому, дождю, водамъ; упоминаются Окіанъ-море; островъ-Буянъ, камень-Латырь, встрѣчающіеся въ другихъ произведеніяхъ народной словесности „Гой еси, Солнце жаркое! не пали и не пожигай ты овощъ и хлѣбъ мой, а жги и пали куколь и полынь-траву“.—„Гой еси ты, Зоря утренняя и ты, Зоря вечерняя! пади ты на мою рожь чтобы она росла—какъ дѣсь высока, какъ дубъ толста“.—„Матушка, Зоря вечерняя, утренняя, полуночная! какъ вы тихо потухаете-поблѣкаете, такъ бы и болѣзни и скорби въ рабѣ Божіемъ (имя рекъ) потухли и поблѣкли—денныя, ночныя и полуночныя“.—„Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ,—серебряные рожки, златыя твои ножки; сойди мѣсяцъ, сними мою зубную боль, унеси боль подъ облака“.—Очевидно, заговоры выродились изъ молитвенныхъ обращеній къ стихіямъ и силамъ природы, которыя во времена язычества произносились жрецами и впоследствии перешли къ смѣнившимъ жрецовъ колдунамъ и знахарямъ. Въ христіанскія времена, вмѣсто свѣтилъ небесныхъ, стихій и силъ природы, съ молитвою о помощи во всѣхъ дѣлахъ, въ болѣзняхъ и несчастныхъ

случаяхъ начали обращаться къ Спасителю и Богоматери, къ ангеламъ и святымъ; но въ то же время и языческія молитвы не забывались, только къ языческимъ представлениямъ въ нихъ примѣшались христіанскія понятія, и въ заговорахъ, рядомъ съ красивымъ солнцемъ, свѣтлымъ мѣсяцемъ и матушкой-сырой землей стали употребляться имена Спасителя, Богоматери и Святыхъ. Такимъ путемъ составились тѣ дживыя молитвы и заговоры, о которыхъ говорится въ извѣстномъ индексѣ запрещенныхъ книгъ.

ДРЕВНЕ-РУССКАЯ КНИЖНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Книжная словесность появилась у нас вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою, когда изъ Болгаріи были принесены къ намъ священныя и богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ. Славянская азбука изобрѣтена и переводъ книгъ на славянской языкъ сдѣланъ во второй половинѣ IX в. св. апостолами славянскими, Кирилломъ и Меодіемъ. Разсказывая объ изобрѣтеніи ими славянской азбуки, болгарскій писатель (конца IX или начала X в.). черноризецъ Храбръ говоритъ: „Прежде убо Славяне не имѣяху книгъ (письменъ), но чертами и рѣзами читаху и гадаху, погани суще; крестивше же ся римскими и греческими письмены нуждахуся писати Словенску рѣчь безъ устроя (безъ порядка).... Потомъ же челоуколюбецъ Богъ, строяй вся и не оставляяй челоуѣча рода безъ разума, но вся къ разуму приволя и спасенію, помиловавъ родъ Словенскъ, посла имъ святаго Константина философа, нарицаемаго Кирилла, мужа праведна и истинна, и сотвори имъ письмена тридесять и осмь, ова убо по чину греческихъ письменъ, ова же по словенстѣй рѣчи“. Изъ этихъ словъ черноризца Храбра видно, что и у другихъ славянъ, до изобрѣтенія славянской азбуки св. Кирилломъ, не было настоящей письменности, а употреблялись только какія-то *черты и рѣзы* (ученые называютъ ихъ рунами), которыя, однакожь, были неспособны для выраженія христіанскаго ученія; славяне, принимавшіе христіанство до изобрѣтенія азбуки, должны были писать славянскую рѣчь греческими и римскими буквами.

Святые Кириллъ (въ свѣтскомъ званіи Константинъ, р. 827 г., умеръ 869) и Меодій (ум. 885 г.) были родные братья, дѣти одного солунскаго патриція, по имени Льва ⁽¹⁾. Солунъ (Фессало-

(1) Сочиненія о Кириллѣ и Меодіи, какъ славянскихъ апостолахъ и основателяхъ славянской письменности (А. В. Горскаго, арх. Филарета, В. II.

нии) былъ главнымъ городомъ Македоніи, которая прежде была преимущественно страной славянскою. Меѳодій былъ старшій братъ. Послѣ домашняго воспитанія, онъ поступилъ въ военную службу и былъ нѣсколько лѣтъ правителемъ одной славяно-греческой области, но потомъ постригся въ монашество въ одномъ монастырѣ (Полихроніевомъ), на горѣ Олимпѣ. Младшій братъ, Кириллъ, еще въ дѣтствѣ отличался богатыми способностями и съ такою страстію занимался ученіемъ, что на него обратилъ вниманіе бывшій опекунъ царевича Михаила, логоѳетъ Θεоктистъ, и вызвалъ его въ Константинополь для образованія вмѣстѣ съ Михаиломъ. Въ Константинополь въ это время былъ значительный кружокъ образованныхъ людей, которые ревностно начали изучать не только отцовъ церкви, но и греческихъ и римскихъ писателей. Во главѣ этого кружка стоялъ знаменитый Фотій, бывшій потомъ цареградскимъ патріархомъ. Кириллъ сдѣлался его ученикомъ и подъ его руководствомъ изучалъ словесныя, философскія и математическія науки. Богатыя дарованія, обширное образованіе и покровительство логоѳета Θεоктиста при дворѣ открывали Кириллу путь къ блестящимъ почестямъ въ свѣтѣ; но онъ отказался отъ нихъ, принялъ санъ священника и занялъ мѣсто бібліотекаря при церкви св. Софіи, но потомъ скрылся въ монастырь и только по настоянію друзей возвратился въ столицу и принялъ должность учителя философіи и званіе философа, которое и сохранилось за нимъ въ потомствѣ.

Первымъ опытомъ собственно апостольскихъ трудовъ Кирилла было его путешествіе (около 851 г.) къ милитенскому эмпру, куда онъ былъ посланъ для состязанія съ магометанами. По возвращеніи изъ этого путешествія, онъ отправился къ брату своему, Меѳодію. Меѳодій, наскучивъ міромъ, постригся въ монашество на горѣ Олимпѣ. Здѣсь братья проводили время въ ученіи и духовныхъ подвигахъ. Здѣсь, думаютъ, они и начали переводить священныя книги на славянскій языкъ. Но такая мирная жизнь ихъ не долго продолжалась. Около 858 г. въ Константинополь прибыло посольство изъ земли хазарской, съ просьбою прислать мудраго и вѣжливаго учителя для борьбы съ іудеями и сарацинами. Царь Михайлъ III и патріархъ Фолій отправили въ хазарамъ Кирилла и Меѳодія.

Григоровича, М. П. Погодина, Ѳ. И. Буслаева, А. Ѳ. Гизъ-Фердинга, А. Е. Викторовъ и другихъ) помѣщены въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ, изданномъ М. П. Погодинымъ. Москва. 1865 г. Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный Импер. Варшавскимъ университетомъ къ 6 апрѣля 1885 года, подъ редакціею орд. проф. А. Будиловича. Варшава. 1885 г.

Путь ихъ изъ Константинополя къ хазарскому хану лежалъ чрезъ Корсунъ (Херсонесъ на берегу Чернаго моря, близъ нынѣшняго Севастополя). Въ Корсунѣ Кирилль остановился и изучилъ еврейское нарѣчіе и открылъ мощи священномученика Климента, папы римскаго. Въ одномъ изъ житій сохранилось еще такое свидѣтельство, будто въ Херсонесѣ Кирилль познакомился съ однимъ русиномъ и нашель переложенныя на русскій языкъ Евангеліе и Псалтирь, написанныя русскими (рушскими) письменами, подъ которыми одни ученые разумѣютъ глагольскія, а другіе — готскія письмена. Взявъ мощи св. Климента, Кирилль и Меѳодій отправились къ хазарскому хану. Ханъ принялъ ихъ весьма дружелюбно, и хотя самъ не крестился, но позволилъ креститься свободно всякому, кто захочетъ. Крестивъ, по сказанію одного житія, до 200 чловѣкъ и взявъ нѣсколько плѣнныхъ грековъ, отпущенныхъ ханомъ, Кирилль и Меѳодій возвратились въ отечество. Въ нѣкоторыхъ житіяхъ говорится, что въ 861 г. св. Меѳодій посѣтилъ Болгарію и обратилъ въ христіанство Болгарскаго царя, Бориса; но другія житія объ этомъ не упоминаютъ, а самое крещеніе Бориса, а потомъ и болгарскаго народа относятъ къ концу 864 или къ началу 865 г. Между тѣмъ еще въ 862 г. св. братья посланы были въ Моравію, по просьбѣ Моравскаго князя, Ростислава.

Дѣятельность въ Моравіи составляетъ самый важный пунктъ въ просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Исторія христіанскаго просвѣщенія Моравіи тѣсно связана съ политическою борьбою славянскихъ племенъ противъ нѣмецкаго владычества и сопровождалась страшною борьбою самихъ просвѣтителей славянскихъ съ нѣмецкимъ латинскимъ духовенствомъ. Въ Моравіи и Панноніи (Моравское и Паннонское княжества находились тамъ, гдѣ теперь Венгрія и Чехія, въ Австріи) начали распространять христіанство латинскіе проповѣдники Южной Германіи; но оно принималось здѣсь очень трудно. Проповѣдники совершали богослуженіе на непонятномъ для народа латинскомъ языкѣ. Видя безуспѣшность проповѣди нѣмецкаго духовенства, Ростиславъ обратился съ просьбою въ Царьградъ прислать такихъ проповѣдниковъ, которые научили бы народъ вѣрѣ на понятномъ, народномъ языкѣ. Императоръ Михаилъ для этой цѣли обратился къ Кириллу и Меѳодію: „Вы оба солуняне, сказалъ онъ имъ, а солуняне всѣ чисто говорятъ по-славянски“. Кирилль и Меѳодій отправились въ Моравію и принесли туда священныя и богослу-

жебныя вниги на славянскомъ языкѣ, начали учить народъ, строить церкви, совершать богослуженіе и заводить училища; христіанство начало быстро распространяться. Такіе успѣхи славянскихъ апостоловъ, естественно, возбудили сильную зависть въ латинскомъ духовенствѣ. Оно обратилось въ Римъ и представило папѣ Николаю I богослуженіе на славянскомъ языкѣ новизною, противною римской церкви. Въ это время произошелъ первый церковный раздоръ между Востокомъ и Западомъ, между папою Николаемъ и патриархомъ Фотіемъ; при такихъ обстоятельствахъ, обвиненіе въ новизнѣ Кирилла и Меѳодія, какъ проповѣдниковъ Восточной церкви, должно было получить въ Римѣ особенную силу. Папа вызвалъ ихъ въ Римъ. Взявъ съ собою мощи св. Климента, братья отправились.

Но пока Кириллъ и Меѳодій шли къ Риму, папа Николай умеръ. Преемникъ его, Адрианъ, узнавъ, что Кириллъ и Меѳодій несутъ въ даръ Риму мощи св. Климента, торжественно встрѣтилъ ихъ за городомъ. Кириллъ представилъ папѣ Евангеліе на славянскомъ языкѣ; въ знакъ одобренія, папа положилъ его на алтарь въ храмѣ св. Петра. Изнуренный трудами, св. Кириллъ заболѣлъ въ Римѣ и 14 февраля 869 г. скончался. По смерти Кирилла, Адрианъ рукоположилъ Меѳодія въ епископа Моравіи и, отправляя въ Моравію, далъ ему буллу, въ которой богослуженіе на славянскомъ языкѣ призналъ законнымъ. Между тѣмъ обстоятельства въ Моравіи измѣнились. Нѣмцы взволновали славянъ междоусобіями: Ростиславъ былъ изгнанъ своимъ племянникомъ, Святополкомъ. Меѳодій удалился къ Паннонскому князю, Коцелу. Славяне были рады своему епископу; но еще сильнѣе стало преслѣдовать его латинское духовенство. Оно возбудило противъ него нѣмецкаго императора, Людовика, и Моравскаго князя, Святополка; Меѳодія послали въ Швабію въ заточеніе, въ которомъ онъ находился два года съ половиной. По просьбѣ моравцевъ, папа Іоаннъ VIII потребовалъ отъ императора освобожденія Меѳодія и потомъ, по просьбѣ Коцела, поставилъ Меѳодія архіепископомъ въ Моравіи. Но вскорѣ нѣмцы обвинили Меѳодія предъ папою въ ереси, такъ что Меѳодій два раза долженъ былъ отправляться въ Римъ для объясненія. Несмотря на такія гоненія, Меѳодій постоянно заботился о просвѣщеніи славянъ не только въ Моравіи, но и въ другихъ странахъ; около 871 г. онъ крестилъ чешскаго князя Боривоя и ввелъ въ Чехіи славянское богослуженіе; проповѣдь его учениковъ коснулась даже Силезіи и Польши. Скончался св. Меѳодій 6 апр. 885 г. въ Велеградѣ. По кончинѣ Меѳодія, латинскій языкъ вытѣснилъ изъ

Моравіи славянское богослуженіе. Ученики Кирилла и Меѳодія (Климентъ, Наумъ, Савва, Ангеларъ и Гораздъ), изгнанные изъ Моравіи латинскимъ нѣмецкимъ духовенствомъ, ушли въ разныя страны, преимущественно же въ Болгарію. Болгарія заботливо хранила труды нашихъ просвѣтителей и потомъ передала ихъ нашему отечеству.

Время изобрѣтенія славянской азбуки черноризецъ Храбръ относитъ въ 855 году.

Въ основу славянской азбуки была припята св. Кирилломъ греческая азбука; это, кромѣ свидѣтельства Храбра, доказывается совершеннымъ сходствомъ древнѣйшихъ славянскихъ рукописей (наприм. нашего Остромирова Евангелія, написанаго въ 1056—57 г.) съ греческими рукописями VIII—XIII в.; для тѣхъ звуковъ славянскаго языка, для которыхъ не было буквъ въ греческомъ алфавитѣ, частію были заимствованы буквы изъ другихъ алфавитовъ: еврейскаго, армянскаго и коптскаго, частію же изобрѣтены новыя особенныя буквы (таковы, напр., юсы). Всѣхъ буквъ, по сказанію Храбра, изобрѣтено св. Кирилломъ 38; число это впослѣдствіи въ славянскихъ азбукахъ прибавлялось и сокращалось. Славянская азбука была изобрѣтена вообще для всѣхъ славянскихъ племенъ; но она сохранилась въ употребленіи только у славянъ восточныхъ, сохранившихъ православное славянское богослуженіе (болгаръ, сербовъ, русскихъ, черногорцевъ, также у румыновъ или валаховъ); западные же славяне, послѣ уничтоженія у нихъ славянскаго богослуженія, приняли латинскую азбуку.

Славянская азбука, по имени изобрѣтателя, св. Кирилла называется *Кириллицею*. Кромѣ Кириллицы, у нѣкоторыхъ западныхъ славянъ (хорватовъ) извѣстна еще другая азбука—*Глаголита*. Она носитъ названіе *Иеронимовской* азбуки, потому что изобрѣтеніе ея приписывали блаж. Иерониму. Когда и вѣмъ изобрѣтена Глаголита, неизвѣстно; но памятники Глаголиты столько же древни, какъ и памятники Кириллицы. Поэтому одни писатели относятъ происхожденіе ея въ одному вѣку съ Кириллицей; другіе хотятъ считать ее даже старше и древнѣе Кириллицы. Но, при сравненіи Кириллицы и Глаголиты, нельзя не видѣть, что оригиналъ составляетъ Кириллица, а Глаголита есть ея копія. Глаголита сходствуетъ съ Кириллицей и звуками и порядкомъ буквъ и отличается отъ нея только оригинальнымъ весьма вычурнымъ ихъ начертаніемъ. Основываясь на томъ, что глаголическіе памятники отличаются отъ кирилловскихъ разными, словами и формами, принадлежащими нарѣчіямъ западнымъ, особенно нарѣчію при-адриа-

тических хорватовъ и сосѣднихъ имъ словенцовъ, Гильфердингъ полагаетъ, что глагольская азбука составлена была въ приморской Хорватіи.

Такъ какъ, во время основанія славянской письменности, всѣ славянскія нарѣчія были близки между собою, то языкъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, переведенныхъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, сдѣлался общеславянскимъ богослужебнымъ языкомъ и книги священныя и богослужебныя на этомъ языкѣ стали употребляться у восточныхъ и западныхъ славянъ. Къ намъ онѣ перешли изъ Болгаріи, конечно, при первомъ появленіи у насъ христіанства, еще до всеобщаго крещенія Россіи при Владимірѣ, такъ какъ еще до этого времени въ Кіевѣ были христіане.

Книги св. Писанія, книги богослужебныя и нѣкоторыя отеческія сочиненія, принесенныя изъ Болгаріи, положили начало нашей письменности и книжной словесности; церковно-славянскій языкъ этихъ книгъ послужилъ основою книжной русской рѣчи. Древнѣйшіе памятники нашей письменности составляютъ *Остромирово Евангеліе*, написанное въ 1056—1057 г. въ Новгородѣ, для новгородскаго посадника Остромира (въ крещеніи Іосифа), діакономъ Григоріемъ, и Сборники Святослава 1073 и 1076 г.

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ И НАПРАВЛЕНІЕ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ КНИЖНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Обстоятельства, при которыхъ возникло у насъ образованіе и появилась письменность, сообщили всей древней словесности особенный характеръ и направленіе.

Образованіе возникло у насъ изъ христіанской вѣры и въ ней имѣло главный источникъ. Оно сосредоточивалось въ монастыряхъ и въ училищахъ при церквяхъ, совершалось лицами духовными и монашествующими, по книгамъ церковнымъ и духовнымъ. Это сообщило какъ древней русской жизни, такъ и древней словесности *религіозно-церковное направленіе*. Не говоря о томъ, что большая часть памятниковъ древней словесности состоитъ изъ сочиненій духовныхъ: словъ, поученій, посланій, житій святыхъ,—даже сочиненія описательныя и историческія, какъ, напр., путешествія и лѣтописи, имѣютъ религіозный характеръ. Литературой занимались лица духовныя, а если, по особымъ случаямъ и обстоятельствамъ, становились писателями лица изъ другихъ сословій, княжескаго или бояр-

сваго (напр. Владиміръ Мономахъ, Іоаннъ Грозный, князь Курбскій и др.), то и они писали въ томъ же религіозномъ направленіи, такъ какъ воспитывались также на церковныхъ и духовныхъ книгахъ. Произведеній свѣтской литературы мы встрѣчаемъ чрезвычайно мало; какъ особаго отдѣла, свѣтской науки и литературы въ древней книжной словесности и не было. Научныя и литературныя потребности были мало развиты; имъ удовлетворяли произведенія литературъ иностранныхъ, изъ которыхъ переходили къ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія по разнымъ наукамъ и литературѣ. Христіанскую вѣру мы приняли отъ грековъ, изъ Византіи; *греческій* или частію *византійскій* характеръ получила и наша словесность. Христіанское ученіе мы усвоивали подъ руководствомъ греческихъ учителей и по сочиненіямъ греческой и византійской литературы. Византійской литературой называется періодъ греческой словесности отъ Юстиніана до паденія Константинополя (526 - 1453). Эта литература была, съ одной стороны, продолженіемъ христіанской литературы первыхъ вѣковъ церкви, съ другой стороны—наслѣдницею древняго греко-римскаго образованія. Въ Византіи изученіе древнихъ греческихъ писателей вошло въ составъ преподаванія въ школахъ, вмѣстѣ съ изученіемъ св. Писанія и отеческихъ твореній. Подъ вліяніемъ, съ одной стороны, отеческихъ твореній, первыхъ вѣковъ христіанства, съ другой—сочиненій древнихъ греческихъ писателей и сложился характеръ византійскаго образованія и литературы. Отъ христіанскихъ и языческихъ образцовъ были усвоены ученые и литературныя приемы и формы сочиненій. Языкъ и слогъ отличаются искусственностію и витіеватостію: наклонность къ символизму и аллегоріи, употребленіе длинныхъ рѣчей и разговоровъ, постоянныя сравненія, противоположенія, вопросы, восклицанія, обращенія и другія риторическія формы составляютъ отличительныя свойства византійскаго слога. Съ VI в., какъ извѣстно, и отеческая литература начала упадать; съ этого времени уже не появлялись такія оригинальныя произведенія, каковы были произведенія Аванасія Александрійскаго, Василія В., Григорія Богослова и Іоанна Златоуста; стали собирать прежнія творенія, дѣлали изъ нихъ извлеченія и составляли сборники. Форма сборника, сдѣлавшаяся господствующею формою византійской письменности, перешла и въ нашу древнюю письменность; мы встрѣчаемъ въ ней также множество сборниковъ съ разными названіями и безъ названій. Древнѣйшимъ, послѣ Остромирова Евангелія, памятникомъ славянской письменности служить сборникъ Святослава (1073), который былъ переведенъ съ греческаго сборника еще въ Болгаріи.

Очень видное мѣсто въ византійской литературѣ занимаютъ произведенія историческія, или лѣтописныя, такъ называемыя *хроники* и *хронографы*. Эти хроники и хронографы имѣли большое вліяніе на нашу лѣтописную словесность. Кромѣ богословскихъ и историческихъ сочиненій, въ Византіи было довольно разныхъ повѣстей и сказаній литературнаго характера, полудуховнаго, полусвѣтскаго и чисто свѣтскаго и даже сказочнаго содержанія; особенно сильно распространены были такъ называемыя апокрифическія сказанія. Всѣ эти произведенія переходили къ намъ и имѣли вліяніе на нашу словесность. Наконецъ изъ византійской же словесности, принявшей въ себя элементы греко-римскаго образованія, перешли въ нашу древнюю словесность и нѣкоторые свѣдѣнія историческія, географическія и физическія, изреченія древнихъ философовъ, ораторовъ и поэтовъ.

Какъ христіанство изъ Греціи, такъ вмѣстѣ съ нимъ и греческое образованіе стали распространяться въ другихъ странахъ славянскихъ еще задолго до крещенія Россіи. Въ этихъ странахъ прежде всего начала развиваться, подъ вліяніемъ греческаго образованія, и славянская письменность. Средоточіемъ этой греко-славянской письменности сдѣлались Болгарія и Сербія, и особенно Болгарія, которая вѣрнѣе всѣхъ странъ славянскихъ сохранила славянскую письменность, полученную отъ Кирилла и Меѳодія.

Сочиненія болгарскихъ писателей начали переходить къ намъ съ самыхъ первыхъ временъ христіанства, вмѣстѣ съ учеными болгарями, которые, несомнѣнно, были у насъ первыми учителями въ училищахъ и первыми переводчиками книгъ съ греческаго. Впрочемъ, вліяніе болгарской и сербской словесности на нашу словесность не ограничивалось только первыми временами; и въ послѣдующія времена изъ Болгаріи и Сербіи приходили къ намъ ученые иноки; таковы, напр., были въ XIV в. митр. Кипріанъ, въ XV в. Григорій Цамблакъ и Пахомій Логоетъ. При постоянныхъ сношеніяхъ съ этими странами, конечно, переходили къ намъ и разныя сочиненія; по крайней мѣрѣ въ старыхъ нашихъ бібліотекахъ множество разныхъ рукописей болгарской и сербской редакціи.

Греческое или византійское вліяніе на нашу словесность продолжалось въ теченіе всего древняго періода; но особенно оно сильно было до XVI в., т. е. до паденія Константинополя. Съ конца XVI в., чрезъ Польшу, начало проникать къ намъ западно-европейское образованіе. Оно, впрочемъ, не измѣнило сущности древне-русскаго религіознаго образованія; оно внесло

только въ древнюю словесность научные и литературные элементы, приемы и формы и сообщило ей такъ называемое *схолластическое* направленіе.

ДРЕВНЕ-РУССКАЯ ПЕРЕВОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Списываніе книгъ. Такъ какъ словесность наша возникла подъ вліяніемъ другихъ литературъ, то первыми опытами въ ней, естественно, были *списываніе и переводы* произведеній этихъ литературъ. Когда не было книгопечатанія, списываніе книгъ, въ самомъ дѣлѣ, было весьма важнымъ и необходимымъ средствомъ къ распространенію просвѣщенія. Списать книгу, особенно нѣсколько книгъ, значило дать возможность большому числу людей читать книги и слѣд., усилить грамотность. Къ тому же, при древнемъ способѣ писанія на пергаментѣ, крупнымъ почеркомъ устава или полуустава, списываніе было дѣломъ весьма медленнымъ и труднымъ; нужно было много имѣть терпѣнія и много употребить времени, чтобы списать цѣлую, особенно большую, рукопись. Очень понятна, поэтому, та наивная радость, которую выражаетъ писатель лѣтописи Нестора по окончаніи своего, вѣроятно, продолжительнаго труда: „якоже радуется женихъ о невѣстѣ, говоритъ онъ, тако радуется писецъ, видя послѣдній листъ; какъ радуется купецъ, прикупъ сотворивъ, и кормчій, во отишье (пристань) приставъ, и странникъ, во отечество свое пришелъ, тако радуется и книжный писатель, дошедъ конца книгамъ“⁽¹⁾. Съ другой стороны, такъ какъ списывались преимущественно книги свящ. Писанія, книги богослужебныя, писанія отеческія и житія святыхъ, то на списываніе ихъ смотрѣли не только какъ на дѣло важное и полезное, но и какъ на дѣло богоугодное, споспѣшествующее спасенію какъ самихъ писателей, такъ и тѣхъ, кто будетъ читать или слушать списанныя душевнасительныя книги. При такомъ взглядѣ на списываніе книгъ, какъ на дѣло важное для просвѣщенія и въ то же время богоугодное, имъ занимались, какъ видно изъ лѣтописей и надписаній на древнихъ рукописяхъ, не только простые грамотные люди, но и князья и княгини, епископы и игумены. Нѣкоторые князья составляли и библіотеки при своихъ домахъ, какъ, напр., Ярославъ I, Святославъ Ярославичъ и Константинъ Всеволодовичъ. Епископы также собирали книги и заботились о томъ, чтобы при церквахъ были книги.

(1) Лѣт., т. I, стр. 209.

Новгородскій арх. Геннадій содержалъ у себя постоянныхъ писцовъ, которые, по его порученію, занимались списываніемъ книгъ. Особенно извѣстенъ, какъ собиратель книгъ, митр. Маварій, составившій огромный сборникъ Четьи-Минеи. Но нигдѣ такъ ревностно и такъ постоянно не занимались списываніемъ книгъ, какъ въ монастыряхъ. Иноки списывали книги или по повелѣнію настоятеля, который назначалъ списать извѣстную книгу тому или другому иноку, какъ подвигъ монашескаго послушанія, или по собственному желанію, изъ любви къ книжному дѣлу и для спасенія души, или по порученію лицъ постороннихъ, желавшихъ приобрѣсти ту или другую книгу. Кромѣ указанныхъ лицъ, списываніемъ книгъ, разумѣется, занимались и въ другихъ сословіяхъ грамотные люди. Со введеніемъ въ XVI в. книгопечатанія, списываніе книгъ, естественно, должно было потерять прежнее значеніе; но оно долго существовало и при немъ.

Переводы книгъ. Первые переводы съ греческаго языка на славянскій начались еще въ Болгаріи, откуда переведенныя сочиненія стали переходить въ Россію съ самыхъ первыхъ временъ христіанства. Съ первыхъ же временъ, вѣроятно, начались переводы книгъ съ греческаго и въ Россіи. О Ярославѣ I (1019—1054) лѣтопись говоритъ, что онъ собиралъ книги, велѣлъ не переведенныя переводить съ греческаго на славянскій ⁽¹⁾. Первыми переводчиками были, конечно, болгары и греки, постоянно приходившіе въ Россію съ греческими митрополитами и епископами. Отъ грековъ и болгаръ изучали греческій языкъ и рускіе. По свидѣтельству лѣтописи, Всеволодъ Ярославичъ (1078—1093) зналъ пять языковъ, между которыми, безъ сомнѣнія, былъ и греческій ⁽²⁾. Кромѣ того, рускіе отправлялись въ Грецію и на Аеонъ и жили тамъ по нѣскольку лѣтъ, занимаясь списываніемъ и переводомъ книгъ. Въ Греціи монастыри—Студійскій (св. Теодора Студита) и Іоанна Предтечи были постояннымъ пристанищемъ русскихъ путешественниковъ. Послѣ Греціи, другимъ, столь же важнымъ, центромъ просвѣщенія и высшею школою духовнаго подвижничества, какъ для всѣхъ славянъ, такъ и для русскихъ, была гора Аеонская. На Аеонъ было перенесено въ разныя времена множество книгъ изъ Константинополя и другихъ мѣстъ; здѣсь всегда было много просвѣщенныхъ иноковъ и высшихъ подвижниковъ изъ грековъ, болгаръ и сербовъ, сюда нарочно отправлялись рускіе иноки, чтобы получить здѣсь аскетическое образованіе.

⁽¹⁾ Лѣт., т. I, стр. 65. ⁽²⁾ Истор. Государ. Росс., т. II, стр. 203.

Посредствомъ переводовъ и списыванія книгъ составлялись у насъ тѣ обширныя бібліотеки, которыя даютъ намъ нынѣ возможность судить о грамотности нашихъ предковъ, каковы: кіево-софійская, новгородско-софійская, патриаршая (синодальная), бібліотека Троицко-Сергіевской лавры, московскаго Успенскаго собора, московской синодальной типографіи, бібліотеки монастырей: Бѣлозерскаго, Волоколамскаго, Соловецкаго и другихъ. Кромѣ того, разумѣется, были и другіе пути, которыми умножалось число книгъ въ Россіи. Такъ, въ XIV в. митр. Кипріанъ привезъ много славянскихъ рукописей изъ Греціи и Болгаріи; при Іоаннѣ III мы получили много книгъ отъ грековъ, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ Софьею Палеологъ; при патр. Никонѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ инокъ Арсеній Сухановъ привезъ съ Аеонской горы и изъ другихъ мѣстъ 700 рукописей.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ПЕРЕВОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ПЕРІОДѢ

Переводная словесность была довольно богата и имѣла весьма важное значеніе въ продолженіе всего древняго періода. Подъ руководствомъ ея происходило все образованіе древняго русскаго человѣка; подъ ея вліяніемъ воспитывались и по ея образцамъ составляли свои собственныя сочиненія наши русскіе писатели. Особенно нѣкоторыя произведенія переводной словесности были, можно сказать, настольными книгами, своего рода учебниками, воспитавшими тотъ складъ понятій и стремленій, который выражается въ древне-русской жизни и словесности. Поэтому и исторія ея необходимо входитъ въ исторію древней словесности.

Книги св. Писанія. Первое мѣсто на ряду всѣхъ книгъ, употреблявшихся въ древнія времена, занимаютъ, разумѣется, книги св. Писанія. Эти книги имѣли не только богослужebное, но и воспитательное и образовательное значеніе. Всего болѣе, конечно, читались тѣ священныя книги, которыя употреблялись въ церкви, при богослуженіи, т. е. *Псалтирь*, *Евангеліе* и *Апостолъ* (дѣянія апостольскія и посланія). Чтеніе этихъ книгъ начиналось иногда съ самаго дѣтства, особенно людьми, приготовлявшимися въ должностямъ церковно-служительскимъ, у которыхъ оно входило въ составъ приготовительнаго образованія, особенно Псалтирь была настольною книгою у нашихъ предковъ, и многіе изъ нихъ знали ее наизусть. Она употреблялась въ древнія времена и какъ книга богослужebная, и какъ книга учебная, и какъ книга назидательная для домашняго чтенія, и спасительная въ разныхъ особенныхъ случаяхъ жизни.

Какъ на явленіе, особенно замѣчательное въ древне-русскомъ образованіи, должно указать на то, что священныя книги употреблялись преимущественно съ толкованіемъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: толковыя Псалтири св. Аѳанасія Александрійскаго, блаж. Теодорита Кирскаго и Брунона еп. Вюрцбургскаго, толкованіе на Четвероевангеліе Теофилакта, арх. Болгарскаго, и толковое, или учительное Евангеліе Каллиста, арх. Константинопольскаго, содержащее въ себѣ поученія на всякую недѣлю изъ евангельскихъ чтеній. Апокалипсисъ употреблялся съ толкованіемъ св. Андрея Кесарійскаго. Древніе учителя, при этомъ, имѣли въ виду, конечно, то, что съ толкованіемъ удобнѣе можно понимать текстъ священныя книги и при немъ не такъ легко впасть въ заблужденіе, чего особенно можно было опасаться, при слабомъ образованіи древнихъ читателей.

Писанія отцовъ и учителей церкви. Послѣ книгъ свящ. Писанія всего чаще употреблялись сочиненія отцовъ и учителей церкви. Кромѣ сочиненій св. Златоуста, бывшаго любимымъ отцомъ и учителемъ у нашихъ предковъ, особеннымъ уваженіемъ пользовались огласительныя поученія св. Кирилла Іерусалимскаго, постычскія правила Василя В., поученія св. Теодора Студита, слова противъ арианъ св. Аѳанасія, слова Григорія Богослова, Лѣствица Іоанна Лѣствичнича, сочиненія св. Ефрема, Исаака Сирина и Іоанна Дамаскина. Сочиненія Іоанна Дамаскина въ исторіи отеческой письменности имѣютъ то особенное значеніе, что въ нихъ въ первый разъ встрѣчается систематическое изложеніе истинъ христіанскаго ученія на основаніи трудовъ предшествовавшихъ отцовъ и учителей церкви. Его Богословіе было переведено на славянскій языкъ Іоанномъ, экзархомъ Болгарскимъ, и въ этомъ переводѣ перешло къ намъ въ Россію. Оно было особенно важно и необходимо для духовнаго образованія нашихъ предковъ. Заключая въ себѣ систематическое изложеніе всѣхъ догматовъ православной церкви, оно помогало имъ приводить въ порядокъ, уяснять и раскрывать тѣ свѣдѣнія, какія они собирали изъ разныхъ сочиненій, и такимъ образомъ придавало ихъ знаніямъ нѣкоторый научный систематическій характеръ; но особенно великую пользу оно приносило нашимъ древнимъ учителямъ въ той полемикѣ, которую они должны были вести съ разными неправомыслящими.

Съ именемъ Іоанна Дамаскина въ рукописяхъ помѣщаются еще *Грамматика* и *Диалектика*, переводъ которыхъ также приписывали Іоанну, экзарху Болгарскому. Но грамматика не встрѣчается между сочиненіями Дамаскина, ни по изданіямъ, ни по рукописямъ гречес-

вѣмъ. *Диалектика, или главы философски*, есть переводъ сочиненія Дамаскина: *Κεφάλαια φιλοσοφικά*. Она составлена подъ вліаніемъ равныхъ философскихъ сочиненій и особенно диалектики Аристотеля и содержитъ разсужденія о разумѣ и мысли, о существенномъ и случайномъ, о родахъ и видахъ, о сходствѣ и различіи, о количествѣ и качествахъ и другихъ предметахъ, которые составляли область диалектическаго ученія древнихъ философовъ.

Сборники отеческихъ сочиненій. Сочиненія отцовъ и учителей церкви употреблялись въ древнія времена въ двухъ видахъ— въ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе полныхъ собраніяхъ, или же разсѣяны были по разнымъ сборникамъ. Трудность, а для многихъ и совершенная невозможность имѣть полныя сочиненія заставляли въ Греціи, Болгаріи и другихъ странахъ прибѣгать къ извлеченіямъ, дѣлать выборы и составлять *изборники* и *сборники*. Одни изъ сборниковъ составляютъ нѣчто цѣлое, въ родѣ отдѣльныхъ книгъ, состоящихъ большею частію изъ однѣхъ и тѣхъ же статей, а часто изъ сочиненій одного и того же писателя, и имѣютъ свои особыя названія; другіе сборники,—и самая большая часть изъ нихъ, не имѣя никакого названія, не имѣютъ и никакого опредѣленнаго характера и состоятъ изъ статей самаго разнообразнаго содержанія.

Къ замѣчательнымъ сборникамъ перваго разряда относятся: *Златоструй*, *Шестодневъ*, *Златоустъ*, *Маргаритъ*, *Андріатисъ*, *Измарагдъ*, *Златая цѣпь*, *Златая матица*, *Пчела*.

Златоструй составленъ въ IX в. Болгарскимъ царемъ, Симеономъ. Это сборникъ, состоящій изъ 136 словъ, выбранныхъ изъ разныхъ бесѣдъ Златоуста на книгу Бытія, на посланія ап. Павла и другихъ его твореній.

Шестодневъ Іоанна, экзарха Болгарскаго, содержитъ въ себѣ объясненіе первыхъ главъ книги Бытія. Главнымъ пособіемъ при составленіи его служили для экзарха бесѣды Василія В. о шестидневномъ твореніи міра, а потомъ сочиненія Северіана Гевальскаго, Іоанна Дамаскина и другихъ отцовъ и писателей. Кромѣ того, въ немъ приводятся мѣста изъ греческихъ философовъ, Платона и Аристотеля, указывается на Фалеса, Парменида, Демокрита, Диогена и др.

Подъ именемъ *Златоуста*, какъ отдѣльнаго сборника, разумѣлось прежде собраніе поучительныхъ словъ и бесѣдъ преимущественно св. Златоуста, расположенное по недѣлямъ, начиная съ недѣли Мытаря и Фарисея, на всѣ двѣ Великаго поста и потомъ на всѣ недѣли до недѣли всѣхъ святыхъ, включительно. *Маргаритъ* (жемчугъ, перло)—другой особый сборникъ словъ Златоуста. Онъ состоитъ изъ шести отдѣловъ, въ которыхъ съ приложеніями 38 словъ.

Измаралдомъ (изумрудомъ) называется сборникъ разныхъ словъ и поученій, помѣщаемыхъ подъ именами св. Златоуста, Василия В., св. Ефрема, Григорія Двоеслова, Кирилла Александрийскаго и др., но многія изъ нихъ не принадлежать этимъ писателямъ и, судя по складу и содержанию, могутъ быть приписаны русскимъ сочинителямъ. На этомъ основаніи думаютъ, что и самый сборникъ этотъ—славянскаго происхожденія.

Именемъ *Андріатисъ* (отъ греч. *ἀνδροίσις*, статуя) называется въ рукописахъ собраніе тѣхъ бесѣдъ св. Златоуста, которыя были произнесены имъ въ Антиохіи, во время его пресвитерства, по случаю сверженія антиохійцами императорскихъ статуй.

Златая цитъ есть сборникъ разныхъ словъ и нравственныхъ поученій, наставленій о молитвѣ, милостивѣ, послушаніи, нестяжательности и другихъ добродѣтеляхъ, составленный изъ сочиненій разныхъ отцовъ и учителей церкви.

Златая матица есть сборникъ, въ которомъ помѣщаются разные слова и поученія преимущественно Златоуста и разные отрывки богословскаго, нравственнаго и историческаго содержанія, встрѣчаются статьи о кругахъ—земномъ, лунномъ и солнечномъ, о звѣздахъ и планетахъ. Изъ этого сборника, между прочимъ, предки наши почерпали свои свѣдѣнія о природѣ.—Основаніемъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Пчелъ*, послужили *Антологіи* Мавсима Исповѣдника, жившаго въ VII вѣкѣ, и инока Антонія. Онѣ соединялись въ одинъ сборникъ и печатались на греческомъ и латинскомъ языкѣ, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ другихъ сочиненій, имѣющихъ подобный же характеръ. Когда Пчела была переведена на русскій языкъ, опредѣленно сказать нельзя; но уже въ Словѣ Даниїла Заточника есть мѣста, буквально сходныя съ Пчелою. Пчелы содержатъ въ себѣ собраніе разныхъ, большею частію краткихъ, изреченій св. Писанія, отцовъ и учителей церкви и древнихъ свѣтскихъ писателей о разныхъ предметахъ нравственныхъ, а иногда и житейскихъ. Изъ древнихъ писателей и знаменитыхъ людей въ Пчелѣ приводятся изреченія Плутарха, Демокрита, Диогена, Исократы, Менаандра, Геродота, Эврипида, Пифагора, Демосоеена, Сократа, Ксенофонта, Аристиды, Аристотеля, Катона, Эпикура и др. Чтеніе этихъ сборниковъ было весьма полезно для образованія древне-русскаго человѣка; оно придавало его образованію, заключенному въ чисто богословской области, нѣкоторое разнообразіе и сближало нѣсколько съ обыкновенною жизнію. И Пчела, дѣйствительно, была любимымъ чтеніемъ у нашихъ предковъ, какъ показываетъ множество списковъ ея отъ XIV до XVIII в.

Къ разряду сборниковъ, имѣющихъ опредѣленное названіе и опредѣленное содержаніе, еще относятся: *патерики*, *сказанія или поученія отъ Старчества*, *синаксари*, *прологи* и *торжественники*. Патериками или отечниками назывались сборники, заключавшіе въ себѣ житія святыхъ. Изъ нихъ извѣстны: *Патерикъ скитскій*, заключавшій въ себѣ житія египетскихъ иноковъ, *Патерикъ синайскій*—житія синайскихъ отшельниковъ (на горѣ Синаѣ), *Патерикъ іерусалимскій*—житія іерусалимскихъ отцовъ. Патерики эти переводимы были съ греческаго въ Болгаріи, Сербіи, на Аѳонѣ и у насъ въ Россіи. По образцу ихъ составлялись русскіе патерики, какъ, напр., *Патерикъ кіевопечерскій*. *Синаксари* и *прологи* составляютъ два разныя названія одного и того же произведенія. *Синаксарями* (синаксарь значитъ сборникъ) въ греческой письменности назывались сборники вратвѣхъ житій святыхъ. При переводѣ съ греческаго они получили у насъ названіе *прологовъ* по первой статьѣ или по предисловію (*Πρόλογος*), которое помѣщено было въ началѣ сборника. *Торжественниками* называются сборники похвальныхъ словъ на праздники Господскіе и Богородичныя и на дни нѣкоторыхъ святыхъ, иногда съ житіями сихъ святыхъ.

Кромѣ этихъ сборниковъ, имѣющихъ особыя названія и болѣе или менѣе опредѣленный составъ, до насъ дошло множество сборниковъ самаго разнообразнаго содержанія, не имѣющихъ никакого названія и опредѣленнаго характера. Образцомъ для составленія этихъ сборниковъ, по всей вѣроятности, послужили извѣстные „*Сборники Святослава*“.—Первый сборникъ, извѣстный подъ именемъ Сборника Святослава, переведенъ съ греческаго сборника въ Болгаріи, для царя Симеона и въ 1073 г. переписанъ, съ нѣкоторыми перемѣнами, для великаго князя Черниговскаго, Святослава Ярославича. Онъ содержитъ отрывки изъ отцовъ церкви и другихъ писателей о разныхъ предметахъ. Къ сборнику приложены интересныя рисунки, изображающіе Святослава съ супругой и сыновьями (памятникъ древнѣйшей книжной живописи). Именемъ того же князя называется еще другой сборникъ, списанный въ 1076 г. Этотъ сборникъ отличается отъ перваго тѣмъ, что всѣ статьи въ немъ религиозно-нравственнаго содержанія. Подобно сборникамъ Святослава, составлялись сборники изъ разныхъ сочиненій; въ составъ ихъ входили и выписки изъ св. Писанія, и слова и поученія отеческія, житія святыхъ, выписки изъ лѣтописей и хронографовъ и другихъ сочиненій, свѣтскихъ и духовныхъ. На нѣкоторыхъ сборникахъ сохранились имена тѣхъ лицъ, къ которымъ или для кого они составлены, или кому прежде принадлежали; именами этихъ лицъ они и называются въ исторіи; такъ, напр.: сборникъ Іосифа, игумена Волоколамскаго, Кириллов-

скіе сборники, или сборники, написанные Кириллом Бѣлозерскимъ (1337—1427), сборникъ Паисіевскій, сборникъ игумена Досифея (соловецкаго), сборникъ митр. Данила.

Историческія сочиненія. Сказаніе о письменахъ славянскихъ черноризца Храбра. Рядъ историческихъ сочиненій въ славянской письменности начинается сказаніемъ о началѣ этой письменности болгарскаго писателя, черноризца Храбра. Это сказаніе Храбръ написалъ, какъ видно изъ его словъ, еще при жизни современниковъ и очевидцевъ св. первоучителей славянскихъ. „Прежде убо Словене, говоритъ онъ, не имѣяху письменъ, но чертами и рѣзами читаху и гадаху, погани суще. Крестившежеся римскими и греческими письмены вуждахуся писати словенску рѣчь безъ устроая... и тако бѣша многа лѣта. Потомъ же человеклюбецъ Богъ, строяй вся и не оставляйй человекча рода безъ разума, но вся къ разуму приводя и спасенію, помиловавъ родъ словенскій и посла имъ Константина философа, нарицаемаго Кирилла, мужа праведна и истинна, и сотвори имъ тридесять письменъ и осмь, ова убо по чину греческихъ письменъ, ова же по словенстѣй рѣчи“. Затѣмъ, указавъ, какія буквы заимствованы изъ греческаго алфавита и какія вновь изобрѣтены для славянскихъ звуковъ, Храбръ опровергаетъ возраженія, которыя дѣлали въ его время противъ азбуки св. Кирилла противники славянской письменности, римско-католическіе проповѣдники, которымъ особенно не нравилось богослуженіе на славянскомъ языкѣ и славянская письменность, и въ концѣ сказанія указываетъ на повсюдную извѣстность происхожденія славянской азбуки: „аще вопросиши словенскыя букваря, глаголя: кто вы письмены сотворилъ есть, или кто книги преложилъ? вси вѣдять и отвѣщавъ речеть (рекутъ): святыи Константинъ философъ, нарицаемый Кириллъ, и Меѳолій братъ его, *суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ...* и въ кое время вѣдять и рекутъ, яко во времена Михайла, царя греческа, и Бориса, князя Болгарска, въ лѣто отъ созданія міра STZГ...“ (т. е. 855 г.)

Палея составляетъ первый опытъ христіанской исторіи и находится въ тѣсной связи съ эзегетическими сочиненіями и особенно съ *Шестидневами*, объясняющими сказанія Библіи о шестидневномъ твореніи міра. Почти половину Палеи составляетъ объясненіе книги Бытія и особенно первыхъ главъ ея о началѣ міра и первыхъ людяхъ. При изложеніи библейскихъ событій постоянно дѣлаются обращенія къ іудеямъ, а иногда и къ магометанамъ, съ рѣзкими укоризнами и обличеніями; поэтому она въ рукописяхъ и называется „*Бытія толковая на Іудея*“.

Кромѣ того, при объясненіи библейскихъ сказаній, помѣщено много разсужденій и замѣчаній о явленіяхъ физическихъ и о силахъ природы человѣческой. Но особенно много помѣщено въ Палеѣ апокрифическихъ сказаній. Время, до котораго доводится въ Палеѣ исторія, неодинаково. Собственно Палею составляетъ изложеніе ветхозавѣтной исторіи по Библіи; въ нѣкоторыхъ спискахъ она оканчивается разсказомъ о смерти Саула, въ другихъ продолжается черезъ всю ветхозавѣтную исторію; въ ней перечисляются также цари вавилонскіе, персидскіе, египетскіе и римскіе до Тиверія и даже греческіе императоры до паденія Восточной имперіи; но въ этомъ случаѣ Палея уже переходитъ въ Хронографъ и сливается съ нимъ.

Хроники. Хрониками называются византійскія лѣтописи, въ которыхъ разсказъ начинается отъ сотворенія міра, излагается сначала ветхозавѣтная библейская исторія, потомъ исторія древнихъ царствъ и наконецъ византійская исторія. Еще въ Болгаріи въ X вѣкѣ были переведены на славянскій языкъ двѣ хроники—Іоанна Малалы и Георгія Амартола и перешли къ намъ въ Россію. Первый нашъ лѣтописецъ пользовался обѣими хрониками; на Георгія Амартола онъ ссылается; видно, что онъ имѣлъ его Хронику подъ руками.

Хронографы. Византійскія хроники послужили источниками для *хронографовъ*. Хронографами называются лѣтописные сборники, подобно хроникамъ, заключающіе въ себѣ сначала краткое изложеніе библейской исторіи и потомъ всеобщей исторіи до паденія Константинополя, и, наконецъ, славянской и русской исторіи. Списки хронографовъ весьма различны какъ относительно полноты излагаемыхъ событій, такъ и времени, до котораго они доводятся, а также и вставокъ, которыми они наполнены; это показываетъ, что они имѣли нѣсколько редакцій. Во всѣхъ редакціяхъ хронографовъ помѣщается много приложений, выписокъ изъ разныхъ сочиненій и много цѣлыхъ сочиненій. Поэтому хронографы, очевидно, могли служить для нашихъ предковъ источниками самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній; изъ нихъ они заимствовали историческія и біографическія свѣдѣнія о писателяхъ, царяхъ, князьяхъ, разныхъ народахъ, географическія свѣдѣнія, описанія земель, городовъ, рѣкъ, горъ, свѣдѣнія по естественной исторіи—о звѣряхъ, птицахъ и камняхъ, свѣдѣнія по мифологіи халдейской, египетской и греческой.

Разныя повѣсти и сказанія. Кромѣ богословскихъ и историческихъ сочиненій, мы встрѣчаемъ въ переводной словесности довольно много сказаній и повѣстей литературнаго характера, полудуховнаго, полусвѣтскаго, а часто и чисто свѣтскаго содержанія. Эти повѣсти и сказанія переходили къ намъ иногда отдѣльно, а иногда въ указанныхъ выше сочиненіяхъ, особенно въ палаяхъ, хроникахъ и хронографахъ. Источникомъ ихъ сначала были Византія, Болгарія и Сербія, а съ XVI—XVII в. Западная Европа. Къ повѣстямъ и сказаніямъ, перешедшимъ къ намъ изъ Византіи, большею частію чрезъ Болгарію и Сербію, относятся: *Александрія*, *Сказаніе о войнѣ Троянской*, *Исторія Варлаама и Иоасафа царевича*, *Повѣсть о Синагрипнѣ*, *Деве-ниво дѣяніе* и *Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ*.

Александрія. Подъ именемъ *Александріи* въ древне-русской словесности была извѣстна Псевдокаллистонова повѣсть объ Александрѣ В., которую прежде несправедливо приписывали философу Каллистоу, умершему раньше Александра (въ 328 г. до Р. Х.). Настоящее имя ея составителя неизвѣстно; по всей вѣроятности, она составила въ разныя времена, подъ вліяніемъ разныхъ сказаній объ Александрѣ В. Личность этого героя была предметомъ самыхъ разнообразныхъ сказаній, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ; изъ историческаго лица Александръ превратился въ этихъ сказаніяхъ въ лицо баснословное. Разказы о его жизни и подвигахъ представляютъ рядъ непрерывныхъ чудесъ. Онъ побѣждаетъ индійскаго царя, Пора, и беретъ отъ него несмѣтныя сокровища, бесѣдуетъ съ Брахманами (браминами), которые удивляютъ его своею мудростію, такъ что онъ не рѣшился воевать противъ нихъ. Во время своихъ походовъ онъ встрѣчаетъ необыкновенныхъ людей и животныхъ: это люди съ собачьими головами и птичьими ногами и туловищемъ, съ глазами и ртомъ на груди, одноногіе, цылопы, великаны, пигмеи. Онъ приходитъ въ страну, гдѣ его войско томится отъ жестокаго зноя, или теряетъ дорогу отъ непроницаемаго мрака и идетъ въ это время по землѣ, совершенно покрытой драгоценными камнями. Рассказывается даже о воздушномъ путешествіи Александра на грифахъ; онъ прислушивается къ говору птицъ, которыхъ спрашиваетъ о ихъ жизни, законахъ и обычаяхъ; опускается въ глубину моря, чтобы извѣдать его внутренность, и рыбы толпами стекаются къ нему. На дальнемъ востокѣ Александръ доходилъ до рая и видѣлъ страну, гдѣ мучились грѣшники; тамъ же онъ видѣлъ двухъ волосальныхъ людей и узналъ, что это были первые люди. Наконецъ, онъ приходитъ къ солнечному городу (Гелиополь), *откуда солнце восходитъ*, и встрѣчаетъ Гога и Магога,

царей ужасныхъ нечистыхъ народовъ и, чтобы избавить отъ нихъ міръ, заключаетъ ихъ въ сѣверныхъ горахъ, откуда они выйдутъ при кончинѣ міра. Встрѣчаетъ царство амазонокъ и посылаетъ имъ, вмѣсто себя, копье, какъ царя; говорящія деревья предсказываютъ ему смерть въ Вавилонѣ. Александрія была весьма распространена у нашихъ предковъ, которымъ она нравилась своими баснословными рассказами. Нѣкоторые рассказы изъ нея, какъ-то объ индѣйскомъ царѣ, Порѣ, и о Гогѣ и Магогѣ и дивныхъ людяхъ, вошли въ наши сказки и лубочныя картинки.

Сказаніе о войнѣ Троянской. Основаніемъ этого Сказанія были не Иліада и Одиссея Гомера, но позднѣйшія подложныя сочиненія о Троянской войнѣ, которыя приписывались Диктису и Дарету, будто бы современникамъ самаго событія. Изъ этихъ сочиненій въ средніе вѣка составлена была исторія Троянской войны Гвидономъ де Колумною или Колонною (въ XIII в.). Впрочемъ, сказаніе о войнѣ Троянской, заимствованное изъ Диктиса, встрѣчается еще въ хроникѣ Іоанна Малалы. Въ Сказаніи описываются причины, произведшія войну Троянскую, перечислены участвовавшіе въ ней герои, греческіе и троянскіе, представлена краткая характеристика нѣкоторыхъ изъ нихъ. Сказаніе о Троѣ часто упоминается въ азбуковникахъ, какъ источникъ разныхъ миеологическихъ свѣдѣній.

Исторія Варлаама и Іоасафата или Іоасафа царевича. Это повѣсть, въ которой рассказывается о томъ, какъ мудрый пустынникъ Варлаамъ обратилъ въ христіанство индѣйскаго царевича Іоасафа. Варлаамъ явился къ царевичу подъ видомъ купца, продающаго драгоцѣнный камень, и объяснилъ ему, что камень этотъ изображаетъ царство небесное, котораго всего легче достигнуть удивленіемъ и молитвою.—Какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ была весьма распространена и пользовалась высочимъ уваженіемъ. Существенный интересъ этой повѣсти для нашихъ предковъ заключался въ тѣхъ замысловатыхъ и въ то же время назидательныхъ притчахъ и апологахъ, которыми она наполнена. Такова, наир., *притча объ инорогѣ*, въ которой рассказывается, какъ одинъ путникъ, спасаясь бѣгствомъ отъ инорога, котораго онъ встрѣтилъ въ полѣ, попалъ въ пропасть. Падая въ пропасть, онъ ухватился за дерево и повисъ на воздухѣ; посмотрѣвъ внизъ, онъ увидѣлъ, что корень дерева, за которое онъ держался, грызутъ двѣ мыши, черная и бѣлая, а на-

днѣ пропасти лежитъ страшный змѣй, а изъ стѣны выходятъ четыре головы асида. Несмотря на такія опасности, путникъ устремился въ меду, каплю котораго онъ увидѣлъ на деревѣ. Смысль притчи такой: инорогъ, преслѣдующій человѣка, есть смерть; дерево, которое грызутъ мыши,—время, уходящее съ каждымъ днемъ и ночью, которые изображаютъ собою бѣлая и черная мыши; змѣй—адова утроба; главы асида—физическія слабости человѣка; капля меду—краткія пріятности жизни, заставляющія человѣка забыть объ ужасахъ смерти⁽¹⁾. Подъ вліяніемъ ея въ народѣ составились извѣстные духовные стихи *о пустынь и объ Іоасафъ царевичъ*.

Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ. Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ изложено въ формѣ посланія индійскаго царя-пресвитера, Іоанна, къ греческому императору, Мануилу. Представляется, что Мануиль (Иммануиль Комнень, 1143—1180) послалъ посольство къ Іоанну и спрашивалъ его о силѣ и чудесахъ Индійской земли. Іоаннъ отвѣчалъ посольству: „Скажите своему царю Мануилу: если хочешь узнать о силахъ и чудесахъ моего царства, то продай свое царство Греческое и купи на это бумаги и прїѣзжай въ мое Индійское царство, съ своими книжниками, и я дамъ тебѣ описать чудеса Индійской земли, но ты не можешь описать мое царство до исхода души“. Далѣе слѣдуетъ разсказъ объ Индійской землѣ. Земля Индійская наполнена разными чудовищными людьми, звѣрями и птицами. Въ ней есть люди нѣмые, люди рогатые, люди вышиною 9-ти сажень (иже суть волотове), люди съ четырьмя и шестью руками, съ песьими головами (кинокефалы), со скотскими ногами (сатиры), съ глазами и ртомъ на груди, или на головѣ на темени въ волосахъ, люди—полпса да полчеловѣка, или полптицы да полчеловѣка, есть чудовищные звѣри и птицы, напр. саламандра и фениксы и др. Земля Индійская обильна всѣмъ—и золотомъ, и серебромъ, и разными драгоценными камнями. Это баснословное Сказаніе составляетъ передѣлку разныхъ сказаній объ Индійской землѣ, которыя въ средніе вѣка перешли въ Европу и помѣщались въ сочиненіяхъ путешественниковъ, въ разныхъ сборникахъ и энциклопедіяхъ. Когда Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ было переведено и передѣлано въ славянской письменности, опредѣлить трудно; но оно было

⁽¹⁾ Замѣтимъ, что эта притча объ инорогѣ изложена Жуковскимъ въ одномъ стихотвореніи, съ нѣмецкаго перевода Рюккерта. Смotr. «Двѣ повѣсти». Сочин. Жуковскаго, изд. 1869, т. IV, стр. 229—233.

извѣстно у насъ издавна. Въ произведеніяхъ народной словесности Индія представляется въ такомъ же баснословномъ и фантастическомъ свѣтѣ, какъ и въ Сказаніи, странною, наполненною всякими богатствами и чудесами. Идеаль и типъ богатаго человека—богатырь Дюкъ Степановичъ, по былинамъ, происходитъ изъ *Индіи богатой*; въ описаніи богатства Дюка мы встрѣчаемъ черты, взятія изъ Сказанія объ Индійскомъ царствѣ; да и въ другихъ былинахъ также есть черты, напоминающія это Сказаніе. Затѣмъ Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ, вмѣстѣ съ Александріей, было въ древнія времена источникомъ разныхъ рассказовъ о чудовищныхъ людяхъ, звѣряхъ, птицахъ и драгоценныхъ камняхъ для космографій, хронографовъ и азбукониковъ.

Съ конца XVI в. стали распространяться у насъ чрезъ Польшу нѣкоторыя сочиненія изъ западно-европейскихъ литературъ. Изъ такихъ сочиненій особенно были извѣстны: *Римскія дѣянія*, *Великое Зерцало*, рыцарскія повѣсти о *Мелюзинѣ*, о *Петрѣ - золотыхъ ключахъ* и *Бовѣ королевичѣ*, *повѣсть о семи мудрецахъ*, *апофоематы* и *фацеции*.—*Римскія дѣянія* (Gesta Romanorum)—сборникъ, составленный въ XIII или XIV в. Въ немъ заключаются не только рассказы изъ римскаго или вообще греко-римскаго классическаго міра, но и восточныя сказки, притчи и апологи. Вообще содержаніе сборника самое разнообразное и проникнуто нравственнымъ, поучительнымъ направленіемъ. Въ средніе вѣка онъ былъ въ большомъ упогребленіи и служилъ источникомъ для разныхъ западныхъ повѣстей и сказаній. *Великое Зерцало* есть также сборникъ, подобный Римскимъ дѣяніямъ. Онъ также состоитъ изъ разныхъ повѣстей и притчей назидательнаго характера; только эти повѣсти и притчи заимствованы не изъ свѣтской повѣствовательной и сказочной литературы, какъ въ Римскихъ дѣяніяхъ, но изъ духовно-исторической литературы; самый смыслъ ихъ направленъ къ утверженію вѣры и духовной жизни, къ удаленію отъ грѣха и возбужденію къ покаянію.

Чрезъ Польшу же въ половинѣ XVII в. перешли къ намъ нѣкоторые рыцарскіе романы, напр.: исторія о Мелюзинѣ, исторія о вѣязѣ Петрѣ-золотыхъ ключахъ и исторія о Бовѣ королевичѣ.

Наконецъ, къ сочиненіямъ, перешедшимъ къ намъ съ Запада чрезъ Польшу, еще относятся: „*Исторія или повѣсть о семи мудрецахъ*“, „*Апофоематы*“, „*Фацеции*“ и „*Басни Эзопа и Локмана*“. *Повѣсть о семи мудрецахъ* состоитъ изъ 15-ти повѣстей, или притчей. *Апофоематы*—сборникъ анекдотовъ о знаменитыхъ людяхъ, особенно греческой и римской исторіи. *Фацеции*—сборникъ шутокъ, остроумныхъ изреченій и смѣшныхъ анекдотовъ, имѣющихъ сатирической характеръ.

Апокрифическія сочиненія. Апокрифическими сочиненіями, или апокрифами ⁽¹⁾, называются такія сочиненія, которые составлены въ подражаніе священнымъ библейскимъ книгамъ, о библейскихъ лицахъ и событіяхъ и большею частью отъ имени библейскихъ лицъ; но священныя истины въ этихъ сочиненіяхъ смѣшаны съ разными вымыслами фантазіи. Основная мысль, предметъ или событіе въ нихъ заимствованы изъ книгъ свящ. Писанія, но они распространены и украшены такими вымышленными рассказами и подробностями, о которыхъ ничего не говорится въ священныхъ книгахъ. Такому украшенію, естественно, должны были подвергнуться преимущественно тѣ священныя лица и событія, о которыхъ въ Библии сказано весьма кратко. Въ книгѣ Бытія ничего не говорится ни о сотвореніи, ни о паденіи ангеловъ; очень понятно, что нѣкоторые апокрифы, и особенно „*Книга Эноха*“, пытаются проникнуть въ міръ ангельскій, объяснить паденіе ангеловъ и вообще показать отношеніе ангеловъ къ природѣ и людямъ. Самые важныя и любопытныя событія, какъ, напр., сотвореніе праотцевъ, Адама и Евы, паденіе ихъ и изгнаніе изъ рая, ихъ жизнь по изгнаніи, всеобщій потопъ при праведномъ Ноѣ, столпотвореніе Вавилонское, раздѣленіе языковъ и разсѣяніе народовъ, рассказаны въ Библии весьма кратко. Судьба многихъ знаменитыхъ лицъ въ исторіи, напр. Эноха, взятаго на небо, Мелхиседека, бывшаго прообразомъ Спасителя, извѣстна только въ общихъ чертахъ. Жизнь отца вѣрующихъ, Авраама, бытописателя, законодателя и освободителя еврейскаго народа, Моисея, знаменитыхъ царей Давида и Соломона хотя описана въ священныхъ книгахъ сравнительно подробнѣе, но все же еще

(1) Слово «апокрифъ» (отъ *αποκρυφειν*, *κρυπτός*) собственно значитъ *книгу тайную, сокровенную* и заимствовано въ христіанскую литературу отъ языческихъ сочиненій. У всѣхъ древнихъ народовъ были тайныя религіозныя книги, происхожденіе которыхъ приписывалось богамъ, или знаменитымъ мужамъ древности. Въ христіанской церкви слово «апокрифъ» сначала прилагалось къ тѣмъ священнымъ книгамъ, которые не вошли въ ветхозавѣтный канонъ, потомъ начали прилагать его вообще къ книгамъ малозвѣстнымъ или сомнительнымъ по происхожденію, наконецъ къ книгамъ прямо подложнымъ, ложнымъ и еретическимъ.— По славянскимъ рукописямъ апокрифы изданы: г. Пыпинымъ въ «Памятникахъ старинной русск. лит.». Вып. 3-й: «Ложныя и отреченныя книги русской старины»; Тихоураховымъ: «Памятники отреченной русской литературы», т. 1 и 2. 1863; «Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ» (*Изсмѣд. авт.*). Казань. 1872; Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки. Сбор. 2-го Отд. Акад. Наукъ, т. XVII. (*Изд. автора*); Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки. Сборн. 2-го Отд. Ак. Наукъ. Спб. 1890. (*Изд. автора*)

много возбуждала въ читателяхъ любопытныхъ вопросовъ; самое величіе и слава этихъ лицъ вызывали народную фантазію къ составленію разныхъ разсказовъ о нихъ въ дополненіе къ библейскому разсказу. Отсюда весьма естественно могли возникнуть разныя сказанія объ Адамѣ и Евѣ, Каинѣ, Авелѣ, Сифѣ, Энохѣ, Ноѣ, Авраамѣ, Мелхиседекѣ, Моисеѣ, Давидѣ и Соломонѣ. Но если любопытно было для человѣка узнать что-нибудь о первыхъ временахъ міра и первыхъ и древнихъ людяхъ, то еще болѣе и сильнѣе всегда занимала его мысль о будущемъ. Для іудеевъ предметомъ всѣхъ чаяній въ будущемъ было пришествіе Мессіи, о которомъ было предсказано пророками; воображеніе христіанъ, естественно, устремлялось къ послѣднимъ днямъ міра, когда снова придетъ Спаситель и произведетъ послѣдній судъ, на которомъ каждому будетъ воздано по дѣламъ его. Поэтому апокрифы часто обращаются и ко временамъ Мессіи и къ послѣднимъ, временамъ міра, и при этомъ рисуютъ картины будущей жизни блаженства праведныхъ и наказанія грѣшныхъ; таковы: *Книга Эноха, Откровеніе Авраама и Восхожденіе Исаи*, которыя имѣютъ апокалипсическій характеръ; нѣкоторые апокрифы и называются апокалипсисами.

Такимъ образомъ, апокрифы естественно возникли изъ стремленія дополнить нѣкоторые пробѣлы или пропуски въ библейскомъ разсказѣ, объяснить нѣкоторыя не довольно понятныя, или неясныя въ священныя книги мѣста, разрѣшить возникавшіе при чтеніи ихъ разные вопросы. Поэтому большая часть изъ нихъ имѣютъ названіе и форму библейскихъ книгъ и составлены въ подражаніе этимъ книгамъ; по подражанію книгъ Бытія составлено „*Малое Бытіе*“ или „*Книга Юбилеевъ*“; по подражанію Псалмамъ Давида составлены „*Псалмы Соломона*“; по подражанію Пророческимъ книгамъ— „*Пророчество, или Откровеніе Эноха, Или, Исаи, Иереміи*“. То, о чемъ достаточно сказано въ священныя книги, апокрифы или совсѣмъ оставляютъ, или передаютъ весьма кратко, но то, о чемъ сказано кратко и недостаточно, или что совсѣмъ опущено, они распространяютъ разными украшеніями и подробностями и дополняютъ вымышленными разсказами. Эти украшенія, добавленія и подробности и составляютъ новое, отличное отъ священныя книгъ содержаніе и существенный элементъ въ апокрифическихъ сказаніяхъ. Основую ихъ послужили еще древнія преданія іудейскія, которыя существовали у іудеевъ не только до начала письменности, но и во время самой письменности, сохранились до позднѣйшихъ временъ и потомъ собраны были въ разныя книги, каковы, напр., Яшаръ, Талмудъ, Каббала и др. Изъ іудейскихъ книгъ и іудейскихъ преданій апокрифическія сказанія отъ первыхъ временъ хри-

стіанства начали переходить въ христіанскія книги. Во времена христіанскія такимъ же путемъ образовались свои апокрифы. Благочестивое чувство и воображеніе христіанъ первыхъ вѣковъ также не удовлетворялись тѣми краткими сказаніями о жизни и дѣлахъ Спасителя, Богоматери и Апостоловъ, какія находятся въ книгахъ Новаго Завѣта; они старались дополнить эти сказанія разными подробностями изъ преданій. А преданій въ первые времена, когда христіанское просвѣщеніе распространялось не посредствомъ книгъ, но чрезъ устныя паставленія и рассказы, было, конечно, много; они переходили отъ одной области или города къ другимъ областямъ и городамъ. При отсутствіи образованія, въ рассказахъ не всегда могли отличить истину отъ вымысла, а страсть къ чудесному и стремленіе во всемъ видѣть особенный смыслъ готовы были принять всякое невѣроятное сказаніе. Наконецъ, нѣкоторые апокрифы обязаны своимъ происхожденіемъ разнымъ еретикамъ, которые составляли ихъ съ тою цѣлю, чтобы защитить или распространить свое ученіе. Такъ составила большая часть апокрифовъ. Такъ произошли: Евангеліе Никодима, Евангеліе Іакова, Переписка Іисуса Христа съ Авгаремъ, Путешествія Апостоловъ и Евангелистовъ, Плачъ Богородицы, Дѣянія апостольскія и Апокалипсисы. Первые вѣка христіанства были временемъ борьбы его съ язычествомъ и отжившей языческой цивилизаціей древняго міра. Во время этой борьбы явилось множество героевъ вѣры и церкви—мучениковъ, исповѣдниковъ, подвижниковъ и учителей; преданія о ихъ подвигахъ составляютъ обширный отдѣлъ религиозныхъ сказаній. Въ этихъ сказаніяхъ воображеніе также часто къ истиннымъ событіямъ примѣшивало разные вымыслы. Такимъ путемъ образовались апокрифическія сказанія о святыхъ.

Большая часть такихъ апокрифовъ составились еще въ самыя первые времена христіанства и вмѣстѣ съ христіанствомъ переходили отъ одного народа къ другому и распространились повсюду. Къ намъ въ Россію апокрифическія сочиненія перешли изъ Византіи, вмѣстѣ съ другими памятниками церковной письменности, особенно въ палаяхъ и хронографахъ, гдѣ они преимущественно помѣщались. Болгарская и сербская редакціи многихъ апокрифовъ показываютъ, что они, подобно другимъ памятникамъ письменности, принесены къ намъ изъ Болгаріи и Сербіи; встарину они и извѣстны были подъ именемъ *богарскихъ басней*.

Какъ у іудеевъ, такъ и у христіанъ апокрифы сначала совсѣмъ не имѣли того дурного значенія, какое они получили впоследствии. Возникнувъ изъ религиозныхъ преданій, подъ вліяніемъ священныхъ книгъ, и заключая въ себѣ интересные и поучительные рассказы, предлагавшіеся отъ лица древнихъ

патріарховъ, пророковъ, апостоловъ и святыхъ отцовъ, они читались не только простыми, но и образованными людьми. Осужденію и запрещенію апокрифическія книги стали подвергаться тогда, когда начали злоупотреблять ими разные еретики для распространенія своего ученія, передѣлывать ихъ и составлять изъ нихъ новыя книги. Отсюда возникъ Индексъ запрещенныхъ книгъ, или правило, въ которомъ апокрифическія книги перечисляются, запрещаются и подвергаются осужденію, на ряду съ еретическими книгами. Но не всѣ апокрифы, перечисляемые въ индексахъ, одинаково были распространены въ древней нашей письменности; нѣкоторые изъ нихъ даже совсѣмъ не были извѣстны въ полномъ видѣ (напр., Книга Эноха и Малое Бытіе); другіе были извѣстны уже въ передѣлкахъ, или же въ отрывкахъ. Болѣе другихъ интересны по содержанию и болѣе другихъ имѣли вліянія на складъ религіозныхъ понятій нашихъ предковъ и на произведенія древней словесности слѣдующія апокрифическія сказанія: Сказаніе объ Адамѣ и Евѣ; Сказаніе о древѣ крестномъ; Сказаніе о праведномъ Энохѣ; Сказаніе о потоцѣ и праведномъ Ноѣ; Апокрифы объ Авраамѣ; Завѣты 12-ти патріарховъ; Исходъ Моисеевъ и сказаніе о Соломонѣ; Списаніе Афродитіана Персянина о рождествѣ Иисуса Христа; Хожденіе Богородицы по мукамъ; Хожденіе апостола Павла по мукамъ; Вопросы Іоанна Богослова о живыхъ и мертвыхъ; Бесѣда трехъ святителей (Василія В., Григорія Богослова и Іоанна Златоуста). Сказаніе о 12-ти пятницахъ.

Сказанія объ Адамѣ и Евѣ. (*Слово о Адамѣ и О исповданіи Евы*) составляютъ передѣлку греческаго апокрифа, который подъ именемъ *Апокампсиса Моисея* напечатанъ въ Сборникѣ Тишендорфа. Въ этомъ апокрифѣ изображаются послѣднія минуты жизни Адама, смерть Адама и Евы и ихъ погребеніе. Существенное отличіе славянскаго апокрифа отъ греческаго заключается въ томъ, что въ славянскомъ прибавлены нѣкоторыя подробности о жизни въ раю и по изгнаніи изъ рая и два сказанія— о рукописаніи, данномъ Адамомъ діаволу, и о покаяніи Адама и Евы, которыхъ нѣтъ въ греческомъ текстѣ, и, наконецъ, измѣненъ рассказъ о хожденіи Сива въ рай. Вотъ въ какомъ видѣ изложенъ весь апокрифъ въ славянской передѣлкѣ. „Поживѣ девятьсотъ и тридцать лѣтъ,—говорится здѣсь,—Адамъ заболѣлъ (впаде въ болѣзнь чревную) и ужаснулся, потому, что до сихъ поръ не зналъ, что такое болѣзнь. Онъ велѣлъ обратиться къ нему всѣмъ своимъ чадамъ, которыя сошлие и стали подлѣ него на три стороны. Сивъ сказалъ Адаму: „ты воспоминаешь о благахъ райскихъ, и потому болишь; я схожу въ рай и принесу (что-нибудь) для утоленія болѣзни“; Адамъ, для объясненія

своей болѣзни, рассказываетъ о своемъ паденіи въ рай“. Въ нѣкоторыхъ редакціяхъ (Исповѣданіе Евы) рассказъ этотъ передается отъ лица Евы, которая своимъ дѣтямъ, собравшимся около умирающаго Адама, рассказываетъ о прежней своей жизни въ раю и по изгнаніи изъ него. Сначала кратко говорится о томъ, какъ Богъ, сотворивъ рай, поручилъ его на храненіе имъ—Адаму восточную и сѣверную страну, а Евѣ—западную и южную, какъ Богъ заповѣдалъ имъ *не ясти* отъ одного древа; какъ діаволь искусилъ ихъ, и они поѣли и пали. Когда они пали, всѣ деревья въ раю *сложили* съ себя листья; только одна смоковница *не поверже листьевъ*; они спшили изъ нея одежду себѣ. Тогда послышался гласъ архангела, призывающій ангеловъ съ неба. Сошелъ Господь съ ангелами; поставили престолъ посреди рая; начали судить и осудили Адама и Еву, и ангелы изгнали ихъ изъ рая. По изгнаніи, Адамъ и Ева сѣли противъ рая и, приникнувъ къ землѣ, стали плакать и плакали 7 дней (въ другихъ спискахъ 15 дней). „Изнемогла душа моя отъ голода,—сказала Ева,—пойдемъ, поищемъ снѣднаго“. Встали они и обошли всю землю и не нашли ничего снѣднаго; возвратились къ Эдему и опять начали плакать: „*раю мой, раю, пресвѣтлѣй раю,*—говоритъ Адамъ,—*красота неизреченная; меня ради сотворенъ есть, а Евы ради затворенъ есть; милостиве, помилуй мя падшаго*“. Тогда умилосердился Господь и послалъ ангела Іоила, который отдѣлилъ имъ седьмую часть рая; они поѣли сначала плода тернового. Потомъ явился архангелъ Михаилъ, принесъ пшеницы и меду и сталъ наставлять Адама *на дѣла ручная*.—Адамъ началъ землю дѣлать; діаволь пришелъ и говоритъ: „небеса и рай суть Божіи, а земля моя; если хочешь быть Божій, иди въ рай; а если хочешь быть моимъ, дѣлай землю, но для этого дай мнѣ *рукописаніе* на себя“. Адамъ сказалъ: „чья земля, того и я, и *далъ рукописаніе*, ибо онъ зналъ (замѣчаетъ сказаніе), что Богъ сойдетъ на землю, родится отъ Дѣвы и спасетъ его. Діаволь взялъ рукописаніе Адама и скрылъ его въ Іорданѣ подъ камнемъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ крестился. Ева сказала Адаму: „покаемся, чтобы Богъ избавилъ насъ отъ діавола“. Они положили поститься 40 дней. Адамъ велѣлъ Евѣ войти въ рѣчку Тигръ и, положивъ одинъ камень подъ ноги, а другой на голову, стоять по шею въ водѣ и не выходить до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ къ ней. А самъ Адамъ пошелъ къ Іордану и, погрузившись въ него, каялся 40 дней; къ нему пришли звѣри и птицы, явилось множество ангеловъ, и всѣ начали молиться за Адама. Между тѣмъ діаволь пришелъ къ Евѣ и началъ звать ее изъ воды, сказавши, что Богъ уже услышалъ ея молитву; но Ева не отозвалась и не вышла изъ воды, пока не

пришелъ Адамъ“. Далѣе разсказывается, какъ Адамъ и Ева поселились въ Мадіамѣ, какъ родились Каинъ и Авель, какъ Каинъ убилъ Авеля и какъ потомъ родился Сноѣ. „Въ то время, какъ Ева говорила объ этомъ, Адамъ позвалъ ее и сказалъ ей, что душа его исходитъ изъ него. Сноѣ вздумалъ сходить въ рай и принести что-нибудь для успокоенія Адама; Адамъ выразилъ желаніе получить вѣтвь отъ масличнаго дерева. Сноѣ отправился въ рай вмѣстѣ съ Евой. На пути встрѣтился имъ звѣрь *гороній* (въ другихъ спискахъ *коутуръ*) и бросился на Сноѣ; Ева стала укорять звѣря, напоминая ему, какъ она хранила его въ раю, а Сноѣ *заклялъ* этого звѣря. Пришедши къ раю, они начали плавать; явился ангелъ и спросилъ, за чѣмъ они пришли. Сноѣ сказалъ что отецъ его, Адамъ, боленъ и проситъ вѣтвь отъ масличнаго дерева. „Для болѣзни отца твоего, отвѣчалъ ангелъ, —нѣтъ лѣкарства, потому что приблизилась смерть его“, и отломилъ вѣтвь отъ того древа, изъ-за котораго Адамъ былъ изгнанъ изъ рая. (По другому сказанію: ангелъ далъ три вѣтви отъ трехъ деревьевъ— пегва, кедра и кипариса). Когда принесли вѣтвь къ Адаму, онъ узналъ древо и, сдѣлавъ изъ вѣтви вѣнецъ, возложилъ его на голову. Тогда онъ увидѣлъ руку Господню, пріемлющую его душу. Явились съ неба кадильница съ ладаномъ и три ангела со свѣщами. Господь повелѣлъ архангелу Михаилу отнести тѣло Адама въ рай, а духъ его пусть пребываетъ на третьемъ небѣ (по другому сказанію: принявъ душу Адама, Господь послалъ архангела Михаила спрятать его тѣло). Когда понесли тѣло Адама, съ неба послышался гласъ Божій: *земля еси, и въ землю пойдешу*. Послѣ погребенія Адама, Ева начала молиться, чтобы Богъ присоединилъ ее къ Адаму, такъ какъ она сотворена изъ ребра его. Архангелъ Михаилъ научилъ Сноѣ похоронить Еву тамъ, гдѣ тѣло Адама и Авеля. *И ту израсте древо изъ вѣтви Адамова, иже на главѣ Адамовѣ*“.

Сказаніе о древѣ крестномъ. Въ тѣсной связи съ Сказаніемъ объ Адамѣ и Евѣ находится *Сказаніе о древѣ крестномъ* (1): Въ немъ содержится исторія происхожденія древа, или креста, на которомъ былъ распятъ Спаситель. Сказаніе начинается съ того извѣстія, какъ предъ смертію Адама Сноѣ принесъ изъ рая вѣтвь отъ древа познанія добра и зла; изъ этой вѣтви Адамъ сдѣлалъ вѣнецъ, въ которомъ его и похоронили. Изъ вѣнца, бывшаго на главѣ Адама, выросло великое дерево, которое раздѣли-

(1) Напечатано въ Сборн. г. Пыпина, лист. 14; въ Сборникѣ Тихонравова т. I, стр. 305—313.

лось на три части и было выше всѣхъ деревьевъ. А райское древо, отъ вѣтви коего произошло это древо, выросло въ раю отъ тѣхъ сѣмянъ, которыя бросилъ посреди рая Сатанаилъ въ то время, когда Богъ насаждалъ рай. Когда Богъ замѣтилъ это древо, сказалъ Сатанайлу: „*ты будешь азъ и тѣло мое, и будетъ тебѣ на прогнаніе*“ (потому что изъ него выростетъ древо креста). Выросло это древо на три части: одна часть означала Адама, другая Еву, третья посреди—самого Господа. Когда Адамъ и Ева согрѣшили, Адамова часть древа упала въ рѣку Тигръ, которая вынесла ее изъ рая, а Евина часть осталась въ раю до потопа, во время котораго она принесена была къ *Мърстѣй рѣкѣ* (къ водамъ Мерры); Господня же часть древа была отдана Аламу (т. е. вѣтвь древа), который изъ нея сдѣлалъ себѣ вѣнецъ. Изъ этихъ трехъ деревьевъ, происшедшихъ отъ одного древа, сдѣланы были три креста—крестъ Спасителя изъ древа, выросшаго изъ главы Адама, крестъ вѣрнаго разбойника—изъ Адамовой части райскаго древа и крестъ разбойника невѣрнаго—изъ Евиной части. Какъ всѣ эти три древа очутились въ Иерусалимѣ, это объясняется слѣдующимъ образомъ. „Адамова часть райскаго древа, вынесенная изъ рая Тигромъ, остановилась на пескѣ. Однажды, когда Сиѡ захотѣлъ *помянуть* отца своего Адама, ангелъ указалъ ему на это дерево и велѣлъ ему разложить огонь на рѣкѣ Нилѣ (?). Разложенный огонь остался неугасимымъ: лютые звѣри стали стеречь его. Когда Лотъ пришелъ къ Аврааму и рассказалъ ему о своихъ грѣхахъ, Авраамъ велѣлъ ему принести огня изъ той рѣки, думая, что онъ тамъ погибнетъ. Но Лотъ, воспользовавшись сномъ звѣрей, хранившихъ огонь, принесъ изъ него три головни. Почудился Авраамъ и велѣлъ Лоту посадить эти головни на одной горѣ и поливать ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не примутся расти: это будетъ знакомъ, что Богъ простилъ его. Головни начали расти, и выросло изъ нихъ прекрасное дерево. Часть древа райскаго, унесенная потопомъ, остановилась при водахъ Мерры; когда Моисей, странствуя съ евреями въ пустынѣ, нигдѣ не находилъ другой воды, кромѣ горькой, тогда ангелъ указалъ ему на это дерево. Моисей посадилъ его въ рѣкѣ крестообразно, и вода усладила отъ дерева, которое само разрослось въ прекрасное древо. Когда Соломонъ строилъ храмъ въ Иерусалимѣ, эти три дерева были привезены въ Иерусалимъ. Древо, выросшее изъ головы Адамовой, было вырвано и привезено съ корнемъ, въ которомъ находилась голова Адамова. Сначала ея не замѣтили въ корнѣ, который отрубили отъ дерева и оставили безъ вниманія; но однажды, во время охоты Соломона, одинъ изъ его отроковъ, отставъ отъ свиты, попалъ въ пещеру и замѣтилъ, что она состоитъ не изъ камня, а изъ кости. Соломонъ приказалъ очистить

кость отъ земли и кореньевъ и узналъ, что это была голова Адамова. Ее принесли въ Иерусалимъ. Соломонъ приказалъ засыпать ее камнями, изъ коихъ образовалась Голгоа. Когда іудеи предали Иисуса Христа на распятіе съ двумя разбойниками, Пилатъ велѣлъ сдѣлать три креста изъ тѣхъ трехъ деревъ. Крестъ Спасителя былъ водруженъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась глава Адамова; во время распятія Спасителя кровію изъ ранъ и водою изъ прободеннаго ребра крестился Адамъ (т. е. голова его, находившаяся подъ крестомъ) и освободился отъ клятвы (1).

Новозавѣтные апокрифы. Изъ новозавѣтныхъ апокрифовъ замѣчательны: *Сказаніе Афродитіана о чудѣ въ персидской земли*; *Хожденіе Богородицы по мукамъ*; *Хожденіе апостола Павла по мукамъ*; *Бесѣда трехъ святителей*; *Сказаніе о 12-ти пятницахъ*.

Въ **Сказаніи Афродитіана** (2) разсказывается о паденіи всѣхъ идоловъ въ персидской кумирнѣ во время рожденія Спасителя и излагается исторія поклоненія восточныхъ волхвовъ Спасителю.

Хожденіе Богородицы по мукамъ. Хожденіе Богородицы по мукамъ составляетъ переводъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и вставками, одного греческаго апокрифа, извѣстнаго подъ именемъ *„Откровенія Пресв. Богородицы“* (3). „Молилась Пресв. Богородица на горѣ Елеонской, да снидетъ архангелъ Михаилъ и разскажетъ ей о мукахъ грѣшниковъ. Архангелъ Михаилъ явился въ сопровожденіи 400 ангеловъ: 100 ангеловъ явилось отъ востока, 100 отъ запада, 100 отъ сѣвера и 100 отъ полудня. „Сколько мукъ, спрашиваетъ его Богородица, *идѣже мучится родъ христіанскій?*“ „Неизреченны суть муки“, отвѣчаетъ архангелъ. Онъ велѣлъ явиться ангеламъ отъ полудня; отверзся адъ, и увидѣли множество мучающихся мужей и женъ, и услышали *воплъ многъ*. На вопросъ Богоматери, кто сіи мучающіеся, Михаилъ отвѣчалъ: *„сіи суть, иже не вѣриваша во Отца и Сына и Св. Духа, позабыша Бога и вѣриваша кже ны бѣ тварь Богъ на работу сотворилъ, того они все боги прозваша: солнце и мѣсяцъ, землю и воду, и звѣри*

(1) Памятн. стар. русск. лит., ч. III, стр. 14: «0 главѣ Адамовой».

(2) Пам. отреч. лит., т. II, стр. 1—4.

(3) Хожденіе Богородицы по мукамъ напечатано въ Памятн. стар. русск. лит., ч. 3, стр. 118—124.

и гадю.... отъ камня ту устроя Трояна, Хорса, Велеса, Перуна“..... Въ другомъ мѣстѣ Богоматерь увидѣла тьму великую, и, когда, по ея повелѣнію, была огнята эта тьма, здѣсь оказалось множество народа, мужей и женъ, издававшихъ сильный вопль; архангелъ Михаилъ сказалъ Богоматери: „это тѣ, которые не вѣровали въ Отца и Сына и Св. Духа, не хотѣли исповѣдывать имени твоего. что отъ Тебя родился Господь нашъ Иисусъ Христосъ и плоть принялъ“. Потомъ Богоматерь обратилась къ полудню. Здѣсь проходила огненная рѣка и въ ней было множество мужей и женъ; одни погружены были въ ней до пояса, другіе—по грудь, иныя—до шеи, а иныя доверху. До пояса были погружены тѣ, которые проклинали отца и мать; по грудь тѣ, которые съ кумами грѣхъ творили; до шеи тѣ, которые ѣли человѣческое мясо; доверху тѣ, которые ложно клялись честнымъ крестомъ, взираая на который сами ангелы трепещуть. Здѣсь же Богоматерь видѣла мужа, повѣшеннаго за ноги, а тѣло его терзали черви; этотъ мужъ бралъ большіе прилоги (проценты) за свое злато; видѣла жену, повѣшенную за зубы, а изъ устъ ея выходили змѣи и терзали ея тѣло: эта жена ходила по сосѣдямъ, подслушивала, складывала сплетни и производила ссору и вражду. „Лучше бы не родиться человѣку тому“, сказала Богоматерь. Потомъ Богоматерь обратилась на полночь, а затѣмъ пришла на лѣвую сторону отъ востока. И тамъ и здѣсь ангелы показали ей множество грѣшниковъ, мучающихся за разные грѣхи. Осмотрѣвъ всѣ муки ада, она заплакала и сказала архангелу: *молюти-ся, да вниду и азъ, да ся мучу съ христіяны, понеже нарекошася чада Сына Моего“.* Но архангелъ замѣтилъ, что ей *подобаетъ поживать въ раю.* Она стала просить Михаила подвигнуть воинство седми небесъ и помолиться за грѣшныхъ, дабы Господь помиловалъ ихъ. „Седмижды на день, отвѣчалъ на эту просьбу Михаилъ, и седмижды на ночь, Госпоже, когда возносимъ хвалу ко Владыкѣ, мы молимся и за грѣшныхъ“. Тогда Богоматерь стала просить вознести ее на высоту небесную и поставить предъ престоломъ невидимаго Отца: явились херувимы и серафимы и вознесли Благодатную къ престолу Божію. Воздѣвъ руцѣ, она начала молиться: *„помилуй, Владыко, грѣшныя, яко видѣхъ я, и не могу терпѣти, да ся мучу и азъ со крестьяны“.* Послышался гласъ: *„какъ могу помиловать ихъ, когда вижу гвозди на рукахъ Сына моего?“* „Я молюсь не за жидовъ, сказала Богоматерь, но за христіанъ“. „Они братіи мойи не помиловали: какъ же я ихъ помилую“, былъ отвѣтъ на это. Когда молитвы Богоматери остались безуспѣшными, она созываетъ пророковъ, апостоловъ и евангелистовъ и проситъ ихъ молиться вмѣстѣ съ нею за грѣшниковъ: и, павши ницъ предъ престоломъ Божіимъ, всѣ начали молиться. Видя такую неотступную мольбу Богоматери и святыхъ, Богъ

послалъ своего Единороднаго Сына. Сынъ Божій сказалъ: „Я насадилъ рай и создалъ человѣка по образу своему, поставилъ господиномъ рай и далъ животъ вѣчный... а люди учинили преслушаніе и подверглись смерти. Чтобы спасти ихъ, Я сошелъ на землю и воплотился и возшелъ на крестъ... воды просилъ Я у нихъ, а они мнѣ дали желчи съ оцтомъ. Я сошелъ во адъ и попралъ врага, чтобы спасти васъ отъ клятвы, а вы не заботились о покаяніи, только назывались христіанами, а заповѣдей моихъ не соблюдали и потому должны мучиться теперь въ огнѣ неугасимомъ. Но ради милосердія Моего Отца, ради молитвъ Моей Матери, ради Михаила архангела и множества мучениковъ моихъ,—даю вамъ, мучащимся день и ночь, имѣти покой отъ великаго четверга до святаго пентикостія (*πεντηκοστήν*, пятидесятницы) и прославити Отца и Сына и Св. Духа“. И сказали всѣ: „Слава милосердію Твоему!“

Слово о видѣніи св. апостола Павла. Извѣстное мѣсто во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ, глав. 12, ст. 2—4, гдѣ ап. Павелъ говоритъ, что онъ былъ восхищенъ въ рай, до третьяго неба, подало поводъ къ составленію „Откровенія или Видѣнія апостола“. Въ славянскихъ рукописяхъ это откровеніе помѣщается подъ именемъ „Слова о видѣніи св. апостола Павла“ (1). Оно составляетъ переводъ греческаго Апокалипсиса св. апостола Павла. Слово начинается превосходнымъ, въ высшей степени поэтическимъ представленіемъ той мысли, которая заключается въ словахъ апостола: „*чашіе твари откровенія сыновъ Божіихъ чають, суетъ бо тварь повинуса не волею, но за повинувшаго ю* (Рим. 8, 19—20): вся природа жалуется Богу на беззаконія людей. „Было слово Господне ко мнѣ, скажи людямъ симъ: доколѣ согрѣшаете и прилагаете грѣхи ко грѣхамъ и прогнѣваете Господа Бога, сотворшаго небо и землю? Вы называетесь чадами Божіими, а творите дѣла діавола. Покайтесь нынѣ и уразумѣйте, что вся тварь повинуется Богу, только одно *человѣчество* согрѣшаетъ. Много разъ великое и свѣтлое солнце молилось Богу и говорило: „Господи Боже Вседержителю! доколѣ мнѣ смотрѣть на беззаконія и неправды человѣческія, повели, да сотворю *по моей силѣ на нихъ*“. И былъ гласъ къ нему: „все это я знаю и видитъ око мое, слышитъ ухо мое, но мое *человѣколюбіе* ожидаетъ, пока они обратятся и покаются; если же они не придутъ ко мнѣ (т. е. не обратятся), *тогда сузю имъ*“. Много

(1) Памятн. отреч. лит., т. 2, стр. 40—58.

разъ луна и звѣзды вопрошали Бога и говорили: „Господи Боже Вседержителю! Ты далъ намъ *область ночи*: долго ли намъ смотрѣть на блудъ и кровопролитіе, которые творятъ сыны человѣческіе? Поведи намъ, *и сотворимъ на низъ по силѣ нашей*“. И былъ гласъ къ нимъ: „все это я знаю; видитъ око мое и слышитъ ухо мое, но долготерпѣніе мое ожидаетъ, пока они обратятся; если же они не придутъ ко мнѣ, *тогда сужу имъ*“. Много разъ воды жаловались на сыновъ человѣческихъ и говорили: „Господи Боже Вседержителю! сыны человѣческіе осквернили *святое имя твое въ насъ*“. И былъ гласъ къ нимъ: „я все знаю прежде бытія всего“. Но особенно земля постоянно вопіетъ и жалуется Богу на людей: „я больше всей твари осуждена; не могу сносить блуда, разбоя, воровства, клятвы, волхвованія и обмана и всѣхъ золъ человѣческихъ: отецъ возстаетъ на сына, а сынъ на отца, и братъ на брата... повели мнѣ, да не подамъ имъ плодовъ отъ моей крѣпости“. И былъ гласъ къ ней: „все это я знаю, и никакой грѣхъ не утаится отъ меня, по моя благодать ожидаетъ ихъ обращенія; если же они не обратятся, тогда *сужу имъ*“ (1). Итакъ, видите, сыны человѣческіе, что вся тварь Богу повинуется; только одно человѣчество согрѣшаетъ. Потому благословите Бога непрестанно каждый день и каждый часъ. Каждый день, по захожденіи солнца, ангелы, приставленные къ людямъ, идутъ къ Богу на поклоненіе и приносятъ ему дѣла людей, которыя они сдѣлали отъ утра до вечера, дѣла добрыя и злыя. Одни ангелы—добрыхъ людей—идутъ къ Богу съ радостію; другіе—ангелы злыхъ людей—идутъ съ плачемъ и рыданіемъ. Также и утромъ, въ первый часъ дня, ангелы приходятъ къ Богу на поклоненіе и приносятъ дѣла человѣческія, добрыя и злыя. Когда былъ часъ поклоненія, пришли ангелы, имѣя съ собою *бремена благи* (дѣла добрыя). *И вышелъ духъ имъ во срътеніе*, и былъ гласъ къ нимъ: „откуда пришли, ангелы, носящіе *бремена благи*?“ „Мы пришли, сказали они, отъ тѣхъ, которые, ради святаго Твоего имени, отреклись отъ міра и плачутъ о своихъ грѣхахъ въ пустыняхъ и пропасть земныхъ, алчутъ и жаждутъ, и мы, ангелы ихъ, плачемъ съ ними; если угодно Тебѣ, повели намъ итти и служить имъ“. И былъ гласъ къ нимъ: „*моя благодать и помощь съ ними есть*“; и удалились ангелы Божіи. И пришли къ престолу Божию другіе ангелы, которые плакали и рыдали; *и вышелъ духъ къ нимъ во срътеніе*, и былъ гласъ Божій къ нимъ: „откуда вы пришли, ангелы, носящіе *бремена*?“ „Мы пришли, сказали они, отъ тѣхъ, которые призываютъ имя Твое святое, а творятъ дѣла плоти.... нужно ли намъ служить грѣшнымъ людямъ?“ И было имъ сказано: „не переставайте служить имъ до тѣхъ поръ, пока

они обратятся и покаются; если же не придутъ ко мнѣ, тогда *сужу имъ*". Видите, сыны человѣческіе, что всѣ дѣла наши ангелы приносятъ къ Богу, добрыя дѣла и злыя! Зная это время, благословите Бога непрестанно!" Послѣ этого слѣдуетъ самое видѣніе апостола Павла. „Я былъ въ духѣ святомъ, говоритъ апостоль. И сказалъ мнѣ ангель: „послѣдуй за мною, и я покажу тебѣ мѣста святыхъ и праведныхъ, гдѣ они пребываютъ, и сойдемъ въ бездну, гдѣ тьма и адъ, и я покажу тебѣ, куда уносятся души грѣшниковъ, когда они умираютъ". Проходя съ ангеломъ подъ твердію небесною, апостоль увидѣлъ страшныхъ и немилостивыхъ ангеловъ: лица ихъ исполнены ярости, зубы выше рта, глаза свѣтятся какъ звѣзды, изъ устъ ихъ выходитъ пламень огненный. „Это тѣ, сказалъ ангель, которые посылаются за душою невѣрныхъ людей". Посмотрѣвъ на небо, апостоль увидѣлъ другихъ ангеловъ: лица ихъ свѣтились какъ солнце, чресла препоясаны золотымъ поясомъ, въ рукахъ у нихъ печать Божія и свитокъ, на которомъ написано имя Божіе. „Это тѣ, сказалъ ангель, которые посылаются за душою людей праведныхъ". „Я желалъ бы, сказалъ апостоль ангелу, видѣть души людей праведныхъ и грѣшныхъ, отходящихъ изъ міра". „Посмотри внизъ, на землю", сказалъ ему ангель. „Я посмотрѣлъ, говоритъ апостоль, и увидѣлъ весь міръ: надъ всѣмъ міромъ распростерто огненное облако". „*Это беззаконіе, смѣшанное съ молитвою грѣшниковъ*", сказалъ ангель. Вздохнувши, апостоль заплакалъ и опять сказалъ ангелу: „я хотѣлъ бы видѣть, какимъ образомъ души праведныхъ и грѣшныхъ людей отходятъ изъ міра. И я увидѣлъ, говоритъ апостоль, человѣка умирающаго; „это праведникъ, сказалъ ему ангель. Всѣ его благія дѣла предстали ему въ часъ смерти; предстали и добрые ангелы. Взявши душу праведнаго, ангелы три раза сказали ей: „*познай, душе, свое тѣло*, откуда вышла; въ день воскресенія ты снова должна будешь возвратиться въ свое тѣло". Душа простилась съ тѣломъ и облобызала его. И пришелъ ангель, постоянно хранившій душу, и сказалъ ей: „*мужайся, душе; я радуюсь, что ты, живя на землѣ, сотворила волю Божію, и я возносилъ къ Богу всѣ благія дѣла твои*". Также и духъ вышелъ во срѣтеніе души и сказалъ: „не смущайся, приходи на мѣсто, котораго ты никогда не видала; я буду твоимъ помощникомъ, ибо я находилъ въ тебѣ покой во все время, когда жилъ въ тебѣ на землѣ". И духъ наставлялъ и укрѣплялъ душу, когда она возносилась на небо. На пути ее останавливали власти; „помедли, говорили онѣ, нѣтъ ли чего нашего въ тебѣ"; но, не находя ничего, тотчасъ отпускали. Послы-

шолся гласъ съ высоты небесныя: „вознесите душу, сотворившую влю Божию“. И тмы темъ ангеловъ вопіяли единымъ голосомъ: „мужайся, душе, и крѣпися“. Когда душа предстала предъ Бога, то Михаилъ и все воинство ангеловъ, поклонившись, сказали душѣ: „се есть всѣхъ Богъ, иже сотвори тя по образу подобію“. Впереди души шелъ ея ангелъ и взывалъ къ Богу: „Боже, помяни тварь свою; ея дѣла я приносилъ къ тебѣ по вся дни“. И духъ также говорилъ: „я духъ, оживлявшій ее и жившій въ ней; сотвори ей по твоему суду“. И былъ гласъ Божій: „меня не оскорбила, и я не оскорблю; помиловала (другихъ), и помилована будетъ; да передастся Михаилу Запѣту, и да несетъ онъ ее въ рай пищи, до дня воскресенія“. И послышался гласъ какъ бы отъ тмы ангеловъ и архангеловъ, и 14 старцевъ, поющихъ и славящихъ Бога и глаголющихъ: „праведенъ еси Господи и судъ твой истиненъ“. Подобнымъ же образомъ разсказывается, какъ апостоль видѣлъ исходъ отъ міра души грѣшной. Послѣ этого ангелъ сказалъ апостолу: „послѣдуй за мною, и я покажу тебѣ мѣста праведныхъ“. Онъ возвелъ его на третье небо и поставилъ предъ вратами. У вратъ были два золотыхъ столпа, а на столпахъ скрижали, которыя всѣ исписаны. Апостоль спросилъ ангела: „что написано на скрижаляхъ?“ „Это написаны имена работающихъ Богу всѣмъ сердцемъ“, отвѣчалъ ангелъ. „А написаны ли имена сущихъ въ мірѣ?“ спросилъ апостоль. „Не только имена, но и образъ и подобіе служащихъ Богу извѣстны ангеламъ“, отвѣчалъ ангелъ. Войдя внутрь тѣста, апостоль увидѣлъ Исаію, который облобызалъ его. Потомъ, по указанію ангела, апостоль посмотрѣлъ на землю и увидѣлъ на ней рѣку, текущую медомъ и млекою; по берегу рѣки насажены деревья, наполненныя плодами; каждое дерево приносило плоды восемь разъ; свѣтъ той земли былъ *паче серебра*. Когда апостоль спросилъ, какъ называется это мѣсто, ангелъ сказалъ: „это земля обѣтованная; развѣ ты не слышалъ того, что написано: *блажени кроткіи, яко тѣи наследуютъ землю*“. Сюда перепосытаются души людей праведныхъ по смерти. Послѣдуй за мною, сказалъ ангелъ апостолу, и я введу тебя во градъ Христовъ“. Они были на озерѣ *хѣрусійстѣмъ* (т. е. ахеронтскомъ). И взялъ его ангелъ въ корабль золотой; ангелы пѣли предъ ними, пока они вошли во градъ Христовъ. Свѣтъ града *паче свѣта міра сего*; онъ обруженъ 12-ю стѣнами; 1000 столповъ внутри каждой стѣны. Отъ западной стороны града течетъ рѣка *медвяная*, съ юга—рѣка *молочная*, съ востока—рѣка *съ виномъ* и *елемъ*, а съ сѣвера—рѣка *масленая*. „Эти четыре рѣки, сказалъ ангелъ, образуются на землѣ; рѣка медвяная называется Фисонъ,

рѣка съ виномъ и елеемъ—Тигръ, рѣка съ елеемъ Гіонъ, рѣка съ млекою Евфратъ“. При медвяной рѣкѣ апостолъ видѣлъ Исаію, Іеремію, Михея и Захарію, которые, привѣтствуя, лобызали его: „это путь пророческій“, сказалъ ангель. У западной стороны града апостолъ увидѣлъ мужей и женъ, сидящихъ и поющихъ: это тѣ, которые всѣмъ сердцемъ веселятся о Богѣ и входятъ во градъ. Посреди града находится высокій алтарь; подлѣ него стоялъ мужъ, лицо котораго свѣтилось какъ солнце; въ рукахъ у него были *гусли* и *псалтирь*. Онъ пѣлъ и пѣніемъ своимъ наполнялъ весь градъ: и слушали его всѣ, находящіеся на столпахъ вратъ, и возглашали *аллилуія* такъ громко, что потрясалось основаніе града. „Это Давидъ, сказалъ ангель, а это врата небснаго Іерусалима. Когда придетъ Христосъ, царь вѣковъ, во славу своего царства, тогда самъ Давидъ начнетъ пѣть, а съ нимъ будутъ пѣть и всѣ праведные: *аллилуія!* Послѣдуй за мною, сказалъ ангель апостолу, и я покажу тебѣ души невѣрныхъ и грѣшныхъ“. И взялъ его ангель на западъ солнца: здѣсь онъ увидѣлъ океанъ, обходящій вселенную, *обому страму* мѣсто, гдѣ тьма, скорбь и туга, и рѣку, пылающую огнемъ. Здѣсь было множество мужей и женъ, погруженныхъ въ рѣку до колѣнъ, до пояса, до рта, и проч. Далѣе описываются разныя мученія грѣшниковъ; ангель объяснилъ апостолу, кто за какіе грѣхи мучится. Отъ этихъ мукъ ангель взялъ апостола и поставилъ его надъ *кладяземъ*, который былъ запечатанъ семью печатами. Онъ велѣлъ приставленному здѣсь ангелу отереть *кладязь*, да *возлюбленникъ Божій Павелъ видитъ*, яко дана ему власть видѣти вся муки. При этомъ ангель велѣлъ апостолу немного посторониться, чтобы можно было вынести смрадъ, выходящій изъ *кладязя*: въ *кладязь* ввергаются тѣ, которые не исповѣдали, яко *Иисусъ снидетъ во плоти, яко роди Его Дѣва Марія*. Послѣ этого апостолъ увидѣлъ небо отверсто и Михаила архангела и съ нимъ множество воинства, сходящаго съ неба. Всѣ грѣшники начали просить архангела и ангеловъ молиться о нихъ. Михаилъ и ангелы, вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ, падая ницъ, начали взывать: „помилуй, Господи, свое созданіе“. Небо заколебалось отъ вопля, какъ дерево отъ вѣтра; потомъ оно отверзлось, и увидѣли Сына Божія, сходящаго съ небесъ. Онъ говорилъ, что грѣшники не заслуживаютъ прощенія, потому что они сами не хотѣли пользоваться тѣми средствами, какія имъ дарованы были для спасенія, „но нынѣ, сказалъ Онъ, ради Михаила архангела и ради Павла возлюбленнаго моего даю вамъ покой суцимъ въ мукѣ въ ночь и въ день святыхъ недѣли“. И всѣ возопили и сказали: „благодаримъ тя, Господи Боже, яко пода намъ на покой дни тѣ“.

Послѣ этого ангель сказалъ апостолу: „послѣдуй за мною, и я введу тебя въ рай“. Въ раю *эдемскомъ* апостоль видѣлъ четыре извѣстныхъ рѣки—Фисонъ, Гіонъ, Тигръ и Евфратъ, видѣлъ дерево, отъ корня котораго происходили воды, давшія начало этимъ рѣкамъ. На деревѣ этомъ *почивалъ Духъ Божій*; когда *дыхалъ Духъ*, тогда шли воды: это тотъ самый Духъ, который до сотворенія міра носился вверху бездны, а послѣ явленія неба и земли сталъ почивать на деревѣ. Видѣлъ апостоль въ раю древо познанія добра и зла и древо жизни; видѣлъ Пресвятую Богородицу, гуляющую въ сопровожденіи 200 ангеловъ; видѣлъ праотцевъ Авраама, Исаака, Іакова; видѣлъ Ноя и разговаривалъ съ нимъ о потоцѣ; видѣлъ пророковъ Ілію и Елисейя.

Несмотря на то, что всѣ апокрифическія сочиненія наполнены вымышленными рассказами, въ которыхъ священныя истины смѣшаны съ разными заблужденіями и суевѣріями, что чтеніе ихъ постоянно запрещалось въ индексахъ книгъ истинныхъ и ложныхъ,—они были весьма распространены въ древнія времена и имѣли большое вліяніе какъ на русское образованіе, такъ и на русскую письменность. Въ рѣдкомъ памятникѣ древней русской письменности мы не встрѣтимъ какого-нибудь апокрифическаго сказанія или какой-нибудь апокрифической подробности. Такое вліяніе апокрифовъ было весьма естественно. Древне-русская жизнь и древне-русское образованіе имѣли основу религиозную; на такой же основѣ возникли и развились и апокрифическія сказанія. Слѣд., они, какъ нельзя болѣе, приходились по вкусу древнимъ русскимъ читателямъ. А тѣхъ ошибокъ и невѣроятностей, того страннаго смѣшенія вымысла съ истиной, какія насъ поражаютъ въ апокрифахъ, древніе читатели, при своемъ слабомъ образованіи, не могли вполне и сознавать; даже самыя образованные изъ нихъ едва ли обладали такимъ знаніемъ св. Писанія и исторіи, чтобы критически могли относиться къ апокрифическимъ сочиненіямъ. А между тѣмъ въ этихъ сочиненіяхъ была привлекательная сторона: они удовлетворяли самому смѣлому любопытству, самой требовательной любознательности; они сообщали свѣдѣнія, какихъ не могла дать ни одна книга. То, что составляетъ непроницаемую тайну для исторіи, апокрифы знаютъ самымъ обстоятельнымъ образомъ: они знаютъ, когда сотворены и пали ангелы, указываютъ день и даже часъ, когда произошло паденіе Адама и Евы, рассказываютъ подробности о первой ихъ жизни по изгнаніи изърая и, наконецъ, еще большія подробности о смерти Адама (Сказаніе объ Адамѣ и Исповѣданіе Евы); они знаютъ, что чувствовали и говорили, находясь въ аду, Адамъ и другіе патріархи и пророки, предъ пришествіемъ къ нимъ Спасителя (Слово Адама къ Лазарю); они рисуютъ по-

дробныя картины кончины міра, страшнаго суда и будущей жизни, рассказывая о томъ, въ какомъ возрастѣ и видѣ возстанутъ на судъ умершіе, узнаютъ ли на томъ свѣтѣ другъ друга и будутъ ли имѣть общеніе между собою родственники, чѣмъ насыщаются праведные въ раю. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ апокрифахъ встрѣчаются глубоко-трогательныя и въ высшей степени поэтическія картины; таковы, напр., въ *Хожденіи Богородицы по мукамъ, Видѣніи апостола Павла*. Съ этой стороны апокрифы замѣняли для древне-русскаго человѣка произведенія искусства поэтическаго, котораго въ древней словесности не было. Удовлетворяя чувству религіозному, они въ то же время удовлетворяли и чувству поэтическому, и тѣмъ лучше, что удовлетворяли изъ одного и того же религіознаго источника, который признавался единственно законнымъ въ силу изначала установившагося склада русскаго жизни. Постоянно читаемыя, апокрифическія сказанія имѣли большое вліяніе на складъ религіозныхъ понятій и представленій нашихъ предковъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ произведенія религіозной народной поэзіи—такъ называемыя *духовныя стихи и легенды*.

Такимъ образомъ, переводная словесность древняго періода заключала въ себѣ много разныхъ сочиненій по разнымъ предметамъ знанія. Отсюда не удивительно, что въ этомъ періодѣ, несмотря на то, что до конца XVI в. не было никакого научнаго образованія, мы встрѣчаемъ весьма много такихъ просвѣщенныхъ мужей, которые не только мудро управляли церковію, поучая народъ вѣрѣ и благочестію, но и являлись опытными совѣтниками въ дѣлахъ государственныхъ, встрѣчаемъ много писателей, сочиненія которыхъ отличаются не только богословскими познаніями, но и свѣдѣніями по нѣкоторымъ свѣтскимъ наукамъ. Эти познанія предки наши пріобрѣтали изъ переводной словесности, чрезъ постоянное чтеніе книгъ. Но такимъ средствомъ къ просвѣщенію не всѣ могли пользоваться съ одинаковымъ успѣхомъ, да и само оно было весьма недостаточно безъ другихъ средствъ. Только правильное научное образованіе можетъ приготовить къ правильному чтенію и пониманію книгъ, научить обсуживать и усвоить прочитанное съ должною пользою. А безъ образованія и пособій науки это чтеніе приводитъ обыкновенно не къ знанію ясному и отчетливому, а къ простой *начитанности*, существенныя черты которой составляютъ поверхностность, сбивчивость и смѣшеніе понятій. Отсюда рядомъ съ просвѣщенными пастырями и учителями мы встрѣчаемъ въ древнемъ періодѣ всего болѣе грамотныхъ, но необразованныхъ книжниковъ, свѣдѣнія которыхъ, пріобрѣтаемыя чрезъ начитанность, имѣли и всѣ ея свойства, т. е. были несвяз-

нымъ сборомъ разныхъ мѣній и походили на тѣ разнообразныя, но ничѣмъ не связанные между собою сборники, которые они читали и списывали. На ряду съ отеческими сочиненіями и статьями по разнымъ наукамъ и литературѣ въ этихъ сборникахъ, какъ мы видѣли, помѣщались повѣсти и сказанія, наполненные разными заблужденіями и суевѣріями; необразованные книжники не могли относиться къ нимъ критически и безъ разбора усваивали все, что читали. Въ понятіяхъ древняго книжника даже не было строгаго различія между св. Писаніемъ, писаніями отеческими и всякими другими писаніями; *писаніямъ* была для него почти всякая книга, все, что было *написано*; апокрифическое сказаніе пользовалось такимъ же авторитетомъ, какъ слова св. Писанія. Слѣдствіемъ этого было то странное смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ понятій, ученія христіанскаго съ самыми нелѣпыми заблужденіями и суевѣріями еще языческой старины, какое мы находимъ не только во всѣхъ народныхъ произведеніяхъ, каковы духовные стихи и легенды, но и во многихъ произведеніяхъ книжной русской словесности древняго періода.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ОБРАЗОВАВШИЯСЯ ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ КНИЖНОЙ СЛОВЕСНОСТИ:

1) Духовные Стихи и 2) Легенды.

1) **Духовные Стихи.** Духовными Стихами вообще называются пѣсни духовнаго содержанія (¹). Такіе Стихи мы находимъ у народа въ двухъ видахъ. Одинъ видъ составляютъ такъ называемые *Псалмы* и *Канты*, которые имѣютъ книжное происхожденіе и книжный характеръ; они возникли сначала на юго-западѣ Россіи, въ книжной письменности XVII в., и потомъ перешли въ народное употребленіе и здѣсь получили народный оттѣнокъ. Другой видъ духовныхъ Стиховъ составляютъ собственно народные Стихи, которые и сложились въ народѣ, только подъ вліяніемъ книжной словесности. Время происхожденія этихъ Стиховъ,

(¹) Первое изданіе «Духовныхъ Стиховъ» сдѣлано Кирѣевскимъ въ Читеніяхъ Общ. ист. и древн. 1848 г., № 9. Въ 1860 г. вышелъ Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ Варенцова. Полное изданіе Стиховъ сдѣлано Безсоновымъ, подъ заглавіемъ: «Калѣки перехожіе» 1861—1864. Выпуски 1—6. «Стихи нищей братіи», записанные въ Мезени Никольскимъ. Извѣстія Общ. любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, том. XXX, вып. 2.

какъ произведеній безвременной народной поэзіи, опредѣленно указать нельзя; нѣкоторые изъ нихъ (напр., Стихъ о Голубиной книгѣ и Стихи о кончинѣ міра) очень древни и принадлежать, вѣроятно, еще первымъ вѣкамъ христіанства на Руси, а нѣкоторые составились въ позднѣйшія времена.

Духовные Стихи нынѣ распѣваются *нищими калыками*. Названіе *калыкы* произошло, вѣроятно, отъ *калыга* (короткій сапогъ или высокій башмакъ—обувь странника) и означало встарину *стражника*, путешественника въ Іерусалимъ и вообще по святымъ мѣстамъ. Но встарину *калыкы* были совсѣмъ не такіе, какъ нынѣшніе *калыкы*. Вотъ какъ изображаются древніе *калыкы* *перехожіе* въ Стихъ *Сорокъ калыкъ со калыкою*.

А изъ пустыни было Ефимьевы,
Изъ монастыря изъ Боголюбова,
Начинали калыки наряжати,
Ко святому граду Іерусалиму,
Сорокъ калыкъ ихъ со калыкою.

Ставши въ кругъ, они выбрали для себя *атамана*, который положилъ для нихъ такую заповѣдь: „кто украдетъ или солжетъ или другой грѣхъ сдѣлаетъ, оставитъ того въ чистомъ полѣ и закопать по плеча во сыру землю“. Положивши такой завѣтъ, калыки отправились. Когда они стали подходить къ Кіеву, то въ раменья встрѣтили самого князя Владиміра, который въ это время здѣсь охотился.

Становилися (калыкы) во единый кругъ,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А в сумочки изповѣсили.
Скричатъ калыки зычнымъ голосомъ:
Владиміръ князь стольно-кіевскій!
Дай-ка намъ, калыкамъ, милостыню,
Не рублемъ беремъ мы и не полтиною,
Беремъ-то мы дѣлыми тысячами.
Дрогнетъ матушка сыра-земля,
Съ деревъ вершины попадали,
Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали.

У Владиміра нечѣмъ было надѣлить калыкъ, и онъ отослалъ ихъ за милостыней въ Кіевъ, къ супругѣ своей, Аправсѣевнѣ. Пришедши въ Кіевъ, калыки также:

Среди двора княженцаго
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изцовѣили,
Подсумочья рыта бархата.
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ,
Съ теремовъ верхи повалилися,
А съ горницъ охлопья попадали.
Въ погребахъ питья всколебался.

Княгиня позвала каликъ въ свою свѣтлую гридню, посадила за столами убранными, гдѣ они пили питья медвяныя, ѣли яства сахарныя ⁽¹⁾. Калики здѣсь изображаются богатырями: они выбираютъ для себя атамана, милостыню берутъ не рублемъ, не полтиною, а цѣлыми тысячами; отъ врика ихъ дрогнетъ матушка сыра-земля, такъ что даже богатыри Владиміра съ коней попадали. Такими же изображаются калики и въ былинахъ; таковъ, напр., въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ каличище Иванище. Эти богатырскія черты каликъ указываютъ на связь ихъ съ богатырями и даютъ право предполагать, что многіе калики выходили изъ богатырей. Послѣ разныхъ подвиговъ удалства и буйства, приходя въ сознание своей грѣховности, богатырь отправлялся, подобно другимъ благочестивымъ христіанамъ, на богомолье въ Іерусалимъ или другія мѣста и изъ богатыря становился *каличкой*. Примѣръ такого перехода представляетъ новгородская былина о Василии Буслаевѣ. „Съ молоду бито мною, граблено, под старость надо душу спасти“, говоритъ Василій Буслаевъ и отправляется со всей своей богатырской дружиной въ Іерусалимъ. Выходя изъ богатырей, многіе калики сначала, конечно, удерживали свой прежній, богатырскій характеръ; но потомъ, когда богатыри перевелись, они сравнились съ обыкновенными странниками, какіе выходили изъ разныхъ сословій и какихъ было всегда много. Странники, конечно, встрѣчали въ Іерусалимѣ старцевъ, которые распѣвали предъ народомъ священныя пѣсни и житія святыхъ, и это обыкновеніе составлять и распѣвать духовныя пѣсни перенесли въ Россію. Такъ, вѣроятно, получили начало духовные стихи. Одни странники ходили въ Іерусалимъ и другія святія мѣста только въ извѣстное время по обѣту, а другіе ходили или, лучше, переходили изъ одного мѣста въ другое постоянно, собирая при этомъ подаянія. Это тѣ, которые по старости лѣтъ, по болѣзни или по какому-нибудь уродству не могли заниматься трудными дѣлами, чтобы доставать себѣ пропитаніе, и находили средство для этого въ подаяніяхъ и милостынѣ. За этими странниками и осталось названіе *калички* и стало означать ни-

(1) Бескон. Калики, вып. I, № 4, стр. 7—20.

шаго слѣпого, хромого или безрукаго—*калѣку* въ настоящемъ смыслѣ. Эти калѣки, распѣвая издавна сложившіеся въ народѣ духовные стихи, передавали ихъ отъ одного поколѣнія другому и сохранили до нашего времени.

Нынѣшніе калѣки, впрочемъ, совсѣмъ не помнятъ древняго богатырскаго времени; свое сословіе какъ убогихъ нищихъ, живущихъ подаваніями милостыни, они производятъ изъ другого источника. Вотъ какъ объясняется начало нищенства въ *Стихъ о вознесеніи Христовъ*. Наванунѣ вознесенія Христова, говорить Стихъ, расплабалась нищая братья:

Гой еси, Христось царь небесный!
На кого-то ты насъ оставляешь?
На кого-то ты насъ покидаешь?
Кто насъ поить кормить станетъ,
Одѣвати станетъ, обувати,
Отъ темныя ночи охраняти?

Утѣшая нищихъ, Спаситель обѣщаль оставить имъ гору крутую—золотую:

Дамъ я вамъ, нищимъ убогимъ,
Гору крутую—золотую;
Умѣйте горою владати,
Промежду собою раздѣляти.
Будите вы сыты и довольны,
Обуты и одѣты,
И отъ темныя ночи приукрты.

Но Іоаннъ Златоустъ при этомъ замѣтилъ, что нищіе не сумѣютъ владѣть и удержать за собою золотую гору, и потому, вмѣсто нея, посовѣтоваль дать имъ позволеніе *просить милостыню именовъ Христовымъ*.

Не давай нищимъ гору крутую,
Что крутую гору золотую;
Не умѣть имъ горою владати,
Не умѣть имъ золотыя поверстати,
Промежду собою раздѣляти.
Зазнають гору князья и бояра,
Зазнають гору пастыри и власти,
Зазнають гору торговые гости;
Отоймутъ у нихъ гору крутую,
Отоймутъ у нихъ гору золотую;
По себѣ они гору раздѣлять,
По князьямъ золотую разверстають,

Да нищю братью не допустить.
Много у нихъ будетъ убійства,
Много у нихъ будетъ кровопролитства,
Да нечѣмъ будетъ нищимъ питатися,
Да нечѣмъ имъ будетъ пріодѣтися,
И отъ темныя ночи пріукрытися.
Дадимъ мы нищимъ убогимъ
Ими твое святое;
Будутъ нищіе по міру ходити,
Тебя—Христа величати,
Въ каждый часъ прославляти;
Будутъ они сыты и довольны,
Обуты будутъ и одѣты,
И отъ темныя ночи пріукрыты.

Спасителю угоденъ былъ этотъ совѣтъ Златоуста, и Онъ ска-
залъ ему:

Исполать тебѣ, Іоаннъ златоустый!
Умѣлъ ты словечко промовити
За нищю за братью за убогую;
Да вотъ тебѣ уста золотыя (1).

Основою такого взгляда на нищенство послужило, конечно, евангельское ученіе о милостынѣ, особенно притча о богатомъ и Лазарѣ, гдѣ въ поразительныхъ чертахъ представлена участь немилостиваго богача въ аду (Лук. 16, 19—31), и изображеніе страшнаго суда.

Какъ калѣбки ведутъ свое начало отъ временъ богатырей, такъ и распѣваемые ими духовные Стихи имѣютъ нѣкоторую связь съ богатырскими былинами. Особенно нѣкоторые изъ нихъ до того походятъ на богатырскія былины, что кажутся передѣлками какихъ-нибудь старыхъ былинъ; въ нихъ тотъ же общій съ былинами эпическій свладъ и тѣ же приемы въ изложеніи предмета—въ рассказѣ и описаніи; только въ языкѣ этихъ Стиховъ преобладаетъ церковно-славянская стихія.

Содержаніе свое Стихи заимствовали изъ свящ. Писанія, церковныхъ пѣсней, церковной исторіи, житій святыхъ: потому основной характеръ Стиховъ—*христіанскій, церковный*. Но такъ какъ на Стихи имѣли вліяніе древнія народныя сказанія и произведенія народной поэзіи, въ которыхъ сохранились остатки

(1) Собрн. дух. стиховъ Варенцова, стр. 59—61. Въ другомъ вариантѣ Стиха, вмѣсто Златоуста, разговариваетъ со Спасителемъ Іоаннъ Богословъ, и самый Стихъ называется Стихомъ объ *Іоаннѣ Богословѣ*.

старыхъ мнѣческихъ вѣрованій, а изъ церковной письменности преимущественно апокрифическія сочиненія, въ которыя также вошли космогоническія сказанія разныхъ народовъ, среди коихъ они распространялись, то очень естественно, что, при церковно-христіанскомъ содержаніи и характерѣ, въ Стихахъ много старой языческой примѣси. Поэтому справедливо поэзію духовныхъ Стиховъ называютъ *двоевѣрною*.

Весьма трудно раздѣлить Стихи на опредѣленные разряды; содержаніе ихъ часто весьма неопредѣленно. Самая общая и постоянная въ нихъ черта—нравственное направленіе, поучительность, которая служитъ конечною цѣлю Стиха, о чемъ бы онъ ни рассказывалъ. Болѣе опредѣленный характеръ имѣютъ *Стихи о началѣ и кончинѣ міра*; всѣ же прочіе, содержаніе которыхъ примыкаетъ въ священной исторіи вообще, или въ частности въ житіямъ святыхъ, можно назвать, хотя не точно, *нравственно-историческими Стихами*.

Стихи о началѣ міра. Къ Стихамъ о началѣ міра и первыхъ и главныхъ предметахъ въ мірѣ могутъ быть отнесены: Стихъ о *Голубиной книгѣ*, *Евангелистская пѣснь* и о *Георгіи Храбромъ*.

Стихъ о Голубиной книгѣ имѣетъ космогоническій характеръ: въ немъ рѣшаются вопросы о началѣ міра, происхожденіи и первенствѣ разныхъ предметовъ въ мірѣ. Колоритъ Стиха христіанскій, и вопросы рѣшаются и всѣ предметы въ мірѣ оцѣниваются съ точки зрѣнія христіанской: все въ мірѣ производится отъ Христа, царя небеснаго. Обстановка Стиха также христіанская, дѣйствіе происходитъ въ Иерусалимѣ; дѣйствующія лица: пророкъ Давидъ и русскій князь Владиміръ. Но въ то же время видно, что Стихъ составился не подъ вліяніемъ только чистаго церковнаго ученія, но преимущественно подъ вліяніемъ апокрифическихъ сочиненій и народныхъ сказаній; потому, при христіанскомъ содержаніи, въ Стихѣ много старой космогонической примѣси.

Въ большей части списковъ Стиха о происхожденіи книги Голубиной говорится просто:

Восходила туча сильная, грозная,
Выпадала книга Голубиная.

Но въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавляются еще такія подробности, что это было „съ зачатія свѣту бѣлаго, въ городѣ Иерусалимѣ, упала книга на горѣ Оаворской, во чудному кресту Лева-

ниту, ко латырю бѣлу камени, ко святой главѣ, ко Адамовой“. Эти подробности взяты изъ другихъ апокрифовъ и народныхъ сказаній (1). Потомъ описывается самая книга Голубиная:

Должны книга сороку сажень,
Поперечины двадцати сажень.

.....
На рукахъ держать, не сдержатъ будетъ.
На нагой положить Божій, не уложится.

Подъ Голубиной книгой, вѣроятно, и разумѣлась первоначально вся древняя народная мудрость, вся совокупность народныхъ преданій (2), прибавленіе же къ ея названію: „божественная книга Евангеліе“ „въ ней написано слово Господнее“ показываютъ, что во времена христіанскія народъ разумѣлъ подъ нею св. Писаніе или Евангеліе, а въ нѣкоторыхъ спискахъ она отождествляется съ Псалтирю. Въ одномъ спискѣ сказано:

Псалтирь книга всѣмъ книгамъ мати.
Почему Псалтирь всѣмъ книгамъ мати?
Поминаются праведныхъ родители.

И потомъ эта Псалтирь описывается такъ же, какъ книга Голубиная:

Въ долину книга сорока сажень,
А въ ширину книга сорока сажень.
А въ толщину книга десяти сажень.

Если же подъ книгою разумѣтся св. Писаніе, то въ названіи ея голубиною можно видѣть намекъ на то, что она происходитъ отъ Св. Духа, символомъ котораго въ христіанской церкви служитъ голубь. А можетъ быть, это названіе книги голубиною еще до-христіанское и указываетъ на космогоническое значеніе голубя, которому въ мифологіи приписывается производительная сила.

Къ Голубиной книгѣ собралось множество народа—царей и князей, поповъ и дьяковъ, людей мелкихъ, христіанъ православ-

(1) Выраженіе о главѣ Адамовой взято изъ апокрифическаго сказанія о крестномъ древѣ, а камень Латырь и крестъ Леванитовъ, или Леванидовъ (изъ дерева Ливанскаго, съ горы Ливана),—изъ народныхъ сказаній, гдѣ они упоминаются весьма часто.

(2) Замѣтимъ, что нѣкоторые сближаютъ ее съ апокриф. Глубиною, или тѣми Глубинными книгами, о которыхъ упоминается въ житіи Авраамія Смоленскаго.

ныхъ; но никто не смѣетъ подойти къ ней. Наконецъ, подходитъ царь Давидъ:

До Божіей книги онъ доступается,
Предъ нимъ книга разгибается,
Все божественное писаніе ему объявляется.

Потомъ подходитъ князь Владиміръ. Онъ проситъ Давида „прочитать книгу Божію“ и объяснить: „отъ чего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ, отъ чего солнце красное, младъ свѣтелъ мѣсяцъ, звѣзды частыя, ночи темныя, зори утренни, вѣтры буйныя, дробень дождикъ, отъ чего у насъ умъ-разумъ, отъ чего наши помыслы, отъ чего у насъ мѣръ-народъ, отъ чего кости крѣпкія, отъ чего тѣлеса наши, отъ чего кровь-руда наша?“ Давидъ отказывается прочитать книгу Божію. „Эта книга, говоритъ онъ, не малая, эта книга великая: на рукахъ держать,—не сдержатъ будетъ; на налои положить Божій,—не уложится. Я по старой по своей по памяти расскажу вамъ какъ по грамотѣ“. Далѣе слѣдуютъ отвѣты царя Давида:

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія;
Солнце красное отъ лица Божьяго,
Самого Христа, царя небеснаго;
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ груди Божіихъ;
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ Божіихъ;
Вѣтры буйныя отъ Святаго Духа.
У насъ умъ-разумъ самого Христа,
Самого Христа, царя небеснаго;
Наши помыслы отъ облацъ небесныхъ;
У насъ мѣръ-народъ отъ Адамія;
Кости крѣпкія отъ камня;
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь-руда наша отъ черна моря.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ Стиха ⁽¹⁾ послѣ словъ: „у насъ мѣръ-народъ отъ Адамія“ еще прибавляется:

Отъ того у насъ въ землѣ цари пошли—
Отъ святой главы, отъ Адамовой.
Отъ того зачались князья бояры—
Отъ святыхъ мощей, отъ Адамовыхъ.
Отъ того крестьяне православныя—
Отъ свята колѣна, отъ Адамова.

(1) Безсонова Калѣки, МЖ 80, 81, вып. 2, стр. 287. 394

Подобное сказаніе встрѣчается еще въ легендахъ ивдійцевъ, которые объясняютъ происхожденіе разныхъ частей также изъ разныхъ членовъ тѣла Браны.

Послѣ этого Владиміръ спрашиваетъ Давида о первыхъ и главныхъ предметахъ въ мірѣ:

Который царь надъ царями царь?
Который городъ городамъ отецъ?
Коя церковь всѣмъ церквамъ мати?
Коя гора всѣмъ горамъ мати?
Кое древо всѣмъ древамъ мати?
Коя трава всѣмъ травамъ мати?
Которое море всѣмъ морямъ мати?
Коя рыба всѣмъ рыбамъ мати?
Коя птица всѣмъ птицамъ мати?
Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?

Отвѣчая на эти вопросы, царь Давидъ оцѣниваетъ достоинство всѣхъ предметовъ съ точки зрѣнія христіанской: первые предметы во всѣхъ родахъ тѣхъ, которые имѣютъ значеніе въ исторіи христіанства. Первый царь въ свѣтѣ „надъ царями царь“ *бѣлый*, т. е. русскій царь, потому что онъ держитъ вѣру *крещеную богомольную*, стоитъ за вѣру христіанскую. Первый городъ въ мірѣ—Иерусалимъ, потому что „*туть у насъ тупъ* (средина) *земли*“; это средневѣковое представленіе объ Иерусалимѣ встрѣчается и въ *Бесѣдѣ* трехъ святителей и въ *Хожденіи* въ Иерусалимъ игумена Даніила. Первая церковь—*соборъ-церква* посреди града Иерусалима (вѣроятно, церковь Воскресенія Христова); въ той церкви стоитъ престолъ божественный; на томъ престолѣ стоитъ гробница бѣла-каменная; въ той гробницѣ почиваютъ ризы самого Христа, царя небеснаго. Иорданъ рѣка—всѣмъ рѣкамъ мати, потому что окрестился въ ней самъ Исусъ Христосъ. Фаворъ гора—всѣмъ горамъ мати, потому что преобразился на ней самъ Исусъ Христосъ. Кипарисъ древо—всѣмъ древамъ мати: на томъ древѣ кипарисѣ *объявился* намъ животворящій крестъ; на томъ животворящемъ крестѣ распять былъ самъ Исусъ Христосъ. Плакунъ трава—всѣмъ травамъ мати: когда жиды Христа распяли и святую кровь Его пролили, Мать Пречистая Богородица по Исусѣ Христѣ сильно плакала... ронила слезы пречистыя на матушку на сыру-землю; отъ тѣхъ слезъ пречистыхъ зародилась плакунъ трава. Океанъ-море—всѣмъ морямъ мати: посреди океана выходила церковь соборная-богомольная святаго Климента папы

римскаго (1). Китъ рыба—всѣмъ рыбамъ мати, потому что на трехъ рыбахъ земля основана. Китъ рыба потронется, вся земля восколеблется; основана земля Св. Духомъ, а содержится словомъ Божиимъ. Стратимъ птица — всѣмъ птицамъ мати: живетъ стратимъ птица на океанѣ-морѣ; по Божьему повелѣнію стратимъ птица встрепенется, океанъ-море всколыхнется, топить она корабли гостинные (купеческіе) съ товарами драгоценными. Индрикъ звѣрь — всѣмъ звѣрямъ отецъ: ходитъ онъ по подземелью, какъ солнышко по поднебесью, пропускаетъ рѣки-владыи студеные; живетъ онъ во святой горѣ^а. Въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавляется еще сказаніе о камнѣ „Алатырь“. *Блѣзъ-Латырь* или *Алатырь-камень* — всѣмъ камнямъ отецъ: лежитъ онъ среди моря синяго; идутъ по морю много корабельщиковъ; для того камня останавливаются, берутъ съ него много снадобья, посылаютъ по всему свѣту бѣлому, съ подѣ камешка, съ подѣ блага латыря протекли рѣчки по всей землѣ на испѣленіе, всему міру на пропитаніе; на бѣломъ латырѣ камени бесѣдовалъ да опочивъ держалъ самъ Исусъ Христосъ, съ двенадцатью апостолами^а. Баснословныя преданія о китѣ-рыбѣ, стратимѣ птицѣ и звѣрѣ индригѣ вошли въ Стихъ изъ разныхъ средневѣковыхъ сочиненій и преимущественно изъ такъ называемыхъ Физиологовъ и *Bestiaries*, въ которыхъ разсказывается о разныхъ чудесныхъ животныхъ. Подѣ *алатыремъ* или *камнемъ латыремъ*, который весьма часто упоминается въ народныхъ сказаніяхъ и которому приписывается чудесная сила противъ всякихъ болѣзней, разумѣютъ янтарь. Богатымъ источникомъ янтаря прежде считалось Балтійское море; оно, вѣроятно, и разумѣется въ народныхъ сказаніяхъ подѣ *латырь-моремъ*, которое, подобно латырю-камню, упоминается въ нихъ весьма часто (2).

Въ концѣ Стиха описывается сонъ Владиміра и объясненіе его царемъ Давидомъ. Владиміръ видѣлъ во снѣ... „будто съ восточной и западной стороны сходились и бились между собою какъ бы два лютые звѣря: одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ“. Объясняя этотъ сонъ, Давидъ говорить:

(1) Подѣ океаномъ-моремъ здѣсь разумѣется Черное море, а подробность о церкви св. Климента взята изъ церковнаго преданія, по которому св. Климентъ папа римскій при импер. Траянѣ былъ сосланъ въ Херсонесъ (Корсунь), замученъ здѣсь и брошенъ въ море.

(2) А. Н. Веселовскій слово алатырь сближаетъ съ словомъ «алтарь» (алтарь-камень) и находитъ въ немъ указаніе на алтарный камень Сионской церкви. Разыск. въ области дух. стиха. III—V.

Это не два звѣря собиралися,
Не два лютые собѣгалися:
Это кривда съ правдой соходилася:
Промежду собою они бились дрались,
Кривда правду одолѣть хочетъ.
Правда кривду переспорила,
Правда пошла на небеса,
Къ самому Христу, царю небесному;
А кривда пошла у насъ по всей землѣ,
По всей землѣ по свѣтъ-русской,
По всему народу христіанскому.

Основа этого сна взята изъ Бесѣды трехъ святителей, гдѣ правда и кривда изображаются то въ видѣ сокола и совы, то въ видѣ бѣлаго и сѣраго зайца (¹).

Стихъ о Георгіи Храбромъ (²), подобно Стиху о Голубиной книгѣ, имѣетъ также космогоническій характеръ, но въ немъ говорится уже не о началѣ всего міра, какъ въ Голубиной книгѣ, а только о началѣ устройства и просвѣщенія Русской земли, которое приписывается св. Георгію. Въ Стихѣ о Георгіи можно различать двѣ части. Въ первой части описываются происхождение и мученія Георгія. Сказаніе о происхожденіи Георгія представляетъ странное, противорѣчащее исторіи, смѣшеніе времени, мѣстъ и лицъ. Св. Георгій жилъ при Діоклитіанѣ и отъ него принялъ мученическую кончину; имя Діоклитіана сохранилось, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ спискахъ; въ другихъ же его замѣнили царице *Демьянице*, *Дектіаннице*, *Даріаннице* и др. Подъ этими именами, очевидно, изображается языческой царь, или вообще язычество, гнавшее христіанство. Родился Георгій, по сказанію Стиха, въ Иерусалимѣ, который оказывается въ Россіи (³); отецъ и мать Георгія не названы въ житіи, но фантазія народная матерью его сдѣлала *Софію премудрую*, которая породила три дочери, разумѣя подъ ними, вѣроятно, знаменитую мученицу Софію и трехъ ея дочерей—Вѣру, Надежду и Любовь. Но всего страннѣе въ этомъ разсказѣ изображеніе самого Георгія:

(¹) Калѣки. Безсонова. Вып. 2, № 81, стр. 298.—Подлинныя слова Стиха о Голубиной книгѣ мы привели по списку Кирѣвскаго. Чтен. Общ. ист. и древн. № IX. Прибавленія къ нему, встрѣчающіяся въ разныхъ вариантахъ, соединены всѣ у Безсонова въ сводномъ спискѣ, вып. 2, № 92.

(²) У Кирѣвск., № II. У Безсонова, вып. 2, № 105.

(³) Самый городъ Иерусалимъ въ нѣкоторыхъ спискахъ называется Русалиномъ.

По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорья вся жемчужная,
По всемъ Егоріѣ часты звѣзды.

Такими же точно словами въ народныхъ сказкахъ описываются разные богатыри и герои, и потому очень можетъ быть, что народъ смѣшалъ Георгія съ какимъ-нибудь древнимъ богатыремъ или божествомъ (можетъ быть, съ самимъ Дажь-богомъ), мѣсто котораго онъ и замѣнилъ въ его представленіи, подобно тому, какъ св. Власій замѣнилъ собою Волоса, св. Илья пророкъ—Перуна, св. Іоаннъ Предтеча—Купалу; во второй части Стиха онъ, дѣйствительно, изображается въ видѣ богатыря, развѣзжающаго по Русской землѣ. Но можетъ быть такъ же и то, что такое изображеніе Георгія снято просто съ какой-нибудь церковной иконы Георгія въ серебряной и позолоченной ризѣ, усыпанной звѣздами и украшенной жемчугомъ. За рассказомъ о происхожденіи слѣдуетъ изображеніе мученій Георгія. Кромѣ житія, принятаго церковью, въ которомъ изображаются мученія Георгія ходили еще апокрифическія сказанія о Георгіи; въ статьѣ о книгахъ отреченныхъ, между другими апокрифами, упомянуто „*Георгиево мученіе*“. Подъ вліяніемъ такихъ сказаній, вѣроятно, и составилось въ стихахъ изображеніе мученій Георгія. „На городъ Іерусалимъ напустилъ Господь царище Діоклитіанище, безбожнаго пса бусурманища“. Онъ умертвилъ благовѣрнаго царя Θεодора, взялъ въ плѣнъ Георгія и трехъ его братьевъ и трехъ сестеръ, увезъ въ свою землю невѣрную и здѣсь началъ ихъ мучить, говоря имъ:

«Вы покинѣте вѣру христіанскую,
Повѣруйте мою латынскую,
Латынскую, басурманскую».

Братья и сестры Георгія, убоавшись мученій, отказались отъ вѣры христіанской, но Георгій остался непоколебимъ. Царь приказалъ мучить его „*муками различными*“. Сначала онъ приказалъ его „*во пилы пилить*“.

По Божьему повелѣнію,
По Егорьеву моленію,
Не берутъ пилы жидовскія,
У нихъ зубья позагнулися,
Мучители всѣ утомилися,
Ничего Егорью не вредилося;
Егорьево тѣло соцѣлялося;
Возставалъ Егорій на рѣзвы ноги;

Поеть стихи херувимскіе,
Превозноситъ всѣ гласы архангельскіе.

Потомъ царь приказываетъ Егорья „въ топоры рубить“, „въ сапоги ковать гвозди желѣзные“, „въ котелъ садить и въ смоль варить“; „но ничего Егорью не вредилося“. Наконецъ, царь велѣлъ посадить его въ глубокой погребъ, закрыть досками желѣзными и засыпать песками рудожелтыми. Здѣсь Георгій сидѣлъ 30 лѣтъ. Когда исполнилось 30 лѣтъ, явилась Георгію Пресв. Богородица и сказала:

«Ты за это ли претерпѣніе
Ты наследуешь себѣ царство небесное».

И поднялись вѣтры буйные, разнесли пески рудожелтые, разметали доски желѣзныя,—и Егорій вышелъ на святую Русь и пришелъ въ городъ Іерусалимъ. Здѣсь, въ соборной церкви, онъ нашель свою мать:

Стоить его матушка родимая,
Святая Софія премудрая,
На молитвахъ стоитъ Іисусовыхъ.

Разсказавъ матери, что съ нимъ случилось, онъ сталъ просить у нея благословенія—отправиться въ путешествіе по землѣ Русской:

«Государыня моя матушка,
Воздай мнѣ благословеніе:
Поѣду я по всей землѣ свято-русской,
Утвердить вѣру христіанскую».

Мать сваряжаетъ въ путь Георгія, какъ настоящаго богатыря:

«Ты поди далече во чисты поля:
Ты возьми коня богатырскаго,
Со двѣнадесятъ цѣпей желѣзныхъ.
И со збруей богатырскою,
Со вострымъ копьемъ со булатнымъ,
И со книгою, со евангеліемъ».

Далѣе слѣдуетъ самое путешествіе Георгія по землѣ Русской, которое можно назвать второю частію Стиха. Земля Русская представилась Георгію совершенно дѣвственною и дивою, ненаселенною и невоздѣланною: повсюду лѣса дремучіе, горы толучія, рѣки текучія, звѣри рысчучіе и змѣи огненныя: нельзя ни пройти, ни проѣхать.

Тутъ же Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,

Наѣзжалъ на лѣса дремучіе:
Лѣса съ лѣсами совивалися;
Вѣтви по землѣ расплалися,
Ни пройти Егорью, ни проѣхати;
Святой Егорій глаголетъ:
«Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
Встаньте и разшатнитесь,
Разшатнитесь, раскачнитесь:
Порублю изъ васъ церкви соборныя,
Соборныя да богомольныя:
Въ васъ будетъ служба Господняя.
Зароститесь вы, лѣса,
По всей землѣ свѣтло-русской,
По крутымъ горамъ, по высокімъ.
По Божьему все велѣнію,
По Егоріеву все моленію,
Разрослись лѣса по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русской,
Растутъ лѣса, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.

Проѣзжая далѣе, Георгій встрѣтилъ „*рѣки быстрыя текуція*“ и велѣлъ имъ размѣститься по всей землѣ Русской. Послѣ рѣкъ онъ наѣхалъ на „*горы толкуція*“:

Гора съ горой столкнулися,
Ни пройти Егорью, ни проѣхати.

Георгій сказалъ имъ:

«Станьте вы, горы, по-старому:
Поставлю на васъ церковь соборную,
Въ васъ будетъ служба Господняя».

Затѣмъ ему встрѣтилось стадо звѣриное.

Наѣзжалъ Егорій на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ на рысучихъ,
И пастыть стадо три пастыря,
Три пастыря, да три дѣвицы,
Егорьевы родныя сестрицы,
На нихъ тѣло, яко еловая кора,
Власъ на нихъ, какъ ковыль трава;
Ни пройти Егорью, ни проѣхати.
Егорій святой проглаголовалъ:
«Вы волки, волки рысучіе!

Разойдитесь, разбредитесь,
По два, по три, по одному,
По глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ.
А ходите вы повременно,
Цейте вы ѣште повѣдѣнное,
Отъ свята Егорья благословенное!

Еще встрѣтились Георгію змѣи огненные, которымъ онъ повѣлѣлъ разысаться по сырой землѣ. Наконецъ, онъ доѣхалъ до города Кіева. На херсонскихъ вратахъ Кіева сидитъ птица *черноногарь* и въ когтяхъ держитъ *осетра-рыбу*; Георгій велѣлъ ей летѣть на океанъ-море. Внутри города онъ нашелъ *палаты бл-локаменны*, гдѣ жилъ *царище Диоклитіанише*. Описание встрѣчи съ нимъ Георгія очень напоминаетъ встрѣчу Ильи Муромца съ Соловьемъ разбойникомъ въ былинахъ. Увидѣвъ Георгія, царище, подобно Соловью, кричитъ по-звѣриному, визжитъ по-змѣиному, такъ что конь Георгія упалъ на сырую землю. Егорій убилъ царище, разрушилъ его жилище, утвердилъ въ Кіевѣ вѣру самому Христу, царю небесному. Потомъ взялъ своихъ сестеръ, привелъ ихъ въ *Иордань-рѣку* и велѣлъ имъ умыться и окреститься: „камышъ-трава съ нихъ свалилася и еловая кора опустилася“. Онъ возвратилъ ихъ своей матери.

Такимъ образомъ, изъ мученика за вѣру, каковымъ Георгій изображается въ первой части Стиха, онъ превращается во второй части въ учредителя порядка, устроителя и просвѣтителя Русской земли. Черты, въ какихъ онъ изображается, очевидно, сняты съ какого-нибудь древняго богатыря, хотя его дѣятельность не имѣетъ вполнѣ богатырскаго характера. Онъ ѣздитъ на богатырскомъ конѣ, съ вострымъ копьемъ богатырскимъ, но ни разу не употребляетъ его въ дѣло. Только уже въ Кіевѣ, лицомъ къ лицу встрѣтившись съ Диоклитіанищемъ, своимъ врагомъ и врагомъ христіанства, онъ пустилъ въ него калену стрѣлу и разрушилъ налицей его палаты, но все путешествіе онъ совершаетъ необыкновенно мирнымъ образомъ. Землю Русскую онъ устроитъ тѣмъ, что распространяетъ вѣру христіанскую, строить церкви соборныя и богомольныя, ѣздитъ повсюду съ книгою Евангеліемъ. Такимъ именно въ высшей степени мирнымъ способомъ, путемъ распространенія христіанской вѣры, дѣйствительно, и происходило устроение и просвѣщеніе земли Русской. Въ Георгіи, можно думать, народъ представилъ вообще типъ тѣхъ духовныхъ богатырей, героев вѣры и просвѣщенія, которые въ древнія времена повсюду являлись въ одеждѣ инока и мірянина, въ санѣ князя и епископа, посѣщали дикія племена

Руси, распространяя между ними вѣру, строя города, церкви, монастыри и пустыни.

Стихи о кончинѣ міра и страшномъ судѣ. Весьма замѣчательный отдѣлъ народной духовной поэзіи составляютъ стихи о кончинѣ міра и страшномъ судѣ. Основую этихъ стиховъ послужило, разумѣется, изображеніе кончины міра и послѣдняго суда въ Евангеліи; но кромѣ евангельскихъ чертъ мы встрѣчаемъ здѣсь много картинъ, созданныхъ народною фантазіей подъ вліяніемъ разныхъ церковныхъ сочиненій и преимущественно апокрифическихъ сказаній. Всего же сильнѣе, конечно, поражала воображеніе народа извѣстная картина страшнаго суда, которая была принесена къ намъ при самомъ началѣ христіанства; Несторъ рассказываетъ, что этою картиною всего сильнѣе подвѣствоваль греческій философъ на князя Владимира, во время проповѣди христіанской вѣры.

Стихи о страшномъ судѣ очень разнообразны: одни начинаются изображеніемъ пришествія антихриста; въ другихъ объ антихристѣ не говорится, но описывается кончина міра и страшный судъ; въ нѣкоторыхъ изображаются, главнымъ образомъ, мученія, ожидающія грѣшниковъ въ будущей жизни.

Въ нѣкоторыхъ стихахъ⁽¹⁾, какъ и въ евангельскомъ изображеніи, прежде всего описывается пришествіе антихриста, а потомъ кончина міра:

Сошлетъ Господи пророчество,
Илію пророка и Онофріа,
И стануть святые пророчити.
И сойдесть на землю бездушный богъ,
Бездушный богъ антихристовъ:
Онъ исколетъ святое пророчество,
Отъ той-то отъ святой-то крови
Загорится матушка сыра земля:
Съ восхода загорится до запада,
Съ полуденъ загорится да до ночи.
И выгорять горы съ раздольями,
И выгорять лѣса темные,
И сошлетъ Господи петопіе,
И на три дня на три мѣсяца:
И вымоетъ матушку сыру землю,
Аки хвратью блуду.

(1) Стихи эти начинаются словами: «Бѣмы добры да мнѣвадояся»: у Жер., ж XIX; у Безсон., вып. 5, стр. 477.

Аки скорлупу яичную,
Аки дѣвицу непорочную,
Аки вдовицу благонестивую.
И сойдетъ Михаилъ архангелъ братюшка,
И утвердитъ престолъ среди земли.
Вострубитъ въ трубоньку золоту:
Вставайте вы, живые и мертвые,
Старые и малые будьте въ тридцать лѣтъ.

Въ другомъ Стихѣ (1) для царства антихриста назначается определенное время, которое, впрочемъ, пройдетъ совершенно незамѣтно:

И будетъ царства его полчетверта года,
Три года Господь обратитъ яко въ три мѣсяца;
Три мѣсяца Господь обратитъ яко въ три часа;
Три часа Господь обратитъ яко окомъ мигнуть.

Земля выгоритъ, по словамъ Стиха, *на тридцать* (въ друг. спискѣ—*на шестьдесятъ*) *лактей*. Эта подробность, равно какъ и выше указанная о томъ, что при кончинѣ міра всѣ умершіе воскреснутъ въ одномъ возрастѣ — въ тридцать лѣтъ, вошли въ Стихъ изъ „Вопросовъ Іоанна Богослова“.

Сшествіе Спасителя судить живыхъ и мертвыхъ и самый судъ въ Стихахъ (2) изображаются въ слѣдующихъ чертахъ:

Тогда сойдутъ съ небесъ ангелы Божіи
И снесутъ они крестъ пресвятыи Его,
И поставятъ на мѣсто на лобное,
Гдѣ Господь претерпѣлъ вольное распятіе.
Потомъ снесутъ престолъ Господень съ неба на землю.
Тогда съ неба сойдетъ страшный судія,
Самъ Исусъ Христъ,
На свѣтоносномъ на облацѣ,
И сядетъ Господь на престолѣ своемъ,
Да и будетъ судить живыхъ и мертвыхъ.

Судъ описывается такъ, какъ изображается въ Евангеліи: праведные стоятъ по правую, а грѣшные по лѣвую сторону престо-

(1) Кирѣев., № XX. (2) Стихи собственно о страшномъ судѣ начинаются слѣдующими словами: «Живалъ мы грѣшныи на вольномъ свѣту». Кирѣев., № XVI; у Безсон. Калѣки, вып. 3, № 503—516.

ла Божія. Выслушавъ приговоръ Судіи, праведные идутъ „во прекрасный рай“ и „поютъ при этомъ пѣсни херувимскія“. Осуждая грѣшныхъ на мученія, Госнодь говоритъ имъ то же самое, что въ *Хожденіи Богородицы по мукамъ*¹ связано отъ лица Божія въ отвѣтъ на просьбу Богоматери о помилованіи мучащихся въ аду:

Даны вамъ были книги божественныя.
И все было въ книгахъ написано,
Въ чемъ грѣхъ, въ чемъ и спасеніе,
Чѣмъ въ рай войти, чѣмъ душу спасти.

И затѣмъ въ Стихѣ указываются какъ добродѣтели, коими можно достигнуть спасенія, такъ и грѣхи, за которые грѣшники будутъ мучиться:

Души спасти—постомъ и молитвою;
Въ рай войти—святою милостиною.
Къ Божьей церкви вы не хаживали,
Писанья Божьяго не слушивали,
Со слезами Богу не мазились,
Великаго говѣнья не гавливали,
Земныхъ поклоновъ не справливали,
Себѣ вольнаго причастія не приемивали,
Не имѣли вы ни среды, ни пятницы
Постомъ и молитвою,
Ни святаго воскресеня трехденнаго,
Никакого годоваго господняго праздниа.

Осужденные просятъ помолиться о нихъ Господу сначала Михаила архангела, потомъ Пресв. Богородицу, наконецъ пророковъ и святыхъ. Это прошеніе грѣшниковъ напоминаетъ то мѣсто въ *Хожденіи Богородицы по мукамъ*, гдѣ описывается, какъ Богоматерь, осмотрѣвъ всѣ муки ада, вмѣстѣ съ ангелами и архангелами и всѣми святыми, проситъ Бога о помилованіи грѣшниковъ⁽¹⁾. Точно также и въ одномъ Стихѣ⁽²⁾ Богоматерь на страшномъ судѣ представляется ходатайствующею за грѣшниковъ; но Спаситель сказалъ ей, что Онъ можетъ исполнить ея просьбу только подъ тѣмъ условіемъ, если Она согласится видѣть во второй разъ Его распятіе за грѣшниковъ:

(1) Памят. отреч. лит., т. 2, стр. 29 (2) У Кирѣев., № XXI.

Аминь, аминь глаголю тебѣ:
Развѣ ты хочешь видѣть меня
Во вторые Бога на распятіи?

Потерявъ всякую надежду на помилованіе, грѣшники, павши на сырую землю, начинаютъ прощаться „съ прекраснымъ раемъ“, воюго они лишаются, со Спасителемъ, Богоматерью и всѣми святыми. Прощаніе это весьма трогательно:

Прости наше восхожденіе, прекрасенъ рай!
Простите наши райскія пищи,
Райскія пищи мы лишаемся,
На вѣчную муку отсылаемся!
Прости ты наша заступница,
Госпожа Матерь пресвятая Богородица!
Прости нашъ страшный судія, нашъ Исусъ Христосъ!
Прости нашъ Іоаннъ предтеча!
Прости нашъ Михаилъ архангелъ святой!
Прости нашъ Гавріиль архангелъ святой!
Простите всѣ ангелы, архангелы!
Уже намъ грѣшнымъ вашей славы не слышати.
.
Простите святые всѣ праведные!
Простите пророки и апостолы!
Вы пошли въ радости неисповѣдимыя,
Во царствіе во небесное;
А мы пошли грѣшныя
Въ муки, плачь неутѣшный.
Прости знаменіе, животворящій крестъ!
Крестнаго знаменія лишаемся,
И въ адъ, и въ муку въ тартарары отсылаемся
Во вѣки съ бѣсами мучиться (1).

Послѣ этого грѣшники пойдутъ на мученія въ огненную рѣку, по словамъ одного Стиха (2), связанные рука объ руку:

Еретникъ съ еретникомъ, клеветникъ съ клеветникомъ,
Двуязычникъ съ двуязычникомъ, ненавистникъ съ ненавистникомъ, и пр.

Когда же грѣшники войдутъ въ огненную рѣку,

Велитъ Господь брега (рѣки) вмѣстѣ содвинуты,
И велитъ Господь перстіемъ засыпати,

(1) У Кирѣев., № XVI. (2) У Кирѣев., № XXI.

Чтобы не слышать отъ грѣшныхъ голоса,
 Ни стонанія, ни рыданія,
 Ни ручнаго восплесканія.

Стихи о мученіяхъ грѣшниковъ и блаженствѣ праведныхъ. Особый отдѣлъ составляютъ Стихи, въ которыхъ изображаются мученія грѣшниковъ въ будущей жизни и при этомъ указываются грѣхи, за которые они будутъ мучиться (¹). Мученія описываются подробно и почти тѣ же самыя, какія указываются въ сказаніи о мытарствахъ; но награды людямъ праведнымъ въ будущей жизни описываются слишкомъ кратко и чертами слишкомъ блѣдными и неопредѣленными. Праведные будутъ жить въ раю прекрасномъ, гдѣ на деревьяхъ сидятъ птицы райскія и поютъ пѣсни царскія, такъ что все вольное житіе челоуѣку показалось бы за одинъ часъ, за минуту.

Кромѣ указанныхъ Стиховъ о кончинѣ міра и страшномъ судѣ, есть еще много другихъ, которые примыкаютъ къ нимъ по своему содержанію. (²). Изъ нихъ особенно замѣчательны „Плачь земли“ и „Прощаніе души съ тѣломъ“.

Въ Стихѣ „Плачь земли“ изображается та же жалоба земли Богу на беззаконія людей, которая въ такихъ поэтическихъ картинахъ представлена въ „Словѣ о видѣніи ап. Павла“ (³). Въ Стихѣ собственно одна картина: жалоба высказывается отъ лица всей земли въ совокупности, а не отдѣльно отъ солнца, моря, луны и проч., какъ въ „Словѣ о видѣніи ап. Павла“. Другая особенность въ Стихѣ та, что Богъ, выслушавъ жалобу земли, проситъ ее потерпѣть, пока грѣшники покаются. Вотъ самый Плачь земли:

Растужилась, расплакалась матушка сыра земля
 Предъ Господомъ Богомъ:

Тяжелъ до мнѣ, тяжель Господи, вольный свѣтъ,
 Тяжелъ много грѣшниковъ, боль беззаконниковъ!
 Речеть же самъ Господь сырой землѣ:

Потерпи же ты, матушка сыра земля!

Потерпи же ты, вѣсколько времечка, сыра земля!

Не придуть ли рабы грѣшныя къ самому Богу

Съ чистымъ покаяніемъ?

Ежели придуть, прибавлю я имъ свѣту вольнаго,

Царство небесное:

Ежели не придуть ко мнѣ, къ Богу.

Убавлю я имъ свѣту вольнаго,

(¹) Эти стихи начинаются словами «Воскреснетъ Богъ и вознесетъ рука Его»: у Безсон., вып. 5, № 494—495.

(²) Сборн. Кирѣев. въ Чтен. Общ. ист. и древн. № XXII—XXIV, XXVIII, XXVIII, XXX, XXXVIII, XXXIX. (³) Памят. отреч. русск. лит., т. 2, стр. 40—41.

Прибавлю я дѣль муки вѣчнаго,
Померю я къ голоду голоднымъ (1).

Мысль Стиха „Прощаніе души съ тѣломъ“ взята также изъ „Слова о видѣніи апостола Павла“, гдѣ ангель, между прочимъ, показываетъ апостолу, какъ отходятъ отъ міра души праведныхъ и грѣшныхъ людей: „по повелѣнію ангела, душа, вышедши изъ тѣла, смотритъ (разсматриваетъ) на тѣло, чтобы узнать его въ будущее воскресеніе, когда она должна снова соединиться съ нимъ“. Это прощаніе изображается въ Стихѣ въ слѣдующей картинѣ:

Солнушко на закатъ пошло,
Красное закатилося.
Душа съ тѣломъ разставалася.
Отошедши, она тѣлу повлонилася:
Ты прощай, ты прощай, тѣло бѣлое!
Ты пойдешь, тѣло бѣлое, во сыру землю;
Ты сырой землѣ на распутыце,
Ты сырмъ червямъ на расточенье.
Я, душа, пойду къ самому Христу,
Къ самому Христу, къ судѣ праведному,
Отъ Христа пойду въ муку вѣчную.

На вопросъ тѣла, почему она *угадываетъ*, что пойдетъ въ муку вѣчную, душа указываетъ на грѣхи, за которые она считаетъ себя достойною вѣчной муки:

Потому я, тѣло бѣлое, себя угадываю,
Что какъ жили мы были на вольномъ свѣту,
Мы на вольномъ свѣту, на прошедшемъ вѣку.
Не имѣли мы ни сѣреды, ни пятницы.
Ни великаго поста понедѣльничку,
Ни трехдѣннаго воскресеньца;
Мы по сѣредамъ, по пятницамъ платье золовали,
Платье золовали мы, льныя придвали,
Изъ чужихъ мы коровъ молоко выдавали,
Мы къ хлѣба спорнью вынызывали;
Не ходили ни къ обѣднѣ, ни къ вечернѣ;
Мы не слушали звона колокольнаго,
Мы не слушали пѣнья Божяго церковнаго.
Золотые я вѣнды душа разлучила (2).

(1) У Кирѣев., № XXX. (2) У Кирѣев., № XXIV.

Къ этимъ грѣхамъ, достойнымъ вѣчной муки, въ другихъ Стихахъ прибавляется еще то, что „по сватбамъ душа много хаживала, сватбы звѣрьями оборачивала“, и то, что „заблудящимъ дороги не показывала, мертвыхъ во гробахъ не проваживала“ (1).

Стихи нравственно - историческіе. *Нравственно - историческими* можно назвать вообще всѣ тѣ Стихи, содержаніе которыхъ примыкаетъ къ священной исторіи вообще, или, въ частности, къ житіямъ святыхъ. Къ ветхозавѣтной исторіи относятся только два Стиха: „Плачь Адама“ и „объ Іосифѣ Прекрасномъ“.

Стихъ объ Іосифѣ Прекрасномъ. Библейская исторія объ Іосифѣ, проданномъ братьями въ Египеть, послужила сюжетомъ для Стиха „объ Іосифѣ Прекрасномъ“. Согласно съ Библіей, въ Стихѣ послѣдовательно излагаются всѣ пункты этой трогательной исторіи: продажа Іосифа въ Египеть, жизнь въ Египтѣ у царедворца Пентефрія, невинное заключеніе въ темницу, переходъ изъ темницы на первое мѣсто въ государствѣ и полное интересныхъ приключеній свиданіе съ братьями и отцомъ. При этомъ съ особенною силою выставляется на видъ отеческая любовь въ Іаковѣ и сыновняя—въ Іосифѣ, которая изображена въ слѣдующихъ двухъ картинахъ. Когда купцы, говоритъ Стихъ, которымъ былъ проданъ Іосифъ, проѣзжали мимо того мѣста, гдѣ была похоронена мать его, Рахиль, Іосифъ попросилъ ихъ пустить его на могилу матери:

«Богатые вы купчани!
Отпустите, ослобоните,
На матушкину могилку,
Горючихъ я слезъ наточуся,
Съ родимую матушкою прощуся» (2).

Далѣе слѣдуетъ плачь Іосифа на могилѣ матери, который излагается иногда въ отдѣльномъ Стихѣ. Эта картина составила на основаніи древне-іудейскаго преданія, помѣщенного и въ Четь-Минеяхъ св. Димитрія Ростовскаго (31 марта). Другая картина очень оригинальна и, вѣроятно, русскаго происхожденія. Ожидая свиданія съ отцомъ, Іосифъ приказалъ утвердить въ землѣ столбъ и обить его бархатомъ; когда слѣплого уже Іакова привели къ этому столбу, Іосифъ сталъ за столбъ и, привѣтствуя отца, поклонился ему въ ноги, а Іаковъ, думая обнять сына, прижалъ къ себѣ столбъ такъ

(1) Стихъ о вѣчной муцѣ у Кирѣев., ж. XXV.

(2) У Кирѣевск., ж. VIII. Калѣки, в. 1, ж. 38.

сильно, что изъ него „съ обѣихъ сторонъ сожъ выступилъ“. Когда Иосифъ объяснилъ ему, что онъ вмѣсто него обналъ столбъ, онъ сказалъ:

«Спасибо, любезное мое чадо,
Что ты не шелъ теперь ко мнѣ въ руки:
Зажалъ бы съ тоски тебя до смерти» (1).

Стихи о богатомъ и Лазарѣ. Евангельская притча о богатомъ и Лазарѣ дала содержаніе извѣстнымъ Стихамъ о богатомъ и Лазарѣ. Народъ не ограничился простымъ переложеніемъ притчи, но почти каждую черту ея усилилъ и распространилъ разными выдуманнми подробностями, а нѣкоторыя черты и измѣнилъ, сообразно съ своими понятіями. Тамъ, богатаго и Лазаря, братьевъ по Христу, какъ ближнихъ, онъ представилъ родными кровными братьями и тому и другому далъ одно имя Лазаря.

Жили то были два братца,
Два братца родныхъ, да два Лазаря.
Что одна ихъ матушка породила,
Не однимъ ихъ Господь счастьемъ надѣлялъ.

При этомъ жестокосердіе немилостиваго богача становится еще рѣзче и поразительнѣе. Въ Евангеліи о смерти богатаго и Лазаря сказано просто: „умеръ нищій и отнесенъ быдъ ангелами на лоно Авраамово; умеръ и богачъ, и похоронили его“; въ Стихахъ эти слова распространены и усилены слѣдующими подробностями. Посылая за душой бѣднаго Лазаря, Господь говоритъ ангеламъ:

«Выньте его душеньку и честно и хваально,
И честно и хваально, и въ сахарны уста,
Положите его душеньку на пелены,
Поднимите душеньку на небеса,
Положите душеньку въ пресвѣтлый рай».

А о душѣ богатаго сказано:

«Выньте его душеньку сквозь лѣвое ребро,
Положите душеньку на острое копье,

(1) У Бессон. Калѣки, выш. 1, № 37, стр. 171.

Поднимите душеньку вверх высоко
И бросате его душеньку въ тарь-гарару» (1).

Разговоръ между богатымъ и Лазаремъ за гробомъ также усиленъ и распространенъ; упрекая въ жестокосердіи богатаго, Лазарь говоритъ ему то же, что будетъ сказано Спасителемъ всѣмъ грѣшникамъ на страшномъ судѣ.

Въ изображеніи земной жизни богатаго отразились нѣкоторыя черты народныхъ нравовъ и понятій. Богатый говоритъ Лазарю:

«Есть у меня братья получше тебя,
Князья да бояре—тѣ братья мои,
Попы тѣ церковны—хлѣбъ соль съ ними одна у меня.
По двору богатый похаживаетъ.
За нимъ выходила *свинная* раба (2),
Въ рудѣхъ выносила медь и вино:
«Выпей, мой богатый, зелена вина,
Закушай, богатый, сладкіе меды» (3).

Стихи о Лазарѣ всего чаще поются нищими калѣками; ихъ любить особенно слушать нашъ простой народъ. Нищіе видятъ въ Лазарѣ для себя примѣръ при собираніи милостыни, а народъ находитъ въ судьбѣ его изображеніе своей собственной судьбы.

Изъ Стиховъ, рассказывающихъ о святыхъ, замѣчательны Стихи объ Алексѣѣ, челоѣкѣ Божьемъ, Гоасагѣ царевичѣ и Борисѣ и Глѣбѣ.

Стихъ о св. Алексѣѣ, челоѣкѣ Божьемъ. Житіе св. Алексѣя, челоѣка Божія, не могло не поражать народнаго воображенія тѣмъ высокимъ идеаломъ самоотверженія, какой въ немъ представляется. Имя князя и соединенное съ нимъ высокое положеніе въ обществѣ, богатство и роскошь, окружавшія его съ волюбели, любовь родителей и родныхъ и прекрасная любящая супруга, съ которою только-что заключенъ союзъ на всю жизнь,— все это отвергнуто св. Алексѣемъ для Бога и спасенія души, все это съ радостію, въ самой цвѣтущей порѣ молодости, промѣнено на имя и жизнь нищаго калѣки, въ рубищѣ переходящаго съ мѣста на мѣсто, подъ дождемъ и вѣтромъ на паперти храма

(1) Калѣки, вып. 1, № 21. (2) Т. е. сверху изъ горницы, горничная.

(3) Калѣки, вып. 1, № 27.

выпрашивающаго милостыню и, наконецъ, находящаго приютъ въ убогой вельѣ. Неудивительно, что народъ переложилъ это житіе св. Алексѣя въ стихи, которые сдѣлались его любимыми стихами. Вотъ болѣе интересныя мѣста изъ этого Стиха:

Во славномъ во городѣ, во Римѣ,
При царѣ было при Оноріѣ,
Жилъ человекъ благочестивый,
Великій Ефимьянъ князь;
Супруга его Аглаида.
Жили они многія лѣта.
У нихъ не было дѣтища ни единого.

Они начали молиться Богу:

«Создай ты намъ, Господи, чадо,
Единое чадо молоденца!
При младости намъ на погляденье,
При старости намъ на сбереженье,
При смертномъ часу на поминъ душъ».
Услышалъ Господь Богъ ихъ молитву;
Создалъ имъ Господь дѣтище единое.

Не хотѣлось Алексѣю жениться,
Хотѣлось ему Богу молиться,
За младыя лѣта потрудиться.
Здѣсь его отецъ не послушалъ;
А онъ своему отцу не поспорилъ.

Послѣ брака Алексѣй говорить своей супругѣ:

«Ой же ты, обручная княгиня!
Ты станешь ли со мной за едино Богу молиться?
Промежъ насъ будетъ Святой Духъ».
Княгиня ему умолчала,
Никакого отвѣту не сказала.

Снявъ съ себя шелковый поясъ и золотой перстень съ руки, онъ сказалъ ей:

«Храни сіи вещи сердцевыя:

Вотъ тебѣ мой шелковый поясъ,
Со правой руки золотъ перстень.
Молися ты Господу, трудися,

За Алексѣя Божьяго человѣка.
А и пошелъ во иную землю.

Пришедши во иную землю, „во *Одессъ градъ*“ (1), Алексѣй сталъ на церковной паперти съ нищими и началъ молиться:

Создай ты мнѣ, Господи, вѣсь долгій,
Чтобы отецъ, мать меня не познали!
Молился Алексѣй Богу, трудился;
Красота въ лицѣ его потребишася,
Очи его погубишася;
Сталъ Алексѣй, какъ убогій (2).

Стихъ объ Іоасафѣ царевичѣ. Еще высшій идеаль самоотверженія представляется въ Стихѣ „*объ Іоасафѣ царевичѣ*“. Здѣсь уже не сынъ богатаго князя оставляетъ домъ родительскій, но сынъ царя оставляетъ царскій дворецъ и престолъ и для спасенія души удаляется въ пустыню. Стихъ этотъ составился подъ вліяніемъ исторіи Варлаама и Іоасафа царевича, въ которой разсказывается, „какъ мудрый отшельникъ Варлаамъ обратилъ въ христіанскую вѣру индійскаго царевича Іоасафа. Варлаамъ явился къ царевичу подъ видомъ кунца, продающаго драгоценный камень, и объяснилъ Іоасафу, что камень этотъ изображаетъ царство небесное, котораго всего легче достигнуть уединеніемъ и молитвою“. Въ Стихѣ, въ формѣ разговора Іоасафа царевича съ пустыней, изображается состояніе души царевича, когда онъ приходитъ въ пустыню и рѣшается начать уединенную жизнь отшельника. Пустыня олицетворяется и называется прекрасною матерью. Царевичъ проситъ ее принять его къ себѣ, какъ сына; но она не совѣтуетъ ему оставлять міръ и царство, и говорить:

«Не жить тебѣ во пустынѣ,
Не молясь во мнѣ, Богу молиться,
Не трудясь во мнѣ, Господу трудиться.
Нѣтъ во мнѣ царскаго вѣства,
И нѣтъ во мнѣ царскаго поила;
Вѣтъ-воскушать—гнилая колода;
Испивать—болотная водаца».

(1) Т. е. въ городъ Эдессъ, въ Месопотаміи. Смотри житіе св. Алексѣя. Четьи-Миней 17 марта. (2) Стихъ объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ, у Кир., № VII; у Безсон., выш. 1, № 29.

Когда царевичъ общаетъ терпѣть лишения въ пищѣ и питіи, пустыня указываетъ ему на его молодость и на свойственныя молодости мечты и стремленія къ жизни веселой и разнообразной, которыя можетъ пробудить въ его душѣ первая весна, когда все въ природѣ оживится и будетъ вызывать къ жизни.

«Не жить тебѣ во пустынѣ:
Придетъ мать весна-красна,
Лузья-болоты разольются,
Древа листьями одѣнутся,
И запоютъ птицы райскія
Архангельскими голосами,—
А ты изъ пустыни вонъ изыдешь,
Меня, мать прекрасную, покнинешъ» (1).

Отвѣчая на это, Іоасафъ говоритъ:

«Во зеленой во дубравѣ
Есть частыя древа,
Со мной будутъ думы думати;
На древахъ есть мелкіе листья,
Со мной стануть говорити;
Прилетятъ птицы райскія,
Стануть распѣвати,
Меня будутъ потѣшати» (2).

Изъ житій русскихъ святыхъ или изъ русской исторіи замѣчательны только два стиха: „о Борисѣ и Глѣбѣ“ и „о Дмитровской субботѣ“.

Стихъ о свв. Борисѣ и Глѣбѣ. Память свв. Бориса и Глѣба, какъ первыхъ мучениковъ нашей церкви, глубоко почиталась, и житія ихъ, написанныя черноризцемъ Іаковомъ и пр. Несторомъ, составляли предметъ любимаго чтенія у народа. Народъ сложилъ о нихъ особый Стихъ; существенное отличіе его отъ житій заключается въ томъ, что житія представляютъ въ Борисѣ и Глѣбѣ примѣръ братской любви, а въ Стихѣ главною чертою выставляется въ нихъ сыновняя любовь къ отцу, влѣдствіе которой они не послушали даже совѣта матери, предостерегавшей ихъ отъ Святополка, поѣхали на поминки отца и погибли.

(1) Калѣки, вып. 1, № 50, стр. 246.

(2) Калѣки, вып. 1, № 52, стр. 221.

Стихъ о Дмитровской субботѣ. Весьма замѣчательнъ Стихъ „о Дмитровской субботѣ“. Дмитріевская суббота установлена для поминовенія воиновъ, павшихъ во время знаменитой Куликовской битвы; Дмитріевской она называется потому, что поминовеніе совершается въ субботу, предъ днемъ памяти св. Дмитрія Солунскаго, 26 октября. Въ Стихѣ происхождение Дмитріевской субботы объясняется такимъ образомъ. „Наканунѣ Дмитріевской субботы князь Дмитрій Іоанновичъ, съ княгиней Евдокіей и князьями и боярами, слушалъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, которую служилъ митр. Кипріанъ. Предъ *Достойной* вдругъ князю представилась видѣніе.

Не горять свѣчи предъ иконами,
Не сіяютъ камни на златыхъ окладахъ.
Не слышитъ онъ пѣнія святаго,
А видитъ онъ чистое поле,
То ли чистое поле Куликово.

Все поле покрыто тѣлами христіанъ и татаръ: „христіане-то какъ свѣчки теплятся, а татары какъ смола черна“; по полю ходитъ Пресв. Богородица, а за нею апостолы, архангелы и ангелы: они отпѣвають мощи православныхъ христіанъ, на которыхъ въ это время вѣнцы сходятъ съ небесъ; падитъ на нихъ сама Богородица. Обошедши поле, она спросила: „а гдѣ жъ да князь Дмитрій?“ Апостолъ Петръ сказалъ: „онъ теперь въ Успенскомъ соборѣ съ княгиней Евдокіей слушаетъ молебень“. Богородица сказала:

«Не въ своемъ Дмитрій князь мѣстѣ:
Предводитъ ему лжи мучениковъ,
А его княгинѣ въ моемъ стадѣ».

При этихъ словахъ видѣніе пропало, свѣчи опять загорѣли, камни на окладахъ иконъ снова засіяли. Князь Дмитрій понялъ это видѣніе какъ знаменіе, что близокъ часъ его смерти, а княгинѣ быть послѣ него въ черницахъ, и на память его онъ *„уставилъ Дмитровскую субботу“* ⁽¹⁾.

(1) Калѣки, вып. 3, стр. 673—675, ж. 136.

2) Народныя легенды. Другую форму религиозной народной поэзии составляют *легенды* ⁽¹⁾; прозаическіе рассказы духовно-нравственнаго содержанія. Подобно Стихамъ, легенды составились также подъ вліяніемъ разныхъ сочиненій духовной письменности и апокрифическихъ сказаній, но только онѣ еще болѣе увлонились отъ этихъ сочиненій въ изображеніи своихъ предметовъ; священное содержаніе въ нихъ гораздо болѣе, чѣмъ въ Стихахъ, показывается разными измѣненіями и прибавленіями. Поэтому легенды далеко не имѣютъ того важнаго и серьезнаго тона, каковы отличаются болѣею частію духовные стихи, а скорѣе походятъ на религиозныя сказки, въ которыхъ отъ священнаго преданія часто остается одно только названіе лица или событія, а все прочее составляетъ чистый вымыселъ народной фантазіи. Многія легенды представляютъ просто передѣлку священнаго рассказа на народныя нравы, или прямо изображаютъ эти нравы съ религиозно-нравственной точки зрѣнія и съ поучительною цѣлю.

Изъ лицъ ветхозавѣтныхъ легенды рассказываютъ о Ноѣ и Соломонѣ. Въ легендѣ о Ноѣ, вромѣ нѣкоторыхъ другихъ подробностей, встрѣчается тотъ же рассказъ, — какъ діаволъ препятствовалъ Ною строить ковчегъ, какъ хитростью вошелъ въ него вмѣстѣ съ женой Ноя и какъ хотѣлъ потопить ковчегъ, во время потопа, — который находится въ апокрифическомъ сказаніи о Ноѣ. Легенда о Соломонѣ изображаетъ мудрость Соломона, рассказывая, какъ онъ спасся изъ ада тѣмъ, что хотѣлъ построить въ немъ монастырь. Изъ новозавѣтной исторіи особенно замѣчательны легенды „*О хожденіи Иисуса Христа и апостоловъ*“. Между апокрифическими сказаніями есть „*Обходы или путешествія апостольскія*“. Въ нихъ, между прочимъ, рассказывается, какъ апостолы, странствуя по землѣ, однажды вснахали и засѣяли ниву одного пахаря въ то время, какъ онъ ходилъ въ городъ для того, чтобъ принести имъ хлѣба, котораго они у него просили. Легенды о хожденіи Спасителя составились по образцу этихъ путешествій. Въ нихъ Спаситель одинъ, или вмѣстѣ съ апостолами, изображается странствующимъ по землѣ, чтобы учить людей вѣрѣ и добродѣтели, помогать бѣднымъ и пра-

⁽¹⁾ Народныя легенды изданы Аванасьевымъ въ 1859 г. Критическая статья о нихъ А. Пыжина въ Современ. 1860 г., том. LXXX. Другой сборникъ народныхъ легендъ сдѣланъ Драгомановымъ: «Малорусскія народныя преданія и рассказы». Кіевъ. 1876.

веднымъ и наказывать злыхъ и жестокосердыхъ. Таковы, наприм.: „Чудесная молотба“, „Христосъ братецъ“ и „Бѣдная вдова“. Странствовалъ, говоритъ легенда „о бѣдной вдовѣ“, Христосъ со двѣнадцатью апостолами. Шли они разъ какъ простые люди, и признать было нельзя, что это Христосъ и апостолы. Пришли въ одну деревню и стали проситься на ночлегъ къ богатому мужику. Богатый мужикъ не пустилъ ихъ, а послалъ къ бѣдной вдовѣ: „она нищихъ пускаетъ, сказалъ онъ, ступайте къ ней“. Бѣдная вдова, дѣйствительно, пустила ихъ и раздѣлила съ ними послѣднюю краюху хлѣба и послѣднюю горсть муки, изъ которой на другой день напекла для нихъ блиновъ. Переночевавъ у вдовы, Христосъ и апостолы отправились въ путь и встрѣтили на дорогѣ волка, который, обратившись къ Спасителю, сталъ просить у Него ѣды. Спаситель сказалъ ему: „пойди къ бѣдной вдовѣ, съѣшь у нея корову съ теленкомъ“. Апостолы замѣтили было, что эта вдова приняла ихъ ласково и накормила, но Спаситель сказалъ: „такъ тому быть должно“. Волкъ побѣжалъ, съѣлъ у вдовы корову, а вдова, узнавши объ этомъ, сказала только: „Богъ далъ, Богъ и взялъ; Его святая воля“. Потомъ они встрѣтили на дорогѣ бочку съ деньгами; Спаситель велѣлъ ей катиться къ богатому мужику на дворъ. Апостолы опять замѣтили, что лучше бы отдать ее бѣдной вдовѣ, а у богатаго и такъ всего много; но Спаситель по-прежнему отвѣчалъ: „такъ тому быть должно“. Богатый спряталъ деньги, но не остался доволенъ и подумалъ: „хоть бы еще столько же послалъ Господь“. Въ полдень, когда стало очень жарко, апостолы захотѣли пить. Спаситель указалъ имъ въ одной сторонѣ колодезь; но, пришедши къ этому колодезю, апостолы увидѣли въ немъ всякую ермоту—жабъ, змѣй и лягушекъ, и, разумѣется, не стали пить и, возвратившись, рассказали объ этомъ Спасителю. Спаситель ничего имъ не отвѣчалъ. Спустя немного, апостолы опять запросили пить; Спаситель указалъ имъ колодезь въ другой сторонѣ. Пришли апостолы къ колодезю и видятъ: растутъ около него деревья чудесныя, поютъ птицы райскія, а вода чистая, студеная и сладкая. Когда, напившись воды, апостолы воротились, Спаситель спросилъ ихъ: „что такъ долго не приходили?“ „Мы только напились, отвѣчали апостолы, да пробыли тамъ всего три минуточки“.... „Не три минуточки вы тамъ пробыли, а цѣлыхъ три года, сказала Спаситель. Каково въ первомъ колодезѣ, такъ худо будетъ на томъ свѣтѣ богатому мужику, а каково у другого колодезя, такъ хорошо будетъ на томъ свѣтѣ бѣдной вдовѣ“ (1). Легенда пы-

(1) Аван., стр. 5—8.

тается иногда объяснить странные и непонятные на простой взгляд случаи въ судьбѣ людей счастливыхъ и несчастныхъ, и указываетъ на высшіе пути Промысла Божія, который все въ мірѣ и жизни направляетъ въ добрымъ цѣлямъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна легенда „объ ангелѣ“. У одной женщины, говорится въ ней, родилось двое дѣтей. Богъ посылаетъ ангела вынуть изъ нея душу; но ангелу жалко стало двухъ малыхъ младенцевъ, и онъ не вынулъ души... „У той бабы, Господи, сказалъ онъ, есть два малыхъ младенца; чѣмъ они станутъ питаться?“ Богъ взялъ жезлъ, ударилъ въ камень и разбилъ его надвое и велѣлъ ему посмотреть въ трещину. „Что видишь тамъ?“ спросилъ Господь. „Вижу двухъ червяковъ“. „Кто питаетъ этихъ червяковъ, тотъ пропиталъ бы и двухъ малыхъ младенцевъ“ (1).

Кромѣ Спасителя и апостоловъ, въ легендахъ представляются странствующими на землѣ и святыя, наприм. Илья пророкъ, Николай чудотворецъ, св. Касьянъ, св. *Пятница* (т. е. св. Параскева). Святыя покровительствуютъ и награждаютъ тѣхъ, кто ихъ почитаетъ. Особенно часто выводится Николай чудотворецъ, который изображается милостивымъ и помогающимъ бѣднымъ и несчастнымъ.

Духовные стихи и легенды составляютъ весьма важный въ историческомъ отношеніи памятникъ религіозно - нравственныхъ понятій народа, которыя сложились въ немъ издавна и сохраняются еще до сихъ поръ. Они показываютъ, въ какихъ формахъ нашъ народъ усвоилъ христіанское ученіе, какой и подъ влияніемъ какихъ образцовъ составилъ въ немъ взглядъ на вѣру и благочестіе, какія, по его понятію, самыя важныя добродѣтели и какіе самыя тяжкіе грѣхи и пороки; какія въ истиннымъ религіознымъ представленіямъ онъ примѣшалъ суевѣрія; какъ измѣнилъ и исказилъ нѣкоторыя событія священной исторіи и рассказы изъ житій святыхъ.

СОБСТВЕННО-РУССКАЯ КНИЖНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Произведенія переводной словесности, служа источникомъ образованія для нашихъ предковъ, доставляли имъ въ то же время богатый матеріалъ и для собственной ихъ литературной дѣятельности и вообще были образцами для ихъ сочиненій. Въ частности же, характеръ сочиненій нашихъ писателей, ближайшимъ образомъ, долженъ былъ опредѣляться потребностями русской

(1) Тамъ же, стр. 88—90.

жизни и особенно церкви русской, органомъ которой преимущественно и была древняя словесность. Насущною потребностію русской церкви въ первые времена было утверженіе русскихъ христіанъ въ вѣрѣ и благочестіи христіанскомъ; для этого пастыри наши писали *слова, поученія и посланія*, которыя составляютъ преобладающую форму въ древней словесности. Утверждая русскихъ христіанъ въ вѣрѣ и благочестіи, они въ то же время должны были ратовать противъ прежняго язычества и защищать ихъ отъ разныхъ иновѣрныхъ вліяній. Принявши христіанскую вѣру, предки наши долго не могли отстать отъ прежнихъ языческихъ нравовъ и обычаевъ: въ христіанскимъ понятіямъ примѣшивали языческія суевѣрія, въ христіанскіе праздники продолжали совершать языческіе обряды и игры, даже христіанскихъ святыхъ наивно смѣшивали въ своихъ представленіяхъ съ именами старыхъ языческихъ божествъ и такимъ образомъ являлись, по выраженію древнихъ пастырей, *двоевѣрными*. Полемика съ этимъ *двоевѣріемъ* въ русской жизни составляетъ весьма рѣзко выдающуюся черту во всей древней словесности, отъ поученій пр. Θεодосія Печерскаго до Духовнаго Регламента включительно. Изъ иновѣрныхъ вліяній всего сильнѣе было вліяніе латинства. Борьбу съ латинствомъ Россія, можно сказать, наслѣдовала отъ Греціи, вмѣстѣ съ христіанствомъ. Вопросы о заблужденіяхъ латинской церкви были самыми живыми вопросами въ Греціи въ эпоху принятія нашими предками христіанства и вмѣстѣ съ нимъ, естественно, должны были перейти въ Россію и выразиться въ русской словесности, тѣмъ болѣе, что первые митрополиты и епископы были изъ грековъ и съ самыхъ же первыхъ временъ открылись покушенія латинянъ распространить свое ученіе въ Россію. Эти покушенія продолжались потомъ въ теченіе всего древняго періода. Со второй половины XIV в. начали появляться въ Россіи разные ереси: въ XIV в. ересь стригольниковъ, въ XV в. ересь жидовствующихъ, въ XVI в. ереси Бакшина и Косаго; въ XVII в. явился расколъ. Всѣ эти обстоятельства способствовали особенному развитію *полемическаго* направленія въ древней словесности. Руководствомъ въ нравственной христіанской жизни съ самыхъ первыхъ временъ сдѣлались образцы древнихъ подвижниковъ вѣры и благочестія, переданные нашимъ предкамъ въ разныхъ патерикахъ; подъ вліяніемъ этихъ образцовъ скоро и въ русской церкви стали являться люди строгой вѣры и благочестія; изображеніе ихъ жизни и подвиговъ составило особый отдѣлъ въ древней словесности—отдѣлъ *житій святыхъ*. Кромѣ того, съ одной стороны вліяніе византійскихъ хроникъ, а съ другой—весьма естественная потребность сохранить въ па-

жати потомства замѣчательныя событія въ церкви и государствѣ, дали начало *лѣтописнымъ и историческимъ* сочиненіямъ, которыя появились въ нашей словесности очень рано и занимаютъ въ ней очень видное мѣсто. Наконецъ, странствованія русскихъ людей по разнымъ странамъ и особенно благочестивый обычай путешествовать по святымъ мѣстамъ, общій всѣмъ народамъ въ средніе вѣка, произвели въ древней словесности особую форму *хожденій*, или путешествій. Таковы главныя формы произведеній древней словесности. Къ нимъ причисляютъ еще произведенія письменности законодательной, церковной и гражданской, которыя, составляя весьма важный источникъ для исторіи церкви и государства, содержатъ въ себѣ и много данныхъ для исторіи языка, нравовъ и обычаевъ и духовнаго развитія народа. Поэтическія произведенія древняго періода принадлежать къ области устной народной словесности; въ книжной же словесности, кромѣ Слова о полку Игоревѣ, собственно поэтическихъ произведеній мы почти не встрѣчаемъ.—Центромъ образованія и литературной дѣятельности отъ начала письменности до половины XIII в. были на югѣ Кіевъ, а на сѣверѣ—Новгородъ. Съ XVI в., съ возвышеніемъ Москвы и съ перенесеніемъ въ нее столицы Русскаго государства, образованіе и письменность сосредоточиваются главнымъ образомъ въ Москвѣ и Новгородѣ. Съ конца XVI в., впрочемъ, въ Кіевѣ снова возникаетъ просвѣщеніе; здѣсь, подъ вліяніемъ западной науки, проникшей чрезъ Польшу, развивается особая, такъ называемая *схоластическая* словесность, которая потомъ въ XVII в. переходитъ въ Москву и самой московской словесности сообщаетъ свой схоластическій характеръ и направленіе.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЛОВЕСНОСТИ XI—XIII В.

Къ XI в. относятся: *поученіе Новг. арх. Луки Жидята*, слово Киевскаго митр. Иларіона, *полемическія посланія митр. Леонтія, Георгія и Иоанна II, сочиненія пр. Θεодосія Печерскаго, черноризца Іакова и пр. Нестора*. Начало и устроеніе Русскаго государства, распространеніе и утверженіе въ Русской землѣ христіанской вѣры и подвиги первыхъ подвижниковъ въ этихъ великихъ событіяхъ служатъ главными предметами сочиненій писателей перваго вѣка нашей словесности. Дѣла древнихъ князей, не вошедшія въ народную словесность, изображаются въ лѣтописи; особенно св. Ольга и св. Владиміръ, какъ просвѣтители Россіи, постоянно прославляются въ произведеніяхъ княж-

ной словесности. Славить Владимира и его бабу митр. Иларионъ въ своемъ Словѣ; съ одушевленіемъ изображаетъ дѣла ихъ пр. Несторъ; черноризецъ Іаковъ пишетъ житіе Владимира и прославляетъ его и св. Ольгу похвалами. Послѣ Владимира и Ольги предметомъ прославленія служатъ св. князья Борисъ и Глѣбъ; погибшіе, какъ жертва вражды, они сдѣлались образцами братолюбія. Церковь любила выставлять ихъ свѣтлый образъ и послѣ, въ періодъ княжескихъ междоусобій, когда нужно было проповѣдывать миролюбіе и братскую любовь. Вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою начала распространяться и иноческая жизнь; Киевопечерскій монастырь становится образцомъ не только для другихъ монастырей, но и для всей христіанской общины, для всѣхъ христіанъ. Устройство этой обители и подвиги первыхъ ея строителей, Антонія и Феодосія, сдѣлались также предметомъ сочиненій. Сочиненія русскихъ митрополитовъ изъ грековъ направлены къ тому, чтобы защитить молодую русскую церковь отъ вліянія латинства; основная мысль этихъ сочиненій—о православіи Восточной церкви и о заблужденіяхъ церкви Западной.

Поученіе Новг. арх. Луки Жидаты (1035—1059). Это поученіе важно для насъ, какъ самое первое по времени оригинальное произведеніе духовной словесности. Оно написано не на одну какую-нибудь опредѣленную тему, а заключаетъ въ себѣ краткое наставленіе вообще во всѣхъ истинахъ вѣры и благочестія. „Прежде всего, говоритъ Лука, вѣруйте въ Бога, въ Троицѣ славимаго, во Отца, и Сына, и Св. Духа, какъ научили апостолы и утвердили св. отцы: Вѣрую во единого Бога... до конца (т. е. до конца символа вѣры). Вѣруйте также въ воскресеніе и жизнь вѣчную и муку вѣчную (уготованную) грѣшникамъ. Не лѣнитесь ходить въ церковь и на заутреню, и на обѣдню, и на вечерню; и въ клѣти своей, отходя ко сну, прежде помолитесь Богу, и тогда ложитесь на постель. Въ церкви стойте со страхомъ Божиимъ, не говоря ни о чемъ и не думая, но всею мыслию моли Бога, да отпуститъ Богъ тебѣ грѣхи“. Затѣмъ излагаются христіанскія обязанности къ ближнимъ, дѣлаются наставленія въ разныхъ добродѣтеляхъ и предостереженія отъ разныхъ заблужденій и пороковъ. „Любовь имѣйте, говоритъ онъ, со всякимъ человѣкомъ, а особенно съ братією, и да не будетъ у тебя одно на сердцѣ, а другое на устахъ. Не рой подъ братомъ ямы, да не вринетъ тебя Богъ еще въ худшую. Прошайте братъ брату и всякому человѣку, не воздавайте зломъ за зло... Не производите ссоры, да не наречешься сыномъ діавола, но примиряй, да будешь сыномъ Богу... Читайте стараго человѣка и родителей своихъ; не клянитесь именемъ Божиимъ и никого не заклинайте и

не проклинайте. Бога бойтесь, князя чтите.... чтите отъ всего сердца іерея Божія, чтите и слуги церковныя. Не убій, не укради, не лги и не свидѣтельствуй ложно“. Есть въ поученіи и указанія на современные недостатки русской жизни, напр.: „мзды не емлите, не отдавайте въ лихву.... не хорошо говорить срамныя слова, не пей безвременно, но въ мѣру и не до пьянства.... не ядите сквернаго, святые дни чтите“. Весьма вѣроятно, что это поученіе сказано или написано арх. Лукою не по случаю какаго-нибудь опредѣленнаго церковнаго праздника, а при самомъ вступленіи его на свою паству, когда всего приличнѣе было преподать народу такое общее наставленіе во всѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ ⁽¹⁾.

Сочиненія св. Иларіона, мит. Кіевскаго. Иларіонъ родомъ былъ русскій. По желанію Ярослава, онъ въ 1051 г., соборомъ русскихъ епископовъ, былъ поставленъ митрополитомъ Кіева и всей земли Русской. Отъ митр. Иларіона сохранились до насъ: 1) слово о законѣ и благодати, къ которому присоединены: похвала князю Владиміру, просвѣтившему Россію святымъ крещеніемъ, и молитва къ Богу отъ лица новопросвѣщенной Россіи; 2) изложеніе или исповѣданіе вѣры и 3) поученіе о пользѣ душевной ⁽²⁾.

Въ словѣ о законѣ и благодати Иларіонъ весьма подробно раскрываетъ взаимное отношеніе закона и благодати, подъ символическими образами сперва Агари и Сарры, а потомъ Ефрема и Манассіи, и доказываетъ превосходство предъ закономъ, имѣвшимъ временную силу, Евангелія, имѣющаго вѣчное и всемірное значеніе. Потомъ, сказавъ объ отлученіи іудеевъ, не принявшихъ Іисуса Христа, Иларіонъ говоритъ о распространеніи Евангелія между всѣми народами, по всѣмъ странамъ и, наконецъ, въ странѣ Русской. „Вѣра благодатная распространилась по всей землѣ. дошла и до нашего народа русскаго.... Вотъ уже и мы, со всѣми христіанами, славимъ Святую Троицу, а Іудея молчитъ. Уже не идолослужителями именуемся мы, а христіанами.... Уже не вапища строимъ, но созидаемъ церкви Христовы; не закалаемъ другъ друга въ жертву бѣсамъ, но Христось за насъ закалается и раздробляется въ жертву Богу и Отцу. Уже не кровь жертвъ вкушаемъ и погибаемъ, но вкушаемъ пречистую кровь Христову, и спасаемся.... Пуста была земля наша и иссохла; зной идолослуженія иссушилъ ее, но внезапно потегъ источникъ Евангелія и

⁽¹⁾ Поученіе Луки Жидяты напечатано въ Русск. Достоп.

⁽²⁾ Сочиненія Иларіона напечатаны въ Прибавл. къ Твор. св. отц. 1844 г.

напоилъ всю землю нашу“.... И продолжая сравнивать прежнюю языческую Русь съ христіанскою, Иларіонъ, въ чувствѣ радости, взываетъ къ Богу словами пророка: *пойте Богу нашему, пойте... воцарися Богъ надъ языки* (Псал. 46, 7—9).

Послѣ этого начинается похвала св. Владиміру, просвѣтившему Россію святымъ крещеніемъ. „Какъ восхвалимъ тебя, говоритъ Иларіонъ, досточтимый и славный отецъ нашъ, мужественный между владыками земными, Василій?... Какую воздадимъ благодарность за то, что чрезъ тебя познали мы Господа и избавились заблужденія идольскаго, что, по твоему повелѣнію, повсей землѣ нашей, славится Христосъ?“ Иларіонъ называетъ Владиміра подражателемъ Великаго Константина, равнымъ ему умомъ, равнымъ любовію ко Христу и почитаніемъ служителей Его.

Слово митр. Иларіона имѣетъ важное значеніе и вообще какъ памятникъ исторической, заключающій въ себѣ данныя для исторіи христіанства того времени, и въ особенности какъ памятникъ духовнаго ораторства или проповѣдничества. Объясняя, какимъ образомъ Владиміръ пришелъ къ мысли о своемъ крещеніи и крещеніи земли своей, Иларіонъ говоритъ: „онъ всегда слышалъ о православной христіанской и сильной вѣрою землѣ греческой, какъ чтутъ тамъ единаго Бога въ Троицѣ и поклоняются; какъ творятся тамъ силы, чудеса и знаменія; какъ первы тамъ полны людей... Слыша все сіе, возгорѣлся онъ духомъ и возжелалъ сердцемъ—быть христіаниномъ и обратить всю землю свою въ христіанство“. Потомъ, рассказывая о крещеніи Россіи, онъ говоритъ о Владимірѣ: „онъ повелѣлъ всему народу своему креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа... И ни одинъ человекъ не противился его благочестивому повелѣнію; крестились, если кто и не по любви, то по страху къ повелѣвшему; поелику благовѣріе въ немъ соединено было со властію. Такимъ образомъ, вся земля наша въ одно время стала славить Христа съ Отцемъ и Святымъ Духомъ... Тогда мракъ идольскій началъ отъ насъ удаляться и появилась заря благовѣрія. Тогда тьма служенія бѣсовскаго исчезла, и освѣтило нашу землю солнце Евангелія“. Все слово и особенно первая часть его, гдѣ раскрывается отношеніе закона къ Евангелію и излагается сущность и всемірное значеніе христіанства, показываетъ, что Иларіонъ, подобно другимъ христіанскимъ учителямъ, обладалъ глубокимъ знаніемъ св. Писанія. Но всего болѣе замѣчательны въ словѣ черты современности и народности, которыя такъ пріятно встрѣтить въ самыхъ первыхъ времена русской проповѣди и которыя, къ сожалѣнію, не утвердились въ ней и не полу-

чили развитія. Въ словѣ Иларіонъ съ любовію и одушевленіемъ говоритъ о Россіи, утѣшаясь ея величіемъ не только какъ страны, просвѣщенной христіанствомъ, но и какъ страны родной, слава которой дорога для него и по прежнимъ преданіямъ, по тѣмъ дѣламъ, которыя совершали въ ней еще прежніе языческіе князья: „славить похвалами, говоритъ онъ, римская страна Петра и Павла, чрезъ которыхъ увѣровала во Иисуса Христа, Сына Божія; Асія, Ефесъ и Патмосъ—Іоанна Богослова; Индія—Θому; Египетъ—Марка; каждая страна, городъ и народъ чтутъ и славятъ своихъ наставниковъ, которые научили ихъ православной вѣрѣ. „*Прославимъ и мы, по силѣ нашей, хотя малыми похвалами, нашего учителя и наставника великаго кагана земли нашей, Владиміра, внука дрежняго Игоря, сына славнаго Святослава, которые, господствуя въ свое время, прославились мужествомъ и храбростію во многихъ странахъ и по своимъ побѣдамъ и силѣ воспоминаются и прославляются до нынѣ. Ибо они господствовали не въ бѣдной и неизвѣстной странѣ, но въ Русской, которая извѣстна во всехъ концахъ земли*“. Прославляя далѣе благовѣріе и благочестіе Владиміра, Иларіонъ указываетъ на созданный имъ Десятинный храмъ, въ которомъ покоилось честное тѣло его и въ которомъ, вѣроятно, и произносилось слово. Онъ обращается, наконецъ, къ самому гробу Владиміра и проситъ Владиміра встать и посмотрѣть на плоды той вѣры, которую онъ насадилъ въ Россіи. Здѣсь слово принимаетъ уже характеръ чисто современнаго описанія; проповѣдникъ говоритъ о совершающихся дѣлахъ, указываетъ на живыя лица, можетъ быть, находившіяся въ самомъ храмѣ—на князя Ярослава—Георгія, его супругу и дѣтей. „Встань, говоритъ онъ, отъ гроба твоего, *честная глава!* Ты не умеръ, но спишь до общаго всѣмъ возстанія. Встань!.... Отряси сонъ, возведи очи и посмотри, какъ Господь, сподобивъ тебя почестей, не оставилъ тебя безъ памяти и на землѣ, въ сынѣ твоемъ. Встань, посмотри на сына своего, Георгія, посмотри на кровнаго своего, посмотри на того, котораго извелъ Господь отъ чреслъ твоихъ, посмотри на украшающаго престоль земли твоей,—и возрадуйся, возвеселись! Посмотри и на благовѣрную сноху твою, Ирину, посмотри и на внуковъ и правнуковъ твоихъ, какъ они живутъ, какъ Господь хранитъ ихъ; какъ содержатъ они благовѣріе, тобою преданное, какъ часто посѣщаютъ святыя храмы, какъ славятъ Христа, какъ поклоняются Его имени. Посмотри и на городъ, сіяющій величіемъ, посмотри на процвѣтающія церкви, посмотри на возрастающее христіанство; посмотри на городъ, освящаемый и блистающій иконами святыхъ, благоухающій еиміахомъ и оглашаемый хвалами святыми и божественными пѣснопѣніями! И, видѣвъ все сіе, возрадуйся, возвеселись и

восхваляи благаго Бога, строящаго все сіе!* За похвалою Влади-
міру слѣдуетъ молитва, въ которой Иларіонъ, отъ лица всей Рос-
сіи, взываетъ къ Богу: „Помяни, какъ благій, и насъ убогихъ
твоихъ, яко имя Тебѣ челоуколюбецъ! Хотя и не имѣемъ мы
добрыхъ дѣлъ, но спаси насъ, по великой твоей милости! *Мы бо
людіе Твои и овцы пажити Твояе*; мы—стадо, которое недавно
ты началъ пасты, исторгши изъ пагубнаго идолослуженія. Пас-
тырю добрый, положившій душу свою за овцы! Не оставь насъ,
хотя мы и доселѣ блуждаемъ; не отвергни насъ, хотя мы и досе-
лѣ согрѣшаемъ предъ тобою, какъ рабы новокупленные, ни въ
чемъ не умѣющіе угождать господину своему. Не возгнушайся, хо-
тя и мало еще стадо, но скажи намъ: *не бойся малое стадо, яко
благоизволи Отецъ вашъ дати вамъ царство* (Лук. 12, 32)....

Эта молитва Иларіона, какъ выраженіе чувствованій ново-
просвѣщеннаго и какъ бы начавшаго новое бытіе народа, долго
читалась въ новый годъ и во вновь просвѣщенныхъ святымъ кре-
щеніемъ странахъ. Такъ, св. Гурію, при отправленіи его въ Ка-
зань, поручено было читать ее въ новопросвѣщенной странѣ ка-
занской.

Сочиненія пр. Θεодосія Печерскаго. Пр. Θεодосій былъ игу-
меномъ основаннаго пр. Антоніемъ знаменитаго Киевопечерскаго
монастыря (1062—1074); онъ далъ этому монастырю твердое
устройство, введя въ него уставъ царградской обители св. Θεодора
Студита. Строгое благочестіе Антонія и его сподвижниковъ при-
влекало въ Киевопечерскій монастырь множество людей изъ всѣхъ
сословій, такъ что онъ вскорѣ сдѣлался центромъ не только ду-
ховнаго подвижничества, но и вообще христіанскаго просвѣщенія,
которое распространялось изъ него по всей Россіи; въ немъ вос-
питалось множество духовныхъ дѣятелей, которые потомъ были
начальниками другихъ монастырей или занимали епископскія
ваедры. Дѣятельность пр. Θεодосія также не ограничивалась стѣ-
нами монастыря. Несторъ, составившій его житіе, говоритъ, что
онъ нерѣдко поучалъ не только братію, но и народъ и писалъ
посланія къ современнымъ князьямъ—Изяславу и Святославу. До
насъ дошли слѣдующія сочиненія Θεодосія: 1) два поученія къ
народу, 2) десять поученій къ киевопечерскимъ инокамъ, 3) два
посланія къ в. к. Изяславу и 4) двѣ молитвы (1).

(1) Всѣ эти сочиненія пр. Θεодосія изданы преосв. Макаріемъ въ Уч. Зап.
Ак. Н. 1856 г., кн. II, вып. II, стр. 193—224, и въ Ист. Русск. Церкви, т. 2. По-
ученіе Θεодосія о тропаряхъ въ Хрест. Буслаева, стр. 691—693.

Поученія пр. Θεодосія къ народу: о казняхъ Божіихъ и противъ пьянства. Начало поученія о казняхъ Божіихъ вставлено Несторомъ въ лѣтопись. Поученіе это заимствовано и передѣлано изъ одного Слова Златоструя. Оно начинается объясненіемъ причинъ разныхъ общественныхъ бѣдствій, постигающихъ народъ, каковы, напр., нашествіе непріятелей, голодъ, засуха и проч. „Наводитъ Богъ, по своему гнѣву, говоритъ Θεодосій, какую-либо казнь, или поганныхъ, когда мы не обращаемся къ Нему, а междуусобная брань бываетъ отъ соблазна діавола и отъ злыхъ людей. Когда согрѣшитъ какая-нибудь страна, Богъ наказываетъ смертію, или голодомъ, или наведеніемъ поганныхъ, или бездождіемъ, или иными различными казнями“. Между грѣхами, наводящими эти казни Божіи на народъ, Θεодосій указываетъ прежде всего на грѣхи *двоевѣрія*, по которому народъ, не смотря на то, что исповѣдывалъ христіанскую вѣру, держался нѣкоторыхъ старинныхъ языческихъ суевѣрій. „Не поязычески ли мы поступаемъ? говоритъ онъ. Если кто встрѣтитъ чернеца, или черницу, или свинью, или коня лысаго, то возвращается назадъ: развѣ это не поязычески? Другіе вѣрятъ чиханію, которое бываетъ на здравіе головъ; но всѣмъ этимъ прельщаетъ діаволь, равно какъ и другими обычаями, и разными искушеніями, удаляющими отъ Бога: волхвованіемъ, чародѣяніемъ, блудомъ, зацомъ, *рѣзоиманіемъ*, *прикладами* (ростомъ или лихвою), воровствомъ, лежею, завистію, клеветою, *зубами* (дракою), скоморохами, гусями, софѣями и всякими играми и дѣлами непотребными“. Потомъ Θεодосій указываетъ на нѣкоторые грѣхи въ особенности, какъ-то: на неблагочинное стояніе въ церкви, сопровождающееся смѣхомъ и разговорами, на нехристіанское празднованіе празднивовъ, когда любили устраивать пиры и предавались на нихъ всякимъ излишествами и невоздержности, и, наконецъ, на пьянство, противъ котораго, въ концѣ слова, онъ возстаетъ съ особенною силою. — Другое поученіе пр. Θεодосія къ народу направлено также противъ пьянства, или противъ обычая пѣть, во время пира за столомъ, множество *тропарей* и за каждымъ пить особую чашу, обычая, которымъ хотѣли прикрыть неумѣренность въ питіи или пьянство. „А тропарей, говоритъ здѣсь Θεодосій, не пѣть за чашами въ пиру больше трехъ: одинъ въ началѣ обѣда, во славу Христа Бога нашего, другой въ концѣ—во славу Дѣвы Маріи, третій—за здравіе государя; а больше не велимъ“. Яркими красками рисуетъ онъ гибельныя слѣдствія, которыми сопровождается неумѣренность въ питіи, и снова возстаетъ противъ пьянства и говоритъ, что оно дѣлаетъ человѣка хуже бѣснующагося: „бѣсный страдаетъ неволью и удостоится жизни вѣчной, а пьяница страдаетъ по своей волѣ и подвергнется вѣчной мукѣ.

Если въ бѣсному придетъ іерей и сотворитъ молитву, то прогонитъ бѣса; но если бы въ пьяному сошлись іереи со всей земли и сотворили надъ нимъ молитву, то не прогнали бы отъ него бѣса самовольнаго пьянства“.

Поученія къ кѣвѣпечерскимъ инокамъ. Изъ десяти поученій пр. Θεодосія къ кѣвѣпечерскимъ инокамъ только пять сохранились вполнѣ, а остальные въ отрывкахъ. Идеаломъ иноческой жизни для Θεодосія былъ уставъ св. Θεодора Студита, сочиненія котораго вообще имѣли большое вліяніе на христіанское образованіе Θεодосія и сообщили его поученіямъ свойственный имъ тонъ и характеръ. Θεодосій говоритъ въ своихъ поученіяхъ о постѣ, нестяжательности и подвижничествѣ, о любви къ Богу и ближнимъ, о терпѣннн и смиреннн, о хожденн въ службѣ Божіей.

Сочиненія пр. Нестора. Пр. Несторъ родился въ 1056 г. 17-ти лѣтъ онъ пришелъ въ Кѣвѣпечерскій монастырь, игуменомъ Стефаномъ былъ постриженъ въ иноки и потомъ посвященъ въ діакона. Въ 1091 г. ему поручено было, съ двумя братьями, откопать мощи пр. Θεодосія. Другихъ свѣдѣннй о Несторѣ не сохранилось. Скончался около 1114 г. Образованнемъ Несторъ былъ обязанъ своей любознательности и чтенн книгъ, которому онъ предавался съ любовню. Черезъ это чтенн книгъ онъ прнобрѣлъ тѣ богословскія и историческія свѣдѣння, какія мы встрѣчаемъ въ его сочиненіяхъ. Его сочиненія: *Житіе Бориса и Глѣба*, *житіе пр. Θεодосія* и *Русская лѣтопись*.

Житіе Бориса и Глѣба, полагаютъ, было первымъ опытомъ лѣтописной дѣятельности Нестора, когда онъ былъ еще не довольно богатъ историческими свѣдѣннями; въ этомъ житнн есть извѣстія, не согласныя съ его собственной лѣтописью. Лучшее мѣсто въ житнн составляетъ его начало, гдѣ Несторъ говоритъ о распространенн христіанской вѣры въ Русской землѣ при св. Владимірѣ. Хорошо также описанн характера и взаимныхъ отношенн Бориса и Глѣба, которые представляются образцами братской любви.

Житіе пр. Θεодосія отличается особенною полнотою и стройностію въ описанн жизни Θεодосія и отчетливымъ изображеннемъ его подвижническаго характера. Несторъ съ особеннымъ

вниманіемъ оставливается на каждомъ замѣчательномъ событіи въ жизни Θεодосія. Поэтому житіе Θεодосія, при своей глубокой назидательности, становится весьма важнымъ и въ историческомъ отношеніи. Описание домашней жизни Θεодосія рисуетъ предъ нами состояніе древне-русской жизни, вообще, и, въ частности, жизни семейной, подъ вліяніемъ новыхъ христіанскихъ началъ. Описание жизни въ Кіевопечерской обители заключаетъ много свѣдѣній о самой обители, о лицахъ, жившихъ въ ней и приходившихъ въ нее, изображаетъ ея общественное и образовательное значеніе для того времени, ея нравственное вліяніе на народъ.

Лѣтопись Нестора. Первымъ русскимъ лѣтописцемъ Татищевъ признавалъ Новгород. епископа *Іоакима*, умершаго въ 1030 г. Въ своей Россійской исторіи онъ напечаталъ отрывокъ изъ такъ называемой *Іоакимовской лѣтописи*, найденный имъ въ рукописи XVIII в. Извѣстно, что начальная Новгородская лѣтопись (до 1016 г.) до насъ не дошла: можетъ быть, это и была *Іоакимовская лѣтопись*, и отъ нея и уцѣлѣлъ найденный Татищевымъ отрывокъ. Но во всякомъ случаѣ первая изъ сохранившихся до насъ лѣтописей съ самыхъ древнихъ временъ приписывается Нестору.

Подлинникъ лѣтописи Нестора до насъ не дошелъ, да и самое имя Нестора изъ всѣхъ извѣстныхъ нынѣ списковъ сохранилось только на одномъ спискѣ, *Хлѣбниковскомъ* (XV—XVI в.). Древнѣйшее свидѣтельство, на основаніи котораго Несторъ признается составителемъ первой нашей лѣтописи, находится въ Кіевопечерскомъ патерикѣ, въ посланіи черноризца Поликарпа къ игумену Акидину, гдѣ Несторъ упоминается какъ лѣтописецъ.

Изъ сохранившихся до насъ списковъ лѣтописи Нестора самый древній списокъ *Лаврентьевскій*, составленный инокомъ Лаврентіемъ въ 1377 г. для Суздальскаго князя Димитрія Константиновича (¹). Но и въ этомъ спискѣ лѣтопись Нестора представляется не въ томъ видѣ, въ какомъ она могла выйти изъ-подъ пера перваго лѣтописца. Какъ составленіе, такъ и переписываніе лѣтописей происходило въ древнія времена обыкновенно такимъ образомъ, что составитель лѣтописи переписывалъ сначала то, что до него было написано, и потомъ уже продолжалъ самъ писать; при этомъ какъ составители, такъ и пере-

(¹) Лаврентьевскій списокъ лѣтописи въ 1-мъ томѣ Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1846 г. Новое изданіе этого списка Археогр. комм. Спб. 1872. Извѣстные списки лѣтописи Нестора, кромѣ Лаврентьевскаго: Ипатіевскій, Радзивилловскій, Софійскій, Воскресенскій и Никоновскій.

писчики дѣлали въ переписываемой лѣтописи разныя вставки и дополненія изъ другихъ источниковъ. Поэтому лѣтопись Нестора и въ самомъ древнемъ, Лаврентьевскомъ, спискѣ дошла до насъ не отдѣльно, а въ связи съ лѣтописями другихъ лѣтописцевъ которые ее продолжали, и дошла съ разными вставками продолжателей. Списки лѣтописей, позднѣйшіе Лаврентьевскаго, заключаютъ въ себѣ еще болѣе вставокъ и дополненій, такъ что лѣтопись въ нихъ имѣетъ уже характеръ лѣтописнаго сборника или свода. Но во всѣхъ спискахъ всѣ древнія событія до 1110 г. вѣлчительно, очевидно, переписаны или заимствованы изъ одной лѣтописи. Это описаніе и принимается за ближайшій текстъ лѣтописи Нестора. За 1110 г. слѣдуетъ лѣтопись продолжателей Нестора, и съ этого времени списки лѣтописей уже существенно разнятся между собою. Подъ 1110 г. въ Лаврентьевскомъ спискѣ находится слѣдующая замѣтка: „*игуменъ Сильвестръ святого Михаила написахъ* (т. е. списалъ, переписалъ) *книгы си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Къевь, а мнѣ въ то время игуменащю у святого Михаила въ 6624*“ (1116 г.). Этотъ Сильвестръ, игуменъ кievскаго монастыря св. Михаила, и былъ первымъ продолжателемъ лѣтописи Нестора. Продолжая лѣтопись, онъ переписалъ ее и при этомъ, вѣроятно, внесъ въ нее нѣкоторыя дополненія и вставки и, такимъ образомъ, первый придалъ ей ту редакцію, или тотъ видъ, въ какомъ она и стала переписываться другими переписчиками и продолжателями лѣтописей (1).

Лѣтопись Нестора имѣетъ такое заглавіе: „*Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Къевь нача переть княжити, и откуда Русская земля стала есть*“. Но, по обычаю греческихъ лѣтописцевъ, Несторъ начинаетъ эту повѣсть не отъ начала Русской земли, а отъ временъ библейскихъ, съ раздѣленія земли между сыновьями Ноя, послѣ потопа. Сказавъ о потомствѣ Ноя, онъ говоритъ о раздѣленіи народовъ, послѣ столпотворенія Вавилонскаго, замѣчая, что *языкъ словѣнескъ* произошелъ *отъ племени Афетова* (Иафета). Потомъ рассказываетъ о поселеніи славянъ на Дунаѣ и о томъ, какъ сталъ называться каждый *языкъ* (народъ) славянскій, смотря по мѣсту,

(1) Въ спискѣ лѣтописи, сдѣланномъ Сильвестромъ, Костомаровъ видитъ даже самостоятельный трудъ Сильвестра, особый сводъ разныхъ лѣтописей и сказаній, въ который лѣтопись Нестора (собственно лѣтопись Кіевночечерскаго монастыря) вошла только какъ незначительная часть, и потому первая лѣтопись *должна называться*, говоритъ онъ, *Сильвестровою*, а не *Несторовою* (Лекціи по русск. ист., ч. I, стр. 30).

на которомъ поселился. „Словени же сѣдоша около озера Ильмера (Ильмена) проввашася своимъ именемъ, и сѣдлаша градъ, и нарекоша ѿ Новгородъ. Тако разидеся словенскій языкъ“. Потомъ, рассказывая о пути *Варягъ въ Греки*, по Черному морю, которое потому называлось русскимъ моремъ (*Понетское (Понгъ) море... еже море словеть русское*), онъ говоритъ о проповѣди апостола Андрея, на берегахъ Чернаго моря, въ Синопѣ и Корсунѣ, передавая преданіе, какъ апостолъ по Днѣпру дошелъ до горъ кievскихъ и, водрузивъ на нихъ крестъ, въ знаменіе того, что „и на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, и градъ великъ имать быти“, пошелъ по Днѣпру и достигъ до Новгорода. При этомъ передается рассказъ объ обычаяхъ, замѣченныхъ будто бы апостоломъ у славянъ новгородскихъ. Далѣе изображаются нравы и обычаи полянъ, древлянъ, вятичей и кривичей. Рассказъ о славянскихъ племенахъ вообще продолжается до 852 г. Съ 852 г. начинается собственно лѣтопись Русской земли. Съ этого времени впереди событій выставляются года, которые прежде не выставлялись, лѣтосчисленіе начинается отъ сотворенія міра и начало года считается съ марта мѣсяца. Указавъ, кратко на хронологію отъ сотворенія міра или отъ Адама, Несторъ продолжаетъ лѣтопись и подъ 862 г. помѣщаетъ сказаніе о призваніи варяго-русскихъ князей, о пришествіи и утверженіи ихъ въ Руси. Съ этихъ поръ идетъ постоянный рассказъ о русскихъ князьяхъ Рюрикѣ, Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ, Владимірѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ становится подробнѣе, особенно о временахъ христіанскихъ при Владимірѣ и послѣ Владиміра. При этомъ встрѣчаются вводныя сказанія и вставки, показывающія, что лѣтописецъ пользовался разными, какъ греческими, такъ славянскими и русскими сочиненіями. Изъ греческихъ сочиненій источниками для лѣтописи послужили палеи и хроники и особенно Хроника Георгія Амартола и апокрифическое Слово Меодія Патарскаго. При рассказѣ объ угрохъ помѣщено сказаніе о крещеніи моравовъ и болгаръ, объ изобрѣтеніи славянской азбуки и переводѣ на славянскій языкъ св. Писанія св. Кирилломъ и Меодиѣмъ, заимствованное изъ *Паннонскихъ житій* Кирилла и Меодія. При рассказѣ о походахъ въ Грецію Олега и Игоря помѣщены договоры этихъ князей съ греками. Подъ 1067 г., при рассказѣ о нашествіи половцевъ, помѣщено поученіе пр. Θεодосія Печерскаго „о князяхъ Божіихъ“; подъ 1074 г., при рассказѣ о кончинѣ Θεодосія, другое его поученіе „о поствѣ“. Подъ 1096 г. вставлено поученіе Владиміра Мономаха. Нѣкоторыя изъ этихъ вставокъ могли быть сдѣланы переписчиками или продолжателями лѣтописи Нестора.—Кромѣ письменныхъ источниковъ, Несторъ, несомнѣнно, пользовался и устными сказаніями, и народными преданіями.

Подъ 1106 г. онъ говоритъ: „въ сеже лѣто преставился *Янъ*, старецъ добрый, живъ лѣтъ девяносто, въ старости маститѣ, у него же и азъ многа словеса слышахъ, еже и писахъ въ лѣтописаніи семъ“.

Литературное значеніе лѣтописи Нестора. Чувство религиозное и чувство патриотическое составляютъ основные мотивы, которые проходятъ по всѣмъ рассказамъ лѣтописи. Какъ благочестивый христіанинъ, воспитанный на чтеніи священныхъ книгъ, Несторъ всѣ событія въ мірѣ и явленія въ природѣ разсматриваетъ съ точки зрѣнія религиозной и объясняетъ ихъ непосредственнымъ участіемъ божественнаго Промысла. Осуждая Святополка за то, что онъ одинъ хотѣлъ завладѣть всею Русью, онъ говоритъ: „помыслилъ такъ въ своемъ високоуміи, не зная, что Богъ даетъ власть, кому хочеть; ибо Вышній поставляетъ царя или князя... Всѣ бѣдствія въ народѣ: междоусобія, войны, засуха, голодъ, моръ суть наказанія Божіи за грѣхи: „за грѣхи на каждую землю Богъ наводитъ голодъ, или моръ, или засуху, или иную вазнь“⁽¹⁾. Явленіе кометы, солнечное затменіе или другое какое-нибудь особенное явленіе природы суть знаменія гнѣва Божіи и предвѣстники того или другого бѣдствія. Весьма часто по поводу рассказываемыхъ событій встрѣчаются въ лѣтописи благочестивыя размышленія и сообщаютъ ей поучительный характеръ. Въ нихъ внушаются благочестивыя христіанскія чувства: вѣра въ Промыслъ Божій, миръ, любовь, братолюбіе, почтеніе къ родителямъ и старшимъ, вѣрность крестному цѣлованію, раскаяніе во грѣхахъ, любовь къ родной Русской землѣ и забота о ея цѣлости и защита отъ враговъ; при этомъ приводятся часто обширныя выписки изъ св. Писанія и примѣры изъ исторіи другихъ народовъ. При такомъ характерѣ лѣтописи, естественно, должна была имѣть высокое образовательное значеніе. Сужденія лѣтописца о дѣлахъ людей и народовъ отличаются правдивостію и безпристрастіемъ. Христіанскій взглядъ и религиозное чувство нисколько не препятствуютъ ему видѣть доброе и у народовъ нехристіанскихъ. Рассказывая о полянахъ, онъ одобряетъ ихъ вѣрность отеческимъ обычаямъ, кротость ихъ нравовъ, цѣломудріе въ быту семейномъ, брачныя уставы и обряды. Подробно и съ живымъ сочувствіемъ изображаетъ Несторъ первоначальныя языческія времена Руси и дѣла древнихъ языческихъ князей. При этомъ онъ передаетъ тѣ поэтическія сказанія о нихъ, которыя сложились, вѣроятно, въ кругу княжеской

(1) Лѣт., т. I, стр. 71.

варяжской дружины и составляют драгоценный остаток не дошедшаго до нас дружиннаго эпоса. Таковы сказанія объ Аскольдѣ и Дирѣ, о славномъ походѣ Олега подѣ Константинополь, о его чудесной кончинѣ, по предсказанію чудесника, объ оригинальномъ мщеніи Ольги надѣ древлянами за смерть Игоря, о подвигахъ Святослава. Въ этихъ сказаніяхъ весь древній періодъ нашей исторіи представляется въ настоящемъ героическомъ свѣтѣ; особенно истиннымъ героемъ изображается въ нихъ Святославъ, который проводилъ жизнь свою на ратномъ полѣ, „*легко ходя аки пардусъ*“, „возъ по себѣ не возяше, ни котла, ни мясъ варя, но потонжу изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ялаше, ни шатра имаше, но подъяладъ поставъ и сѣло въ головахъ... Посылаше къ странамъ, глаголя: „хочю на вы ити“; который, сражаясь при Переяславцѣ съ многочисленнымъ войскомъ грековъ, говорилъ своей испугавшейся дружинѣ: „уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу: да не посраимъ землѣ рускіѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ, ащели побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати; но станемъ крѣпцѣ, азъ же предъ вами поиду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою“ (1). Но, передавая съ участіемъ обо всемъ, въ чемъ выражается сила и слава Россіи, Несторъ, разумѣется, съ особеннымъ одушевленіемъ рассказываетъ о временахъ христіанскихъ. Крещеніе св. Ольги, крещеніе св. Владиміра и, наконецъ, всего народа русскаго составляютъ въ лѣтописи самыя подробныя и самыя лучшія картины. Въ нихъ есть высокія лирическія мѣста, исполненныя глубокаго христіанскаго и патріотическаго одушевленія. Изображая путешествіе Ольги въ Царьградъ, для принятія крещенія, онъ сравниваетъ ее съ царицею Савскою, которая приходила къ Соломону послушать его мудрости: „такъ и сія блаженная Ольга искала доброй мудрости Божіей, но та искала мудрости челоувѣческой, а сія Божіей“. Рассказывая о кончинѣ св. Ольги, онъ говоритъ: „и плакаль о ней сынъ ея и внуки ея, и всѣ люди, плачемъ великимъ... Она была предтечею въ христіанской землѣ, какъ денница передъ солнцемъ и какъ заря передъ свѣтомъ; она сіяла, какъ луна въ ночи, посреди невѣрныхъ людей свѣтилась, какъ бисерь... Она первая вошла въ царство небесное *отъ Руси*; ее хвалятъ Русскіе сыны, какъ начальницу; она по смерти молитъ Бога за Русь“ (2). Изобразивъ картину крещенія Руси, онъ взываетъ: „благословенъ Господь Иисусъ Христосъ, который возлюбилъ новыхъ людей, Русскую землю, просвѣтилъ ее святымъ

(1) Лѣт., т. I, стр. 27, 29—30. (2) Лѣт., т. I, стр. 29.

крещеніемъ! Коликая радость! не одинъ, не два спасаются... радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся: но вотъ не одинъ, не два, но безчисленное множество обратились къ Богу и просвѣтились святымъ крещеніемъ“ (1). Описывая кончину св. Владиміра, онъ называетъ его новымъ Константиномъ и говоритъ: „достоинно удивленія, сколько добра сдѣлалъ онъ Русской землѣ... Если бы онъ не крестилъ насъ, то мы теперь оставались бы въ прелести діавола, какъ погибли наши прародители“ (2). Къ подобнымъ же изображеніямъ относятся и тѣмѣста, въ которыхъ Несторъ рассказываетъ объ основаніи Киево-печерскаго монастыря и первыхъ его подвижникахъ, преп. Антоніи и Θεодосіи, о братской любви и мученической кончинѣ св. Бориса и Глѣба, о просвѣтительной дѣятельности Ярослава, который заводилъ училища, собиралъ и переводилъ книги и самъ любилъ читать ихъ днемъ и ночью. „Подобно тому, говоритъ онъ, какъ кто-нибудь вспашетъ землю, а другой засѣетъ, а иные пожинаютъ и ѣдятъ не скудную пищу, такъ сдѣлалъ и онъ (Ярославъ). Ибо отецъ его, Владиміръ, вспахалъ и умягчилъ, т. е. просвѣтилъ землю Русскую крещеніемъ, а онъ засѣялъ книжными словесами сердца вѣрныхъ людей, мы же пожинаемъ, воспринимая книжное ученіе. Велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго; книгами бо кажеми (наказуемы, наставляемы) и учимы есмы пути покаянiю, и мудрость бо обрѣтаемъ и воздержаніе отъ словесъ книжныхъ: се бо суть рѣки напаяющіи вселенную; се суть исходяща мудрости, книгамъ бо есть неизчетная глубина; сими бо въ печали утѣшаемы есмы; сiи суть узда воздержанiю“ (3). Но любовь къ отечеству и къ славнымъ дѣламъ предковъ не заслоняетъ отъ лѣтописца слабыхъ сторонъ и недостатковъ въ ихъ характерѣ и жизни, о которыхъ онъ говоритъ съ полною откровенностію. Сюда относятся, между прочимъ, рассказы о жизни Владиміра до принятiя имъ христіанства, о хитрости Ольги и жестокихъ поступкахъ ея съ древлянами, рассказы о томъ, какъ предки наши никакимъ образомъ сами не могли установить въ своей землѣ порядка и должны были послать за море и сказать князьямъ чужимъ: *„вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами“*; какъ Владиміръ предъ магометанскими послами сознавался въ природномъ русскомъ недостаткѣ: *„Руси есть веселье пити, не можемъ безъ того быти“*. Изложеніе лѣтописи Нестора отличается эпическимъ характеромъ. Рассказъ, подобно эпосу, идетъ медленно и спокойно,

(1) Тамъ же, стр. 51. (2) Тамъ же, стр. 57. (3) Лѣт., т. I, стр. 65—66.

захватывая на пути все, что представляется важнымъ и интереснымъ, и часто заходить въ сторону: часто, какъ мы замѣтили, встрѣчаются вводные рассказы и отступленія; приводятся иногда довольно большія выписки изъ св. Писанія и собственные благочестивыя размышленія лѣтописца. Языкъ лѣтописи церковно-славянскій или древне-болгарскій; но въ немъ встрѣчается много слѣдовъ и древняго народнаго, южно-русскаго языка, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приводятся народныя преданія и собственные слова или разговоры дѣйствующихъ лицъ. Такія выраженія, напр., каковы: „иде въ Греки; посла по Варяги; да поиди за князь нашъ, за Малъ; яшася по дань; за маломъ бо бѣ не дошелъ до Царьграда“, должны быть отнесены къ чисто русскимъ выраженіямъ. Наконецъ, въ лѣтописи приводится и нѣсколько народныхъ пословицъ, таковы: „аще ли ся ввядитъ волкъ въ овцѣ, та выносить все стадо“; „толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмѣль начнетъ тонути“; „погибоша аки Обре“; „бѣда аки въ Роднѣ“.

Лѣтописная дѣятельность послѣ Нестора. Лѣтопись Нестора обыкновенно начинается начальною русскою лѣтописью; но разныя дополненія и вставки, вошедшія въ нее, показываютъ, что кромѣ ея существовали въ разныхъ мѣстахъ и другія лѣтописи. Были лѣтописи кievскія, волынскія, суздальскія, но эти лѣтописи не дошли до насъ въ первоначальномъ видѣ; мы находимъ ихъ уже въ связи съ другими лѣтописями и въ видѣ продолженія общей Русской лѣтописи въ разныхъ лѣтописныхъ сборникахъ.

Лѣтопись Нестора оканчивается 1110 г. Продолженіе ея, по Лаврентьевскому списку, до 1200 г. составляетъ *Кievскую* лѣтопись. Съ 1201 г. идетъ лѣтопись *Волынская* и доходитъ до 1292 г. Съ 1292 г. идетъ лѣтопись *Суздальская*. Въ Суздальскую лѣтопись вошли извѣстія изъ лѣтописей Владимірскихъ, Ростовскихъ, Переяславскихъ и Тверскихъ, которыя, въ подлинномъ своемъ видѣ, до насъ также не сохранились. *Новгородскія* и *псковскія* лѣтописи составляютъ особый отдѣлъ лѣтописей.

Общій характеръ всѣхъ лѣтописей одинаковъ съ первою лѣтописью. На всѣ описываемыя событія лѣтописцы смотрятъ съ религіозной точки зрѣнія и описываютъ ихъ съ цѣлью нравственнаго назиданія. Но, при единствѣ общаго религіознаго характера и нравственнаго направленія, въ лѣтописяхъ есть и большое различіе. Лѣтопись Нестора и первыхъ ея продолжателей обнимаетъ событія всей тогдашней Руси и, по словамъ Соловьева, можетъ быть названа *всероссійскою* лѣтописью. Такой характеръ лѣтописи вытекалъ изъ единства самой Руси до раздѣленія ея

на удѣлы; съ раздробленіемъ же на удѣлы исчезаетъ и единство въ лѣтописяхъ. Лѣтописи получаютъ другой характеръ и становятся *мѣстными*: въ нихъ описываются событія той или другой мѣстности, того или другого княжества, выражается сочувствіе къ тому или другому князю, въ извѣстныхъ дѣламъ и событіямъ. Но со времени соединенія всѣхъ княжествъ въ одно Московское государство соединяются вмѣстѣ и всѣ лѣтописи: являются лѣтописные сборники, каковы, напр., въ XVI в. Софійскій Временникъ, въ XVII в. лѣтопись Никоновская и Воскресенская лѣтопись. На нихъ отражается политическое господство Москвы, какъ преобладаніемъ московскихъ событій, такъ и характеромъ изложенія. Мѣстная лѣтопись московская превращается въ лѣтопись общегосударственную, всероссійскую.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЛОВЕСНОСТИ XII в.

Къ XII в. относятся сочиненія епископа Туровскаго Кирилла, хожденіе въ Іерусалимъ игумена Даніила, поученіе Владиміра Мономаха, Слово о полку Игоревѣ и Слово Даніила Заточника.

Сочиненія св. Кирилла, епископа Туровскаго (1171—1182). Представителемъ духовнаго просвѣщенія изъ русскихъ пастырей въ XII в. является св. Кириллъ, еп. Туровскій. Отъ него до насъ сохранились только 12 словъ и поученій на воскресные и праздничные дни, три сочиненія объ иноческой жизни, молитвы на всю седмицу и покаянный канонъ.

Слова и поученія Кирилла замѣчательны вообще, какъ памятники духовнаго ораторства и особенно какъ лучшій образецъ того вліянія, какое имѣла на нашу церковную словесность греческая отеческая и византійская словесность; можно сказать, ни на комъ изъ древнихъ нашихъ писателей такъ рѣзко не отразилось это вліяніе, какъ на Кириллѣ Туровскомъ. Неизвѣстно, почему современники Кирилла называли его *вторымъ златословеснымъ витією* и, слѣд., видѣли въ немъ *русскаго Златоуста*,—потому ли, что они въ его сочиненіяхъ находили сходство съ сочиненіями Златоуста, или просто потому, что Кириллъ въ то время былъ самымъ лучшимъ духовнымъ ораторомъ и отличался необыкновеннымъ краснорѣчіемъ; но нѣтъ сомнѣнія, что сочиненія Златоуста имѣли особенное вліяніе и на образованіе св. Кирилла, хотя въ то же время, надобно свазать, въ поученіяхъ его, при сходствѣ въ содержаніи съ нѣкоторыми словами Златоуста, недостаетъ тѣхъ именно свойствъ, которыя составляютъ отличительный характеръ Златоуста, недостаетъ практическаго нравственнаго направленія, общедоступности и современности. Но

столько же, если еще не болѣе, имѣли вліяніе на Кирилла и сочиненія другихъ отцовъ и писателей греческой церкви, напр. Григорія Богослова, св. Прокла, арх. Константинопольскаго и св. Епифанія Кипрскаго. Многія поученія Кирилла состоятъ изъ изложенія евангельскаго чтенія, съ различными дополненіями и объясненіями, заимствованными изъ книгъ Ветхаго Завѣта, особенно пророческихъ и Псалмовъ. Тексты Писанія, впрочемъ, весьма рѣдко приводятся буквально и точно; обыкновенно нѣсколько текстовъ сводятся въ одно изреченіе и связываются собственными словами Кирилла. Послѣ св. Писанія Кириллъ часто пользуется церковными службами и пѣснопѣніями и ихъ словами и образами излагаетъ свои мысли. Тамъ же, гдѣ не находитъ для своихъ мыслей образа въ Писаніи или церковныхъ пѣсняхъ, онъ обращается къ видимой природѣ и у нея заимствуетъ нужные образы.

Составленные такимъ способомъ—изъ соединенія и сопоставленія разныхъ изреченій и образовъ св. Писанія, писаній отеческихъ, церковныхъ пѣснопѣній и картинъ природы, проповѣди Кирилла можно уподобить *мозаическимъ картинамъ* византійскаго стиля. Въ то же время онѣ отличаются всѣми свойствами греческихъ церковныхъ образцовъ, подъ вліяніемъ коихъ онѣ составились. Образная форма рѣчи, употребленіе разговоровъ и рѣчей, сравненія, противоположенія, вопросы, восклицанія, обращенія и олицетворенія составляютъ отличительный характеръ слога большей части греческихъ церковныхъ писателей. Этими же свойствами отличаются и сочиненія, особенно проповѣди Кирилла. Кириллъ все старается представить въ формѣ образа, сравненія или противоположенія, символа и аллегоріи. Объясняемое событіе не рассказываетъ, а большею частію передается въ формѣ настоящаго дѣйствія, при чемъ изображаемыя лица излагаютъ свои мысли и чувства въ формѣ рѣчей и разговоровъ. Такъ, въ словѣ въ новую недѣлю по Пасхѣ представляется разговоръ Иисуса Христа съ апостоломъ Ѳомою. Въ словѣ въ недѣлю о расслабленномъ находится также обширный разговоръ Иисуса Христа съ расслабленнымъ. „Если Ты, Владыко,—говоритъ расслабленный,—вопросилъ меня о здравіи, то выслушай вротко мой отвѣтъ, чтобы я могъ повѣдать Тебѣ болѣзнь мою. Тридцать восемь лѣтъ я лежу на этомъ одрѣ, пригвожденный къ нему недугомъ; грѣхи расслабили всѣ члены моего тѣла, а душа моя уязвлена страстями. Молюсь Богу, но не внимаетъ мнѣ, потому что беззаконія мои превзошли главу мою. Все свое имѣніе я роздалъ врачамъ, но не могъ получить отъ нихъ помощи, ибо нѣтъ зелія, могущаго отмѣнить казнь Божію. Знающіе меня гнушаются мною,—смердѣ мой липилъ меня всякой утѣхи,—ближніе мои стыдятся меня, всѣ люди *клянутся* мной

(приводятъ въ примѣръ), а утѣшающаго не нахожу. Назову ли себя мертвымъ? но чрево мое требуетъ пищи, а языкъ иссыхаетъ отъ жажды. Живымъ ли себя представлю (помысли)? но не только встать съ одра, но даже двинуться не могу. Ноги мои не ходятъ, а руки не только не дѣлаютъ, но даже осязать себя ими я не могу. Я непогребенный мертвецъ и этотъ одръ—гробъ мой; я мертвый между живыми и живой между мертвыми; ибо какъ живой я питаюсь, а какъ мертвый ничего не дѣлаю. Я мучусь, какъ въ аду, отъ оскорбленій поносящихъ меня; предметомъ смѣха я служу для юношей и притчею наказанія для старцевъ; всѣ надо мною глумятся, а я вдвойнѣ страдаю; внутри терзаетъ меня болѣзнь, а внѣ я страдаю отъ досажденія поносящихъ меня... Голодъ еще сильнѣе недуга удручаетъ меня, ибо если я и найду себѣ пищу, то руками не могу вложить ее въ уста.... У меня нѣтъ имѣннй, чтобы наградить человѣка, пекущагося обо мнѣ; я *злы* расточилъ данное мнѣ въ раю богатство; змій эдемскій похитилъ одежду чистоты, и я лежу здѣсь, лишенный Божія покрова; не имѣю человѣка, который, не гнушался, послужилъ бы мнѣ Не имѣю, Господи, человѣка, который свергъ бы меня въ купель“.... Слыша все сіе изъ устъ расслабленнаго, благій нашъ врачъ, Господь Иисусъ Христосъ, отвѣчалъ ему: „что говоришь ты: не имѣю человѣка? Ради тебя Я сдѣлался человѣкомъ, щедрый и милостивый не нарушилъ своего обѣта о вочеловѣченіи. Ты слышалъ пророка, глаголющаго: „отроча родися Сынъ Вышняго и дался намъ, и Онь болѣзни и недуги наши понесетъ“. Ради тебя Я, оставивъ скипетръ горняго царства, служу визшимъ; ибо Я пришелъ не для того, чтобы Мнѣ служили, но чтобы послужить другимъ. Будучи безплотнымъ, ради тебя Я облекся плотію, чтобы исцѣлить душевные и тѣлесные недуги всѣхъ. Будучи невидимъ для ангельскихъ силъ, Я явился всѣмъ людямъ; ибо не хочу оставить образъ мой въ тлѣннй, но хочу спасти и въ разумъ истинный привести; а ты говоришь: не имѣю человѣка: Я содѣлался человѣкомъ, да человѣка сотворю Богомъ“ (1).... Особенно часто встрѣчаются въ поученіяхъ Кирилла противоположеніе, символъ и аллегорія. Такъ, въ началѣ слова на Пасху онъ говоритъ: „предъ вчерашнимъ днемъ Иисусъ Христосъ какъ человѣкъ былъ распятъ, а какъ Богъ помрачилъ солнце и луку въ кровь преложилъ, и тьма сдѣлалась по всей земли; какъ человѣкъ возопивъ, испустилъ духъ, но какъ Богъ поколебалъ землю, и камни распались; какъ человѣкъ былъ прободенъ въ ребра, но какъ Богъ раздралъ завѣсу перваго закона; какъ агнецъ источилъ кровь съ водою, на мѣсто крови агнець, закалавшихся прежде на жертву, но собою принесъ жертву Богу Отцу за спасеніе міра; какъ человѣкъ

(1) Памяти. слов. XII в., стр. 45—48.

былъ положенъ во гробѣ, но какъ Богъ освятилъ алтарь языческой церкви“ (1). Подобное же противоположеніе находится и въ концѣ этого слова. Явленія природы вещественной у Кирилла часто служатъ символами явленій міра духовнаго. Такъ въ словѣ въ новую недѣлю по Пасхѣ обновленіе природы весною представляется символомъ обновленія природы человѣческой вѣрою Христовой, и всякое явленіе въ природѣ служитъ образомъ того или другого событія въ царствѣ благодати. Небеса—апостолы, солнце—Христосъ; луна, исчезающая при солнцѣ,—ветхій законъ, уступающій Евангелію; зима, которую смѣнила весна, — время невѣрія, грѣха и смерти и проч. (2). Тоже мы встрѣчаемъ и въ поученіяхъ Кирилла. Многіе отцы и писатели церкви любили отыскивать аллегорическій или иносказательный смыслъ въ св. Писаніи. Въ словѣ въ недѣлю цвѣтоносную, приводя пророчество Захаріи о входѣ въ Іерусалимъ: „Радуйся зѣло дщи Сіона. Се бо царь твой грядетъ врозь, всѣдъ на жребца юна“ (Зах. 9, 9), онъ говоритъ, что дочери вышняго Іерусалима суть души святыхъ, а жребя—увѣровавшіе во Христа *люди отъ языка* (язычники). Ризы, которыя постилали Спасителю по пути, суть христіанскія добродѣтели; а добрый и правый путь для міра, правителей и всѣхъ вельможъ есть Христосъ; ломающіе отъ дерева вѣтви—простые люди и грѣшники, которые сокрушеніемъ сердца и умиленіемъ души уравниваютъ свой путь къ Богу. Предшествующіе Спасителю суть пророки и апостолы, а послѣдующіе—святители и мученики (3).—Символическій и аллегорическій способъ представленія является преобладающимъ въ поученіяхъ св. Кирилла; каждой мысли, каждому событію, даже каждой частности и подробности въ событіи онъ старается придать особенное, иносказательное значеніе.

Въ этихъ свойствахъ таланта Кирилла заключается и основаніе какъ совершенствъ, такъ и недостатковъ его поученій. Какъ образныя представленія, какъ изображенія, они отличаются особенною картинностію, живостію и одушевленіемъ; они представляютъ высокій образецъ духовнаго краснорѣчія, хотя формы этого краснорѣчія чисто греческія. Но наклонность проповѣдника къ риторическимъ украшеніямъ и стремленіе давать всему аллегорическое, иносказательное значеніе дѣлаютъ ихъ искусственными и витіеватыми и трудными для пониманія. Трудно допустить, чтобы такія проповѣди были понятны большинству тогдашняго

(1) Тамъ же, стр. 10—11.

(2) Памятн. слов. XII в., стр. 20—22. (3) Тамъ же, стр. 4—5.

русскаго народа, который не имѣлъ никакого образованія. Особенно недостаетъ въ проповѣдяхъ Кирилла практическаго нравственнаго направленія, которое должно составлять существенную принадлежность проповѣди. Нельзя сказать, чтобы въ нихъ не было никакихъ наставленій; наставленія помѣщаются въ концѣ почти каждой проповѣди; но они опять выражаются не просто, а въ образахъ, символахъ и аллегоріяхъ и потому становятся также не совсѣмъ понятными для большинства слушателей.

Лучшими словами Кирилла считаются слова въ новую недѣлю по Пасхѣ, въ недѣлю о разслабленномъ и на Вознесеніе Господне. Приведенныхъ выше извлеченій изъ первыхъ двухъ словъ считаемъ достаточнымъ для того, чтобы имѣть о нихъ понятіе; слово же на Вознесеніе Господне представляемъ въ переводѣ почти все, съ незначительными опущеніями.—Въ началѣ этого слова проповѣдникъ взываетъ къ пророку Захаріи и проситъ его дать *начатокъ* слову, „ибо ты, говоритъ онъ, не притчею, но ясно показалъ намъ, говоря: „се Богъ нашъ грядетъ во славу, отъ брани ополченія своего, и вси святіи Его съ нимъ; и стануть носѣ Его на горѣ Елеонстѣй прямо Іерусалиму на востокъ“ (14, 3, 4). Желаемъ и прочее отъ тебя узнать, а о брани, бывшей на общаго врага, діавола, мы знаемъ отъ Исаіи, видѣвшаго серафимовъ“. Затѣмъ, сказавъ о побѣдѣ Іисуса Христа надъ адомъ и изведеніи изъ него праведныхъ душъ, Кириллъ приглашаетъ своихъ слушателей взойти мысленно на гору Елеонскую. „Вознесемъ нынѣ, братіе, говоритъ онъ, умомъ на гору Елеонскую, чтобы мысленно узнать всѣ преславныя дѣла, на ней совершившіяся. На ту гору пришелъ нынѣ самъ Христосъ Богъ нашъ и собрались чины всѣхъ Святыхъ: соборы праотцевъ, множество патріарховъ, полки пророческіе, лики апостольскіе и толпы вѣрныхъ, съ семидесятью учениками Христовыми. Тамъ нынѣ ангельскія силы и архангельскія воинства: одни на крыльяхъ вѣтряныхъ приносятъ облака для взятія отъ земли Христа Бога нашего, другія готовятъ престолъ Херувимскій. Богъ Отецъ ждетъ Того, Кого отъ вѣка имѣлъ въ лонѣ съ Собою, а Духъ Св. повелѣваетъ всѣмъ ангеламъ Его: возьмите врата небесныя, да увидетъ царь славы. Небеса веселятся, украшая свои свѣтила, да благословятся отъ своего Творца, возносящагося съ плотію на облакахъ (свзовъ тѣ врата); земля радуется, видя на себѣ Бога, явственно ходящаго, вся тварь красуется, будучи просвѣщаемъ отъ горы Елеонской, на которой, по повелѣнію Отца, ангелы соединились со святыми апостолами, ожидая пришествія Сына“. Далѣе изображается пѣснопѣніе во славу вознесенія Господня. Къ этому пѣснопѣнію призываютъ всѣхъ ангелы, говоря: „воскликните Богу вся земля, пойте же имени Его“ (Псал. 68, 2).

Пѣснь начинаютъ патріархи: „се Богъ нашъ возносится, совокупивъ обоя воедино, земная съ небесными“. Преподобные возглашаютъ: „вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя“ (Псал. 56, 6). Праведники велегласно вопіють: „вознесися судая земли, да и мы во свѣтѣ лица Твоего, Господи, пойдемъ“. А Давидъ, какъ старѣйшина ликовъ, уясняя пѣсенные гласы, взываетъ: „вси языцы воспещите руками, воскликните Богу гласомъ радости, да въздетъ Богъ въ воскликновеніи и Господь во гласѣ трубнѣ“ (Псал. 46, 2, 6). Гласъ всѣхъ оканчиваетъ Павелъ, говоря: „кто въздетъ на небеса Христа свести? или кто снидетъ въ бездну Христа возвести? (Рим. 10, 6. 7). Но той есть спедый и паки възшедый превыше всѣхъ небесъ“ (Еф. 4, 10). Здѣсь же была и языческая церковь, уневѣщенная Христу; видя Его, возносящагося на небеса, она скорбитъ и, стоная сердцемъ, съ Соломономъ вопіеть: „уззвена есмь азъ любовію Твоею, женише небесный“, и, какъ бы провожая возлюбленнаго, говоритъ: „да цѣлуетъ мя отъ лобзанія устъ его“. Съ нею и апостольскій ликъ, взирая на своего учителя и Господа, какъ чада церковныя, жадостно взывали: „Владыко! не остави сирыми насъ, коихъ Ты благоволилъ возлюбить какъ милосердый, но пошли, какъ общалъ намъ, пресв. Твоего Духа“. Утѣшая ихъ, Иисусъ отвѣчалъ имъ: „сѣдите въ Иерусалимѣ. Азъ бо восхожу ко Отцу моему и Богу вашему, и пошлю, яко общахъ вамъ, иного Утѣшителя, Духа моего и Отца“. Потомъ слѣдуетъ картина самаго вознесенія Спасителя на небо. „Благословивъ учениковъ, Спаситель началъ возноситься на небо... свѣтлое облако подняло его отъ очей ихъ; Онъ възсѣлъ на херувимовъ и полетѣлъ на крыльяхъ вѣтранныхъ, имѣя съ собою души человѣческія, которыя Онъ вознесъ на небеса въ даръ своему Отцу и поселилъ въ горнемъ градѣ. Впереди текли ангельскія силы, со страхомъ и радостію, желая отверзти врата небесныя, но вышніе вратники возбраняли, вопія: „это врата Господни; чрезъ нихъ никто изъ земныхъ не проходить. Мы дивимся, видя нынѣ человѣка, сѣдшаго на херувимскомъ престолѣ и прежде серафимовъ хотащаго пройти чрезъ сія врата“. Ангелы повѣдали силу и власть Сына Божія. Тогда самъ Христосъ возгласилъ: „отверзите Мнѣ врата правды, и, вшедъ въ нихъ, возвѣщу Отцу моему, что сѣдалъ Я на землѣ и какъ пострадалъ“. Узнавши гласъ Господа, всѣ силы небесныя пали ницъ и поклонились, говоря: „если мы не видѣли Тебя, Владыко, сходящаго (на землю), то поклоняемся восходящему въ славу“. Духъ Св. исходитъ во срѣтеніе, вводя равнаго Себѣ Сына Божія, и, воздавая ему почеть, говоритъ: „да поклонятся Ему вси ангели Божіи“. Самъ Богъ Отецъ возгласилъ къ грядущему во плоти: „Сынъ мой еси Ты, сѣди одесную Мене: се престолъ твой,

Боже, въ вѣкъ вѣка! Твоя суть небеса и Твоя есть земля“. И Отецъ, посадивъ Сына на престолѣ, вѣнчалъ Его своею десницею, а серафимы при этомъ воспѣвали: „положилъ еси на главѣ Его вѣнецъ отъ камени драгаго, славою и честію вѣнчалъ еси Его, славу и велелѣпоту возложилъ еси на Него“. Потомъ совершаетъ помазаніе существа Божія, какъ говоритъ Давидъ: „сего ради помаза Тя, Боже, Богъ твой елеемъ радости паче причастии Твоихъ“ (1). Никто не будетъ отвергать, что это слово представляетъ возвышенную картину, нарисованную смѣлою, широкою кистію; но въ то же время всякій долженъ согласиться, что оно принадлежитъ болѣе къ области высокой духовной поэзіи, чѣмъ къ области настоящей церковной проповѣди. Какъ въ этой проповѣди, такъ и въ большей части другихъ проповѣдей Кирилла является не столько народнымъ учителемъ-проповѣдникомъ, сколько духовнымъ ораторомъ и поэтомъ.

Хожденіе въ Іерусалимъ игумена Даниила. Обычай путешествовать по святымъ мѣстамъ произошелъ изъ религіозныхъ побужденій нашихъ предковъ, которые смотрѣли на путешествія, какъ на самый важный способъ богоугожденія. Болѣе грамотные путешественники составляли записки о своемъ путешествіи, подъ именемъ *хожденій, странниковъ, паломниковъ*. Первымъ между ними по времени было *Хожденіе игумена Даниила* (2).

Игуменъ Даниилъ въ своемъ Хожденіи называетъ себя игуменомъ Русской земли, но, какой области или какого монастыря, не указываетъ. Основываясь на томъ, что, описывая Іорданъ, онъ сравниваетъ его съ *Сосновой рѣкой*, думаютъ, что онъ родился или жилъ въ Черниговской области, гдѣ есть рѣка Сосновая. Онъ называется *паломникомъ*, по общему обыкновенію называть паломниками всѣхъ богомольцевъ, которые, возвращаясь изъ Іерусалима, приносили съ собою *пальмовыя вѣтви*, отъ заутрени Вербнаго воскресенія, и стояли съ ними въ этотъ праздникъ у себя дома. Время путешествія Даниила относится къ началу XII в. Путешествуя по религіознымъ побужденіямъ, Даниилъ и слѣдилъ во время путешествія только за тѣмъ, что имѣло интересъ религіозный. Описавъ видъ города, или какого-нибудь мѣста, онъ перечисляетъ,

(1) Памятн. слов. XII в., стр. 65—73.

(2) Оно напечатано Сахаровымъ въ «Путешествіяхъ русскихъ людей», ч. 1, и въ Сказ. рус. н., т. 2 — Путешествіе игумена Даниила по святой землѣ. А. С. Норова. Спб. 1864 г.

какія въ немъ находятся церкви или монастыри, какія въ нихъ есть мощи, чудотворныя иконы или другія святыни. Сначала онъ описываетъ путь отъ Царьграда до Іерусалима, потомъ святыя мѣста, находящіяся въ самомъ Іерусалимѣ, и, наконецъ, рассказываетъ о своемъ путешествіи къ Іордану, Іерихону, въ Вилеємъ, къ горѣ Ѡаворской. Съ особеннымъ вниманіемъ Даниилъ описываетъ Іерусалимъ, рѣку Іорданъ, церковь Воскресенія Христова и гробъ Господень. Вотъ какое впечатлѣніе произвелъ на него въ первый разъ Іерусалимъ: „Святыи градъ Іерусалимъ, говоритъ онъ, лежитъ въ долинѣ; около него высочія каменныя горы, такъ что надобно близко подойти къ городу, чтобы видѣть его. Сначала виденъ домъ Давидовъ, а потомъ вскорѣ можно видѣть Елеонскую гору, Святая Святыхъ и, наконецъ, весь городъ. Въ верстѣ отъ Іерусалима есть ровная гора; на той горѣ люди (поклонники) слѣзаютъ съ коней и всѣ христіане пѣшіе идутъ и покланяются св. Воскресенію (храму) Великая радость бываетъ тогда всякому христіанину, увидѣвшему святыи градъ Іерусалимъ; и никто не можетъ не прослезиться, увидѣвши землю желанную и мѣста святыя, гдѣ Христосъ Богъ походилъ, ради нашего спасенія. И идутъ пѣшіе съ великою радостію ко святому граду Іерусалиму“. Рассказывая объ Іорданѣ, Даниилъ говоритъ: „Іорданъ рѣка течетъ быстро.... вода его мутна, но весьма сладка, такъ что нельзя насытиться пьющему ту святую воду“. Даниилъ самъ измѣрилъ Іорданъ, переходилъ на другую его сторону и долго ходилъ по берегу его *любовно*. Три раза онъ былъ на Іорданѣ и, между прочимъ, одинъ разъ въ праздникъ *водокрещенія*, и тогда со „всею дружиною моею, говоритъ онъ, я видѣлъ благодать Божію, сходящую на воду іорданскую. Безчисленное множество народа приходитъ тогда къ водѣ со свѣчами, и всю ночь бываетъ изрядное пѣніе, при безчисленномъ множествѣ свѣчъ. Въ полночь бываетъ водокрещеніе (освященіе воды). Тогда всѣ люди бросаются въ воду Іордана, какъ бы крещаясь въ Іорданской рѣкѣ, какъ Христосъ въ полунощи крестился отъ Іоанна“. Съ особенною подробностію Даниилъ рассказываетъ о гробѣ Господнемъ и о пасхальной заутрени, въ церкви Воскресенія Христова, при самомъ гробѣ, и при этомъ помѣщаетъ сказаніе „о *схожденіи свѣта ко гробу Господню*“. „Видѣлъ я, говоритъ онъ, своими грѣшными очами, поистинѣ, какъ сходитъ свѣтъ святыи къ животворящему гробу Господа нашего, Іисуса Христа. Многіе странники несправедливо рассказываютъ о схожденіи свѣтаго свѣта. Одни говорятъ, что Духъ Св., въ видѣ голубя, сходитъ ко гробу Господню, а другіе говорятъ, что молнія сходитъ съ небеси и отъ нея зажигаются лампы надъ гробомъ Господнимъ. Это несправед-

ливо; ничего тогда не видно—ни голубя, ни молнии, но невидимо сходить съ неба благодать Божія, и зажигаются лампы надъ гробомъ Господнимъ“. Въ Великую пятницу Даниль ходилъ поклониться гробу Господню и поставилъ на немъ „*лампаду съ елеемъ отъ всей Русской земли*“; „а въ голвахъ, говоритъ онъ, стояла лампада греческая, а на персяхъ святаго гроба Господня лампада всѣхъ монастырей, а на срединѣ русская лампада, которую поставилъ я грѣшный.

Описывая святыя мѣста, Даниль въ то же время рассказываетъ и тѣ преданія, какія онъ слышалъ въ томъ или другомъ мѣстѣ. Такъ, описывая церковь Воскресенія Христова и мѣсто распятія Спасителя, онъ говоритъ: „и тутъ былъ водруженъ крестъ Христовъ. Внизу же подъ тѣмъ камнемъ лежитъ глава Адама перваго. Во время распятія Господня, когда Господь нашъ, Иисусъ Христосъ, на крестѣ предалъ духъ свой и разодралась церковная завѣса, и распались камни, тогда и тотъ камень надъ главой Адамовой разсѣлся и чрезъ ту разсѣлину сошла вода изъ ребръ Иисуса Христовыхъ на главу Адамову и омыла грѣхи рода человѣческаго. Разсѣлина эта на томъ камнѣ видна и до сего дня“. Говоря объ Елеонской горѣ, онъ прибавляетъ: „тутъ есть церковь... а внизу подъ алтаремъ есть пещера великая; въ той пещерѣ Христосъ научилъ учениковъ своихъ пѣть: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ...* Это мѣсто такъ и называется: „*Отче нашъ*“. Упомянувъ объ одной пещерѣ на Фаворской горѣ, онъ говоритъ: „Въ этой пещерѣ жилъ святой Мелхиседевь... Рассказывая о морѣ Тиверіадскомъ, онъ замѣчаетъ, что въ немъ много рыбы: „и есть въ немъ одна чудная рыба, которую любилъ самъ Христосъ; та рыба слаще всякой рыбы, видомъ походитъ на рыбу карпъ (яко карпъ); и ѣли мы, грѣшныя, ту рыбу не однажды, но много разъ“. Подобныхъ рассказовъ очень много въ путешествіи Данила, и при чтеніи ихъ понятно становится, отъ чего въ древней Руси ходило много въ народѣ разныхъ апокрифическихъ сказаній. Кромѣ такихъ рассказовъ, есть и другія замѣтки въ путешествіи о странахъ, чрезъ которыя проходилъ Даниль. Эти замѣтки, впрочемъ, касаются не жизни, правовъ и обычаевъ людей этихъ странъ, которыя своими рѣзкими особенностями, сравнительно съ нравами и обычаями Русской земли, должны были бы, кажется, обратить на себя особенное вниманіе нашего путешественника, но произведеній природы, особенно царства растительнаго. И здѣсь онъ также преимущественно останавливается на предметахъ, имѣющихъ церковное употребленіе; такъ, напр., при разсказѣ объ островѣ Кипрѣ онъ говоритъ о происхожденіи ладана.

Даніилъ былъ не только человекъ религіозный, но глубокой патриотъ. Проходя по святымъ мѣстамъ, онъ повсюду усердно молился не за себя только, но и за всѣхъ русскихъ людей. На гробѣ Господнемъ онъ поставилъ лампаду за всю землю Русскую; въ послѣсловіи же къ своему путешествію онъ замѣчаетъ: „Богъ тому свидѣтель и св. гробъ Господень, что во всѣхъ сихъ святыхъ мѣстахъ я не забылъ именъ князей русскихъ и княгинь ихъ, и дѣтей ихъ, ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, но вездѣ поминалъ ихъ. И за то благодарю благаго Бога, что Онъ сподобилъ меня худаго записать имена князей русскихъ въ лаврѣ св. Саввы, гдѣ и нынѣ они поминаются на ектеніи... (слѣдуютъ имена князей). Во всѣхъ мѣстахъ я отслужилъ 90 литургій за князей, и за бояръ, и за дѣтей моихъ духовныхъ, и за всѣхъ христіанъ, живыхъ и мертвыхъ“. Во многихъ мѣстахъ путешествіе Даніила проникнуто глубокимъ религіознымъ одушевленіемъ, источникомъ котораго было искреннее религіозное вѣрованіе. Въ древнія времена, когда путешествія по святымъ мѣстамъ считались однимъ изъ способовъ богоугожденія, оно, естественно, должно было сдѣлаться любимымъ чтеніемъ грамотныхъ людей. И дѣйствительно, ни одно произведение древней словесности не дошло до насъ въ такомъ множествѣ списковъ. Позднѣйшіе путешественники въ Іерусалимъ подражали Даніилу, при описаніи своихъ путешествій (напр., іеродіаконъ Зосима въ XV в., Трифонъ Коробейниковъ и Юрій Грековъ въ XVI в.).

Кромѣ Путешествія игумена Даніила замѣчательно Путешествіе въ Царьградъ Новгородскаго архіепископа Антонія (въ мѣрѣ Добрыни Андрейковича), въ концѣ XII в. Оно очень кратко и все состоитъ изъ рассказовъ о тѣхъ святыняхъ, которыя онъ видѣлъ во св. Софіи и другихъ церквахъ и монастыряхъ.

Поученіе Владиміра Мономаха ⁽¹⁾. Начало такихъ сочиненій, какъ Поученіе или Завѣщаніе Владиміра Мономаха, коренится въ древнѣйшемъ обычаѣ временъ патриархальныхъ, когда отцы и дѣды и вообще старшіе въ родѣ, въ старости или приближаясь къ смерти, дѣлали наставленія своимъ дѣтямъ и внукамъ, какъ они должны жить, сообщая имъ при этомъ все, что они

⁽¹⁾ Владиміръ (Всеволодовичъ) Мономахъ (единборецъ), названный такъ въ честь своего дѣда по матери, греческаго императора, Константина Мономаха, сначала князь Черниговскій, потомъ былъ 12 лѣтъ (1113—1125) великимъ княземъ въ Кіевѣ. Его поученіе дѣтямъ найдено въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, гдѣ оно вставлено подъ 1096 г. вмѣстѣ съ его посланіемъ къ князю Слегу Святославичу, написаннымъ въ этомъ году. Поученіе дѣтямъ написано позже—въ 1099 г.

видѣли и испытали въ своей жизни, и когда подобныя наставленія, при отсутствіи книгъ и книжнаго образованія, служили для всѣхъ главнымъ руководствомъ въ жизни, какъ плодъ многолѣтней опытности предковъ.—Замѣчательное, какъ рѣдкій образецъ литературной дѣятельности людей свѣтскихъ, поученіе Мономаха весьма важно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ христіанское просвѣщеніе изъ среды духовенства проникало и въ другія сословія; какія въ лучшихъ людяхъ оно воспитывало понятія, чувства и стремленія, и какъ вообще, подъ вліяніемъ христіанскаго ученія и условій народнаго быта, слагался тотъ идеаль дравне-русской жизни, который полнѣе и яснѣе выразился впоследствии въ *Домостроѣ*. Между Поученіемъ Владиміра Мономаха и Домостроемъ Сильвестра находится самая тѣсная связь; въ Домостроѣ мы встрѣчаемъ много такихъ же точно наставленій, какія заключаются и въ поученіи Мономаха. Въ частности, въ поученіи Мономаха весьма хорошо отразилась и личность этого замѣчательнаго князя, глубоко набожнаго и въ то же время въ высшей степени дѣятельнаго, вездѣ поспѣвавшаго—ходить на войну противъ непріятелей и дома думать со дружиною, ѣздить на охоту и смотрѣть за церковною службою и за домашнимъ хозяйствомъ.

Владиміръ Мономахъ написалъ свое поученіе, какъ онъ самъ выражается, „на далеки пути, на саняхъ съдѣ“, т. е. во время зимняго путешествія въ 1099 г., когда на Волгѣ встрѣтили его послы отъ братьевъ, съ приглашеніемъ итти войною противъ Ростиславичей. Глубоко сокрушаясь о междоусобіи князей, онъ вздумалъ написать поученіе своимъ дѣтямъ, чтобы дѣти его, или кто другой, приняли его въ сердце и устремились на всѣ добрыя дѣла. Мономахъ былъ воспитанъ на св. Писаніи и писаніяхъ отеческихъ, какъ воспитывались тогда всѣ грамотные люди. Книгу Псалтирь онъ бралъ съ собою даже въ дорогу. Отказавшись отъ участія въ войнѣ противъ Ростиславичей и сокрушаясь о княжескихъ междоусобіяхъ, онъ для утѣшенія раскрылъ книгу Псалтирь, „и вотъ что, говоритъ, мнѣ встрѣтилось: „вскую печалуеши, душе, вскую смущаеши мя“ и т. д. приводитъ почти весь псаломъ (41). Весьма замѣчательны размышленія Мономаха о природѣ, удивленіе ея красотамъ и премудрому устройству въ разныхъ тваряхъ. „Велій еси, Господи, чудна дѣла твоя, говоритъ онъ... Кто не похвалить, не прославить силы твоей и твоихъ великихъ чюдесъ и добротъ, устроенныхъ на семь свѣтъ: какъ небо устроено, какъ солнце, луна, звѣзды и тьма и свѣтъ и земля на водахъ положена твоимъ Промысломъ“. Вслѣдствіе воспитанія на св. Писаніи и писаніяхъ отеческихъ и дѣятельной жизни посреди природы и людей, въ Мономахѣ образовался тотъ прямой и свѣтлый взглядъ христіанина, каковымъ проникнуто все его поученіе.

Правда, согласно съ характеромъ своего времени, когда форму монашеской жизни считали образцовою формою жизни христіанской, и Мономахъ предписываетъ нѣкоторые монастырскіе обычаи; напр., ночью велитъ вставать на молитву и власть по три земныхъ поклона, потому что этими поклонами, говоритъ онъ, очищается то, въ чемъ согрѣшаемъ днемъ; путешествующему на конѣ, когда онъ ничѣмъ не занятъ, велитъ постоянно произносить: Господи помилуй; но въ то же время онъ учитъ, что милость Божія заслуживается *не одиночествомъ, не чернечествомъ, не голодомъ*, какъ иные терпятъ, но дѣлами милости, правды и любви. Онъ постоянно возбуждаетъ къ дѣятельности, и внушаемое имъ благочестіе имѣетъ не созерцательный, а практическій характеръ. Любовь и милость онъ поставляетъ основными началами дѣятельности. „Всего паче убогихъ не забывайте, говоритъ онъ, но елико можете по силѣ кормите и придавайте сиротѣ, и вдовицу оправдате сами, а не вдавайте сильнымъ погубити челоувѣка^а. По чувству любви христіанской онъ не велитъ никою предавать смертной казни: *„ни права, ни крива (виноватаго) не убивайте, аще будетъ повиненъ смерти (хотя бы онъ заслуживалъ смерти), а души не поублайте никакой христіанской“*. Онъ убѣждаетъ посѣщать больныхъ, провожать на кладбище покойниковъ, не проходить мимо ни одного челоувѣка, не сказавъ ему привѣтливаго слова. Во время путешествія по своимъ землямъ онъ велитъ дѣтямъ строго смотрѣть за *отроками* (за свитою) и не позволять имъ безчинствовать *„ни въ селахъ, ни въ житлахъ, да не начнутъ васъ клаяти“*, прибавляетъ онъ. Особенно онъ внушаетъ гостепріимство, бывшее отличительною чертою нашихъ предковъ: *„куда ни пойдете и гдѣ вы остановитесь, напоите и накормите унеина (1), всего же больше чтите гостя, откуда бы онъ ни пришелъ къ вамъ и каковъ бы ни былъ, простъ, или добръ, или солъ (простой, или знатный, или посолъ),—ти бо, прибавляетъ онъ, мимоходячи, прославятъ челоувѣка либо добрымъ, либо злымъ“*.—Вѣчно дѣятельный, онъ и дѣтямъ предписываетъ заниматься постоянно дѣломъ, за всѣмъ смотрѣть и всему учиться: *„егоже умѣючи, того не забывайте добраго, а егоже не умѣючи, а тому ся учитъ: якоже бо отецъ мой, дома судя, изумѣяше 5 языкъ, въ томъ бо честь есть отъ иныхъ земель“*. Всего сильнѣе Мономахъ возсгаетъ противъ лѣности: *„лѣность бо всему мати, говоритъ онъ, еже умѣетъ, то забудетъ, а его же не умѣетъ, а тому ся не учитъ“*. И потому почти къ каждому наставленію онъ присоединяетъ просьбу *не лѣниться*: „Бо-

(1) Унеинъ—просящій, аалчущій.

за дѣла (ради) не тѣнитесь“... „Того не забывайте, не тѣнитесь“... Послѣ этихъ общихъ наставленій Мономахъ говоритъ о томъ, какъ надобно проводить день, указывая при томъ на примѣръ своего отца: „да не застанеть васъ солнце на постели, тако бо отецъ мой дѣлаетъ (дѣлалъ) блаженный и всѣ добріи мужи совершенніи“. По наставленію Мономаха, надобно вставать на разсвѣтъ и, совершивъ утреннюю молитву и воздавъ хвалу Богу за дневной свѣтъ, по восхожденіи солнца, садиться думать (совѣщаться) съ дружиною, потомъ люди *оправливати* (производить судъ), потомъ на ловъ (на охоту) *пхати* и (послѣ обѣда) лечь спать: „спанье отъ Бога присуждено полудне, отъ чина бо поживаетъ и звѣрь и птица и челюстци“.—Наконецъ, чтобы сильнѣе возбудить дѣтей къ постоянной дѣятельности, Мономахъ рассказываетъ о своихъ походахъ и ловахъ въ продолженіе 13-ти лѣтъ и о своихъ домашнихъ занятіяхъ. Большихъ походовъ Мономахъ совершилъ 83, а меньшихъ онъ и не припомнить. Когда не было войны со врагами, онъ отправлялся на охоту бороться со звѣрями и при этомъ подвергался сильнымъ опасностямъ. А находясь дома, онъ смотрѣлъ за домашнимъ порядкомъ и не только смотрѣлъ, но и самъ дѣлалъ то, что нужно было дѣлать другимъ: ловчій нарядъ самъ держалъ, самъ смотрѣлъ за конюшней, за соколами, за ястребами, но въ то же время *худало смерда* (простолюдина) и *убогой вдовицы* не давалъ сильнымъ обидѣть, и за церковнымъ нарядомъ и службами самъ надзиралъ. Рассказывая обо всемъ этомъ, Мономахъ не хвалится, а прославляетъ Бога, который сотворилъ его такимъ не лѣнивымъ и потребнымъ на всѣ дѣла человѣческаго. Указывая на Промыслъ Божій, много разъ спасавшій его отъ смерти, во время войны и охоты, онъ учитъ дѣтей не бояться смерти: „никтоже васъ не можетъ вредитися и убити понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти... *Божіе блюдо не тѣлце есть челоуческаго*“. Поученіе заключается словами о братолюбіи, которое особенно нужно было въ это время княжескихъ междоусобій.

Слово о полку Игоревѣ. При религіозно-церковномъ направленіи въ древней книжной словесности, конечно, не могла развиться свѣтская поэзія. Правда, въ лѣтописи Нестора сохранились нѣкоторые поэтическія преданія о древнихъ князьяхъ, которыя можно считать остаткомъ древняго дружиннаго эпоса; въ Волынской лѣтописи есть также указаніе на то, что въ древнія времена былъ обычай воспѣвать подвиги князей и были пѣвцы; авторъ Слова о полку Игоревѣ вспоминаетъ о пѣвцѣ Боянѣ, который былъ его предшественникомъ и образцомъ въ прославленіи княжескихъ

подвиговъ; но, къ сожалѣнію, Слово о полку Игоревѣ составляетъ единственный, дошедшій до насъ въ письменности, памятникъ этой княжеской поэзіи ⁽¹⁾.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ ⁽²⁾ изображается походъ Новгородъ-Сѣверскаго князя, Игоря Святославича, противъ половцевъ въ 1185 г. До нашествія татаръ половцы были главными врагами Россіи, съ которыми она должна была вести постоянную борьбу. Предметъ Слова, взятый изъ исторіи этой борьбы, могъ быть интересенъ уже самъ по себѣ; но онъ получилъ еще особенное значеніе отъ того, что борьбу съ половцами авторъ связалъ въ немъ, какъ она дѣйствительно была тѣсно связана, съ тогдашнимъ внутреннимъ состояніемъ Россіи, раздираемой княжескими междоусобіями. Пользуясь раздоромъ князей, половцы смѣло производили набѣги, жгли и разоряли города и села; да и сами князья, сражаясь другъ съ другомъ, часто призывали ихъ въ себѣ на помощь.

Въ походѣ участвовали: Новгородъ-Сѣверскій (Новгородъ-Сѣверскъ—въ Черниг. губерніи) князь, Игорь Святославичъ, сынъ Святослава Ольговича, князя Черниговскаго; братъ его, Всеволодъ Святославичъ, князь Курбскій и Трубчевскій (Трубчевскъ—цѣль въ Орловской губ.); ихъ племянникъ, Святославъ Ольговичъ, Рыльскій (Рыльскъ—въ Курской губерніи) и сынъ Игоря, Владиміръ Путивльскій (Путивль—также въ Курской губ.). Изображаемыя событія, подвиги и битвы князей, происходятъ на берегахъ Дона и близъ устья рѣки Каалы, впадающей въ Азовское море (нынѣ

(1) Слово о полку Игоревѣ было открыто въ 1795 г. въ одной древней рукописи (конца XIV или начала XV в., какъ предполагали первые его издатели, или конца XVI в., какъ предполагаетъ Тихонравовъ въ своемъ изданіи Слова) въ библиотекѣ графа Мусина-Пушкина. Въ 1800 г. оно было издано по этой рукописи. Въ 1812 г. рукопись Слова, вмѣстѣ съ другими рукописями библиотeki Пушкина, сгорѣла. Такимъ образомъ, погибъ и единственный дошедшій до насъ списокъ Слова; только копія съ него, снятая для Екатерины II, найдена въ ея бумагахъ и напечатана Некарскимъ въ V т. Зап. Ак. Н. 1864 г. Изъ прежнихъ изданій Слова лучшее сдѣлано Дубенскимъ (въ Русск. Дост., ч. 3 1844 г.), который перевелъ и объяснилъ его текстъ, приложилъ къ нему словарь, гдѣ разобрано и объяснено почти каждое слово текста. Новое изданіе Слова принадлежитъ Тихонравову (М. 1866 г.), который сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія, противъ прежнихъ изданій, въ правописаніи и раздѣленіи словъ и разстановкѣ знаковъ препинанія, и присоединилъ указатель важнѣйшихъ словъ и грамматическихкихъ формъ рѣчи въ Словѣ.

(2) Имя автора Слова неизвѣстно. Основываясь на разныхъ мѣстахъ Слова, можно предполагать только, что онъ былъ челоѣкъ свѣтскій и современникъ изображаемаго событія.

Кагальникъ—въ землѣ войска донского). Весь походъ или всѣ событія, составляющія предметъ Слова, описаны въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1185 г.

Сравнивая Слово съ этими сказаніями лѣтописей, мы находимъ въ нихъ совершенное сходство не только въ цѣломъ-разказѣ, но и въ главныхъ его подробностяхъ; единственный вымыселъ въ Словѣ, о которомъ не упоминаютъ лѣтописи, есть *плачъ Ярославны*, подъ которой разумѣется вторая супруга Игоря (Евфросинія), дочь Ярослава Владиміровича, Галицкаго. Во время похода Игоря она находилась въ Путивлѣ, удѣльномъ городѣ сына Игоря, Владиміра. Кромѣ того, въ Словѣ упоминается еще супруга Всеволода, Ольга Глѣбовна. Такимъ образомъ, предметъ Слова о полку Игоревѣ—историческій и изображается, въ главныхъ чертахъ, согласно съ лѣтописями. Но въ то же время въ немъ весьма ясно отразились и элементы древнихъ мифическихъ вѣрованій языческаго періода нашей исторіи и нѣкоторыя героическія преданія о славныхъ дѣлахъ и князьяхъ стараго времени. При описаніи современныхъ событій авторъ часто уносится своимъ воображеніемъ къ самымъ отдаленнымъ временамъ, къ какимъ-то *впкамъ Трояновымъ*, воспоминаетъ стараго Владиміра, стараго Ярослава, храбраго Мстислава и другихъ князей. Руководительною нитью при этихъ воспоминаніяхъ служатъ для него *старыя словеса и замышленія тѣща Бояна*. Воспоминаніемъ о Боянѣ онъ начинаетъ свое Слово, называетъ его соловьемъ стараго времени, Велесовымъ внукомъ, вѣщимъ Бояномъ. Пѣснопѣнія Бояна изображаются въ волшебномъ свѣтѣ: „если кому онъ хотѣлъ пѣснь творить, то растекался мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками; свои вѣщія персты онъ возлагалъ на живыя струны и онѣ сами князьямъ славу рокотали. Онъ свачетъ соловьемъ по мысленному древу, летаетъ умомъ подъ облаками, свиваетъ славу, какъ вѣнецъ, около своего времени, и рыщетъ по тропѣ Трояновой чрезъ поля на горы“. Авторъ Слова не говоритъ, кто такой былъ Боянъ; но видно, что это былъ пѣвецъ знаменитый, который, по его словамъ, воспѣвалъ стараго Ярослава, храбраго Мстислава, краснаго Романа, Олега Святославича, Святослава Ярославича и Всеслава Полоцкаго; эпохою этихъ князей опредѣляется и время жизни и пѣснопѣній Бояна—вторая половина XI и начало XII вѣка. Отъ лица Бояна приводятся въ Словѣ двѣ слѣдующія припѣвки, имѣющія характеръ притчи или половицы: „*ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути*“, и „*тяжко ти головы (головѣ) кромѣ (безъ) плечу, зло ти тѣлу кромѣ головы*“.—Мифическіе элементы въ Словѣ выразились въ указаніяхъ на языческія божества и языческія вѣрованія. Вѣтры называются въ Словѣ внуками Стри-

бога: „се вѣтры Стрибожи внуцы вѣютъ съ моря стрѣлами на полки Игоревы“. Русскій народъ называется внукомъ Дажь-бога, т. е. солнца: „при Олегъ Гориславиитъ погибашеть жизнь Дажь божя внука“. Боянъ называется внукомъ Велеса. Всеславъ, князь Полоцкій, изображается *оборотнемъ-волшебникомъ*, который днемъ людей судилъ, а въ ночь волкомъ рыскалъ „великому Хорсу волкомъ путь прерыскаше“ (т. е. перебѣгалъ, упреждалъ солнце). Къ мифическимъ же преданіямъ относятся и лицо Трояна, о которомъ авторъ Слова упоминаетъ, когда говоритъ о самыхъ отдаленныхъ временахъ, до коихъ доходятъ его воспоминанія, употребляя такія выраженія: „рица въ тропу Трояню“, „были вѣщи (вѣка) Трояни“, „вступила (обίδα) на землю Трояню“. Впрочемъ эти выраженія нѣкоторые объясняютъ древними преданіями о римскомъ императорѣ Траянѣ, которыя долго сохранялись въ Дакии, гдѣ этотъ императоръ воевалъ, и чрезъ южныхъ славянъ могли перейти и въ Русь.

Въ самомъ началѣ Слова авторъ объявляетъ, что онъ намѣренъ рассказать повѣсть о походѣ князя Игоря „по былинамъ сего времени (по событіямъ современнымъ), а не по замышленію Боянову“; при этомъ онъ воспоминаетъ о пѣвцѣ Боянѣ и характеризуетъ его пѣснопѣнія. *Не лѣпо ли ны бѣшеть (не лучше ли намъ), братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о полку Игоревѣ, Игоря Святъславича? Начатижесе той пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашесе (растекался) мыслію по древу (1), сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ (сизымъ) орломъ подъ облаки“*... Это составляетъ какъ бы вступленіе Слова, въ концѣ котораго авторъ говоритъ: „Почнемъ же (начнемъ же), братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже истягну (препоясалъ или ознаменовалъ) умъ крѣпостію своею и поостри (изострилъ) сердца своего мужествомъ, наполнився ратнаго духа, наведе свои храбрые полки на землю половецкую, за землю Русскую“.—Самое Слово можно раздѣлить на три части. Въ первой части описывается походъ, битвы съ половцами и плѣнъ князей (2). Несмотря на то, что авторъ обѣщалъ начать свою повѣсть отъ стараго Владимира и довести ее до Игоря, онъ однакожь ничего не говоритъ

(1) Это мѣсто считаютъ испорченнымъ. Въмѣсто *мыслію по древу*, одни, согласно съ требованіями параллелизма, хотятъ читать *мышью (мышью) по древу*, другіе—*славію по древу* на томъ основаніи, что ниже о томъ же Боянѣ сказано: *скача славію (соловьемъ) по мыслену древу*.

(2) Изд. Дубенскаго. Русск. Дост., ч. 3, стр. 1—113.

ни о Владимірѣ, ни о другихъ князьяхъ ⁽¹⁾, а прямо начинаетъ описывать походъ Игоря и притомъ съ того времени, какъ Игорь, выступивъ въ походъ, увидѣлъ солнечное затменіе и все свое воинство покрытымъ тьмою. „Братіе и дружино, говоритъ при этомъ Игорь своему войску, луцежь (лучше) потату (побиту) быти, неже полонену быти, а всядемъ, братіе, на свои борзныя комони (на своихъ борзыхъ коней), да позримъ сивяго Дону. Хощу бо, рече, копіе преломити конецъ (въ концѣ) поля половецкаго съ вами, Русици; хощу главу свою приложити (положить), а любо (либо) испити шеломомъ Дону (напиться шлемомъ изъ Дону)“. Игорь отправляется съ своимъ войскомъ, останавливается въ Путивлѣ и ждетъ брата своего, Всеволода. Когда прибылъ Всеволодъ, съ своимъ войскомъ, князья отправляются въ походъ. Обращаясь къ Игорю, Всеволодъ говоритъ: „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ ты, свѣтлый Игорь. Оба мы Святославича. Сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои готовы, осѣдланы у Курска; а мой-то Куране—опытные наѣздники, подъ трубами (военными) повиты, подъ шеломами (шлемами) взлелѣяны, концемъ копыя вскормлены. Пути имъ вѣдомы, овраги имъ знакомы; луки у нихъ напряжены, тулы отворены, сабли изощрены, сами скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы“. Затѣмъ описывается самый походъ, встрѣча и первая битва съ половцами. „Тогда вступилъ Игорь князь въ златое стремя и поѣхалъ по чисту полю. Солнце ему тьмою путь заступало; ночь, стонуци ему грозою, птиць будила, свистъ звѣриный *въ стазби, Дивъ* ⁽²⁾ *кличеть* вверху дерева, велитъ послушати (дастъ вѣсть) земли незнаемой... А половцы не готовыми (не тореными) дорогами бѣжали къ Дону великому, кричать телѣги ихъ въ полунощи, какъ лебеди распущенные. Игорь къ Дону воиновъ ведетъ. Уже птицы стерегутъ бѣду, также волки по оврагамъ грозу накликаютъ; орлы клеетомъ на кости звѣрей зовутъ; лисицы *брежутъ* на червленые щиты . . . сыны Русскіе червлеными щитами великія поля загородили, ища себѣ

(1) На этомъ основаніи Соловьевъ видитъ здѣсь въ Словѣ о полку Игоревѣ пропускъ (Истор. Россіи, т. III, стр. 110—111). Но, можетъ быть, подъ обѣщаніемъ *начать повѣсть отъ стараго Владиміра* разумѣется—обращеніе къ прошедшимъ временамъ и то воспоминаніе о Владимірѣ и прежнихъ князьяхъ, которое, дѣйствительно, проходитъ чрезъ все Слово. См. Тихонравова примѣч. къ слову о полку Игоревѣ, стр. 50. Подъ *старымъ Владиміромъ* одни разумѣютъ Владиміра св., другіе (Соловьевъ)—Владиміра Мономаха.

(2) *Дивъ* значить—дивовище, чудовище. Подъ нимъ разумѣется здѣсь по объясненію однихъ—зловѣщая птица *филлингъ*, по объясненію другихъ—птица *удодъ*.

чести, а князю славы". Произошла первая битва *въ пятокъ*, въ которой половцы были разбиты. Но на другой день *„красныя зори свѣтъ повѣдаютъ*. Черныя тучи идутъ съ моря и хотятъ прикрыть *четыре солнца* (1); а въ нихъ трепещутъ сения молніи; быть грому великому, идти дождю стрѣлами съ Дону великаго. Вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрѣе полки Игоревы. Земля стучитъ; рѣки мутно текутъ; пыль поля покрываетъ. Половцы идутъ и отъ Дону и отъ моря и со всѣхъ сторонъ обступили полки русскіе".—Затѣмъ описывается вторая битва съ половцами, въ которой русскіе потерпѣли совершенное пораженіе. Князья сражаются храбро, особенно Всеволодъ, котораго авторъ Слова, по силѣ и мужеству, равниваетъ съ *арымъ Туромъ*: *„Арымъ Туръ Всеволодъ!... ты прыщешь на воиновъ стрѣлами, гремишь объ шлемы мечами булатными. Гдѣ Туръ проскакалъ, своимъ златымъ шеломомъ посвящая (сверкая), тамъ лежатъ поганья головы половецкія“*. — Но половцы одолеваятъ русскихъ. При описаніи страшной битвы мысль пѣвца уносится къ княжескимъ междоусобіямъ, отъ которыхъ началось горе Русской земли. *„Олегъ (Святославичъ), говоритъ онъ, мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы по землѣ сплалъ... при Олегѣ Гориславичѣ сѣялись и расли усобицы (междоусобія), погибала жизнь Дажь-божья внука; въ княжескихъ крамолахъ вѣкъ человѣческій сокращался. Тогда по Русской землѣ рѣдко ратаи (земледѣльцы) кричали, но часто вороны каркали, дѣля между собою трупы, да галки свою рѣчь говорили, собираясь летѣть на добычу“*.—И потомъ, обращаясь къ описанію битвы, онъ говоритъ: *„Съ ранняго утра до вечера, съ вечера до свѣта летаютъ стрѣлы каленныя, гремятъ сабли о шеломы, трещать копыя харалужныя (булатныя) въ полѣ незнаемомъ, посреди земли половецкой. Черна земля подъ копытами, бостями она была засѣяна, а кровію полита; туюю въздоша по Русской землѣ“*.—Наконецъ, описывая совершенное пораженіе русскихъ, онъ такъ выражаетъ свою скорбь: *„Никнетъ трава отъ жалости, и дерево съ печали въ землѣ приклонилось. Уже, братіе, не веселая година настала; уже пустыня силу покрыла. Встала обида въ силахъ Дажь-божья внука, вступила дѣвою на землю Троянову, всплескала лебедиными крылами, на синемъ морѣ“*. И снова мысль пѣвца обращается къ княжескимъ междоусобіямъ, которыя онъ считаетъ причиною слабости русскихъ и силы враговъ ихъ, половецевъ. *„Не стало въ князьяхъ единомыслія на поганыхъ. Нбо стали говорить братъ брату: это мое и то мое же; и стали*

(1) Подъ четырьмя солнцами разумѣются четыре князя.

князя ставить малое въ великое, и сами на себя крамолу ковать, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на землю Русскую“.

Во второй части Слова о полку Игоревѣ описываются: сонъ Кіевского князя, Святослава, и объясненіе его боярами; плачь Святослава о плѣнныхъ князьяхъ и воззваніе его къ современнымъ князьямъ, съ просьбою ополчиться на половцевъ, и, наконецъ, плачь супруги Игоря, Ярославны (¹). Наканунѣ того дня, какъ узнали въ Кіевѣ о пораженіи русскихъ половцами, князь Святославъ видѣлъ сонъ: „его съ вечера одѣвали *черною наполомой* (покрываломъ) на кровати тесовой; черпали ему *сине вино съ трудомъ* (съ горемъ) *смѣшанное*; сыпали ему изъ пустыхъ колчановъ поганыхъ половцевъ *жемчугъ на лоно*; а доски въ златоверхомъ теремѣ показались ему *безъ князя* (безъ верха) и съ вечера всю ночь каркали вороны“.... Объясняя этотъ сонъ, бояре рассказывали князю о несчастіи, постигшемъ русское войско и русскихъ князей: „два сокола (князья—Игорь и Всеволодъ) слетѣли съ отцовскаго золотого трона, поискать града Тмуторокана, или напиться шлемомъ изъ Дона. Уже крылья этихъ соколовъ подсѣбли саблями поганыхъ, и самихъ ихъ оковали желѣзными путами“. Святославъ плачетъ и обращается съ воззваніемъ ко всѣмъ князьямъ русскимъ, чтобы они вступились *за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы*. Рассказывая объ этомъ, авторъ вспоминаетъ о томъ, какъ сильна была Русская земля, при старыхъ князьяхъ, и какъ ослабили ее княжескія междоусобія до того, что она сдѣлалась легкой добычею враговъ... „О стонати, говоритъ онъ, Русской землѣ, помянувши первую годину и первыхъ князей“... Наконецъ, описывается плачь Ярославны, супруги Игоря, на стѣнахъ города Путивля. „Ярославнина гласъ слышенъ: одинокою *вукушкою* (*зезицею*) она рано кличетъ. Полечу, говоритъ она, *вукушкою* по Дунаю; *омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣѣ*, *оботру* князю (Игорю) *кровавыя его раны на могучемъ его тѣлѣ*. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ, на городской стѣнѣ, говоря: о вѣтеръ, вѣтрило! Зачѣмъ, господине, *насилъно вѣнешъ?* Зачѣмъ *мчишь* на своихъ *легкихъ крыльяхъ ханскія стрѣлки* на *воиновъ моя лады* (моего милаго)? Развѣ мало (тѣсно) *тебѣ было вѣять* *вверху* *подъ облаками*, *делѣя корабли на синемъ морѣ?* Зачѣмъ, господине, *мое веселіе по ковылю развѣялъ?* Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ, на городской стѣнѣ, говоря: о Днѣпръ *Словутичъ* (славный)! Ты *пробилъ* *каменныя горы* *сквозь землю* *половецкую*;

(¹) Русск. Дост., ч. 3, стр. 113—211.

ты лелѣялъ на себѣ ладѣи Святославовы до полка Кобякова: взлелѣя, господине, мою ладу (моего милаго) ко мнѣ, чтобы мнѣ не слать моихъ слезъ на море рано. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ, на городской стѣнѣ, говоря: свѣтлое, пресвѣтлое солнце! Для всѣхъ ты тепло и красно (ясно): зачѣмъ, господине, ты простерло свои горячіе лучи на воиновъ лады (милаго)? въ полѣ безводномъ засухою у нихъ луки согнуло, тугою у нихъ колчаны замѣнуло“ (1).—Въ третьей части Слова описывается возвращеніе Игоря изъ плѣна. Игорь убѣждалъ изъ земли половецкой; половецкіе князья, Гзакъ и Кончакъ, преслѣдуютъ его; но „Богъ путь ему кажетъ на землю Русскую, къ отню злату столу (къ отеческому золотому престолу)“, и сама природа покровительствуетъ его бѣгству и содѣйствуетъ его избавленію: „тогда вороны не каркали, галки умолели, сороки не стрекотали, но лозамъ (вѣтвямъ) только прыгали; дятлы тектомъ (стучомъ) путь въ рѣкѣ указываютъ; соловьи веселыми пѣснями разсвѣтъ возвѣщаютъ“. Возвращеніе Игоря производитъ повсюду радость и веселіе: „дѣвицы поютъ на Дунаѣ, несутся голоса по морю до Кіева... Страны рады, города веселы, воспѣвая пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ“. Пѣвецъ и самъ заключаетъ свою повѣсть хвалою князьямъ и дружинѣ: „воспоемъ и мы, говорить онъ: слава Игорю Святославичу, Буй-Туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Да здравствуютъ князья и дружина, поборающіе за христіанъ на поганые поля! Князьямъ слава, а дружинѣ—аминь!“

Въ содержаніи Слова о полку Игоревѣ нѣтъ творческаго вымысла: лица и событія описываются дѣйствительныя и описываются согласно съ лѣтописями того времени. Вся поэзія Слова заключается въ глубокомъ чувствѣ, которымъ оно проникнуто, отъ начала до конца, и въ прекрасныхъ картинахъ, въ какихъ изображаются описываемыя событія. Въ основаніи Слова лежитъ чувство любви къ Русской землѣ, которое, согласно съ изображаемымъ событіемъ и тогдашнимъ состояніемъ Руси, получило характеръ глубокой грусти и скорби. На походъ противъ половецвъ, кончившійся пораженіемъ войска и плѣномъ князей, авторъ смотритъ, какъ на естественное слѣдствіе бѣдственнаго состоянія Руси, раздираемой княжескими междоусобіями. Мысль о междоусобіяхъ, чувство скорби объ этомъ современномъ бѣдствіи выражаются и въ описаніи пораженія русскихъ и плѣна князей, и въ воззваніи къ современнымъ князьямъ отомстить врагамъ за обиду Русской земли, и въ воспоминаніяхъ

(1) Русск. Дост., ч. 3, стр. 211—221.

о прежнемъ времени и прежнихъ князьяхъ. Часто, посреди разсказа или описанія, авторъ останавливается, вспоминаетъ о бѣдствіяхъ Русской земли и выражаетъ глубокое сѣтованіе: эпическая повѣсть переходитъ въ лирическую думу. Эти лирическія мѣста, или отступленія, выражающія основную мысль повѣсти и въ то же время характеризующія благородную личность автора, какъ человѣка, глубоко любящаго свою родную землю, составляютъ лучшія мѣста въ Словѣ. Они оживляютъ все Слово и возбуждаютъ особенное участіе въ читателѣ къ описываемымъ въ немъ лицамъ и событіямъ. Плачь Ярославны также чисто лирическаго характера, и по глубинѣ чувства, по простотѣ и въ то же время красотѣ его выраженія составляетъ прекрасную поэтическую пѣснь.—Образы и картины въ Словѣ заимствованы изъ окружающей природы и при всей простотѣ часто весьма живописны и показываютъ въ пѣвцѣ истиннаго народнаго поэта. Любимая его форма при разсказѣ и описаніи—форма сравненія и уподобленія. Князь Всеволодъ, по силѣ и неукротимости, называется *буимъ, ярымъ туромъ: буй-туръ, яръ-туръ Всеволодъ*. Игорь и Всеволодъ, попавшіе въ плѣнъ къ половцамъ, называются *соколами*, слетѣвшими съ отцовскаго золотого престола и опутанными желѣзными путами. Сердца этихъ героев изъ крѣпкой стали выкованы *и въ буюсти* (доблести, храбрости) завалены. Въ другомъ мѣстѣ всѣ четыре князя, застигнутые войскомъ половцевъ, сравниваются съ четырьмя солдцами, закрытыми черными тучами, въ коихъ блещутъ синія молніи. Тоскующая по мужѣ Ярославна сравнивается съ одинокою кукушкою, которая въ народной поэзіи вообще служитъ символомъ грусти и скорби. Такъ же, какъ въ народной поэзіи, сравненія въ Словѣ иногда имѣютъ отрицательный характеръ: Боянъ не десять соколовъ выпускалъ на стадо лебедей, но свои вѣщіе персты возлагалъ на живыя струны, и онѣ сами князьямъ славу рокотали. Подобное же отрицательное сравненіе встрѣчается и въ описаніи погони половцевъ за Игоремъ: „не сороки застрекотали; по слѣдамъ Игоря ѣдетъ Гзагъ съ Кончакомъ“... Изъ сравненій и уподобленій въ Словѣ составляются часто цѣлыя картины, весьма живописныя. Таковы, напр.: картина войска, представленнаго въ образѣ тучи съ громомъ, изъ которой дождь идетъ стрѣлами; картина битвы, въ которой войны, какъ снопы на гумнѣ, стелются головами: „на немизь снопы стелють головами, молотять цѣпами харалужными (булатными), на току животь владуть, вѣють душу отъ тѣла“; другая картина битвы въ образѣ кроваваго пира, съ кровавымъ виномъ: „тамъ (на рѣкѣ Калялѣ) кроваваго вина не достало: тамъ пиръ покончили храбрые сыны Рускіе: сватовъ напоили, а сами полегли за землю Русскую“; картина междоусобій—въ образѣ земли, засѣянной стрѣлами: „Олеги

мечемъ крामолу коваль и стрѣлы по землѣ сѣяль... при Олегѣ Гориславичѣ сѣялись и росли усобицы"... картина быстрого бѣгства Игоря изъ земли половецкой: „а Игорь князь поскакаль горностаемъ къ тростнику и бѣлымъ гоголемъ на воду, кинулся на борзаго коня, и соскочилъ съ него быстрымъ волкомъ, и пустился къ дугу Донца, и полетѣль соколомъ, въ туманѣ избивая гусей и лебедей къ завтраку, обѣду и ужину“. Другая, столько же обыкновенная въ Словѣ, форма рѣчи—форма одушевленія и олицетворенія. Природа въ Словѣ представляется въ самой тѣсной связи съ человѣкомъ: она сочувствуетъ его счастью и несчастью, горю и радостямъ. Когда Игорь выступаетъ въ походъ, затменіе солнца предвѣщаетъ ему несчастье: „солнце тьмою путь ему заступало; ночь, стоная грозой, будить птицъ, звѣри ревуть; зловѣщая птица, *Дивъ*, кличетъ вверху дерева“. Передъ первой битвой русскихъ съ половецями, въ которой должно было много погибнуть людей, „волки воютъ по оврагамъ, орлы клетомъ на кости звѣрей зовуть“. Когда войско русское было совершенно разбито при Каялѣ и князя попали въ плѣнъ, природа представляется сочувствующею этому несчастью: „никнетъ трава отъ жалости и дерево съ печали въ землѣ приклонилось. Уже не веселая настала година; уже пустыня силу покрыла“. Когда же Игорь убѣжалъ изъ плѣна, природа радуется и какъ бы помогаетъ его бѣгству: „тогда вороны не каркали, галки умоляли, сороки не стрекотали“. Дѣйствующія лица въ Словѣ, какъ въ народныхъ пѣсняхъ, обращаются къ разнымъ предметамъ природы. Ярославна высказываетъ свое горе въ жалобѣ солнцу, вѣтру, Днѣпру. Князь Игорь разговариваетъ съ рѣкою Донцомъ: „о Донецъ! не мало тебѣ величія, что ты делѣяль (соблюдалъ) князя на волнахъ, постилалъ ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его теплыми туманами подъ сѣнію зеленаго дерева, стерегъ его, какъ гоголь на водѣ, какъ чайки на струяхъ, какъ чернеди (водяныя утки) на вѣтрахъ“. Наконецъ, въ Словѣ много эпитетовъ и выраженій, свойственныхъ народной поэзіи, напр.: сине-море, красное солнце, сизый орелъ, сѣрый волкъ, поле чистое.... Все это—указанные выше образы и картины, и формы, и обороты рѣчи—сближаетъ Слово съ народною поэзіею. Языкъ Слова близко подходитъ къ малороссійскому нарѣчію.

Слово Данила Заточника (¹). Кто былъ Даниль Заточникъ, неизвѣстно. Изъ Слова видно, что онъ находился въ заточеніи на озерѣ *Лачь* (въ Олонецкой губерніи), но, за какую вину, не говорится. Находясь въ заточеніи, онъ написалъ Слово въ ва-

(¹) Напечатано въ Памятн. слов. XII в., въ Сказ. р. н., т. I.

кому-то ввязю, ⁽¹⁾ съ тою цѣлю, чтобы вымолить у него свободу.— Заточникъ—типическое лицо древняго русскаго книжника, воспитаннаго на чтеніи книгъ и преимущественно разныхъ сборниковъ. „Я, княже господине, говоритъ онъ, не за море ходилъ и не отъ философовъ научился, но, какъ пчела, припадающая по разнымъ цвѣтамъ и совокупляющая медовый сотъ, по многимъ книгамъ *собиралъ сладость словесную и разумъ*“. Все Слово, дѣйствительно, представляетъ рядъ собранныхъ изъ разныхъ книгъ размышленій и изреченій, между которыми есть и мѣста изъ Писанія, особенно изъ премудрости Соломона и Сираха, и народныя притчи и пословицы, и изреченія изъ разныхъ сборниковъ и, между прочимъ, изъ *Пчелы*. Размышленія Заточника касаются разныхъ предметовъ: щедрости и скупости, богатства и бѣдности, мудрости и глупости; между этими размышленіями нѣтъ непосредственной связи; они связываются между собою только тою цѣлю, для которой они собраны авторомъ, цѣлю обратить вниманіе князя на свое положеніе. Это положеніе человѣка опальнаго и свойственныя этому положенію чувства, естественно, должны были общему типу древняго книжника, въ какомъ является предъ нами Заточникъ, сообщить и частныя черты его личнаго характера. Какъ человѣкъ опальный, онъ опасается раздражить князя и потому высказываетъ свои чувства не прямо, а въ разныхъ стороннихъ размышленіяхъ и картинахъ. Онъ, повидимому, шутитъ и смѣется надъ своимъ положеніемъ, какъ будто хочетъ повеселить князя разными смѣшными изображеніями; но сквозь его смѣхъ и шутки слышится въ то же время горькая жалоба на жизнь и глубокая скорбь человѣка страдальца, которая часто выражается въ разныхъ сатирическихъ выходкахъ противъ разныхъ пороковъ и недостатковъ въ жизни. Это сообщило его Слову характеръ тѣхъ произведеній, которыя обыкновенно называютъ юмористическими.

Изображая свое бѣдственное положеніе, какъ человѣка опальнаго, Заточникъ сравниваетъ себя съ поблекшею травою, растущею въ таковой тѣни, что на нее ни солнце не сіяетъ, ни дождь не идетъ, и съ деревомъ при пути, которое прохожіе посѣкаютъ и бросаютъ въ огонь. Потомъ жалуется на свою бѣдность и при этомъ проводитъ такую параллель между богатымъ и бѣднымъ: „Богатый человѣкъ повсюду извѣстенъ и въ чужой землѣ имѣетъ друзей, а бѣдный и между своими *не видимо ходитъ*. Заговоритъ богатый, всѣ замолчатъ и слова его превознесутъ до облаковъ; заговоритъ бѣдный, всѣ на него закричатъ и

(1) Даниилъ называетъ князя сыномъ великаго князя Владиміра, а въ заглавіи одного списка князь называется Ярославомъ Владиміровичемъ. Предполагаютъ, что это былъ Ярославъ, сынъ Владиміра Мстиславича, внука Владиміра Мономаха, княжившій въ Новгородѣ съ 1182 до 1199 г.

заградятъ ему уста: чье платье богато, у того и рѣчь хороша. *Княже мой, господине мой! избави мя отъ нищеты сея, яко серну отъ тенета, яко птицу отъ кляпцы (отъ силонъ)*“. Изобразивъ свое бѣдственное состояніе, Даніилъ просить князя, чтобы онъ, веселясь многими брашнами и пія сладкое вино и покоясь на мягкой постели, подъ собольими одѣялами, вспомнилъ, что онъ, Даніилъ, въ это время ѣсть сухой хлѣбъ, пьетъ теплую воду и умираетъ отъ холода. Потомъ слѣдуетъ нѣсколько параллелей между щедрымъ и скупымъ княземъ, мудрымъ и безумнымъ мужемъ, хорошими и дурными совѣтниками князя и доброю и злою женою. Вотъ параллель между щедрымъ и скупымъ княземъ: „Князь щедрый—отецъ всѣмъ. Кто служитъ доброму господину, дослужится свободы, а кто служитъ злему господину, дослужится большей работы. Князь щедрый, какъ рѣка безъ береговъ, протекающая по дубравѣ, напоющая не только людей, но и скотовъ и звѣрей, а князь скупой, какъ рѣка, имѣющая высой каменный берегъ; нельзя ни напиться, ни коня напоить“. При этомъ употреблены очень рѣзкія выраженія о *тиунъ* и чиновникахъ князя: „не имѣй двора около княжескаго двора, не держи села около княжескаго села; ибо *тиунъ* князя, какъ огонь, *трепетицею накладенъ* (на зажженной тряпицѣ), а *рядовичи* (чиновники) его, какъ искры. Если убережешься отъ огня, то не можешь уберечь своей одежды отъ искры“. Затѣмъ слѣдуетъ параллель между умнымъ и глупымъ: „станешь посылать умнаго, не много говори ему; а пошлешь глупаго, и самъ не лѣнись итти вслѣдъ за нимъ... Лучше слушать споръ умныхъ, нежели наставленіе глупыхъ... Не сѣй на бороздахъ жита, а мудрости на сердцѣ безумныхъ: *безумныхъ не орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, а сами ся рожаютъ* (родятся). Какъ въ худой мѣхъ воду лить, такъ и глупаго учить; мертваго не разсмѣшить, а безумнаго не научить“. Далѣе замѣчательно изображеніе добрыхъ и дурныхъ совѣтниковъ князя: „княже мой, господине! не море топить корабли, а вѣтры, и не огонь разжигаетъ желѣзо, но *надыманіе* мѣховъ; такъ и князь не самъ впадаетъ во многія вещи злыя, но *думы* (совѣтники) *вводятъ*. *Съ добрымъ думцею князь високаго стола додумается* (достигнетъ большаго владычія), *а съ лхимъ (дурнымъ) думцею думаетъ, и малаго стола мишенъ будетъ*“. Отсюда до конца Слова продолжается самая рѣзкая сатира на злыхъ женъ: „лучше вола ввести въ домъ, нежели взять за себя злую жену; волъ не *молвитъ* и не мыслить зла, а злая жена бѣема бѣсится, а кротима высится, въ богатствѣ гордится, а въ убожествѣ (бѣдности) другихъ осуждаетъ. Что есть злая жена? мірской мятель, ослѣпленіе ума, начальница всякой злобы... поборница грѣха, засада спасенія. Добрая жена вѣнецъ мужу своему и безпечаліе, а злая

жена печаль лютая и погибель дому. Червь дерево точить, а злая жена домъ мужа своего расточаетъ. Лучше въ худой ладѣ по водѣ плыть, нежели злой женѣ тайны повѣдать. Лучше долотить камень и варить желѣзо, нежели злую жену учить: желѣзо уваришь, а злой жены не научишь; ибо злая жена ни ученія не слушаетъ, ни Бога не боится, ни людей не стыдится, но все укоряетъ и все осуждаетъ... У одного человѣка умерла злая жена, а онъ, по смерти ея, началъ дѣтей продавать; люди сказали ему: „зачѣмъ продаешь дѣтей?“ Онъ отвѣчалъ: „если они уродились въ мать, то, выросши, меня продадутъ“. Таковой мрачный типъ злой жены списанъ Заточникомъ, конечно, не съ русской женщины тогдашняго, хотя не образованнаго, но еще молодого русскаго общества, а съ разныхъ восточныхъ сказаній (повѣсти о Соломонѣ) и съ греческихъ поученій о женахъ, въ которыхъ изображается испорченная византійская женщина и которыя начали распространяться въ нашей письменности, съ самаго ея начала.

Слово Данила Заточника пользовалось большою извѣстностью въ древнія времена. Въ XIII в. оно было даже передѣлано. Эта передѣлка помѣщена въ одномъ спискѣ Пчелы XV в., подъ заглавиемъ: *Даниила Заточника моленіе къ своему князю, Ярославу Всеволодовичу*. Изъ Моленія не видно, былъ ли авторъ, подобно Данилу, въ заточеніи или просто былъ въ немилости у князя и приноровилъ къ своему положенію Слово Данила Заточника; равнымъ образомъ нельзя сказать, точно ли онъ также носилъ имя Данила, или Моленіе названо Давиловымъ только потому, что оно составляетъ подражаніе слову Данила. Все главное содержаніе Моленія взято изъ Слова Данила Заточника, на котораго авторъ и ссылается въ одномъ мѣстѣ. Но кромѣ мѣстъ заимствованныхъ есть и мѣста оригинальныя, принадлежащія самому передѣльвателю. Между ними особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто о рабскомъ состояніи: „княже, господине мой, былъ я въ великой нуждѣ; подъ работнымъ яромъ пострадалъ, испыталъ все это зло. Лучше было бы мнѣ видѣть свои ноги въ лыжахъ, да въ дому твоёмъ, чѣмъ въ красныхъ сапогахъ, да на боярскомъ дворѣ... часто работный хлѣбъ у меня, какъ полынъ въ устахъ, а питье свое растворяю плачемъ. Доброму господину служба, дослужишься свободы, а злому мужу служба, дослужишься большаго рабства. Не холопъ въ холопахъ, кто у холопа работаетъ“. Основываясь на этомъ сильномъ негодованіи противъ холопскаго состоянія, думаютъ, что авторъ самъ находился въ такомъ же состояніи при дворѣ какого-нибудь боярина.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЛОВЕСНОСТИ XIII В.

Между образованными лицами первой половины XIII в., т. е. до начала монгольскаго ига (1243), по лѣтописямъ извѣстны: Кирилль I, митр. Кіевскій (1223—1233), Кирилль, еп. Ростовскій (1231—1262), Симеонъ, еп. Тверскій († 1289), Авраамій, игумень Смоленскій († 1221), Симонъ, еп. Владимірскій (1214—1226) и Печерскій инокъ Поликарпъ; но о сочиненіяхъ этихъ лицъ, кромѣ Симона и Поликарпа, нельзя связать ничего опредѣленнаго.

Посланія св. Симона, еп. Владимірскаго, и инона Поликарпа. Какъ Симонъ, такъ и Поликарпъ были воспитанниками Кіевопечерской обители. Десять лѣтъ (1215—1226) Симонъ былъ епископомъ Владимірскимъ и заслужилъ названіе пастыря *книжнаго и учительнаго*. Онъ него дошло до насъ посланіе къ Поликарпу. Поликарпъ былъ инокъ молодой и даровитый, но честолюбивый. Ему тяжело казалось жить въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, и онъ два раза уходилъ изъ него въ другіе монастыри; онъ не хотѣлъ подчиняться архим. Акиндину. Желая уврачевать честолюбіе Поликарпа, Симонъ написалъ къ нему посланіе, въ которомъ убѣждаетъ его смиренно подвизаться въ Печерской обители. Для этого онъ сначала объясняетъ характеръ истинной иноческой жизни и высокое значеніе Печерской обители, а потомъ представляетъ и примѣры подвижничества изъ жизни святыхъ этой обители. Поликарпъ остался жить въ монастырѣ простымъ инокомъ и не только помирился съ Акиндиномъ, но даже, по его порученію, занялся описаніемъ жизни тѣхъ Печерскихъ отцевъ, о которыхъ не успѣлъ написать Симонъ. Это описаніе и составляетъ содержаніе посланія Поликарпа къ Акиндину. Въ немъ Поликарпъ, на основаніи того, что слышалъ отъ Симона и другихъ людей, излагаетъ 12 поучительныхъ разсказовъ о 13 Печерскихъ подвижникахъ.

Посланія Симона и Поликарпа послужили основаніемъ для печерскаго патерика, который былъ первымъ сборникомъ житій русскихъ святыхъ. Къ посланіямъ Симона и Поликарпа впоследствии присоединено въ патерикѣ нѣсколько другихъ сказаній: сказаніе о началѣ Печерскаго монастыря и о преп. Антоніи изъ лѣтописи Нестора, житіе пр. Θεодосія, составленное Несторомъ, сказанія о первыхъ временахъ русской церкви, о крещеніи славянъ вообще и о переводѣ св. Писанія на славянскій языкъ и др.

Въ первой половинѣ XIII в. (въ 1243 г.) Россія подверглась татарскому игу, которое продолжалось болѣе двухсотъ лѣтъ.

Татарское иго было страшнымъ несчастіемъ для Россіи. Кромѣ внѣшнихъ бѣдствій—опустошенія сель, городовъ и цѣлыхъ областей, разоренія народа тяжелыми данями и постоянными поборами, оно отозвалось разными гибельными послѣдствіями и во внутренней жизни народа. Оно остановило развитіе государственной жизни, еще не успѣвшей сложиться и окрѣпнуть. Князья должны были всѣ заботы употреблять только на защиту своихъ областей отъ татарскихъ хановъ и ихъ баскаковъ. Какъ они, такъ и епископы должны были ѣздить въ Орду, кланяться ханамъ и терпѣть разныя униженія. Это рабство унизило духъ народный и развило грубый деспотизмъ въ высшихъ и рабскую покорность въ низшихъ сословіяхъ. Но особенно татарское иго надолго задержало христіанское просвѣщеніе Россіи, усилило невѣжество и укоренило грубыя суевѣрія и пороки. Въ то время, когда нужно было заботиться о сохраненіи жизни и имущества, трудно было заводить училища и думать о просвѣщеніи; во время татарскихъ нашествій гибли памятники и прежней письменности. Пастыри церкви старались, по возможности, ослабить эти бѣдствія татарскаго ига, одни—исправляя разныя нестроенія въ церковной жизни, возникшія вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ, другіе—самыми бѣдствіями поучая и возбуждая народъ къ нравственному исправленію. Въ ряду послѣднихъ замѣчательнъ Серапіонъ, епископъ Владимірскій.

Поученія св. Серапіона, еп. Владимірскаго. Серапіонъ былъ игуменомъ Киевопечерскаго монастыря; въ 1274 г. былъ поставленъ въ епископа Владимірскаго, а въ слѣдующемъ 1275 г. скончался. Намъ извѣстны пока только пять поученій Серапіона, которыя были написаны имъ, вѣроятно, во время епископства во Владимірѣ (1).

Почти сорокъ лѣтъ уже прошло послѣ того, какъ иго татарскаго владычества отяготѣло надъ Россією (1237—1274). Нашествіе татаръ сопровождали: разореніе городовъ, убійства и грабежи, пожары и опустошенія всякаго рода; за нимъ слѣдовали: тяжкіе налоги, притѣсненія и порабощенія. При такихъ обстоятельствахъ проповѣдывалъ Серапіонъ, и очень естественно, что его проповѣдь получила печальный тонъ. Съ глубокимъ чув-

(1) Четыре поученія Серапіона напечатаны въ Прибавл. къ Твор. св. от. 1843; пятое слово — въ Поѣздкѣ въ Кирил. - бѣл. монастырь Шевырева, ч. II, стр. 36. Въ Правосл. Собес. 1858 г. напечатаны еще два поученія подъ именемъ Серапіона, еп. Владимірскаго, но приписываются ему по одной догадкѣ.

ствомъ скорби, во всѣхъ своихъ поученіяхъ, онъ указываетъ на бѣдственное состояніе страдавшей Руси, усматривая въ немъ наказаніе за грѣхи. „Сколько разъ, говоритъ онъ въ первомъ поученіи, мы видѣли солнце затмившимся, луну померкшею, видѣли перемѣны въ звѣздахъ!.... Земля, отъ начала утвержденная и неподвижная, нынѣ движется, по повелѣнію Божію, колеблется отъ грѣховъ нашихъ, не можетъ носить нашихъ беззаконій. Мы не послушали Евангелія, не послушали апостоловъ, не послушали пророковъ, не послушали великихъ свѣтилъ, т. е. Василя, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и другихъ святыхъ святителей... Вотъ и наказываетъ насъ за сіе Богъ знаменіями, землетрясеніемъ, бывшимъ по Его повелѣнію. Не говоритъ устами, но наказываетъ на дѣлѣ... нынѣ потрясаетъ и колеблетъ землю, хочетъ страсти съ земли беззаконія и грѣхи многіе, какъ листья съ дерева... Но что потомъ было у насъ? не гладъ ли? не моръ ли неоднократный? не частыя ли войны? Однакожь, мы не покаались, пока пришелъ на насъ, по Божію попущенію, народъ немилостивый, опустошилъ нашу землю, плѣнилъ города наши, разорилъ святыя церкви, избилъ отцевъ и братій нашихъ, поругался надъ нашими матерями и сестрами“. Послѣ этого Серапіонъ убѣждаетъ слушателей обратиться къ Богу съ покаяніемъ и отстать отъ своихъ грѣховъ.

Второе поученіе также проникнуто чувствомъ глубокой скорби о бѣдствіяхъ и грѣхахъ народа. „Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ скорблю я, грѣшный отецъ вашъ, видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными. Многократно бесѣдовалъ я съ вами, но не вижу въ васъ никакой перемѣны... Всегда сѣю я на нивѣ сердце вашихъ сѣмя божественное, но никогда не вижу, чтобы оно прозябло и принесло плодъ.... Чего мы не навлекли на себя? Какихъ не понесли мы наказаній отъ Бога? Не была ли плѣнена земля наша? Не были ли взяты города наши? Не въ короткое ли время отцы и братья ваши пали мертвы на землѣ? Не отведены ли въ плѣнъ жены и дѣти? А мы, оставшіеся, не поработены ли были горькимъ рабствомъ отъ иноплемениковъ? Вотъ уже сорокъ почти лѣтъ продолжается томленіе и мука, и тяжкіе налоги не прекращаются, также голодъ и моръ скота нашего. Мы и хлѣба не можемъ ѣсть въ сладость. Отъ въздыханія и печали сохнутъ кости наши. Что же довело насъ до этого? Наши беззаконія и наши грѣхи, наше непослушаніе, наша нераскаянность“.—И Серапіонъ снова убѣждаетъ слушателей къ покаянію и исправленію.

Въ третьемъ поученіи Серапіона содержится превосходная картина татарскаго нашествія. „Мы ни въ чемъ, говоритъ Серапіонъ, не оказывались лучшими. Тогда Господь навелъ на насъ

народъ немилостивый, народъ лютый, народъ, не щадящій ни юной красоты, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей; ибо мы подвигли на себя ярость Бога нашего.... Разрушены Божія церкви, осквернены священные сосуды, поправа святыня, святители сдѣлались добычею меча; тѣла преподобныхъ иноковъ брошены въ пашу птицамъ; кровь отцевъ и братьевъ нашихъ, какъ вода многа, напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей, военачальниковъ; храбрые наши бѣжали, исполненные страха; а еще болѣе братьевъ и чадъ нашихъ отведено въ плѣнъ. Поля наши поросли травою, и величїе наше смирилось, красота наша погибла, богатство наше досталось въ удѣлъ другимъ, труды наши достались невѣрнымъ. Земля наша стала достоянїемъ иноплемениковъ, мы сдѣлались предметомъ поношенїя для сосѣдей нашихъ, посмѣшищемъ для враговъ нашихъ. Ибо свели мы на себя гнѣвъ Господа, какъ дождь на небеса, подвигли на себя ярость Его, отвратили отъ себя великую Его милость и довели себя до того, что на насъ смотрятъ съ сожалѣнїемъ. Нѣтъ наказанїя, которое бы не постигло насъ“.

Четвертое поученїе было сказано Серапиономъ по особенному случаю. Необразованный и суевѣрный народъ вообразилъ, что голодъ, нѣсколько лѣтъ постигавшїй его, происходитъ отъ наговоровъ волшебниковъ и волшебницъ и началъ сожигать или бросать ихъ въ воду, чтобы испытать, виновны они, или нѣтъ, предположивъ, что если они станутъ тонуть, то невинны, а если поплывутъ, то волшебники. Всею силою своего слова возсталъ просвѣщенный пастырь противъ такого грубаго суевѣрїя и своеволя народа. „Я думалъ, говоритъ онъ, вы уже утвердились и съ радостїю принимаете божественное писанїе... Между тѣмъ вы еще держитесь языческихъ обычаевъ, вѣрите волхвованїю и сожигаете невинныхъ людей, и дѣлаете виновными въ убійствѣ все общество и весь городъ... Изъ какихъ книгъ или какого писанїя узнали вы, что отъ волхвованїя бываетъ голодъ на землѣ, и опять—волхвованїемъ умножается хлѣбъ? Если сему вѣрите, то почему сожигаете волхвовъ? Вы молитесь и почитайте ихъ, приносите имъ дары, если они благоустроятъ мїръ, пускаютъ дождь, наводятъ теплую погоду, повелѣваютъ землѣ приносить плоды. Вотъ нынѣ, по три года, не родится хлѣбъ, не только на Руси, но и въ землѣ латинской: волхвы ли это сдѣлали? Не Богъ ли устроитъ свою тварь, какъ хочетъ, называя насъ за грѣхи? Я знаю изъ божественнаго Писанїя, что чародѣи и чародѣйцы дѣйствуютъ чрезъ бѣсовъ на людей.... но только на тѣхъ, которые имъ вѣруютъ: потому что бѣсы дѣйствуютъ только по поущенїю Божїю, а Богъ поущаетъ имъ дѣйствовать только на тѣхъ, которые боятся ихъ. Но кто твердо

вѣруеть въ Бога, надъ тѣмъ чародѣи не имѣють силы. Скорблю я о вашемъ безуміи. Умоляю васъ, оставьте дѣла азычскія.. Божественныя правила повелѣвають осуждать человѣка, по свидѣтельству многихъ. А вы поставляете въ свидѣтели воду и говорите: если станетъ тонуть, то невинна; а если поплыветь, то волшебница. Не можетъ ли дѣволъ, видя ваше маловѣріе, поддержать человѣка на водѣ, чтобы онъ не потонулъ, и тѣмъ вовлечь васъ въ душегубство? Потому что вы, оставивъ свидѣтельство богоподобнаго человѣка, обратились къ бездушному веществу — къ водѣ и, принявъ такое свидѣтельство, прогнѣваете Бога“.

Въ пятомъ поученіи „о маловѣрїи“ Серапіонъ возстаеть противъ другого суевѣрїя народа. Народъ запрещалъ погребать удавленниковъ и утопленниковъ, и выгребалъ ихъ, приписывая имъ несчастія, постигавшія землю. „Это ли ваше покаянїе? говоритъ Серапіонъ. Тѣмъ ли Бога умилостивите, чтобы утопшаго, или удавленника выгрести? Тѣмъ ли Божію казнь хотите утишить? Лучше, братія, перестанемъ отъ зла; отступимъ отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ: разбоя, грабительства, пьянства, прелюбодѣйства, скупости, лихвы, обиды, воровства... лжи, клеветы, рѣзонманїа. Я грѣшный всегда учу васъ, дѣти: велю вамъ каяться, вы же не перестали отъ злыхъ дѣлъ. А если какая на насъ казнь отъ Бога придетъ, то мы еще болѣе Его прогнѣваемъ, дѣлая извѣты: того ради ведро, сего ради дождь, того ради жито не родится,—и бываете строители Божіей твари, а о безуміи своемъ не скорбите“. Обличаемое здѣсь суевѣріе, по которому переимѣны въ воздухъ и вредныя явленія въ природѣ приписывались погребенію утопленниковъ и удавленниковъ, существовало въ народѣ и послѣ Серапіона. Въ XVI в. писалъ противъ него Максимъ Грекъ.

Всѣ поученія Серапіона отличаются особенною простотою и задушевностію и глубокою любовію къ поучаемымъ.

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ ОБРАЗОВАНІЯ И СЛОВЕСНОСТИ ВЪ XIV—XVI В.

До нашествїа татаръ книжное образованіе сосредоточивалось, главнымъ образомъ, въ Кіевѣ и Новгородѣ; послѣ же опустошенія Кіева и кїевской Руси оно стало появляться на сѣверовостокѣ въ разныхъ областяхъ. Кромѣ Новгорода и Пскова, слѣды книжной дѣятельности мы встрѣчаемъ во Владимірѣ, Ростовѣ, Муромѣ, Ярославлѣ, Твери и Рязани. Но съ тѣхъ поръ, какъ русская митрополїа была перенесена изъ Владиміра въ

Москву, Москва становится главнымъ центромъ сначала государственной жизни, а потомъ и книжнаго просвѣщенія. Значеніе Москвы особенно усилилось послѣ паденія Константинополя, когда она въ глазахъ русскихъ людей стала столицею православія на мѣсто древняго Царьграда. Историческія обстоятельства XIV—XV в. особенно способствовали развитію иноческой жизни и умноженію монастырей, такъ что въ XIV в. ихъ насчитывается до 80-ти, а въ XV в. до 70-ти. Бѣдствія татарскаго ига, раздоры князей, моровая язва, разныя другія нестроенія въ общественной и частной жизни и, наконецъ, мысль о близкой кончинѣ міра, сдѣлавшаяся съ начала XV в. господствующею мыслию, побуждала многихъ людей удалиться въ монастыри, которые постоянно умножались; ихъ строили князья и бояре, епископы и частные люди. Мы видѣли, что монастырь съ самаго начала у насъ сдѣлался образцомъ христіанской общины, и монашеская жизнь противопоставалась жизни мірской. Бывшій идеаломъ христіанской жизни и въ прежнее время, монастырь теперь сдѣлался необходимымъ убѣжищемъ отъ всякихъ физическихъ бѣдствій и нравственныхъ страданій, пріютомъ для бѣдныхъ и несчастныхъ всякаго рода. Во время голода монастыри кормили народъ, который сходился къ нимъ толпами; въ то же время они питали его и духовно. Приходившіе въ монастырь міряне слышали здѣсь рассказы о жизни святыхъ и благочестивыхъ наставленія подвижниковъ, и, слушая ихъ, сами проникались иноческимъ духомъ, усваивали себѣ монашескіе взгляды на міръ и переносили въ жизнь даже нѣкоторые монастырскіе обычаи и правила. Такимъ путемъ, между прочимъ, образовался тотъ аскетическій характеръ, какимъ еще до сихъ поръ отличаются религіозныя понятія нашего народа. вмѣстѣ съ тѣмъ монастыри сдѣлались орудіемъ для заселенія и христіанскаго просвѣщенія пустынныхъ до того времени мѣстностей. Скитъ отшельника, поселившася въ дикомъ и уединенномъ мѣстѣ, скоро превращался въ многолюдную пустынь или монастырь, который привлекалъ къ себѣ множество людей; изъ этого монастыря потомъ выходили иноки для основанія другихъ монастырей въ другія отдаленныя мѣста. Наконецъ, монастыри же и пустыни сдѣлались прибѣжищемъ для грамотности и книжнаго просвѣщенія. Здѣсь занимались списываніемъ книгъ, продолжали вести лѣтописи, списывали житія святыхъ, отеческія писанія и составляли разные сборники. Изъ всѣхъ обителей особенно возвысилась обитель пр. Сергія Радонежскаго, которая для Сѣверо-Восточной Руси въ московскій періодъ имѣла такое же важное значеніе, какое для Южной Руси имѣла обитель Киевопечерская. Послѣ нея славились обители: Бѣлозерская,

основанная въ 1390 г. пр. Кирилломъ Бѣлозерскимъ; Сорская, основанная пр. Ниломъ Сорскимъ; монастырь Волоколамскій пр. Іосифа Волоцкаго и монастырь Соловецкій пр. Зосимы и Савватія. Въ этихъ монастыряхъ сохранились для насъ обширныя бібліотеки по древней письменности; въ этихъ и другихъ монастыряхъ воспитывались и всѣ замѣчательные дѣятели въ исторіи письменности этого времени. Конечно, образованіе монастырское было очень не высоко и состояло большею частію въ простой начитанности, въ умѣннѣ читать и списывать книги; но внѣ монастырей мало было и такого образованія, даже въ кругу высшихъ сословій. Училищъ не было. Правда, въ житіяхъ и лѣтописяхъ о нѣкоторыхъ лицахъ попадаются такія замѣтки: „вданъ бываетъ родителема книгамъ учитися“; „времени же приспѣвшу, вданъ бываетъ отъ родителей своихъ на ученіе божественнымъ книгамъ“; но такія замѣтки не могутъ доказывать существованія училищъ, а указываютъ, конечно, на домашнихъ учителей или тѣхъ мастеровъ, о которыхъ говорится въ извѣстномъ посланіи Новг. арх. Геннадія и Стоглавъ: „мы-де учимся у своихъ отцовъ или мастеровъ; а индѣ-де намъ учиться негдѣ: сколько отцы наши и мастера умѣютъ, потому и насъ учать“. Посланіе Геннадія и Стоглавъ показываютъ, что въ низшемъ духовенствѣ просвѣщеніе было въ крайнемъ упадкѣ. Это, разумѣется, должно было имѣть самыя вредныя послѣдствія для религіознаго состоянія народа. Необразованные или мало образованные священники, естественно, не могли учить народъ; они совершали для него богослуженіе и исправляли требы, но не могли объяснять ихъ смысла и значенія. Питаемые одними непонимаемыми обрядами, вѣра и благочестіе народа неизбѣжно должны были получить тотъ чисто наружный обрядовый характеръ, при которомъ уживались въ народѣ самыя грубыя суевѣрія и пороки и который въ XVI в. вызвалъ сильныя обличенія со стороны просвѣщеннаго Максима Грека, а въ XVII в. самымъ опутительнымъ образомъ выразился въ расколѣ. Всѣ произведенія словесности XIV—XVI в., какъ и предыдущихъ вѣковъ, имѣютъ поучительный характеръ но примѣровъ настоящей церковной проповѣди мы встрѣчаемъ очень мало. Преобладающую форму словесности этого времени составляютъ такъ называемыя посланія. Въ формѣ посланія выражалось все: церковное правило для руководства духовенства, наставленіе въ истинахъ вѣры и дѣятельности народу, опроверженіе еретическихъ заблужденій и совѣты по разнымъ случаямъ князьямъ и боярамъ. За посланіями слѣдуютъ лѣтописи, разныя повѣсти и сказанія, путешествія и житія святыхъ. Умноженіе монастырей произвело множество описаній житій

святыхъ и сказаній объ основаніи монастырей и пустынь. Наконецъ съ XIV в. начали появляться разныя ереси, каковы были въ XIV в. ересь стригольниковъ, въ XV в. ересь жидовствующихъ, въ XVI в. ереси Бакшина и Косого. Противъ этихъ ересей явились въ литературѣ полемическія сочиненія.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЛОВЕСНОСТИ XIV В.

Въ исторіи книжнаго просвѣщенія и словесности XIV в. извѣстны: митр. св. *Петръ, Алексій и Кипріанъ и пр. Кириллъ, игуменъ Бѣлозерскій.*

Сочиненія митр. Кипріана (1376—1406). Съ именемъ митр. Кипріана (родомъ серба) обыкновенно соединяется мысль о вліяніи на нашу словесность сербской письменности. Кипріанъ, дѣйствительно, перенесъ въ Россію много рукописей изъ Сербіи, которая тогда (1389 г.) потеряла свою самостоятельность и подверглась турецкому игу. Кромѣ того, живя въ Константинополѣ, въ обители Студійской, онъ занимался переводомъ и списываніемъ книгъ. Лѣтописи представляютъ Кипріана *вельми книжнымъ и учительнымъ*, что доказываютъ и его сочиненія: разныя посланія, житіе св. Петра и прощальная грамота. Посланія написаны къ разнымъ лицамъ и по разнымъ случаямъ, они касаются разныхъ вопросовъ относительно устройства церкви и духовенства и рѣшаютъ разныя недоумѣнія и вопросы того времени, каковы между прочимъ вопросы о кончинѣ міра и о монастырскихъ имѣніяхъ.

Посланіе пр. Кирилла Бѣлозерскаго. Пр. Кириллъ, основатель и игуменъ Бѣлозерской обители, былъ весьма просвѣщенный человекъ. Любознательность его не ограничивалась только духовными книгами; въ одной изъ книгъ (книга правилъ), писанныхъ его собственною рукою, мы встрѣчаемъ выписки изъ физики Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ устройствѣ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ и о моряхъ. Любовь Кирилла къ книжному просвѣщенію стала священнымъ преданіемъ для иноковъ его обители, а написанныя имъ книги послужили основою богатой бібліотеки этой обители. Изъ оригинальныхъ сочиненій Кирилла извѣстны три посланія, написанныя къ сыновьямъ Димитрія Донскаго (Василію, Андрею и Димитрію). Они служатъ памятникомъ того нравственнаго вліянія, какое древніе наши просвѣщенные иноки изъ монастырей простирали на князей и народъ, подавая разные совѣты

и наставленія, какъ вообще для жизни, такъ особенно въ какихъ-нибудь важныхъ случаяхъ.

Путешествія XIV в. Отъ XIV в. дошли до насъ путешествія въ Царьградъ и Іерусалимъ новгородца Стефана, смоленскаго діакона Игнатія и дьяка Александра. Новгородскій инокъ Стефанъ въ 1350 г. ходилъ въ Царьградъ поклониться святымъ мѣстамъ. Подобно игумену Даниилу, онъ описываетъ въ своемъ путешествіи ⁽¹⁾ священныя мѣста, соборъ св. Софіи и разныя святыни, которыя онъ видѣлъ. При этомъ онъ сообщаетъ также и тѣ преданія, которыя онъ слышалъ. Онъ всему удивляется и всему вѣритъ, что рассказывали ему провозжатые. На столпѣ Константиновомъ онъ видѣлъ сѣкиру Ноеву; въ алтарѣ одной церкви ему показывали чашу изъ бѣлаго камня, въ которой Спаситель претворилъ воду въ вино. Самое замѣчательное мѣсто въ путешествіи составляетъ рассказъ Стефана о нечаянной встрѣчѣ его въ Царьградѣ съ двумя земляками новгородцами, Иваномъ и Добридой, которыхъ на родинѣ считали уже давно погибшими. Оказалось, что эти новгородцы жили въ цареградскомъ Студійскомъ монастырѣ и занимались списываніемъ книгъ для Россіи. Изъ этого монастыря, замѣчаетъ Стефанъ, много книгъ посылали на Русь.

Историческія сказанія или повѣсти. Бѣдствія татарскаго ига, рѣзко отразившіяся въ народныхъ былинахъ и пѣсняхъ, гдѣ татары служатъ вообще образомъ страшной, вражеской силы, сдѣлались предметомъ и произведеній книжной словесности. — Еще съ XIII в. въ книжной словесности начинается рядъ полусторическихъ, полупоэтическихъ повѣстей или сказаній, предметомъ которыхъ служитъ описаніе замѣчательныхъ историческихъ лицъ и событій. Таковы, напр.: „*Повѣсть о житіи и храбрости Александра Невскаго*“, изображающая побѣду Александра надъ шведами; „*Сказаніе о благовѣрномъ князѣ Довмонтѣ*“, гдѣ описывается борьба Новгорода и Пскова съ ливонскими нѣмцами и Литвою; „*Рукописаніе Магнуса, короля Свейскаго*“, изображающая также борьбу Новгорода съ шведами при шведскомъ королѣ, Магнусѣ Эрихсонѣ. Но главнымъ центромъ этихъ сказаній служатъ событія татарскаго ига, борьба съ татарами и особенно знаменитая Куликовская битва. Къ этимъ сказаніямъ относятся: „*Сказаніе о нашествіи Батые на Русскую землю*“; „*Убіеніе князя*

(1) Напечат. въ Сказ. Сах., том. II.

Михаила Черниговскаго и боярина его Теодора въ ордѣ отъ царя Батыя“; „Убіеніе князя Михаила Тверскаго въ ордѣ отъ царя Озбьяка (Узбека)“; „О взятіи и раззореніи Москвы Тохтамышемъ“; „Повѣсть о спасеніи Москвы отъ Тамерлана“; „Повѣсть о побойщѣ Витовта съ царемъ Темиръ-Кутлуемъ“; „Сказаніе о Мамаевомъ побойщѣ“⁽¹⁾; „Задонщина, или слово о великомъ князѣ Димитріи Ивановичѣ и братъ его, князь Владиміръ Андреевичѣ“; „Слово о житіи и преставленіи Димитрія Донскаго“.

Эти повѣсти или сказанія называются *украшенными*, потому что историческое событіе въ нихъ обстановлено вымышленными подробностями и передается риторически-украшеннымъ языкомъ, *умильными*, потому что трогательное ихъ содержаніе возбуждаетъ чувство жадости и умиленія. Они составляютъ особый родъ эпоса историческаго, отличнаго отъ настоящихъ эпическихъ произведеній, каковы народныя былины и Слово о полку Игоревѣ. Какъ произведенія книжной словесности, они проникнуты тѣмъ направленіемъ и являются съ тѣми чертами, какими отличается вообще книжная духовная словесность. Событіе въ былинѣ представляется подвигомъ силы и мужества богатыря; въ сказаніи событіе освѣщается религіознымъ свѣтомъ: подвигъ совершается съ помощію небесной силы. Идеаль героя въ сказаніи также отличенъ отъ идеала богатыря въ былинѣ. Въ богатырѣ былинѣ всего рѣзче выражается физическая сила: еще въ дѣтствѣ кого схватить богатырь за ногу, у того нога прочь, кого за голову, у того голова долой. Въ героѣ сказанія съ малыхъ лѣтъ развивается сила духовная, которая потомъ и доставляетъ ему побѣду надъ врагами. Богатыри былинѣ постоянно похваляются своею силою и храбростію; герой сказанія отличается глубокимъ смиреніемъ: въ Сказаніи о Мамаевомъ побойщѣ Димитрій Донской самое нашествіе Мамаю на Россію считаетъ наказаніемъ Божиимъ за свои грѣхи. Въ другихъ сказаніяхъ прославляется благочестіе, цѣломудріе и воздержаніе героевъ: это тѣ самыя качества, которыя прославляются и въ произведеніяхъ книжной духовной словесности. Образцами при изображеніи героя сказанія служили лица священной исторіи. Лицо Александра Невскаго, по словамъ повѣсти, было *яко Госифа прекраснаго, сила его—вторая часть отъ силъ Сампсона, а мудрость ему Богъ далъ Соломонову*. Иногда, впрочемъ, брали образы и изъ гражданской—греческой и римской исторіи. Такъ, тотъ же князь Александръ Невскій сравнивается съ Александромъ Македонскимъ, *подобникомъ Ахиллеса*, и императоромъ Веспасіаномъ; Димитрій Донской уподобляется грече-

⁽¹⁾ Напечатано въ Сказ. р. н. Сахар., т. I.

скому царю Константину и русскому князю Владиміру. При такомъ складѣ, въ сказаніяхъ страдаетъ историческая истина; частныя черты историческихъ дѣятелей пропадаютъ въ тѣхъ общихъ образцахъ, съ которыми они сравниваются или сопоставляются; но въ нихъ зато ярко отражается общій складъ и идеальное настроеніе эпохи, указываются тѣ идеалы, которые занимали умъ, чувство и воображеніе современниковъ.

Изъ всѣхъ сказаній заслуживаетъ вниманія „Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ“, которое въ одномъ спискѣ приписывается рязанскому іерею Софронію, а въ лѣтописи и въ Задонщинѣ авторъ его называется рязанцемъ Софоніемъ. Софроній или Софонія имѣлъ подъ руками Слово о полку Игоревѣ и во многомъ подражалъ ему при составленіи своего сказанія.—Сказаніе начинается обращеніемъ къ какому-то Урану: „Се повѣдай, Уранъ, како случися на Дону православнымъ христіаномъ съ безбожными татари“... Далѣе слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ „Божіимъ пощупеніемъ, отъ наученія діавола, Мамай задумалъ плѣнить Русскую землю и раззорить христіанскую вѣру“. Собравъ всѣ свои силы, онъ переправился черезъ Волгу и сказалъ своимъ улусникамъ: „да ни единъ изъ васъ пашетъ хлѣба, будьте готовы на Русскую землю, на хлѣбъ“. Узнавъ объ этомъ движеніи Мамай, врагъ Московскаго князя Дмитрія, Олегъ, князь Рязанскій, написалъ *ярлыкъ* къ Мамаю, въ которомъ предлагалъ ему свою помощь; онъ расположилъ сдѣлать то же самое и литовскаго князя, Ольгерда. Но Мамай гордо принялъ пословъ Олега и Ольгерда и велѣлъ сказать имъ, что чужая помощь ему не нужна, что онъ, если бы захотѣлъ, одинъ своею силою могъ бы завоевать и древній Іерусалимъ. Въ противоположность этой гордости и самонадѣянности Мамай, въ Дмитріи Сказаніе восхваляетъ кротость и смиреніе, при которыхъ онъ самое нашествіе Мамай на Русскую землю считаетъ наказаніемъ Божіимъ за свои грѣхи. Отправивъ посла въ Боровскъ, къ брату своему, Владиміру Андреевичу, Дмитрій самъ пошелъ къ митроп. Кипріану. Кипріанъ посовѣтовалъ Дмитрію утолить гнѣвъ Мамай золотомъ; но посланный съ дарами на пути узналъ о переходѣ на сторону Мамай Ольгерда и возвратился назадъ. Тогда Кипріанъ благословилъ Дмитрія на битву съ Мамаемъ. Далѣе описывается сборъ князей въ Москву и приготовленіе войска; описаніе это походитъ на описаніе сбора Игоря въ походъ въ Словѣ о полку Игоревѣ. Приготовившись къ походу, Дмитрій отправляется въ Троицкую пустынь, къ великому подвижнику Сергію, который, благословивъ его, далъ ему въ оруженосцы двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослабу. Потомъ, помолившись у гроба св. Петра и поклонившись, въ Михайловскомъ соборѣ, гробамъ православныхъ князей, своихъ предковъ, онъ вы-

ступается въ походъ. Описаніе выступленія въ походъ и изображеніе войска Дмитрія составлены по подражанію Слову о п. И.: „князь же великій, Дмитрій Ивановичъ, вступи въ златокованное стремя и сѣде на своего любовнаго коня.... а солнце со восхода свѣтитъ въ путь его и вѣтрець тихъ и теплъ по нихъ вѣть.... „Братія моя милая, говоритъ Дмитрій князю Владиміру Андреевичу и другимъ князьямъ, не пощадимъ живота своего за вѣру христіанскую и за святыя церкви, за землю Русскую!“ „Господине князь Дмитрій Ивановичъ, отвѣчаетъ ему Владиміръ Андреевичъ, воеводы у насъ вельми крѣпки, а русскіе удалцы свѣдоми (искусны), имѣють подь собой борзы кони, а доспѣхи имѣють вельми тверды... щиты червленныя, копыя злаченныя, сабли булатныя, а дороги имъ вельми свѣдомы (извѣстны), берези (берега) имъ по Оцѣ (по Окѣ) изготовлены, хотять головы своя сложити за вѣру христіанскую и за твою обиду государя великаго князя“. Затѣмъ слѣдуетъ прощальный плачь супруги Дмитрія, княгини Евдокии, который составленъ авторомъ, очевидно, также по подражанію плача Ярославны въ Словѣ о п. И., хотя онъ нисколько не походитъ на него ни по чувству, ни по выраженію. Вздохнувъ печально и ударивъ въ грудь руками, княгиня говоритъ: „Господи Боже великій! призри на мя смиренную, сподоби мя еще государя своего видѣти.... Дай же, Господи, ему помощь отъ крѣпкія руки твоея, да побѣдитъ противныя своя... Не сотвори, Господи, якоже за мало лѣтъ брань была на рѣцѣ на Калкѣ христіаномъ съ татари отъ злаго Батыя. Отъ таковыя же бѣды нынѣ, Господи, спаси и помилуй! Не дай же, Господи, нынѣ погибнути оставшему христіанству.... Азъ же унылая имѣю двѣ отрасли, князя Василья да Юрья, но еще и тѣ мали суть.... Возврати имъ, Господи, отца ихъ по здорову!“.... Затѣмъ, изображая походъ, авторъ, опять подражая Слову о п. И., говоритъ: „русскіе сынове успѣшно грядуть, ази медвяны чаши пити и стеблевинны (винограду) ясти. Но не медвяны чаши пити, ни стеблевинны ясти грядуть: хотять укупити чти (чести) и славнаго имяни во вѣки земли Русской, великому князю Дмитрію Ивановичу похвалу и многимъ государемъ“. Переѣхавъ черезъ Донъ, Дмитрій началъ готовится къ битвѣ. Описаніе разныхъ предзнаменованій предъ битвой опять напоминаетъ Слово о п. И.: „за многіе же дни придоша на то мѣсто мнози волцы, по вся ноци воють непреставно: гроза бо велика есть слышати, храбримъ полкомъ сердца утверждаетъ, и мнози ворони собрашася, необычно неумолкающе грають, галицы же своею рѣчью говорятъ, и мнози орли отъ Усть-Дону приспѣша, лисицы на кости брешуть, ждучи дни грознаго, Богомъ изволеннаго, въ онъ же имать пагися множество трупа человѣческаго и кровопролитія, ази

морскимъ водамъ“. Вечеромъ, наканунѣ битвы, Димитрій осматривалъ всѣ полки и выѣхалъ на одно высокое мѣсто, съ котораго представилась ему чудная картина всего войска, готоваго въ битвѣ: образъ Спасителя, изображенный на знамени, свѣтился, какъ солнце; знамена вѣяли, какъ облака, тихо трепещущія; хоругви какъ живыя колыхались; доспѣхи русскіе, какъ воды, во всѣ вѣтры колеблются; шеломы ихъ на главахъ ихъ золотомъ украшены, какъ утренняя заря въ ведряное время. Это лучшая картина во всемъ Сказаніи. Димитрій сошелъ съ коня, палъ на колѣни противъ знамени, на которомъ сіялъ образъ Спасителя, и началъ молиться: „о Владыко, Господи Вседержителю, возри смотрѣливымъ окомъ на люди своя, иже твоею рукою сотворени суть, и внуши, Господи, гласъ молитвы моея; обрати, Господи, лице свое на нечестивыхъ съ яростію, иже злая творять рабомъ твоимъ“.—Ночью князь Димитрій и воевода Волынской выѣхали на Куликово поле брать примѣты. Волынской сошелъ съ коня, припалъ къ землѣ на правое ухо, пролежалъ долгій часъ, всталъ и опять поникъ. „Одна примѣта, сказалъ онъ князю, тебѣ на пользу, а другая скорбная; я слышалъ, какъ земля плакалась на двѣ стороны: одна плакала какъ жена о дѣтяхъ *еллинскимъ языкомъ*, а другая какъ дѣвица, играющая въ свирѣль. Будетъ побѣда на поганыхъ, но и христіанъ падеть множество“. „Да будетъ воля Господня“, сказалъ князь. Далѣе описывается самая битва. При описаніи битвы многіе образы и самыя выраженія опять взяты изъ Слова о п. И.: „Треснуша копы харалужныя (стальные), звенятъ доспѣхи злаченныя, стучатъ щиты червленныя, гремятъ мечи булатные и блистаютъ сабли...“. По окончаніи битвы Димитрія нашли израненнымъ подъ срубленной березой. Когда рассказали ему о побѣдѣ, онъ всталъ и воскликнулъ: „сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онъ“, и сѣвъ на коня, поѣхалъ осматривать поле ратнаго побоища. Разказомъ о погребеніи павшихъ воиновъ заключается Сказаніе. Въ нѣкоторыхъ спискахъ его еще прибавляется описаніе возвращенія Димитрія въ Москву, какъ побѣдителя; при этомъ княгиня Евдокія встрѣчаетъ его у Фроловскихъ воротъ, и онъ приноситъ благодарственныя молитвы во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ молился, собираясь въ походъ.

Въ Сказаніи, какъ показывается его содержаніе, есть весьма трогательныя положенія, которыя могли бы вести къ прекраснымъ поэтическимъ картинамъ; но всѣ эти положенія изображены въ Сказаніи довольно сухо; кромѣ смиренной молитвы авторъ не даетъ дѣйствующимъ лицамъ другой мысли и другого чувства; въ самомъ Димитріи изъ-за набожнаго и глубоко вѣрующаго князя нисколько не видно человѣка и героя великаго

событія. Неудачныя подражанія Слову о п. И. не только въ приемахъ, но и въ выраженіяхъ, тяжелый слогъ и испорченный языкъ производятъ непріятное впечатлѣніе. Несмотря на то, встарину Сказаніе пользовалось большимъ уваженіемъ, что доказывается множествомъ его списковъ, дошедшихъ до насъ съ разными прибавленіями.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЛОВЕЧНОСТИ XV В.

Совершенный упадокъ просвѣщенія въ духовенствѣ, жизнь духовенства и особенно положеніе монастырей, въ которые, вмѣстѣ съ ихъ умноженіемъ, вошло много недостатковъ, ереси строгольниковъ и жидовствующихъ, въ развитіи которыхъ исторія усматриваетъ тѣсную связь съ разными недостатками въ духовенствѣ и монашествѣ, составляли главные вопросы, около которыхъ преимущественно сосредоточивалась дѣятельность образованныхъ пастырей и учителей XV в. Главными между ними были: Московскій митр. Фотій, Новгородскій арх. Геннадій, игумень Волоколамскаго монастыря пр. Іосифъ и пр. Ниль Сорскій.

Св. Геннадій, архіеп. Новгородскій (1485—1504) прославился заботливостію о просвѣщеніи, собраніемъ перваго списка Библии и энергическою борьбою съ ересью жидовствующихъ. Просвѣщеніе стояло въ XV в. на такой низкой степени, что мало было даже просто грамотныхъ людей и некого было ставить на высшія церковныя должности. Геннадій обратился съ просьбою къ тогдашнему митр. Симону, чтобы онъ ходатайствовалъ предъ Іоанномъ III о заведеніи по крайней мѣрѣ самыхъ первоначальныхъ школъ грамотности для образованія духовенства. „Приведутъ ко мнѣ мужика,—писалъ онъ въ своемъ посланіи къ Симону,—и я ему велю Апостолъ дати чести, а онъ и ступить не умѣтъ; я ему велю Псалтирь дати, а онъ и по тому едва бредеть; и я его *отреку* (отгажу), а они извѣтъ творять: „земля, господине, такова, не можемъ добыти, чтобы *гораздъ грамотъ*“, ино всю землю *излалялз*, что нѣтъ челоуѣка на землѣ, кого бы избрати на поповство. Да мнѣ челоуѣкъ бьютъ: „пожалуй, господине, вели учить“; и я прикажу учить ихъ ѡтєніи, а онъ и къ слову не можетъ пристать; ты говоришь ему то, а онъ говоритъ иное. Я велю имъ учить азбуку, а они поучатся мало азбуеѣ, да просятъ прочъ и не хотятъ ее учить.... а хотя и учатся, то не отъ усердія и живутъ долго; а на меня брань бываетъ отъ ихъ *нерадѣнія, а моеи силы нѣтъ, что ми ихъ не учивз ставити*. И я для того бью челоуѣку государю, чтобы велѣлъ училища учинити, да его разумомъ и гроую, а твоимъ благословеніемъ, то дѣло исправится; а ты бы,

господинъ отецъ нашъ, государямъ нашимъ, а своимъ дѣтямъ, великимъ князьямъ, печаловался, чтобы велѣли училища учинити; а мой совѣтъ учить въ училищахъ *первое азбука граница истолкована совѣмъ, да и подтительныя слова, да Псалтыря съ слѣдованіемъ накрѣпко*; а какъ то изучать, могутъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякія книги. А то мужики невѣжи учать робять да рѣчь ему испортить, да первое изучать ему вечерню, а за это *мастеру* принести ваши да гривну денегъ, за заутреню также да и больше того, а за часы особо, да поминки (подарки) кромѣ того, что радиль отъ него. А какъ отойдетъ отъ мастера, то ничего не умѣетъ, только по книгѣ бредеть, а церковнаго устава ничего не знаетъ. А какъ государь уважетъ изучить Псалтырь съ слѣдованіемъ да и все то, что выше писано, и уважетъ, что братъ *отъ тою*, то учащимся будетъ легко, и не посмѣютъ отказываться. Да чтобы и поповъ ставленныхъ велѣлъ учить, *зинеже то нерадѣніе въ землю вошло*. И какъ услышать то учащіяся, то съ усердіемъ примуть ученіе“.

Ересь жидовствующихъ появилась сначала въ Новгородѣ. Названіе *жидовствующихъ* еретики получили какъ потому, что основателемъ ереси былъ жидъ *Схарія*, прибывшій изъ Литвы или Кіева въ Новгородъ въ 1471 г., такъ и потому, что всего рѣзче въ ней поражалъ современниковъ элементъ жидовства. Жидовствующіе отвергали таинство Пресв. Троицы, учили, что тотъ, кого свящ. книги называютъ Сыномъ Божиимъ, еще не родился, и когда родится, то назовется Сыномъ Божиимъ не по существу, а по благодати, подобно Моисею, Давиду и прочимъ пророкамъ; учили, что такъ какъ обѣщанный Мессія еще не пришелъ, то надобно во всей точности соблюдать законъ Моисеевъ. Нѣкоторые изъ еретиковъ приняли обрѣзаніе, іудейскіе обряды, іудейскій календарь и праздновали іудейскую пасху. Но еще сильнѣе выражается въ ереси другой элементъ—*раціоналистическій*. Жидовствующіе порицали св. церковь, отвергали таинства, возставали противъ ученія отеческаго и даже апостольскаго, противъ почитанія святыхъ, вѣстовъ, иконъ, мощей и другихъ священныхъ предметовъ; отвергали посты и монашество. Все это показываетъ, что ересь жидовствующихъ заключала въ себѣ смѣсь разныхъ заблужденій, взятыхъ изъ разныхъ ересей. Бромѣ того, жидовствующіе особенно уважали астрологию и математическія науки; у нихъ былъ *Шестокрыль* (астрономическія таблицы), по которому они предсказывали разныя небесныя явленія; самъ Схарія, по словамъ Іосифа Волоцкаго, былъ наученъ *„всякому изобрѣтенію, чернокнижью, чародѣйству, звѣдозаконію и астрологій“*.

Когда узналъ Геннадій о распространеніи ереси въ Новгородѣ, немедленно сдѣлалъ розыскъ, или слѣдствіе, въ которомъ, объясняя вредъ ереси, просилъ немедленно принять противъ нея мѣры и требовалъ казни еретиковъ. Высказывая это требованіе, въ посланіи къ митр. Зосимѣ, онъ ссылается на примѣръ испанскаго короля Фердинанда католика, который ввелъ инквизицію, о чемъ ему рассказывалъ цесарскій посоль, при проѣздѣ чрезъ Новгородъ. Значить, мысль о казни еретиковъ явилась у Геннадія не самостоятельно, а подъ влияніемъ Запада; такой мысли въ нашемъ церковномъ ученіи, дѣйствительно, до того времени не было. На борьбу съ жидовствующими Геннадій вызвалъ игумена Волоколамскаго монастыря, Іосифа.

Сочиненія пр. Іосифа Волоцкаго. Пр. Іосифъ (въ мѣрѣ Иванъ Санинъ, род. 1440, ум. 1515 г.) представляетъ образецъ древняго строгаго инока и древняго русскаго богослова. Съ великою ревностью онъ возсталъ противъ ереси, убѣдилъ в. князя принять строгія мѣры противъ еретиковъ и своими стараніями достигъ того, что въ 1504 г. въ Москвѣ снова созванъ былъ соборъ, на которомъ еретики были осуждены, и нѣкоторые преданы сожженію, а другіе посланы въ заточеніе по разнымъ монастырямъ.

Содержаніе и значеніе Просвѣтителя. Во время борьбы съ ересью жидовствующихъ Іосифъ написалъ нѣсколько *посланій* къ разнымъ лицамъ, которыя потомъ вошли въ составъ его обширнаго сочиненія, извѣстнаго подъ именемъ *Просвѣтителя* ⁽¹⁾. Просвѣтитель содержитъ въ себѣ исторію ереси жидовствующихъ и опроверженіе ея ученія. Онъ состоитъ изъ предисловія, гдѣ излагается исторія ереси (впрочемъ, только до перваго собора противъ нея въ 1490 г., окончаніе ея излагается въ 15-мъ словѣ) и 16-ти словъ, въ которыхъ весьма подробно опровергаются ея заблужденія. Сначала въ предисловіи излагается исторія ереси жидовствующихъ. „Въ великой землѣ Русской, говоритъ Іосифъ, съ тѣхъ поръ, какъ посѣтилъ ее Востокъ свыше и свѣтомъ богоразумія озарилъ самодержца и владыку ея, блаженнаго Владиміра, въ продолженіе 470 лѣтъ, никто не видалъ ни еретика, ни отступника. Но діаволь, для превращенія и смущенія правой вѣры, посѣявшій во всей вселенной сѣмена зловѣрія, опуталъ своими вознями и землю Русскую“. Потомъ онъ рассказываетъ о началѣ распространенія ереси въ Новгородѣ и Москвѣ; излагаетъ ученіе еретиковъ и говоритъ о соборѣ въ 1490 г., на которомъ еретики были осуждены. На этомъ останавливается исторія ереси и

(1) Просвѣтитель изданъ въ Прав. Собес. 1855 г.

оканчивается предисловіе. Затѣмъ слѣдуетъ опроверженіе ереси въ 16-ти словахъ. Изъ нихъ особенно интересны 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15 и 16 слова.

Въ 8, 9 и 10 словахъ разсматривается ученіе жидовствующихъ о кончинѣ міра и второмъ пришествіи Спасителя. Мысль о близкой кончинѣ міра была въ средніе вѣка общемою мыслию во всей Европѣ. Основываясь на двухъ мѣстахъ Апокалипсиса (20, 4. 6), на Западѣ ждали кончины міра въ X в., по окончаніи тысячи лѣтъ отъ Р. Х. Потомъ стали ждать ее съ концомъ 6-й и 7-й тысячи отъ сотворенія міра. Въ одной русской паскаліи противъ 1492 г. было написано: *„здѣ страхъ, здѣ скорбь! Аки въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть, сіе льто и на конць явится, съ неже чаемъ и всемірное твое пришествіе“*. Послѣднимъ годомъ считался именно 1492 годъ, а послѣднимъ мѣсяцемъ мартъ. Этою мыслию жидовствующіе воспользовались для своихъ возраженій. Когда прошелъ 1492-й годъ, они начали смѣяться надъ ученіемъ церкви о второмъ пришествіи Спасителя и порицать тѣ писанія, на которыхъ основывалось ученіе о кончинѣ міра, и особенно писанія св. Ефрема Сирина. Іосифъ подробно разбираетъ мнѣнія о кончинѣ міра. Онъ говоритъ, что какъ вообще не слѣдуетъ пытаться о томъ, что отъ насъ сокрыто, такъ въ особенности о кончинѣ міра, которая намъ неизвѣстна; потомъ разбираетъ мѣста отеческихъ писаній, на основаніи которыхъ составилось ложное ожиданіе кончины міра, по окончаніи седьмой тысячи.

Въ 11-мъ словѣ, которое больше всѣхъ другихъ словъ и состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ главъ, опровергаются возраженія жидовствующихъ противъ монашества. По той мѣрѣ, какъ монастыри умножались и усиливались, въ нихъ входило много недостатковъ; бѣдные и простые люди часто искали въ монастырѣ только пріюта и смотрѣли на монашескую жизнь, какъ на средство въ прокормленію; богатые и знатные часто укрывались въ немъ отъ преслѣдованія власти, или поступали прямо по повелѣнію самой власти и, естественно, вносили въ монастырь многія привычки, нажитыя въ мірѣ, въ богатой и празднои жизни. Недостатки монашеской жизни послужили для еретиковъ поводомъ къ отрицанію самого монашества. Постригшись въ иноки съ молодыхъ лѣтъ и самъ будучи строгимъ инокомъ, Іосифъ явился ревностнымъ защитникомъ монашества. Въ 11-мъ словѣ онъ собралъ все, что могло доказывать его достоинство и преимущество, какъ высшей формы христіанской жизни.

Словъ 13, 14, 15 и 16 написаны Іосифомъ послѣ второго собора на еретиковъ, когда осужденные еретики стали распространять мнѣніе, что не должно осуждать ни еретика, ни отступника, приводя евангельскія слова: „не осуждайте, да не осуждени

будете“. Это мнѣніе и особенно мнѣніе, что не слѣдуетъ подвергать еретиковъ казни, высказывалось и православными; его раздѣлялъ и Іоаннъ III; но особенно сильно возставали противъ казни еретиковъ Вологодскіе старцы. Это были иноки Вологодскихъ монастырей и Кириллобѣлозерскаго монастыря. Старцы эти составляли особую партію, которая отличалась нѣкоторымъ свободомысліемъ и на многіе предметы смотрѣла иначе, чѣмъ Іосифъ и его послѣдователи. Самымъ рѣзкимъ представителемъ этой партіи и въ то же время самымъ сильнымъ противникомъ Іосифа былъ инокъ-князь Вассіанъ Патрикѣевъ, по прозванію Косой, вмѣвшій свою пустыню на Бѣлозерѣ и считавшійся ученикомъ пр. Нила Сорскаго. Стронникъ Елены, онъ во время паденія ея партіи былъ насильно постриженъ въ монахи и потому, естественно, сдѣлался врагомъ Іосифа, стоявшаго на сторонѣ партіи, его низвергнувшей. Особенно рѣзко Вассіанъ и Вологодскіе старцы расходились съ Іосифомъ въ двухъ современныхъ вопросахъ: о казни еретиковъ и о монастырскихъ имѣніяхъ.

Опровергая мнѣніе жидовствующихъ и ихъ сторонниковъ о казни еретиковъ, Іосифъ высказываетъ въ упомянутыхъ словахъ, что должно не только осуждать, но и проклинать еретиковъ, что иноки должны стараться объ искорененіи еретиковъ, а власть свѣтская должна подвергать ихъ наказаніямъ. Жидовствующіе указывали на слова Спасителя: „не осуждайте, да не осуждени будете“, и на слова Златоуста, что не должно ненавидѣть или убивать ни невѣрнаго, ни еретика; Іосифъ объясняетъ, какъ надобно понимать эти слова и говорить: „когда невѣрные и еретики не прельщаютъ православныхъ, тогда не должно дѣлать имъ зло, но если они стараются увлечь и совратить православныхъ, тогда должно *неточію ненавидѣти ихъ, или осуждати, но и проклинати и язвити и симъ руку свою освятити*“. Положеніе христіанъ и особенно пастырей и учителей въ этомъ случаѣ онъ сравниваетъ съ положеніемъ пастуховъ, которые оставляютъ звѣря въ покоѣ, когда онъ не вредитъ стаду, но когда замѣтятъ нападеніе волковъ, то немедленно вооружаются и убиваютъ ихъ.

Во всѣхъ словахъ вмѣстѣ съ опроверженіемъ еретическихъ мнѣній Іосифъ излагаетъ и положительное ученіе церкви о спорномъ пунктѣ, иногда въ такой полнотѣ, какъ будто это составляетъ главную цѣль его сочиненія; кромѣ того, онъ часто дѣлаетъ отступленія отъ главнаго предмета, останавливается на мысляхъ, сопрікосновенныхъ съ нимъ, и излагаетъ ихъ весьма подробно. Такимъ образомъ, въ Просвѣтителѣ вошло множество разсужденій о разныхъ предметахъ вѣры и дѣятельности христіанской. Понятно, что въ то время, когда церковь, тревожимая еретиками, нуждалась въ оружіи противъ нихъ, сочиненіе Іосифа

получило особенное значеніе и заслужил оно званіе *Просвѣтителя*: Въ исторіи же литературы Просвѣтитель имѣетъ значеніе, какъ первое такое обширное русское богословское сочиненіе, въ которомъ разсматриваются почти всѣ истины христіанской вѣры и дѣятельности.

Путешествія въ XV в.: іеродіакона Зосимы по св. мѣстамъ; іеромонаха Симеона въ Италію; Аванасія Никитина въ Индію. *Зосима* былъ іеродіаконъ Троицкой лавры. Путешествіе по святымъ мѣстамъ онъ началъ съ Кіева, откуда отправился въ Царьградъ, изъ Царьграда на Аѳонскую гору и, наконецъ, въ Іерусалимъ, гдѣ онъ пробылъ цѣлое лѣто и посѣтилъ всѣ святыя мѣста. При описаніи путешествія онъ пользовался *хожденіемъ* игумена Даниила и *странникомъ* Стефана. *Суздальскій іеромонахъ Симеонъ* былъ одинъ изъ спутниковъ митр. Исидора, во время его путешествія на Флорентинскій соборъ. Въ своихъ запискахъ онъ описываетъ разные иноземные города, нѣмецкіе и итальянскіе, которые ему привелось видѣть: Дерптъ, Любекъ, Люнебургъ, Аугсбургъ, Нюрнбергъ, Феррару, Флоренцію, Венецію. Весьма интересны взгляды путешественника, или, лучше, тѣ впечатлѣнія, какія производили на него европейскіе города и разныя въ нихъ достопримѣчательности. Въ Любекѣ поразили Симеона и его спутниковъ воды, проведенныя въ городъ, текуція трубами по всѣмъ улицамъ, а въ Люнебургѣ—фонтаны, имѣвшіе форму статуй: „истекають изъ тѣхъ людей изъ всѣхъ воды сладки и студены: у инаго изъ усть, а у инаго изъ ока, а у инаго изъ локтя, а у инаго изъ ноздрію“. Въ Феррарѣ вниманіе Симеона остановили часы въ колокольнѣ, устроенные съ такимъ чуднымъ механизмомъ, что при каждомъ ударѣ, во время боя этихъ часовъ, выходилъ изъ столба ангелъ и трубилъ въ трубу. Въ Венеціи показалось замѣчательнымъ то, что по всѣмъ улицамъ вода и ѣздятъ по улицамъ въ баркахъ. Изъ особенностей природы европейскихъ странъ Симеона поразили Тирольскія горы: „дивны горы тѣ и толикой высоты суть, яко облаки въ полѣ ихъ ходятъ и облаки отъ нихъ ся взимають. Снѣзи же лежатъ на нихъ отъ сотворенія горъ тѣхъ“.

Путешествіе Аванасія Никитина въ Индію. Аванасій Никитинъ былъ тверской купецъ. Съ цѣлію выгодно продать русскіе товары въ Персіи онъ присоединился къ русскому посольству, отправлявшемуся въ 1466 г. къ шемахинскому владѣтелю, и чрезъ Персію пробрался въ Индію. Здѣсь онъ пробылъ три года и въ 1472 г. возвращался на родину, но на дорогѣ умеръ.

въ Смоленскѣ. Путешествіе Никитина (1) интересно, между прочимъ, и потому, что Никитинъ былъ въ Индіи еще прежде открытія морского пути въ Восточную Индію португальцемъ Васко ди Гамою въ 1497 г. Никитинъ сообщаетъ много интересныхъ свѣдѣній. Какъ русскій человекъ, для котораго всего важнѣе была вѣра, онъ и въ Индіи обратилъ особенное вниманіе на вѣру индійцевъ. „Всѣхъ вѣръ въ Индіи, говоритъ онъ, 84 (подъ вѣрами, вѣроятно, разумѣются многочисленныя касты индійскія), и всѣ вѣрують въ Бута (Будду); а вѣра съ вѣрою ни пьеть, ни ѣсть, ни женятся между собою“. Онъ посѣтилъ священный городъ Перватъ, былъ въ индійскихъ храмахъ, видѣлъ индійскихъ идоловъ и описалъ ихъ. Описывая главные торговые города Индіи и пристани Индійскаго моря, онъ рассказываетъ о нравахъ и обычаяхъ народа; Наконецъ, въ запискахъ рѣзко отразилась и личность самого Никитина, какъ русскаго православнаго христианина и патриота. Съ чрезвычайною скорбію онъ говоритъ о томъ, какъ трудно въ такой далекой странѣ соблюсти чистоту вѣры и исполнить всѣ ея обряды. „Вотъ уже прошли, говоритъ онъ четыре великія говѣйна (четыре великихъ поста) и четыре великіе дни (четыре Пасхи), а я не знаю, ни что великій день, ни что постъ, не знаю ни рождества Христова, ни другихъ праздниковъ, ни среды, ни пятницы. Книги мы взяли съ собою изъ Руси, но теперь уже ихъ нѣтъ; когда меня ограбили, то отняли и книги, и я промежду иновѣрцевъ только молю Бога, чтобы онъ сохранилъ меня“. Не зная точно времени, онъ соблюдалъ посты и праздники приблизительно, по соображенію.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ СЛОВЕСНОСТИ XVI В.

Въ произведеніяхъ словесности XVI в. выражается, съ одной стороны, стремленіе къ критическому разбору недостатковъ русской жизни, вмѣстѣ съ заботою о ихъ исправленіи, а съ другой—стремленіе подвести итогъ подъ выработанныя издавна начала, правила и обычая. Строгий разборъ всѣхъ недостатковъ религиозной, умственной и нравственной жизни сдѣлалъ *Максимъ Грекъ* въ своихъ сочиненіяхъ. Такой же разборъ религиозно-церковной жизни произведенъ отцами *Стоглаваго собора*, какъ показываютъ записки этого собора. Стоглавъ жалуется на упадокъ древнихъ уставовъ и преданій и стремится возстановить ихъ. При упадкѣ жизни, вслѣдствіе ея уклоненія отъ древнихъ правилъ, весьма

(1) Подробное изслѣдованіе п обзорѣніе *походенія* напечатано И. И. Срезневскимъ въ Уч. Зап. Ак. Н., кн. II, вып. 2. 1836.

естественно также было стремление собрать эти правила въ одинъ кодексъ, подвести итогъ къ сложившимся издавна обычаямъ. Такой кодексъ древнихъ правилъ, издавна сложившихся обычаевъ въ частной домашней жизни, представляетъ въ себѣ *Домострой*. Въ области литературной такое же значеніе итога или свода имѣетъ сборникъ митр. Макарія—*Великія Четвы-Минеи*, въ которомъ собраны были почти всѣ книги, находившіяся въ употребленіи у нашихъ предковъ, и въ которомъ, слѣд., подведенъ итогъ къ богатствамъ древней письменности. Главное богатство въ ней составляли житія святыхъ, которыя до сихъ поръ разсѣяны были по разнымъ мѣстамъ; Москва, собравшая всѣ областныя силы Русскаго государства, становится центромъ и всѣхъ мѣстныхъ святыхъ, собирая сказанія о нихъ въ одинъ сборникъ. Въмѣстѣ съ собираніемъ всѣхъ областей въ одно Московское государство утверждалось единодержавіе и выработывался типъ самодержавнаго царя Московскаго; въ XVI в. этотъ типъ сложился окончательно. Какъ собираніе областей въ одно государство, такъ и утвержденіе единодержавія сопровождалось сильною борьбою между князьями и боярами, коренившееся еще въ старинныхъ родовыхъ отношеніяхъ князя и дружины; внутреннія основанія этой борьбы, начавшейся издавна и окончившейся при Грозномъ, весьма рѣзко выразились въ сочиненіяхъ *Грознаго и князя А. Курбскаго*. Таковы главныя литературныя явленія XVI в. Вслѣдъ за ересью жидовствующихъ явились имѣвшая тѣсную связь съ нею ереси *Бакинина и Косаго* и вызвали въ литературѣ замѣчательное полемическое сочиненіе—*Показаніе истинны* инока Зиновія. Кромѣ того, встрѣчается еще нѣсколько сочиненій въ описательномъ и историческомъ родѣ.

Сочиненія Максима Грека (1). Максимъ Грекъ былъ призванъ въ Россію для разбора великокняжеской библіотеки и для перевода книгъ на славянскій языкъ, въ которыхъ нужда особенно почувствовалась при борьбѣ съ жидовствующими, но по особеннымъ обстоятельствамъ его дѣятельность приняла самыя широкія размѣры. Онъ явился не только переводчикомъ книгъ, но и распространителемъ просвѣщенія и здраваго пониманія вѣры и благочестія, не только исправителемъ книгъ, но и исправителемъ нравовъ современнаго русскаго общества.

Максимъ былъ албанскій грекъ (род. въ городѣ Артѣ, въ Албаніи, около 1480 г.), но въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ отпра-

(1) Сочиненія Максима Грека изданы въ Прав. Собесѣдникѣ за 1839, 1860, 1861 и 1862 г.

вился для образованія въ Италію. Направленіе въ образованіи было филологическое; преимущественно изучали греческую и римскую литературу. Максимъ сначала жилъ во Флоренціи, а потомъ въ Венеціи. Во Флоренціи онъ былъ знакомъ съ Савонаролою; въ Венеціи онъ слушалъ знаменитаго ученаго Іоанна Ласкариса и былъ въ короткихъ сношеніяхъ съ типографомъ, переводчикомъ и издателемъ книгъ, Альдомъ Мануччи. Здѣсь онъ познакомился съ произведеніями греческой и римской литературы. Неразумное увлеченіе древнею языческою литературою привело Италію къ самымъ вреднымъ послѣдствіямъ: въ наукѣ къ противорелигиозности, а въ жизни къ совершенной распущенности нравовъ. вмѣсто св. Писанія и отцовъ церкви, руководителями и высшими авторитетами при всѣхъ разсужденіяхъ сдѣлались Платонъ и Аристотель. вмѣстѣ съ языческими заблужденіями, во всей Европѣ въ XV—XVI в. была распространена вѣра въ астрологию, въ зависимость судьбы и дѣлъ человѣка отъ теченія звѣздъ и планетъ. слѣдуя астрологіи, начали вѣрить, будто все въ мірѣ и судьба человѣческая управляется движеніемъ и вліяніемъ звѣздъ, стали отвергать будущую жизнь и смѣяться надъ религіей. Увлеченіе языческими идеями встрѣтило во Флоренціи сильнаго обличителя въ лицѣ Іеронима Савонаролы (род. 1452, ум. 1489 г.), который за свои обличенія былъ обвиненъ въ разныхъ церковныхъ и гражданскихъ преступленіяхъ и въ 1498 г., по распоряженію папы Александра VI, какъ еретикъ, былъ сожженъ на кострѣ. Максимъ зналъ Савонаролу, слушалъ его проповѣди, удивлялся его твердости въ вѣрѣ. Личность Савонаролы произвела глубокое впечатлѣніе на Максима и, конечно, имѣла большое вліяніе на образованіе его характера: и въ Максимѣ мы видимъ ту же ревность по вѣрѣ и ту же смѣлость въ обличеніи пороковъ, какимъ онъ удивлялся въ Савонаролѣ. Около 1507 г. Максимъ отправился на Аѳонскую гору и оставался въ ней до того времени, когда пришло изъ Россіи на Аѳонъ приглашеніе книжнаго переводчика.

Прибытіе въ Россію (въ 1518 г.) такого образованнаго человѣка, какъ Максимъ Грекъ, было, какъ нельзя болѣе, необходимо. Въ XVI в. со всею силою начали обнаруживаться гибельные плоды того невѣжества, въ которомъ такъ долго оставался русскій народъ: въ священныя и богослужебныя книги верались грубыя ошибки, извращавшія чистоту истинной вѣры; несущественныя церковныя обряды были возведены на степенъ догматической важности, и вообще все благочестіе получило чисто внѣшній, обрядовый характеръ; ложныя апокрифическія сказанія читались наравнѣ съ книгами св. Писанія; во всѣхъ сословіяхъ страшно усилились суевѣрія и упадокъ нравственности. Кромѣ того, ересь

жидовствующихъ хотя и была осуждена соборомъ 1504 г., но находила еще довольно приверженцевъ; проживавшіе въ Россіи иностранцы распространяли противоцерковныя идеи, астрологическіе календари и вѣру въ звѣздочетство. Наконецъ, всегдашнія стремленія латинской церкви подчинить себѣ нашу церковь въ это время еще усилились. Жившій тогда въ Москвѣ ученый латинянинъ, Николай Нѣмчинъ, писалъ и распространялъ разныя сочиненія въ пользу своей церкви. Такое положеніе Россіи, естественно, должно было вызвать Максима къ самой разнообразной дѣятельности: нужно было переводить и исправлять книги, объяснять истинный смыслъ вѣры и значеніе церковныхъ обрядовъ, обличать суевѣрія и пороки, бороться противъ латинства и другихъ иноземныхъ вліяній. Такъ какъ Максимъ въ это время еще не зналъ славянскаго языка, то ему даны были въ пособіе при переводѣ съ латинскаго помощника. Псалтирь была переведена чрезъ полтора года, и Максимъ хотѣлъ возвратиться на Афонъ; но князь Василій Іоанновичъ и митрополитъ Варлаамъ упросили его заняться исправленіемъ богослужебныхъ книгъ. Онъ началъ исправлять Трїодь, а потомъ и другія книги. Многочисленныя и грубыя ошибки, которыя онъ при этомъ встрѣтилъ въ книгахъ, онъ высказывалъ, по прямотѣ своего характера, прямо и рѣзко. Это возбудило ропотъ въ приверженцахъ буквы. Къ тому же, при несовершенномъ знаніи славянскаго языка, онъ и самъ допустилъ нѣкоторыя ошибки, при исправленіи книгъ. Исправляя книги, Максимъ въ то же время возставалъ противъ разныхъ недостатковъ религіозной и нравственной жизни русскаго народа и подвергалъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ самому строгому осужденію. Сочиненія эти, естественно, производили противъ него раздраженіе во многихъ и вмѣстѣ съ исправленіемъ книгъ и нѣкоторыми другими обстоятельствами были причиною того, что Максимъ подвергался разнымъ обвиненіямъ и преслѣдованіямъ и болѣе 25 лѣтъ содержался въ тяжеломъ монастырскомъ заключеніи.

Скончался Максимъ въ 1556 г. въ Сергіевой Лаврѣ.

Сочиненія Максима по поводу перевода и исправленія книгъ. Для оправданія отъ обвиненій въ порчѣ священныхъ книгъ и ереси и отъ другихъ обвиненій, Максимъ написалъ нѣсколько сочиненій. Опровергая обвиненія въ порчѣ священныхъ книгъ, Максимъ указываетъ причины неисправности книгъ и объясняетъ дѣло книжнаго исправленія вообще. Ошибки въ старыхъ книгахъ онъ производитъ отъ неискущества древнихъ переводчиковъ, невѣжества переписчиковъ и неразумія исправителей. Не только переводъ, но и исправленіе книгъ, по его словамъ, требуютъ знанія языковъ, знакомства съ грамматикой, риторикой, піитикой и даже

философіей. Неудивительно, говорит онъ, что русскіе книжники не замѣчаютъ въ книгахъ ошибокъ: „не навикнуша бо по сущему тайны священныя философія богословцевъ, по чернилу бо точною переходятъ... сего ради и множайшими согрѣшаютъ“.

Догматико-полемическія сочиненія Максима. Сочиненія эти направлены противъ заблужденій язычества, іудейства, магометанства, католичества и протестантскаго рціонализма.

Сочиненія противъ латинянъ. Всего болѣе Максимъ писалъ противъ заблужденій латинской церкви. При Максимѣ въ Москвѣ жилъ ученый латинянинъ, *Николай Нѣмчинъ*. Онъ написалъ посланіе о соединеніи церквей, доказывая, что вѣра у грековъ и латинянъ одна и та же. Одинъ образованный бояринъ того времени, *Теодоръ Карповъ*, былъ въ сношеніяхъ съ Николаемъ Нѣмчиномъ. Да и самъ Николай Нѣмчинъ писалъ въ Максиму посланіе. Въ отвѣтъ Николаю Нѣмчину и вообще противъ латинства Максимъ написалъ нѣсколько посланій и словъ, въ которыхъ онъ опровергалъ заблужденія латинской церкви, указывая преимущественно на то, что она измѣнила догматъ объ исхожденіи Св. Духа, прибавивъ въ символѣ вѣры слова: *и отъ Сына*.

Сочиненія противъ астрологическаго ученія. Зная, какое вредное вліяніе производило на жизнь астрологическое ученіе на Западѣ, Максимъ сильно возсталъ противъ него, когда замѣтилъ слѣды его и въ Россіи. Онъ указываетъ на то, что астрологическое ученіе противно ученію о всеблагомъ Промыслѣ Божіемъ и свободной волѣ человѣка, что оно ведетъ къ безразличію въ нравственныхъ достоинствахъ человѣка, освобождаетъ людей отъ отвѣтственности за ихъ дѣла, въ случаѣ несчастій приводитъ человѣка къ отчаянію.

Къ разряду полемическихъ сочиненій Максима относятся также сочиненія *противъ народныхъ суевѣрій, ложныхъ апокрифическихъ сказаній и неправильнаго пониманія нѣкоторыхъ церковныхъ молитвъ и обрядовъ*. Изъ апокрифическихъ сочиненій, Максимъ обратилъ вниманіе на сказанія: *Афродитіана о чудѣ въ персидской землѣ во время рожденія Спасителя, объ Іудѣ предателѣ, о рукописаніи грѣховнѣмъ и о свѣтлой недѣли и на западный сборникъ апокрифическаго характера—Люцидарій*.

Нравоучительныя сочиненія Максима. Самый важный отдѣлъ составляютъ *нравоучительныя сочиненія* Максима. Въ нихъ онъ подвергаетъ самому строгому разбору и осужденію всѣ недостатки религіозно-нравственной жизни русскаго народа во всѣхъ

его сословіяхъ: 1) неправосудіе и мздоимство судей и начальниковъ и происходившіе отсюда грабежи, разбои и всякаго рода насилія, 2) фарисейское лицемѣріе, при отсутствіи истиннаго христіанскаго благочестія, и 3) слабыя стороны въ жизни духовенства и монашества.—1) На неправосудіе и мздоимство Максимъ жалуется почти въ каждомъ сочиненіи. Въ одномъ словѣ рисуется страшно разстроенное состояніе Россіи во время малолѣтства Грознаго подъ управленіемъ бояръ. Россія изображается здѣсь въ видѣ жены, сидящей на распутіи, облеченной въ черную одежду, какая вдовамъ свойственна, стонущей и безутѣшно плачущей; со всѣхъ сторонъ ее окружають звѣри—львы, медвѣди, волки и лисицы. На вопросъ путника, кто она такая и зачѣмъ тутъ сидитъ, жена проситъ его оставить ее въ покоѣ и пройти мимо ея съ молчаніемъ: „моя несчастія, говоритъ она, *не токмо не удобо сказаема суть, но и отнюдь неисцѣльна отъ чловѣковъ*“. Уступая однакожъ просьбѣ путника, она говоритъ: „я одна изъ благородныхъ и славныхъ дщерей царя и содѣтеля Владыки; имя мое *Василія* (царство)... Меня, дочь царя и содѣтеля всѣхъ, стараются *подручитьъ себѣ* всѣ славолюбцы и сластолюбцы; весьма мало у меня истинныхъ рачителей, которые бы, достойно Отца моего и моего царскаго имени, заботились о дѣлахъ людей, живущихъ на землѣ; большая же часть, одолюваемые сребролюбіемъ и лихоимствомъ, лютѣйшимъ образомъ морять полвластныхъ всякими истязаніями“. Указавъ на угрозы въ словѣ Божіемъ противъ неправедно начальствующихъ, она говоритъ: „пренебрегая все это, *сущія во властѣхъ* беззаконно и противно пируютъ нынѣ съ гусями, сурнами, тимпанами, смѣхотвореніемъ, севернословіемъ и бусловіемъ... Нѣтъ у меня, говоритъ жена, поборающихъ по мнѣ, въ ревности Божіей; нѣтъ іерея Вышняго, великаго Самуила, съ дерзновеніемъ ополчившагося противъ преступника Саула; нѣтъ Нааана, мудрою притчею испѣлившаго царя Давида и спасшаго его отъ лютаго паденія; нѣтъ ревнителей, подобныхъ Иліи и Елисею“. Обличая неправосудіе и мздоимство, Максимъ въ то же время объяснялъ въ своихъ сочиненіяхъ обязанности судей и правителей. 2) Неправосудіе, мздоимство и разнаго рода насилія и несправедливости тѣмъ болѣе возмущали душу Максима, что они прикрывались наружнымъ, чисто фарисейскимъ благочестіемъ. Дѣлая разнаго рода несправедливости, многіе успокоивали свою совѣсть строеніемъ и украшеніемъ храмовъ, многочисленными поклонами, молитвами и постами, нисколько не заботясь о правдивномъ исправленіи и не оставляя своихъ беззаконныхъ дѣлъ. На это ложное, чисто внѣшнее пониманіе вѣры и благочестія, при которомъ уживались въ русской жизни самыя неправедныя дѣла, Максимъ постоянно нападаетъ въ своихъ нра-

поучительныхъ сочиненіяхъ: „Поелику вы хвалитесь и думаете почитать Меня муромъ и доброшумными колоколами, то послушайте внятно и прилежно моего поученія и утвердите его въ сердцахъ вашихъ: не для доброшумныхъ колоколовъ, пѣснопѣній и многоцѣннаго мѹра Я сошелъ на землю и принялъ вашъ образъ... вся подсолнечная моя и исполненіе ея... прекрасными пѣніями и хваленіями предивными непрестанно прославляетъ Меня вокругъ престола безчисленное множество безплотныхъ пѣвцовъ... но ради вашего спасенія, которое для Меня всего дороже, Я претерпѣлъ съ любовію всѣ страданія.. Для того Я и повелѣлъ написать въ книгахъ мои спасительныя заповѣди и наставленія, чтобы вы могли знать, какъ угождать Мнѣ. Вы же *книгу моихъ словесъ* снаружи и внутри обильно украшаете серебромъ и золотомъ, а силы заповѣдей моихъ, въ ней написанныхъ, не принимаете, и не только не исполняете, но и поступаете противно имъ... Установленные Мною праздники въ славу и честь мою, а вамъ во святыню и для исправленія добраго житія, вы дѣлаете предлогомъ пьянства и безчинія, безобразно безчинствуя въ нихъ“.

3) Печальное состояніе вѣры и нравственности въ народѣ весьма много зависѣло отъ духовенства, которое, въ большинствѣ своихъ членовъ, ни по образованію, ни по жизни, не могло быть хорошимъ руководителемъ въ дѣлахъ вѣры и благочестія. Максимъ въ своихъ сочиненіяхъ постоянно говоритъ о томъ, что пастыри не учатъ народъ, и въ своей жизни ничѣмъ не отличаются отъ своихъ пасомыхъ. „Нѣтъ ни одного, говоритъ онъ въ одномъ сочиненіи, кто бы училъ прилежно, наказывалъ безчинныхъ, утѣшалъ малодушныхъ, защищалъ немоцныхъ, обличалъ противящихся слову благочестія, угрожалъ безстуднымъ, обращалъ заблудшихъ отъ истины и честнаго житія христіанскаго. Но съ особенною силою и рѣзкостію Максимъ изображаетъ въ своихъ сочиненіяхъ слабыя стороны въ монашествѣ. Въ монастырскихъ имѣніяхъ онъ видѣлъ причину ослабленія монашеской жизни. Владѣніе ими онъ считалъ противнымъ основной идеѣ монашества.“

Такимъ образомъ, Максимъ касался въ своихъ сочиненіяхъ почти всѣхъ главныхъ предметовъ вѣры и дѣятельности. Онъ хотѣлъ оградить православное ученіе въ Россіи отъ иновѣрныхъ заблужденій и объяснить истинный духъ вѣры, подавленный въ русской жизни обрядовою стороною, истинное пониманіе благочестія, затемненное невѣжествомъ, суевѣріемъ и грубыми пороками. Нѣтъ сомнѣнія, что его просвѣтительная дѣятельность не осталась безплодною, хотя она возбудила противъ него преслѣдованіе. Его обличительный гласъ былъ строгъ и рѣзокъ, но въ лучшихъ людяхъ онъ находилъ сочувствіе.

Стоглавъ. *Стоглавомъ* называются Записки о дѣяніяхъ московскаго собора 1551 г., которыя состоятъ изъ ста главъ⁽¹⁾. Сначала въ Стоглавѣ излагается исторія собора—какъ царь Іоаннъ Грозный, по совѣту съ митр. Макаріемъ, повелѣлъ собрать соборъ архіереевъ со всей русской земли. Затѣмъ слѣдуютъ рѣчи царя, которыя онъ говорилъ отцамъ собора и въ которыхъ просилъ отцовъ утвердить *древнія преданія христіанской истинной нашей вѣры*; за ними помѣщены 37 вопросовъ, предложенныхъ на разсмотрѣніе собора, и, наконецъ, отвѣты на нихъ или самыя постановленія собора. Въ рѣчи своей Грозный говорить, что „*прежніе обычаи поизшатались и въ самовластїи учинено по своимъ волямъ и прежніе законы порушены*“ (стр. 48). Въ вопросныхъ пунктахъ онъ указываетъ на тѣ же недостатки, на какіе указывалъ Максимъ Грекъ и другіе учителя, а именно: на отступленіе отъ церковныхъ уставовъ, при совершеніи церковныхъ службъ и обрядовъ, неправильное писаніе иконъ, порчу священныхъ книгъ, которыя писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ (опись къ описи прибываетъ), небрежное ученіе грамотъ и отсутствіе училищъ, грубые нравственные пороки и суевѣрія въ народѣ.

Начало книгопечатанія. Для устраненія порчи церковныхъ книгъ, на Стоглавомъ соборѣ было положено дозирать, чтобы писцы писали съ добрыхъ переводовъ; но эта мѣра, какъ мы замѣтили, была неисполнима и не могла прекратить зла. Поэтому Грозный и митр. Макарій въ 1553 г. для печатанія церковныхъ книгъ рѣшили завести типографію. Черезъ десять лѣтъ послѣ этого былъ построенъ въ Москвѣ типографскій домъ и подъ надзоромъ латчанина Миссенгейма началось печатаніе. Печатными мастерами были: діаконовъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѣевъ Мстиславецъ. Сначала они напечатали Апостолъ въ 1563—1564 г., а потомъ въ 1565 г. Часовникъ. Но невѣжественные и суевѣрные люди возстали противъ этого великаго и столь необходимаго дѣла, какъ противъ ереси; типографскій домъ, говорятъ, былъ сожженъ, а Ѳедоровъ и Тимоѣевъ, обвиненные въ ереси, должны были спастись бѣгствомъ и ушли въ Литву и здѣсь занялись печатаніемъ книгъ. Сначала они трудились въ Заблудовѣ, у гетмана Хоткевича; потомъ Ѳедоровъ печаталъ въ Львовѣ, а Тимоѣевъ въ Вильнѣ; наконецъ, Ѳедоровъ перешелъ въ Острогъ, къ князю Константину Острожскому, стараніями котораго въ 1581 г. была напечатана первая славянская Библія,

(1) Стоглавъ напечатанъ въ Прав. Собес. 1862 г.

извѣстная подъ именемъ *Острожской*. Между тѣмъ и въ Москвѣ послѣ Федорова и Тимофеева книгопечатаніе возобновилось; въ 1568 г. однимъ изъ учениковъ ихъ, Андроникомъ Невѣжею, была напечатана Псалтирь.

Домострой. При упадкѣ жизни, вслѣдствіе ея уклоненій отъ древнихъ правилъ и уставовъ, весьма естественно было стремленіе собрать эти правила въ одинъ кодексъ, подвести итогъ подъ сложившіеся издавна обычаи. Такой кодексъ древнихъ правилъ и преданій, издавна сложившихся обычаевъ въ частной домашней жизни, представляетъ въ себѣ *Домострой*, приписываемый знаменитому современнику Іоанна Грознаго, священнику Сильвестру ⁽¹⁾. Впрочемъ, по послѣднимъ изслѣдованіямъ, безспорно Сильвестру въ Домостроѣ можетъ быть приписана только одна послѣдняя LXIV глава: „Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну“; только она въ большей части списковъ надписывается его именемъ и заключаетъ въ себѣ особое завѣщаніе къ сыну, отдѣльное отъ прочихъ главъ. Всѣ прочія главы Домостроя образовались въ разныя времена и приведены въ порядокъ еще прежде Сильвестра; Сильвестру же принадлежитъ только составленіе новаго, болѣе краткаго, извода Домостроя. Въ Домостроѣ выражается не частный взглядъ одного человѣка и даже не воззрѣнія и правила только одной эпохи XVI в. Въ немъ излагаются обычаи, образовавшіеся издавна, въ теченіе всей древне-русской жизни, преподаются наставленія, составившіяся подъ влияніемъ всей древне-русской письменности. Тѣсная связь Домостроя и особенно первыхъ его 25 главъ съ памятниками древней письменности несомнѣнна. Не только основной взглядъ и мысли, которыя высказываются въ этихъ правилахъ, но даже

(1) Сильвестръ былъ Новгородскимъ священникомъ и вызванъ былъ изъ Новгорода въ Москву митр. Макаріемъ въ 1547 г. Въ Москвѣ, въ качествѣ совѣтника Іоанна Грознаго, въ должности священника въ придворномъ Благовѣщенскомъ храмѣ, онъ находился 6 лѣтъ. Въ 1553 г., потерявъ расположеніе Іоанна, онъ удалился въ Кирилловъ монастырь и здѣсь постригся въ иноки, съ именемъ Спиридона. Въ 1560 г. Грозный заточилъ его въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ и скончался. Памятникомъ образованія и любви къ книжному дѣлу Сильвестра, кромѣ Домостроя, служатъ три посланія, написанныя имъ—одно къ Іоанну Грозному и два къ казанскому воеводѣ, князю Шуйскому Горбатову, и много рукописей съ его именемъ, сохранившихся въ бібліотекахъ Кириллова и Соловецкаго монастырей. Домострой напечатанъ въ Врем. общ. ист. и древн. 1849 г., кн. I. Другое изданіе Домостроя сдѣлано Яковлевымъ по рукописямъ Имп. Публ. бібліотеки. 1867 и 1887 г. Третье изданіе въ Чтен. общ. ист. и древн. 1881 г., кн. 2.

самыя выраженія, въ какихъ они передаются, постоянно указываютъ на священныя и богослужебныя книги, житія святыхъ и разныя отеческія сочиненія, которыя отъ самыхъ первыхъ временъ были источникомъ образованія нашихъ предковъ. Наставленія о почитаніи родителей (гл. XVII), о воспитаніи дѣтей (гл. XVIII), изображеніе доброй и умной жены хозяйки (гл. XX) заимствованы изъ книгъ св. Писанія—Притчей, Премудрости Соломона и Премудрости Исуса, сына Сирахова. Наставленія о хожденіи въ церковь и поведеніи во время церковной службы, о домашней молитвѣ, о почитаніи отца духовнаго, о содержаніи слугъ, о поддержаніи отъ лихоимства и вообще неправеднаго стяжанія, о трезвости и поведеніи во время стола весьма сходны, иногда въ самыхъ выраженіяхъ, съ разными сборниками отеческихъ сочиненій. Начало многихъ благочестивыхъ обычаевъ Домостроя лежитъ еще въ первыхъ вѣкахъ русской жизни. Правила, напр., о томъ, чтобы, при отходѣ ко сну, полагать по три поклона въ землю, чтобы въ полночь вставать на молитву, чтобы утромъ, вставъ съ постели, отпѣть заутреню и часы, а въ недѣлю и праздникъ—молебенъ празднуемымъ святымъ, предписывалъ еще Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи; правила эти въ Домостроѣ и выражены почти словами этого поученія. Обычай дѣлать разныя пожертвованія въ церкви и монастыри, посѣщать тюрьмы и больницы и подавать въ этихъ мѣстахъ милостыни, въ важныхъ и трудныхъ дѣлахъ обращаться за совѣтомъ и благословеніемъ къ святительскому и иноческому и вообще духовному чину, во время болѣзни служить молебны, святить воду съ крестовъ и иконъ, давать обѣты и совершать путешествія по святымъ мѣстамъ ведутъ свое начало также отъ древнихъ временъ. То же надобно сказать и о тѣхъ правилахъ практической мудрости, бережливости, умнаго веденія хозяйства и управленія домою, которыя излагаются въ послѣднихъ главахъ Домостроя. Они составились постепенно, составляютъ достояніе мудрости вѣковъ предыдущихъ и вошли въ Домострой, вѣроятно, изъ домашнихъ записей и семейныхъ памятей.

Домострой не имѣетъ системы. Правда, онъ раздѣленъ на главы, изъ коихъ каждая имѣетъ особое названіе; но часто въ одной и той же главѣ излагаются разныя наставленія, и одно и то же правило повторяется иногда въ нѣсколькихъ главахъ. Можно сказать только, что въ первыхъ XV главахъ излагаются преимущественно правила относительно вѣры и благочестія; въ слѣдующихъ за ними XVI—XXVI главахъ—семейныя правила, взаимныя обязанности мужа, жены, дѣтей и домочадцевъ; въ остальныхъ же XXVI—LXIII главахъ, съ дополненіями, правила

экономіи, управленія домою и вообще хозяйствомъ. Характеръ Домостроя чисто практической; *праведное житіе* онъ представляетъ не въ общихъ чертахъ, но опредѣленно указываетъ, въ какихъ добродѣтеляхъ оно должно выражаться. Въ изложеніи побужденій къ праведному житію онъ также не ограничивается одними высшими, чисто духовными, побужденіями, но присоединяетъ къ нимъ еще практическія побужденія, указываетъ на общественное мнѣніе—*на похвалу отъ людей* въ случаѣ праведнаго житія, *и посмѣхъ и поношеніе* въ случаѣ *неправеднаго*, и, кромѣ того вреда, какой причиняетъ порокъ душѣ, удаляя ее отъ Бога, указываетъ и на тѣ вредныя слѣдствія, какими сопровождается въ обыкновенномъ быту неправедная и беспорядочная жизнь. Такъ, воспитывать дѣтей въ страхѣ Божіемъ онъ убѣждаетъ родителей тѣмъ, что дурныя „ненаказанныя (невоспитанныя) дѣти отъ Бога грѣхъ, а отъ людей уворъ и посмѣхъ, а дому тцета, а себѣ скорбь и убытокъ“.

Еще рѣзче этотъ практической, или, лучше сказать, житейскій характеръ обнаруживается въ тѣхъ наставленіяхъ Домостроя, которыя касаются обращенія съ людьми, различныхъ житейскихъ случаевъ и отношеній. Здѣсь видимъ уже не просто приложеніе правила, закона къ жизни, но иногда полное приспособленіе ихъ къ обстоятельствамъ, къ требованіямъ людей и времени. Отношенія ко всѣмъ людямъ въ Домостроѣ подчиняются слѣдующему общему правилу: „со всѣми надобно вести себя такъ, чтобы не только не навлечь на себя ненависти, вражды, обиды и разныхъ непріятностей, но и заслужить у всѣхъ расположеніе и доброе мнѣніе о себѣ“. Достигнуть этого, очевидно, можно было, между прочимъ, всегдашнею уклончивостію и даже угодливостію другимъ. И многія наставленія Домостроя направлены именно къ тому, чтобы научить, какъ ужитья съ разными людьми въ жизни и при этомъ по возможности сохранять правду, не ссорясь однакожь съ неправедными людьми и не вредя ни своимъ добрымъ къ нимъ отношеніямъ, ни другимъ своимъ интересамъ. Такой принципъ, далеко не согласный съ идеей высшей правды, образовала, разумѣется, сама жизнь древняя съ укоренившимися въ ней неправедными обычаями, которые заставляли человѣка, служа правдѣ, угождать въ то же время и неправдѣ, и такимъ образомъ служить двумъ разнымъ господамъ.

Въ первыхъ XV главахъ Домостроя излагаются правила вѣры и благочестія. Жизнь, сообразная съ этими правилами, называется *праведнымъ житіемъ*, а люди, живущіе такимъ житіемъ,— *людьми богобоязливими*. Вотъ идеаль праведнаго житія людей богобоязливыхъ. Каждый человѣкъ, какъ истинный христіанинъ,

долженъ исполнять всѣ обязанности, предписываемыя церковію, и во всемъ, по возможности, усвоить себѣ ея духъ. Въ самомъ домѣ его должно быть подобіе церкви: стѣны комнатъ надобно устанавливать иконами, на подобіе церковнаго иконостаса. Здѣсь, въ присутствіи семьи, своей домашней церкви, онъ долженъ возжигать свѣчи, воскурять еиміамъ, совершать утреннюю и вечернюю молитвы, читать и пѣть часы, вечерню и молебны. „Въ дому своемъ, всякому христіанину, во всякой хранинѣ, святые и честные образы, написанные на иконахъ, по существу ставити на стѣнахъ, устройвъ благолѣпно, со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильники, въ нихъ же свѣщи предъ святыми образы возжигаются, на всякомъ славословіи Божіи, и по пѣніи погашаются; завѣсою закрываются, всякія ради чистоты, и отъ пыли всегда чистымъ крылышкомъ ометати и мягкою губою вытирати ихъ.... и храмъ тотъ чистъ держати всегда.... на славословіи и святомъ пѣніи и молитвѣ свѣчи вжигати и кадити благовоннымъ ладномъ и еиміамомъ; а образы святые поставляются, иже въ началѣ по чину“ (гл. VIII). „По вся дни въ вечерѣ мужъ съ женою и съ дѣтьми и домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти вечерню, павечерницу, полунощницу, съ молчаніемъ и со вниманіемъ, съ молитвою и поклоны. А въ полунощи всегда тайно вставъ, со слезами прилежно всегда Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшеніи.... А утрѣ вставъ, Богу молитися, и отпѣти заутреню и часы, а въ недѣлю и праздниѣвъ молебенъ. А гдѣ некому пѣти, ино молитися довольно вече и утре“.... (гл. XII). Но домашней молитвой не должно ограничиваться, а нужно, какъ можно чаще, ходитъ въ церковь и приносить съ собою, по возможности, свѣчи, ладанъ, просфоры и прочія вещи, нужныя для богослуженія (глав. IX). Высшею формою христіанской жизни въ древнія времена считалась жизнь иноческая; самый уставъ иноческой жизни, несмотря на отличія отъ нея условія жизни мірскихъ людей, во многихъ отношеніяхъ былъ обязателенъ для сихъ послѣднихъ. Въ Домостроѣ часто встрѣчаются наставленія мужу, женѣ и всѣмъ въ домѣ не забывать правила келейнаго; распредѣленія разныхъ родовъ пищи и питія, въ разныя времена праздниковъ и постовъ, составлены примѣнительно къ монастырскимъ уставамъ. Многія правила и обычаи, предписываемые въ Домостроѣ всѣмъ, заимствованы изъ монашеской жизни. Послѣ молитвы, обязанностей къ Богу и церкви, главными добродѣтелями въ древнія времена почитались постъ и благотворительность, или милостыня въ разныхъ видахъ (сюда относятся пожертвованія въ церкви и монастыри и проч.). Эти добродѣтели, постоянно внушаемыя въ разныхъ церковныхъ поученіяхъ, внушаются и въ Домостроѣ. Люди странные, нищие, безпомощные въ Домо-

строѣ считаются даже въ числѣ членовъ семейства (гл. VII). Онъ совѣтуетъ всякому домохозяину готовить всѣхъ припасовъ домашнихъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько требуется для дома, съ тою цѣлю, чтобы было на что содержать странныхъ и пришельцевъ и кормить нищихъ. Господа должны давать денегъ слугамъ, чтобы и они имѣли возможность подавать отъ себя милостыню.

Послѣ наставленій относительно вѣры и благочестія, въ Домостроѣ замѣчательны обязанности чловѣка, какъ члена семейства: глав. XVI—XXVI. Главное лицо въ семействѣ, разумѣется, мужъ, отецъ, господинъ дома, въ которомъ все должно дѣлаться по его волѣ, съ его совѣта и разрѣшенія. Не только слуги, дочадцы и разные ремесленные люди, сама жена, каждый день, послѣ утренней молитвы, должна совѣтоваться съ нимъ о разныхъ нуждахъ, семейныхъ дѣлахъ и домохозяйствѣ, „и все творить по его наказанію“. Съ его совѣта и разрѣшенія она также должна ходить въ церковь, выходить въ гости, къ роднымъ и знакомымъ и принимать гостей къ себѣ. Поддерживалась эта власть наказаніемъ, подѣ которымъ разумѣлось поученіе на добро, вразумленіе словомъ (выговоръ) и наказаніе въ собственномъ смыслѣ. „И увидитъ мужъ, что не порядливо у жены и слугъ, ино умѣлъ бы свою жену наказывати всякимъ разсужденіемъ и учити. Аще жена по тому наказанію и наученію не живетъ, ино достоитъ мужу жену свою наказывати и пользовати страхомъ наединѣ, и понаказавъ пожаловати и примолвити, и любовію наказывати и разсуждати, а мужу на жену не гнѣватися, ни женѣ на мужа: всегда жити въ любви и чистосердечіи... А только (если) велика вина и кручиновато дѣло и за великое и страшное ослушаніе и вебреженіе, ино плеткою вѣжливенько побить, за руки держа, по винѣ смотря, да поучивъ примолвити, а гнѣвъ бы не былъ, а люди бы того не вѣдали и не слыхали“ (глав. XXXVIII). Какъ мужу, отцу, господину дома, принадлежить власть надъ семействомъ и надо всѣмъ въ домѣ, такъ женѣ—хозяйкѣ должна принадлежать распорядительность по дому и хозяйству. Нравственный идеалъ жены въ Домостроѣ изображается въ тѣхъ же чертахъ, въ какихъ онъ изображается въ книгахъ Премудрости Соломона и Иисуса, сына Сирахова: „хвалится жена добрая, молчаливая, трудолюбивая и послушная; такая жена вѣнецъ мужу своему, дороже камени многоцѣннаго; она удѣлъ боящихся Господа“ (глав. XX). Собственныя требованія Домостроя отъ жены относятся къ занятіямъ хозяйственнымъ, область которыхъ онъ назначаетъ для нея исключительно дѣятельно-

стію: ея дѣло заниматься хозяйствомъ. Для этого она должна вставать прежде всѣхъ въ домѣ: „а николиже бы государыню (госпожу) слуги не будили, а государыня бы сама слугъ будила“ (глав. XXIX). Проснувшись рано, она всѣмъ людямъ въ домѣ должна дать работу и указать порядокъ на весь день; а чтобы работа шла успѣшнѣе, должна не только смотреть за другими, но и сама знать, какъ всякое дѣло дѣлать, чтобы могла указать другимъ. Другихъ требованій отъ жены Домострой не предъявляетъ. Было, разумѣется, одно важное дѣло, которое слѣдовало поручить женщинѣ, воспитаніе дѣтей; но воспитаніе въ тѣ времена не отличалось много *отъ питанія* и было такъ несложно, что для него не требовалось ни особаго времени, ни особой заботы; оно и состояло только въ ученіи страху Божію, вѣжеству и руководѣлію; сыновей учили письму и разнымъ промысламъ. Методъ, какому Домострой совѣтуетъ слѣдовать при воспитаніи дѣтей, основанъ на тѣхъ же началахъ, на которыхъ основана была власть отца, господина въ семействѣ, т. е. на страхѣ и наказаніи (гл. XVII). Воспитаніе оканчивалось бракомъ. При этомъ особенныя были заботы о дочеряхъ, состоявшія въ приготовленіи приданаго. Домострой на этотъ случай преподаетъ слѣдующія любопытныя наставленія: „а у кого дочь родится, ино разсудны люди, отъ всякаго приплода на дочеръ откладываютъ, на ея имя, или животинку растать съ приплодомъ; а у (отъ) полотень и у ширинокъ (платьевъ) и у убрусовъ (полотень) и рубашекъ, по вся годы ей въ пришенной (особый) сундукъ кладутъ: и платье и саженье и монисто и святость (образа) и суды оловянные и мѣдяныя и деревянные, прибавляти по немножку всегда, а не вдругъ: себѣ не въ досаду, а всево будетъ полно. Ино дочери растутъ, а страху Божію и вѣжеству учатся, а приданое съ ними вдругъ прибываетъ, и какъ замужь сговорять, ино все готово.... А по судьбамъ Божіимъ только та дочь преставится, ино ее надѣлкомъ поминають: по ея души сорокоусть и милостыню изъ того дають“ (гл. XVI). Это приготовленіе приданаго было главною, а у многихъ исключительною цѣлію при воспитаніи дочерей. Кромѣ дѣтей и родственниковъ, къ семейству встарину принадлежали и слуги, подъ названіемъ домочадцевъ. Домострой предписываетъ заботиться о нихъ, какъ о своихъ чадахъ и присныхъ, и слѣдить не только за исправностью ихъ въ работѣ, но и за ихъ религіознымъ и нравственнымъ поведеніемъ.

Въ XXVI — LXIII главахъ излагаются наставленія относительно управленія домоу и хозяйствомъ, правила экономіи и бережливости, „*благоразсудливаго и порядливаго житія*“. Основ-

ное правило, которое здѣсь предписывается, состоитъ въ томъ, что каждому человѣку должно жить сообразно съ своимъ достаткомъ. Чтобы каждому жить по своимъ средствамъ и ни въ чемъ не нуждаться, нужно, во-первыхъ, всѣ хозяйственные припасы покупать въ свое время и покупать не по мелочамъ, а массой; а во-вторыхъ, купленные или заготовленные дома припасы сберечь, чтобы они не испортились, или не были раскрадены. Въ послѣднихъ главахъ помѣщены наставленія, какъ приготовить обѣды и пиры для гостей. При этомъ весьма подробно перечисляютъ разныя кушанья, постныя и скоромныя, которыя слѣдуетъ подавать на столъ въ то или другое время года. Особое также приложение встрѣчается въ нѣкоторыхъ спискахъ Домостроя, подъ названіемъ: „нарядъ гостинный и нарядъ свадебный“, гдѣ излагаются наставленія, какъ принимать гостей молодымъ.

Такимъ образомъ, въ Домостроѣ самыми подробными правилами опредѣленъ каждый шагъ въ жизни человѣка, начиная съ важнѣйшихъ обязанностей религіозныхъ и оканчивая самымъ мелочнымъ хозяйственнымъ занятіемъ. Правила эти, слагавшіяся издавна, въ Домостроѣ приведены были въ одинъ кодексъ, который, заключивъ русскую жизнь въ строго опредѣленные формы, сдѣлался для нея неизмѣннымъ руководствомъ не только до реформы Петра В., но пережилъ и реформу и даже до сихъ поръ еще сохраняется въ жизни многихъ людей.

Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну, составляющее LXIV главу Домостроя и содержащее въ себѣ завѣщаніе Сильвестра своему сыну Авфиму, называютъ *малымъ Домостроемъ*, потому что оно представляетъ извлеченіе или сокращеніе наставленій большого Домостроя. Завѣщаніе это, между прочимъ, очень хорошо характеризуетъ личность самого Сильвестра. Подобно Мономаху, который въ своемъ поученіи рассказываетъ своимъ дѣтямъ о своей жизни и своихъ подвигахъ, и Сильвестръ въ подкрѣпленіе своихъ наставленій указываетъ здѣсь своему сыну на свою собственную жизнь. „Ты видѣлъ, сынъ мой, говоритъ онъ, какъ я жилъ въ этомъ житіи, во благословеніи и страхѣ Божіемъ, въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи, всегда пользуясь божественнымъ писаніемъ; какъ, Божіею милостію, я отъ всѣхъ былъ почитаемъ и всѣми любимъ, какъ всякому я старался угодить въ потребныхъ случаяхъ и руководіемъ и службою, и покорностію, а не гордынею, ни прекословіемъ. Не осуждалъ я никого, не осмѣивалъ, не укорялъ и ни съ кѣмъ не бранился; приходила отъ кого обида, терпѣлъ ради Бога и на себя вину полагалъ, и чрезъ то враги дѣлались друзьями....

Не пропускалъ я никогда церковнаго пѣнія отъ юности моея и до сего времени, развѣ только по немощи. Никогда не презрѣлъ ни нищаго, ни страннаго, ни печальнаго, развѣ только по невѣдѣнію; заключенныхъ въ темницы и больныхъ посѣщалъ, плѣнниковъ и должниковъ, по силѣ, выкупалъ, голодныхъ по силѣ кормилъ. Рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и иныхъ выкупалъ изъ рабства и на свободу отпускалъ. И всѣ тѣ рабы наши свободны и добрыми домами живутъ, какъ видишь, и молятъ за насъ Бога, и всегда доброхотствуютъ намъ, а кто изъ нихъ забылъ насъ, да проститъ его Богъ... Видѣлъ ты, чадо, какъ многихъ сиротъ, рабовъ и убогихъ, мужескаго пола и женскаго, и въ Новгородѣ и здѣсь въ Москвѣ, я вспоилъ и вскормилъ до совершеннаго возраста и научилъ, кто къ чему былъ способенъ; многихъ грамотѣ писать и пѣть, иныхъ иконному письму, иныхъ книжному рукодѣлію, однихъ серебряному мастерству, другихъ всякому рукодѣлію, а иныхъ научилъ всякой торговлѣ. А мать твоя многихъ дѣвицъ и вдовыхъ и убогихъ воспитала въ добромъ наказаніи, научила рукодѣлію и всякому домашнему обиходу, и, надѣливъ, замужъ повила, и мужичины поженила у добрыхъ людей“..

Четъи-Минеи митр. Манарія. Митр. Макарій (1542—1564) былъ однимъ изъ просвѣщенныхъ дѣятелей въ царствованіе Грознаго. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ Стоглавомъ соборѣ (ему нѣкоторые приписываютъ и редакцію записокъ объ этомъ соборѣ); его стараніями вмѣстѣ съ Грознымъ была устроена первая типографія въ Москвѣ. Но самый важный памятникъ просвѣтительной дѣятельности Макарія составляютъ его *Великія Четъи-Минеи*.

Мы выше замѣтили, что житія святыхъ были одними изъ первыхъ памятниковъ нашей письменности. Въ XIV и XV в., съ усиленіемъ монашеской жизни и умноженіемъ монастырей, явилось множество житій, описаній чудесъ, сказаній объ основаніи монастырей и пустынь. Трудами описанія занимались иногда сами митрополиты, архіепископы и епископы. До XVI в., особенно въ удѣльный періодъ Россіи, святые чтились большею частію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они прославились. Москва, сосредоточивъ въ себѣ отдѣльныя области, сдѣлалась центромъ и всѣхъ мѣстныхъ святынь. Въ 1547 г. было установлено, когда какому святому должно праздновать, какимъ святымъ—во всей Россіи, а какимъ мѣстно—только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они подвизались. Вмѣстѣ съ тѣмъ положено было составить службы и житія всѣхъ русскихъ свя-

тыхъ, для которыхъ они не были составлены. Вслѣдствіе этого явились многіе жизнеописатели и пѣснотворцы святыхъ.

Житія святыхъ составлялись въ разные времена, и житіе одного и того же святого имѣло нѣсколько редакцій. Обыкновенно, прежде литературной обработки, въ формѣ настоящаго жизнеописанія, сказанія о жизни и подвигахъ святого существовали или въ устныхъ преданіяхъ, или въ простыхъ запискахъ современниковъ. Въ этихъ сказаніяхъ жизнь святого изображалась иногда со всею обстановкою жизни современной; въ нихъ заключались указанія на современные нравы, повѣрія и суевѣрія, встрѣчались нерѣдко даже вымыслы народной фантазіи. При литературной обработкѣ эти сказанія подвергались критикѣ; все, что не выдерживало критики, или что несогласно было съ прямою цѣлію жизнеописателя, отбрасывалось. Цѣлію было изображеніе духовной жизни и духовныхъ подвиговъ святого, для нравственнаго назиданія читателей, а потому событія изъ обыкновенной мірской жизни святого, не представлявшія назиданія, были оставляемы безъ вниманія. Черезъ такую критику житіе дѣлалось короче, пріобрѣтало больше значенія въ исторической вѣрности, но зато лишалось многихъ подробностей, весьма важныхъ въ бытовомъ отношеніи.

Литературное достоинство житій, составленныхъ въ разные времена, также не одинаково. Древнія житія отличаются простотою и естественностію разказа. Таковы, напр., житія пр. Феодосія, св. Бориса и Глѣба, пр. Антонія, св. Леонтія и Исаія Ростовскихъ. Другой характеръ имѣютъ житія позднѣйшаго времени XIV—XVI в. Изъ Болгаріи и Сербіи въ это время распространился вкусъ къ украшенному и витіеватому слогу; простымъ изложешіемъ разказа не удовлетворялись, а находили нужнымъ украшать его, такъ что нѣкоторыя житія, написанныя просто первыми составителями, поручались для передѣлки искуснымъ писцамъ. Витіеватымъ слогомъ особенно отличаются житія, написанныя Епифаніемъ и Пахоміемъ Логоетомъ.

Всѣ житія русскихъ святыхъ, вмѣстѣ съ житіями святыхъ греческой церкви, митр. Макарій соединилъ въ одинъ сборникъ *Четьи-Минеи*. Составлять этотъ сборникъ онъ началъ еще въ Новгородѣ, когда былъ тамъ архіепископомъ. „Писалъ я, говоритъ онъ въ предисловіи къ нему, сіи святія великія книги въ великомъ Новгородѣ, когда былъ тамъ архіепископомъ, а писалъ и собиралъ ихъ въ одно мѣсто двѣнадцать лѣтъ, многими имѣніемъ и многими различными писарями, не щадя серебра и вся-

нихъ почестей“. Кромѣ краткихъ и пространныхъ житій святыхъ, въ Четьи-Миней вошли торжественныя, похвальные и поучительныя слова на праздники и памяти святыхъ, цѣлыя книги св. Писанія съ толкованіями, творенія святыхъ отцовъ, учителей и писателей церковныхъ, патерики и „всѣ святыхъ книги собраны и написаны, которыя въ русской землѣ обрѣтаются“. Такимъ образомъ, Четьи-Миней митр. Макарія представляютъ сборникъ не только житій святыхъ, но почти всей древне-русской письменности. Въ XVII в. онѣ послужили источникомъ для Четьихъ-Миней св. Димитрія Ростовскаго.

Сочиненія Іоанна Грознаго и князя А. Курбскаго. Послѣ сочиненій Максима Грека, Стоглава и Домостроя важнѣйшія литературныя памятники XVI в. составляютъ сочиненія Іоанна Грознаго и князя А. Курбскаго. Съ одной стороны они много объясняютъ оригинальный характеръ Грознаго и его царствованія, съ другой представляютъ довольно много любопытныхъ чертъ, дополняющихъ общую картину умственнаго и религіозно-нравственнаго состоянія, изображаемую указанными памятниками. Послѣ Владиміра Мономаха, написавшаго поученіе своимъ дѣтямъ, до Іоанна Грознаго мы не встрѣчаемъ между князьями ни одного писателя. Грозный не только любилъ читать книги, но и самъ брался за перо и умѣлъ владѣть имъ, любилъ говорить рѣчи и отличался замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Памятникомъ его образованія и краснорѣчія служатъ: рѣчь, говоренная имъ на добромъ мѣстѣ, при публичномъ прованіи предъ народомъ, рѣчь при открытіи Стоглаваго собора, посланіе въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, посланія къ князю Курбскому и духовное завѣщаніе. Изъ нихъ особенно замѣчательны: *посланіе въ Бѣлозерскій монастырь и посланія къ Курбскому.*

Посланіе Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь ⁽¹⁾ написано по поводу безпорядковъ и упадка жизни въ этомъ монастырѣ. Монастырь этотъ былъ мѣстомъ ссылки опальныхъ бояръ и князей; сдѣлавшись монахами, бояре не оставляли привычекъ боярской жизни, жили не по-монашески и служили соблазномъ и дурнымъ примѣромъ для другихъ монаховъ. Грозный представляетъ въ своемъ посланіи все противорѣчіе безпорядочной жизни идеалу монашества вообще и, въ частности, образцамъ древ-

⁽¹⁾ Напечатано въ Арт. Ист., т. 1, № 204, стр. 372—394. Хрест. Буслаева, стр. 849—856.

ного подвижничества. Съ обличеніемъ безпорядковъ въ Кирилловомъ монастырѣ соединяется рѣзкое обличеніе въ нестроеніяхъ и упадкѣ монашества и въ другихъ монастыряхъ. Посланіе написано къ игумену Кириллова монастыря, Козмѣ, который жаловался Грозному на монастырскіе безпорядки и просилъ его дать монахамъ наставленіе. Грозный сначала отрицается отъ этого (давать монахамъ наставленія), указывая на высоту монашескаго званія, „Я братомъ вашимъ, говоритъ онъ, не достойнъ называться, но по евангельскому слову, сотворите меня, какъ единого отънаемниковъ;... ибо написано: свѣтъ ангелы для иноковъ, а иноки свѣтъ для мірянъ. Вамъ должно наставлять насъ, заблудшихъ въ тьмѣ гордости и сѣни смертной“. Но, прикрывшись такимъ смиреніемъ, Грозный высказываетъ потомъ самыя рѣзкія укоризны монастырю. „Видите ли, какого плача и скорби достойно послабленіе иноческаго житію. И по тому вашему послабленію для Шереметева и Хабарова (1) — такова у васъ слабость учинилась и преступленіе чудотворцева преданія. А если намъ благоволитъ Богъ у васъ постричься, то у васъ будетъ весь царскій дворъ, а монастыря уже не будетъ. Зачѣмъ же и идти въ монахи и говорить: отрицаюсь отъ міра и всего, что въ мірѣ, а міръ у всѣхъ на глазахъ. Какъ Шереметеву назвать другихъ монаховъ братією, когда у него десятый холопъ, который въ кельи живетъ, ѣстъ лучше братіи. Великіе свѣтильники Сергій, Кириллъ, Варлаамъ, Дмитрій и Пафнуцій и многіе другіе преподобные въ русской землѣ установили крѣпкіе уставы иноческому житію, а бояре, пришедши къ вамъ, ввели свои любострастные уставы. Значитъ, не они у васъ постриглись, а вы у нихъ, какъ бы не вы имъ законоположники и учителя, а они вамъ. Да, уставъ Шереметева добръ, держите его, а Кирилловъ уставъ не добръ, оставьте его. Сегодня тотъ бояринъ одну страсть введетъ, а въ другой разъ иной другую слабость введетъ, и мало по малу весь обиходъ монастырской испразднится, и будутъ всѣ обычаи мірскіе. Вѣдь, по всѣмъ монастырямъ начальники сначала оставили крѣпкое житіе, а любострастные послѣ ихъ раззорили... Нынѣ у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ что царь и Хабаровъ къ нему приходитъ съ другими чернецами да ѣдятъ и пьютъ, что въ міру; а Шереметевъ, не вѣсть со свадьбы, не вѣсть съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ постилы и коврижки и другія пріяныя составныя овощи, а за монастыремъ дворъ, а на немъ всякіе годовые запасы, а вы молчите о такомъ великомъ пагубномъ монастырскомъ безчиніи. А другіе говорятъ, будто и виногорячее приносили потихоньку въ келью къ Шереметеву. Въ мо-

(1) Опальные бояре, постриженные въ монахи.

настырахъ не только что горячее, и фряжскія вина—заворь: это ли путь спасенія? Это ли иноческое пребываніе?... Иноческое житіе не игрушка; три дня въ чернецахъ, а седьмой монастырь мѣняетъ... Надобны четки не на скрижалахъ каменныхъ, а на скрижалахъ сердца плотяныхъ; я видалъ, какъ по четкамъ бранятся: что въ тѣхъ четкахъ?—А впередъ о Шереметевѣ и другихъ такихъ велѣпцахъ намъ не докучать; и отъ насъ отвѣту никакого не будетъ“.

Переписка Грознаго съ княземъ Курбскимъ. Князь Андрей Курбскій былъ однимъ изъ славныхъ дѣятелей въ царствованіе Грознаго. Отличившись во многихъ битвахъ и особенно при взятіи Казани, онъ подвергся гнѣву Грознаго за одну проигранную битву съ литовцами и долженъ былъ спастись бѣгствомъ въ Литву и перешелъ на сторону Польскаго короля, Сигизмунда. Въ Литвѣ онъ сдѣлался самымъ дѣятельнымъ поборникомъ православной вѣры, которая здѣсь подвергалась нападеніямъ іезуитовъ. Онъ писалъ письма къ князю Острожскому и другимъ знатымъ лицамъ на Волыни и Литвѣ, возбуждая ихъ заботиться о христіанскомъ просвѣщеніи, собиралъ отеческія сочиненія, отыскивалъ для нихъ переводчиковъ, въ преклонныхъ уже лѣтахъ началъ учиться латинскому языку и словеснымъ наукамъ: грамматикѣ, риторикѣ и діалектикѣ, самъ перевелъ богословіе и діалектику Іоанна Дамаскина, Маргаритъ и, наконецъ, написалъ исторію Флорентинскаго собора, на который указывали католики въ доказательство истинности своего ученія. Вообще во всей дѣятельности Курбскаго ясно сказывается достойный ученіе Максима Грека, подобно ему ревностно заботившійся о православной вѣрѣ и христіанскомъ просвѣщеніи. Что же касается характера и взглядовъ Курбскаго, какъ политическаго дѣятеля, то они всего лучше выражаются въ его посланіяхъ къ Грозному и Исторіи Грознаго ⁽¹⁾.

Первое посланіе Курбскій написалъ изъ Вольмара, куда онъ убѣжалъ, спасаясь отъ гнѣва Грознаго, послѣ потери битвы подъ Невлемъ. „Царю, отъ Бога препрославленному, паче же въ православіи пресвѣтлу явльшуся, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, сопротивъ сихъ обрѣтшемуся... За что ты, царь, побилъ сильныхъ во Израилѣ, и воеводъ, отъ Бога тебѣ данныхъ, предалъ разнымъ смертямъ, въ церквахъ Божіихъ пролилъ побѣдоносную святую

(1) Переписка съ Грознымъ и Исторія Грознаго напечатаны въ Сказаніяхъ князя Курбскаго. Мѣста изъ нея приведены здѣсь по первому изданію 1833 г.

кровь ихъ и мученическою кровью ихъ обагрилъ церковные пороги?.. Чѣмъ провинились предъ тобою и чѣмъ прогнѣвали тебя христіанскіе предстатели? Не раззорили ли они прегордыя царства и своимъ мужествомъ и храбростію не привели ли подъ твою власть тѣхъ, у кого были въ работѣ наши праотцы? Не преданы ли тебѣ во власть тщаніемъ ихъ разума претвердые германскіе грады?... Не безсмертнымъ ли ты считаешь себя, или въ *небытнуну* ересь прельстился, какъ бы не думая предстать предъ неумытнаго судью, Богоначальнаго Иисуса, имѣющаго судить вселенной въ правдѣ? Онъ, Христосъ мой, сѣдѣвшій на херувимскомъ престолѣ, одесную силы владычества въ превысокихъ—судія между тобою и мною!“ Представляя бѣдствія и гоненія, понесенныя какъ имъ, такъ и другими боярами, Курбскій говоритъ Грозному: „кровь моя, какъ вода, пролитая за тебя, вопіеть на тебя къ моему Господу. Богъ зритель сердець: я прилежно размышлялъ умомъ своимъ, свою совѣсть обличителемъ и свидѣтелемъ противъ себя ставилъ, и не знаю и не нахожу себя согрѣшившимъ предъ тобою ни въ чемъ: съ твоимъ войскомъ всегда ходилъ и никогда не навелъ на тебя безчестія, но только побѣды пресвѣтлыя во славу твою поставлялъ“. Указавъ потомъ на убитыхъ и заточенныхъ Грознымъ, онъ въ концѣ письма обращается къ нему съ такими словами: „убитые тобою стоятъ у престола Господня и просятъ на тебя отмщенія; заточенные и прогнанные тобою безъ правды, мы день и ночь вопіемъ отъ земли къ Богу... и сіе писаніе, слезами измоченное, въ гробъ съ собою велю положить, грядущи съ тобою на судъ Бога моего, Иисуса Христа“ (1). Страшно поразило Грознаго такое посланіе отъ бывшаго его подданнаго. „Я получилъ твое письмо и хорошо понялъ: подъ устами твоими ядъ змѣиный, хотя снаружи оно полно меда и сота“, говоритъ онъ ему въ своемъ отвѣтномъ посланіи. Въ этомъ посланіи онъ опровергаетъ каждое обвиненіе Курбскаго и доказываетъ ему, что онъ сдѣлался измѣнникомъ и погубилъ свою душу. „Почто ты, князь, если думаешь быть благочестивымъ, отвергъ (погубилъ) едиnorodную свою душу? Что ты заплатишь за нее въ день страшнаго суда? Если и весь міръ приобрѣтешь, все-таки смерть, наконецъ, постигнетъ тебя. За чѣмъ ты продалъ душу за тѣло?“ Онъ объясняетъ Курбскому, что, перешедши на сторону враговъ, онъ сдѣлался врагомъ отечеству и неизбѣжно будетъ вредить ему. „Ужели ты, окаянный, думаешь уберечься? Если ты будешь съ ними воевать, то и церкви (приведется) раззорять, и иконы попираить, и христіанъ

(1) Сказанія кн. Курбскаго. Спб. 1833. Ч. II, стр. 1—8.

погублять; если гдѣ и не дерзнешь руками, то своею мыслию смертоносною много сдѣлаешь такого зла. Подумай, какъ, во время войны, нѣжные младенческіе члены будутъ попираемы конскими копытами... и это твое злобѣсное умышленіе развѣ не уподобляется неистовству Ирода, который убилъ младенцевъ? Въ томъ ли состоятъ твое благочестіе, чтобы дѣлать зло?... Ради тѣла ты погубилъ душу и ради мимолетной славы приобрѣлъ *нелютную славу и не на челоуѣка воззѣрился, но на Бога возсталъ*.... Если ты называешь себя праведнымъ и благочестивымъ, то зачѣмъ убоялся неповинной смерти, которая не есть смерть, а приобрѣтеніе? Почто презрѣлъ и слова апостола Павла: „всяка душа владыкамъ предвладующимъ да повинуется“. Смотри и разумѣй, что противящійся власти Богу противится, а кто Богу противится, тотъ отступникъ именуется, а это горчайшее согрѣшеніе.... И это сказано о всякой власти, которую и кровью и войной получаютъ... Также презрѣлъ ты и другія слова апостола: „раби, послушайте господей своихъ, не предъ очима точію работающе, яко челоуѣкоугодницы, но яко Богу, и не токмо благимъ, но и строптивымъ, не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть“. И если ты праведенъ и благочестивъ, то почему не захотѣлъ пострадать отъ меня, строптиваго владыки, и наследовать вѣнецъ жизни, но ради временной славы, сребролюбія и сладости міра попралъ все свое благочестіе съ христіанскою вѣрою и закономъ?... Какъ не устыдился ты раба своего, Васьки Шибанова, который соблюлъ свое благочестіе и, стоя при вратахъ смерти, предъ царемъ и предъ всѣмъ народомъ, не отвергся отъ тебя, ради крестнаго цѣлованія, но готовъ былъ умереть за тебя, всячески тебя похваляя? Ты же не поревновалъ его благочестію: изъ-за одного гнѣвнаго слова моего ты погубилъ не только свою душу, но и души всѣхъ прародителей, которыхъ Божиимъ изволеніемъ поручены въ работу дѣду нашему, великому государю“.... Защищаясь противъ обвиненій Курбскаго въ жестокостяхъ, Грозный говорить, что во всѣхъ его дѣлахъ виновны бояре, которые испортили его и своими измѣнами вызвали его на гнѣвъ и жестокость. „А того въ своей злобѣ ты не могъ разсудить, что это не благочестіе, чтобы самодержавству находиться подъ властію попа и вашего злочестія.... Какъ ты не могъ уразумѣть и того, что властителямъ подобаешь не ярится звѣрски. но и не смиратися безсловесно, какъ сказалъ апостолъ: „овѣхъ убо милуйте, разсуждающе, овѣхъ же страхомъ спасайте, отъ огня восхищающе“. Видишь ли, какъ апостолъ повелѣваетъ спасать страхомъ?... Какъ ты не стыдишься злодѣевъ называть мучениками, не разсуждая словъ апостола: „аще кто не законно мученъ будетъ, сирѣчь не за царя, не вѣнчается?“... Далѣе Грозный доказываетъ, что царямъ необходимо быть строгими и управ-

лять самимъ, иначе царство разорится: „Греки погубили свое царство и покорились туркамъ: не такую ли же погибель ты и намъ совѣтуешь: да падетъ она на твою голову... Развѣ это хорошо, чтобы пону и прегордымъ и лукавымъ рабамъ владѣть, а царю только почтену быть предсѣданіемъ и честію царствія, а по власти быть ничѣмъ не лучше раба? Какъ же и самодержцемъ онъ можетъ назваться, если не самъ все устрояетъ?... А что ты писалъ: „за, что я сильныхъ во Израили погубилъ, и воеводъ, отъ Бога данныхъ намъ, различными смертями уморилъ“... такъ это ты писалъ и лгалъ ложно, какъ научилъ тебя отецъ твой, дьяволъ.... Сильныхъ во Израили я не погубилъ, да и не знаю, кто сильнѣйшій во Израили.... Земля правится Божиимъ милосердіемъ, милостію Пречистыя Богородицы, молитвами всѣхъ святыхъ, благословеніемъ нашихъ родителей, и послѣ нихъ нами, своими государями, а не судьями и воеводами... А что мы своихъ воеводъ казнили разными смертями, такъ мы, Божіею помощію, имѣемъ у себя множество воеводъ и кромѣ васъ измѣнниковъ. Мы вольны жаловать своихъ холопей, вольны также и казнить ихъ. Крови въ церквахъ мы никакой не проливали и праговъ церковныхъ никакой кровію не обагрѣемъ; сколько силы и разумъ намъ позволяютъ. церкви Божіи сіяютъ всякими украшеніями, не только праги и помость, но и преддверія; а мучениковъ за вѣру въ сіе время у насъ нѣтъ; доброхотныхъ же своихъ, полагающихъ за насъ свою душу истинно, а не лестію... мы жалуемъ всякимъ великимъ жалованьемъ, а тѣ, которые оказываются противниками, казнь пріемлютъ по своей винѣ“. Далѣе Грозный указываетъ, какія измѣны и обиды привелось ему терпѣть отъ бояръ въ прежнее время, начиная съ малолѣтства... „А что ты писалъ о томъ, будто тѣ предстатели (бояре) прегордыя царства разорили и покорили подъ власть тѣхъ, у кого прежде праотцы ваши въ работѣ были, то это справедливо только о царствѣ Казанскомъ, а около Астрахани и близко вашей милости не было, не только что дѣла... Въ этомъ ли состоитъ храбрость, чтобы службу ставить въ опалу? и такъ ли слѣдовало покорять прегордыя царства? Сколько ни было хожденія въ казанскую землю, когда вы ходили не съ понужденіемъ, охотно? Вы всегда ходили какъ *на бѣдное* хожденіе. Такъ ли вы прегордыя царства разорили, что народъ смущали безумными толками и отвращали отъ войны. А во время пребыванія подъ Казанью вы всегда совѣтовали развращенное, и когда истощились запасы, то, простоявъ три дня, вы хотѣли возвратиться домой... Такъ ли разоряютъ прегордыя царства?... Судіею Христа Бога нашего ты ставишь между собою и мною, и я этого суда не отмечаюсь... Онъ, Господь Богъ нашъ, судитель праведный, испытующій сердца и

утробы... знаетъ, за какое дѣло вы на меня возстали и въ чемъ отъ меня пострадали, если, по вашему безумію, я простеръ на васъ мечь съ милостію... вы соблазнъ всему и начало злу... Ты ставишь судією Христа, а дѣлъ его отмечаешься; Онъ говоритъ: „солнце да не зайдетъ во гнѣвъ вашемъ“... А что ты говоришь: „кровь твоя, пролитая отъ иноплеменныхъ за насъ, вопіетъ на насъ къ Богу“, то это достойно смѣха. Кровь, пролитая другими, на другаго и вопіетъ. Да если и пролита твоя кровь сопротивными супостатами, то это ты сдѣлалъ для отечества; еслибы ты не сдѣлалъ этого, то былъ бы не христіанинъ, а варваръ. Еще больше вопіетъ къ Богу наша кровь, пролитая вами: не ранами, а многими трудами вы отягощали меня; отъ вашего озлобленія и утѣшенія, вмѣсто крови, много слезъ пролилось изъ очей нашихъ, много было воздыханій и стоновъ сердечныхъ... Свое писаніе ты хочешь положить съ собою во гробъ; это значитъ, что ты отложилъ послѣднее свое христіанство. Господь повелѣлъ не противиться злу, а ты и обычное послѣднее прощеніе отвергъ, и потому не должно быть и пѣнію надъ тобою“

Отвѣчая на это посланіе Грознаго, Курбскій называетъ его *широковъщательнымъ и многошумящимъ* и говоритъ, что оно *отрыгнуто* отъ неувротимаго гнѣва со многими ядовитыми словами; со многою яростію и лютостію въ немъ хватано отъ многихъ священныхъ книгъ, не строками и не стихами, какъ свойственно искуснымъ и ученымъ, но пѣлыми книгами, паремьями и посланіями. Не прилично такъ варварски писать въ чужую землю, гдѣ есть искусные не только въ грамматическомъ и риторическомъ, но и философскомъ ученіи. Курбскій говоритъ, что онъ, какъ оскорбленный и изгнанный, заслуживаетъ утѣшенія, и хорошо ли *грысти такъ кусательно* за глаза невиннаго чловѣка и бывшаго вѣрнаго слугу своего. „Я хотѣлъ, говоритъ онъ, отвѣчать на каждое слово твое и могъ бы, потому что, по благодати Христа моего, и языкомъ отеческимъ владѣю и довольно научился, но удерживаю руку съ тростію: я отдаю всё, какъ и въ прежнемъ посланіи писалъ къ тебѣ, на судъ Божій и положилъ здѣсь молчать, а говорить тамъ со дерзновеніемъ предъ маестатомъ (величествомъ) Христа моего, вмѣстѣ со всѣми избіенными и гонимыми тобою“ (1).

Но Грозный не оставилъ въ покоѣ Курбскаго и снова вызвалъ его на переписку. Въ 1577 г. онъ взялъ городъ Вольмаръ, куда сначала бѣжалъ Курбскій, и тотчасъ же написалъ къ нему посланіе, въ которомъ, указывая на одержанныя имъ побѣ-

(1) Сказанія Курбскаго, ч. II, стр. 103—106.

ды надъ нѣмцами, Литвою и татарами, онъ укорялъ его: „вы говорили: вѣтъ людей на Руси, некому стоять; и нынѣ васъ нѣтъ: кто же нынѣ беретъ претвердые германскіе грады?... Ты себѣ въ досаду написалъ, будто бы мы послали тебя въ дальніе города, какъ въ опалу, а вотъ мы нынѣ, Божіею помощію, прошли далѣе твоихъ дальнихъ городовъ... И гдѣ ты хотѣлъ успокоиться отъ всѣхъ трудовъ своихъ, въ Вольмарѣ, и туда Богъ принесъ насъ на покой твой; и гдѣ ты хотѣлъ спастись отъ насъ, мы и тутъ, по Божьей волѣ, тебя нагнали“. Въ этомъ посланіи Грозный снова разбираетъ первое посланіе Курбскаго и жалуется на прежнія обиды и измѣну бояръ, утверждая, что они погубили, царицу Анастасію и его самого довели до *Кроновы жертвы*: „а съ женою вы меня за что разлучили? если бы вы не отняли у меня моей юницы, то не было бы *Кроновы жертвы*“. Черезъ два года Грозный самъ потерпѣлъ поражение въ войнѣ съ Литвою и потерялъ городъ Полодѣвъ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Курбскій въ 1579 г. послалъ къ Грозному одно за другимъ два обличительныя посланія. Въ первомъ изъ нихъ онъ исчисляетъ бѣдствія Россіи по изгнаніи и убіеніи доблестныхъ мужей: голодъ, сожженіе Москвы, бѣгство войска отъ крымскихъ татаръ, и опять опровергаетъ клеветы, взведенныя на него Грознымъ. Въ заключеніи письма онъ говоритъ ему: „уже пора твоему величеству укротиться и войти въ чувство; мы уже ближе стали ко гробу тѣломъ, а душею безсмертною и умою въ суду Божію, нежели къ суетному сему житію“ (1).

Въ перепискѣ Грознаго съ Курбскимъ прежде всего выразились ихъ личныя отношенія, какъ противниковъ, глубоко оскорбленныхъ другъ другомъ: и Курбскій и Грозный во всемъ виняты другъ друга, и тотъ и другой во всемъ считаютъ себя правыми и видятъ одинъ въ другомъ одни недостатки. Только изъ сравненія ихъ посланій можно уразумѣть справедливость. Но, вмѣстѣ съ личными отношеніями, по замѣчанію Сомовьева, отразились въ перепискѣ и родовыя преданія, вскрылась историческая связь явленій. Грозный смотритъ на Курбскаго не какъ на простаго отъѣзжчика, оставившаго отечество только изъ страха личной опалы, но какъ на представителя цѣлой боярской партіи, противной царской власти. Поэтому онъ всего болѣе защищаетъ въ своихъ посланіяхъ идею самодержавной царской власти. Курбскій также упрекаетъ Грознаго не за себя одного, а за многихъ, и грозитъ ему небесною карою также за многихъ: онъ является защитникомъ идеи боярской. Основная мысль Курбскаго та, что царь-

(1) Сказанія Курбскаго, ч. II, стр. 119—144.

долженъ совѣтоваться съ боярами, что прежде только тогда и было хорошо, когда слушались ихъ совѣтовъ, и все пошло дурно, когда Грозный удалилъ совѣтниковъ и сталъ управлять самъ. Основная мысль Грознаго совершенно противоположная: царь не долженъ находиться ни подъ чьимъ вліяніемъ. „Это ли совѣсть проказенная, по твоему, чтобы царство свое въ рукѣ держать? До сихъ поръ русскіе владѣтели не давали отчета никому. Жаловать своихъ холопей мы вольны, вольны также и казнить ихъ“ (1). Въ литературномъ отношеніи посланія Грознаго носятъ на себѣ отпечатокъ его сильной и оригинальной личности. Грозный имѣлъ большія свѣдѣнія въ св. Писаніи, писаніяхъ отеческихъ, лѣтописяхъ и хронографахъ; но эти свѣдѣнія онъ употреблялъ почти безъ всякой переработки, а прямо, какъ вычиталъ, „не строками и стихами, по выраженію Курбскаго, но цѣлыми книгами, перемьями и посланіями“. Въ слогѣ Грознаго отражается его страстная натура и, въ частности, то возбужденное состояніе духа, въ какомъ онъ писалъ; его разсужденія слишкомъ многорѣчивы и пространны; это особенно надобно сказать о первомъ его посланіи, которое Курбскій справедливо называетъ *широковѣщательнымъ и многошумящимъ*. Другой недостатокъ составляетъ беспорядокъ въ изложеніи. Грозный не излагаетъ предмета, а безпокойно бросается отъ одного предмета въ другому, не окончивъ одного переходить къ другому, а иногда нѣсколько разъ начинаетъ говорить объ одномъ и томъ же. Но, несмотря на эти недостатки, слогъ его отличается необыкновенною силою; его выраженія часто чрезвычайно оригинальны и прямо и мѣтко попадаютъ въ цѣль. Особенно замѣчательно умѣнье поймать противника на словѣ и обратить противъ него его же собственное оружіе, и способность въ ироніи, которая составляетъ отличительную черту его слога и придаетъ его сочиненіямъ ту силу, за которую Курбскій называетъ ихъ *кусательными*. Письма Курбскаго, какъ чловека не просто начитаннаго, но и знакомаго съ словесными науками, отличаются значительною правильностію и стройностію изложенія; но въ языкѣ ихъ много словъ и оборотовъ польскихъ и латинскихъ.

Исторію Іоанна Грознаго Курбскій написалъ, какъ онъ самъ замѣчаетъ, по просьбѣ многихъ людей, которые желали знать, отъ чего произошла страшная перемѣна въ Іоаннѣ, который послѣ добраго правленія сдѣлался тираномъ своихъ подданныхъ. Исторія состоитъ изъ девяти главъ и содержитъ описаніе жизни Гроз-

(1) Соловьева Ист. Россія, ч. VI, стр. 204—216.

наго, отъ самаго его дѣтства до 1578 г. Начало и первую причину жестокости въ Грозномъ Курбскій видитъ въ его воспитаніи. Исправленіе Грознаго и успѣхи славныхъ дѣлъ первой половины его царствованія онъ приписываетъ Сильвестру и Адашеву и вообще мудрымъ совѣтникамъ и доблестнымъ мужамъ, которые его окружали. Перемѣна въ характерѣ Иоанна началась послѣ удаленія этихъ совѣтниковъ, когда Грозный сталъ слушать своихъ ласкателей, новыхъ совѣтниковъ. Описывая разные событія, Курбскій хочетъ объяснить и причины ихъ. Только объясненія его часто невѣрны или поверхностны. У него нѣтъ историческаго спокойствія и безпристрастія; онъ и здѣсь, какъ въ посланіяхъ въ Грозному, является чловѣкомъ партіи.

Слабыя стороны въ жизни духовенства и разные церковныя нестроенія благопріятствовали распространенію ересей, которыя въ нихъ находили опору для себя. Послѣ ереси жидовствующихъ явились двѣ ереси—Матвѣя Бавшина (или Башкина) и Θεодосія Косаго. Впрочемъ о Бавшинѣ и его ереси осталось мало опредѣленныхъ свѣдѣній.

Истины показаніе Отенскаго инока Зиновія. Свѣдѣнія о ереси Θεодосія Косаго сохранились въ сочиненіи ученика Максима Грека, инока Отенскаго монастыря (близъ Новгородѣ), Зиновія (ум. въ 1568 г.). Къ Зиновію пришли однажды три послѣдователя ереси Косаго, крылошане Хутынскаго Спасава монастыря (два монаха, Герасимъ и Аеанасій, и мірянинъ Θεодоръ, иконописецъ), и просили его сказать свое мнѣніе о новомъ ученіи. Узнавъ отъ крылошанъ, въ чемъ состоитъ это новое ученіе, Зиновій написалъ противъ него обширное сочиненіе, подъ заглавіемъ: „*Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи*“ (1). Въ немъ онъ подробно излагаетъ свои бесѣды съ крылошанами, разбирая отдѣльно каждый пунктъ еретическаго ученія. Все сочиненіе состоитъ изъ 56 главъ или 10 пришествій крылошанъ. Заключая въ себѣ опроверженіе еретическаго ученія Косаго, оно въ то же время хорошо характеризуетъ религиозное и умственное состояніе русскаго общества въ XVI в., указывая на всѣ крупныя и мелкія религиозныя вопросы того времени. Въ историческомъ ходѣ полемика Зиновія была продолженіемъ полемики Іосифа, какъ и ересь Косаго была крайнимъ развитіемъ того рационалистическаго ученія, которое, проникнувъ съ Запада и привившись къ русскому невѣжеству, сначала выразилось въ ереси жидовствующихъ; поэтому *Показаніе истины* тѣсно связывается съ *Просвѣтителемъ* и по

(1) Напечатано въ Правосл. Собесѣдн. за 1863 г.

содержанію и по направленію. Особенно въ первой части сочиненія Зиновія раскрываются тѣ же пункты христіанскаго ученія, какъ и въ сочиненіи Іосифа; сходство въ мысляхъ и доказательствахъ и въ порядкѣ ихъ расположенія показываетъ, что Зиновій руководствовался Просвѣтителемъ. Но, съ другой стороны, полемика Зиновія, какъ дальнѣйшій шагъ впередъ, хотя въ одномъ и томъ же направленіи, гораздо тверже и основательнѣе. Зиновій не ограничивается, какъ Іосифъ, простымъ подборомъ и перечисленіемъ свидѣтельствъ на извѣстную мысль изъ Писанія и отцевъ церкви, но объясняетъ ихъ, сопоставляетъ между собою и съ другими мѣстами и выводитъ заключенія. Онъ глубже, нежели Іосифъ, проникаетъ въ смыслъ и силу еретическихъ мудрованій и въ опроверженіи ихъ принаравливается къ приемамъ своихъ противниковъ и старается дѣйствовать тѣмъ же оружіемъ. Ученіе Косаго, по словамъ крылошанъ, правилось своею ясностію и простотою (нынѣшнее ученіе открыто, а ученіе отеческое закрыто); и Зиновій также заботится о простотѣ и ясности изложенія, разсматриваетъ и объясняетъ каждую мысль съ такими подробностями, что часто становится растянутымъ и утомительнымъ. Такъ какъ Косой, по словамъ крылошанъ, училъ по книгамъ, давая самимъ слушателямъ читать объясняемые имъ мѣста, то и Зиновій, опровергая его мудрованія, не ограничивается указаніемъ на книгу Писанія или книгу отеческую, но читаетъ самыя мѣста изъ этихъ книгъ. Наконецъ, ученіе Косаго правилось простотою и естественностію объясненій; и Зиновій не ограничивается приведеніемъ свидѣтельствъ изъ писаній, но часто употребляетъ доказательства отъ разума и изъ простыхъ явленій природы. При такихъ качествахъ сочиненіе Зиновія, естественно, должно было получить весьма важное значеніе для борьбы съ раціоналистическимъ ученіемъ XVI и XVII в.

Путешествія въ XVI в. Изъ путешествій XVI в. замѣчательно *путешествіе московскихъ купцовъ, Трифона Коробейникова и Юрія Грекова*. Въ 1583 г. они ходили въ Іерусалимъ, Египеть и на Синайскую гору, по распоряженію Грознаго, который посылалъ ихъ въ эти мѣста съ милостынею на поминовеніе убитаго имъ Іоанна царевича. Путешествіе ихъ находило много читателей, часто переписывалось и нѣсколько разъ было напечатано. Главный интересъ его для древнихъ читателей заключался, разумѣется, въ тѣхъ апокрифическихъ, легендарныхъ, чудесныхъ разсказахъ, которыми оно наполнено.

СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ И СЛОВЕСНОСТИ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ ВЪ XVI—XVII В.

При польскомъ королѣ Сигизмундѣ Августѣ Юго-Западная Русь была присоединена къ Польшѣ и подверглась вліянію польской національности и латинства. Что-бы крѣпче привязать Русь къ себѣ, Польша составила планъ сдѣлать ее латинскою, уничтожить въ ней православную вѣру, русскій азыкъ и народность. Сильнѣйшимъ орудіемъ въ исполненіи этого плана явились іезуиты, которымъ Августъ открылъ свободный доступъ въ Польшу. Они тотчасъ же начали дѣятельную пропаганду латинства, писали противъ православія сочиненія, но особенно сильно дѣйствовали посредствомъ воспитанія юношества. Во всѣхъ главныхъ городахъ, польскихъ и русскихъ они открыли свои школы, въ которыхъ воспитывали ревностныхъ приверженцевъ латинства и враговъ православія и русской народности. Дѣйствуя на высшее русское общество посредствомъ сочиненій и воспитанія, они для простого русскаго народа устроили такъ называемую *Унію*, которая введена была въ Юго-Западной Россіи въ 1596 г. Такія притѣсненія вѣры и народности возбудили въ русскомъ народѣ сильную борьбу противъ Польши и латинства, которая, съ одной стороны, выразилась въ ожесточенныхъ казацкихъ войнахъ, а съ другой вызвала въ русскихъ на защиту умственную дѣятельность. Такъ какъ сила іезуитовъ заключалась въ образованіи, то для противоудѣйствія имъ нужно было распространить между русскими основательное образованіе въ духѣ православія. Заботиться объ этомъ начали богатые и образованные русскіе вельможи еще до введенія Уніи. Мы видѣли, какимъ дѣятельнымъ поборникомъ православія явился въ Литвѣ князь Курбскій. Другимъ знаменитымъ поборникомъ православія былъ князь Константинъ Острожскій. Онъ открылъ высшее училище въ Острогѣ (въ 1580 г.), завелъ при немъ типографію, въ которой было напечатано много книгъ богослужебныхъ и учительныхъ; стараніями его была издана здѣсь въ 1580—1581 г. первая полная славянская Библия. Но высшее сословіе не долго могло поддерживать такую борьбу съ латинствомъ; молодое его поколѣніе, увлекаемое польскою образованностію, не слѣдовало примѣру отцовъ и переходило въ латинство; такъ поступили даже сыновья Курбскаго и Острожскаго. Тогда возстали на защиту православія такъ называемыя *Церковныя Братства*. Братства эти, составлявшіяся около церквей и монастырей, первоначально имѣли цѣль благотворительную, но послѣ введенія Уніи они все вниманіе обратили на защиту отъ латинства православія и русской народности. Они строили училища, заводили типографіи, отправляли молодыхъ людей для образованія въ западныя коллегіумы и университеты, чтобы приготовить изъ нихъ защитниковъ вѣры. Въ

Львовѣ, Вильнѣ, Луцкѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ были устроены училища, по образцу западно-европейскихъ училищъ; въ этихъ училищахъ начали преподавать уже не одну грамотность, но разные языки и разныя науки: грамматику, риторику, діалектику, по руководствамъ западно-европейскимъ.

Такимъ путемъ начала распространяться въ Россіи западная наука. Впрочемъ, эта наука, новая для русскихъ людей, была давно извѣстная, уже устарѣвшая въ это время въ Европѣ, средневѣковая, схоластическая наука. Сущность этой схоластической науки состояла не въ содержаніи, которое было у нея давнее, готовое и заключалось въ христіанскомъ ученіи, но въ приемахъ и формахъ при раскрытіи этого содержанія. Въ ней начала и формы древней науки и особенно философіи Аристотеля были приложены въ объясненію и утвержденію христіанскаго ученія. Такая формальная наука всего болѣе отвѣчала тѣмъ насущнымъ потребностямъ, для которыхъ русскіе начали знакомиться съ образованіемъ, чтобы защитить отъ латинства древнія истины православнаго ученія. Она давала лучшія средства для борьбы съ врагами, тѣ научныя пособія, которыхъ не доставало русскимъ людямъ. Въ древне-русской переводной словесности, какъ мы видѣли, было много разныхъ сочиненій; но безъ научнаго образованія эти сочиненія не могли приносить надлежащей пользы. Они производили грамотниковъ и начетчиковъ, которые къ вычитаннымъ свѣдѣніямъ не могли относиться критически. Схоластическая наука стала воспитывать не просто грамотныхъ и начитанныхъ людей, но ученыхъ, которые способны были оцѣнить книгу, объяснить и защитить истину и опровергнуть заблужденіе. Эти ученые стали приводить христіанскія истины, заключающіяся въ разныхъ источникахъ, въ научныя системы, въ которыхъ все православное христіанское ученіе получило одинъ опредѣленный видъ и характеръ и стало сообщать всѣмъ одинаковыя понятія о догматахъ вѣры. вмѣстѣ съ богословскими системами начали появляться книги и руководства и по другимъ предметамъ знанія.

Кіевская академія. Центромъ этой схоластической науки сдѣлалось *Кіевское училище*. Оно основано было Братствомъ Богоявленской церкви и называлось сначала *Школою славянскаго и латинно-польскаго письма*. Возвышеніемъ своимъ оно обязано было митру Петру Могилѣ, который преобразовалъ его въ 1631 г. въ высшее училище; по его имени оно стало называться *Кіевомогиланскою коллегіей*, а потомъ съ 1701 г. *Кіевскою академіей*. Устройство академіи, курсы наукъ и вообще вся училищная дисциплина были заимствованы Петромъ Могилою преимущественно

изъ латинскихъ іезуитскихъ коллегіумовъ. Въ академіи преподавались и греческій и славянскій языки, но господствующимъ языкомъ сдѣлался языкъ латинскій. Кромѣ славянской грамматики и катихизиса, всѣ науки преподавались на латинскомъ языкѣ; на немъ писали сочиненія; на немъ должны были говорить воспитанники не только въ классахъ, но и дома. Изъ наукъ преподавались въ академіи: православный катихизисъ, ариметика, пѣтука, риторика, философія и богословіе. Богословіе, разумѣется, было самою важною и высшею наукою; оно преподавалось по системамъ западныхъ богослововъ, Петра Ламбарда, Томы Аквината и другихъ, и имѣло полемическое направленіе. При религиозныхъ спорахъ католиковъ съ протестантами полемическій элементъ былъ преобладающимъ и въ западной богословской наукѣ; въ Россіи же онъ составлялъ еще мѣстную потребность, потому что при тогдешней борьбѣ православныхъ съ іезуитами и униатами всего нужнѣе было приготовить въ школахъ людей, способныхъ защищать свое ученіе и опровергать заблужденія противниковъ. Поэтому послѣ каждаго отдѣла въ богословіи обыкновенно помѣщался цѣлый рядъ возраженій и опроверженій. Философія преподавалась по Аристотелю; она представляла рядъ диспутацій; каждая диспутація дѣлилась на нѣсколько вопросовъ; вопросы дѣлились на нѣсколько пунктовъ; пункты подраздѣлялись еще на частныя положенія. Вообще преподаваніе философіи, какъ и богословія, было направлено къ тому, чтобы образовывать людей, способныхъ спорить, твердо защищать положенія науки и опровергать всѣ возраженія противъ нихъ. Поэтому, какъ по богословію, такъ и по философіи, были въ большой модѣ такъ называемые *диспуты*, которые происходили на латинскомъ языкѣ и составляли особенно существенную часть публичныхъ экзаменовъ. Для диспутовъ избирались предметы, допускавшіе спорные вопросы; одна сторона представляла возраженія, другая должна была опровергать ихъ.—Послѣ богословія и философіи самое важное мѣсто въ системѣ образованія занимала словесность, т. е. риторика и пѣтука. Риторика преподавалась по латинскимъ руководствамъ, составленнымъ по сочиненіямъ Аристотеля, Димитрія Александрійскаго, Цицерона и Квинтиліана. Она раздѣлялась на общую и частную; въ первой разсуждалось преимущественно объ изобрѣтеніи и выраженіи мыслей, во второй—о родахъ и видахъ прозаическихъ сочиненій. Объ историческихъ и философскихъ сочиненіяхъ говорилось, впрочемъ, мало; все вниманіе было обращено на ораторскую рѣчь, которая считалась главною формою сочиненій. Съ особенною подробностью излагались правила сочинять разнаго рода рѣчи и письма поздравительныя, привѣтственныя, просительныя, благодарственныя, прощальныя и надгробныя.

Піитика также преподавалась на латинскомъ языкѣ и по латинскимъ и польскимъ руководствамъ. Построенная по классическимъ источникамъ, піитива и направленіе имѣла классическое: при поэтическомъ вымыслѣ прибѣгали къ изреченіямъ и примѣрамъ изъ классическихъ писателей и вводили въ поэзію образы изъ греческой мифологіи. Строеніе стиховъ было взято также изъ классическихъ руководствъ; стихи писали на латинскомъ, польскомъ и славянскомъ-языкахъ. По образцу польскаго стихосложенія образовалось въ Кіевѣ *силлабическое* стихосложеніе, основанное на числѣ слоговъ, съ удареніемъ на предпоследнемъ слогѣ. Силлабическіе стихи назывались *виршами* отъ латинскаго *versus*. Направленіе словесности вообще въ Европѣ въ это время было панегирическое. Въ прозаическихъ сочиненіяхъ оно особенно выражалось въ рѣчахъ разнаго рода, на разные случаи, а въ поэтическихъ преимущественно въ поэмахъ и одахъ. Поэма составляла главную форму эпической поэзіи; въ лирической поэзіи главную форму составляли оды или стихи привѣтственные; оды раздѣлялись на праздничныя, именинныя, брачныя, похоронныя, благодарственныя, застольныя. Особенно въ большемъ употребленіи были произведенія духовнаго содержанія, переложенія псалмовъ, церковныхъ пѣсней и молитвъ (напр.: Царю Небесный; Тебе, Бога, хвалимъ), такъ называемые *псалмы и канты*, въ драматической поэзіи духовныя драмы, или *мистеріи*.

Характеръ юго-западной литературы. Кіевская академія впоследствии послужила образцомъ для академіи Московской и во многихъ отношеніяхъ для всѣхъ духовныхъ семинарій; на юго-западѣ же, подъ вліяніемъ ея, развилась цѣлая литература. Юго-западная литература отличается именно характеромъ того образованія, которое господствовало какъ въ другихъ юго-западныхъ школахъ, такъ преимущественно въ Кіевской академіи. Характеръ этой литературы — религіозно-церковный; наука была призвана въ школы для служенія вѣрѣ и церкви. Главную цѣлію образованія была защита вѣры и церкви отъ нападеній католиковъ и протестантовъ; отсюда литература, возникавшая подъ вліяніемъ этого образованія, естественно, получила полемическое направленіе. Существенныя же свойства юго-западной литературы, отличающія ее отъ древне-русской словесности, составляютъ научныя въ ней элементы, научныя приемы и формы. Предметы излагаются въ сочиненіяхъ не просто, какъ они прежде излагались русскими писателями, получавшими образованіе путемъ одной начитанности въ книгахъ, но по правиламъ науки; при раскрытіи и доказательствахъ предметовъ юго-западные писатели, кромѣ св. Писанія и писаній отеческихъ, постоянно пользуются источниками свѣтской науки, свѣдѣніями философскими, историческими,

литературными, естественными. Источники этих свѣдѣній были древній, классическій; классическій характеръ они сообщили и произведеніямъ литературнымъ. Къ произведеніямъ юго-западной литературы относятся: 1) полемическія сочиненія, написанныя въ защиту православія, 2) сочиненія по богословію и другимъ наукамъ, 3) проповѣди и 4) стихотворенія разнаго рода и мистеріи.

Юго-западная проповѣдь. Самымъ сильнымъ орудіемъ пропаганды латинянъ между православными была проповѣдь, на которую они постоянно, притомъ, указывали, какъ на доказательство своего превосходства предъ православнымъ духовенствомъ, у котораго проповѣди не было. Поэтому для развитія церковной проповѣди въ Юго-Западной Россіи была учреждена особая должность проповѣдниковъ, которые почти исключительно должны были заниматься проповѣдываніемъ. Такіе проповѣдники были при соборахъ и монастыряхъ; почти каждое братство содержало при своей церкви своего проповѣдника. Съ должности проповѣдника начинали свою службу церкви и пріобрѣтали ученую извѣстность почти всѣ знаменитые пастыри Южной Россіи. Но особенно заботились объ образованіи проповѣдниковъ въ школахъ. Наставникамъ Кіевской академіи было вмѣнено въ обязанность, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, заниматься катихизическими бесѣдами. Воспитанники также еще съ риторическаго класса начинали упражняться въ составленіи проповѣдей, и проповѣдь въ продолженіе всѣхъ курсовъ считалась самымъ важнымъ сочиненіемъ. Впрочемъ, отдѣльной науки проповѣдничества сначала не было; правила для составленія проповѣдей излагались въ общихъ курсахъ риторики, въ формѣ особыхъ трактатовъ о проповѣди, которые, въ составѣ курса, слѣдовали за ораторскою рѣчью. Ораторская рѣчь древнихъ и была положена въ основаніе проповѣди. Въ проповѣди, какъ и въ ораторской рѣчи, мы встрѣчаемъ то же расположеніе матеріи съ извѣстными частями ораторской рѣчи—приступомъ, предложеніемъ, изложеніемъ и заключеніемъ. Первымъ сочиненіемъ, которое можно принять за начало отдѣльной науки проповѣдничества, была „*Наука albo способъ о сложеніи сказаній*“ ректора Кіевской академіи (1659—1662 г.) Іоанниія Голытовскаго. Въ этой наукѣ соединены почти всѣ правила и приемы проповѣдничества, которыя сложились, съ одной стороны, подъ вліяніемъ схоластическаго образованія въ школахъ, а съ другой—подъ вліяніемъ образцовъ латинскихъ и польскихъ проповѣдниковъ. Эта наука и проповѣди самого Голытовскаго, Антонія Радивиловскаго и Лазаря Барановича всего лучше могутъ характеризовать и вообще юго-западную проповѣдь.

Наука о проповѣдяхъ и проповѣди Іоаннія Голятовскаго

Наука о проповѣдяхъ была приложена Голятовскимъ къ составленному имъ сборнику поученій—*Ключу разумнїя*. Такъ названъ сборникъ потому, что его поученія, по словамъ проповѣдника, отверзають двери къ небу, а наука, приложенная къ нему, можетъ проповѣдникамъ отворить двери къ составленію новыхъ поученій. Ключъ разумнїя состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части помѣщены поученія на праздники Господскіе и Богородичныя, во второй—поученія на праздники святыхъ. Правила о проповѣдяхъ присоединены, какъ прибавленія, въ той и другой части. Въ прибавленіяхъ къ первой части Голятовскій говорить о томъ, изъ какихъ частей должна состоять проповѣдь и какъ нужно составлять каждую часть ея. При этомъ онъ отдѣльно разсматриваетъ существенныя части проповѣди: экзордіумъ (приступъ), пропозицію (предложеніе), наррацію (повѣствованіе или изложеніе) и конклюдію. Разсуждая объ источникахъ матеріи для слова, онъ главнымъ источникомъ поставляетъ Слово Божіе и ученіе отцевъ церкви, но въ то же время, слѣдуя обычаю польскихъ и латинскихъ проповѣдниковъ, присоединяетъ къ нимъ и свѣтскія науки: „нужно также читать исторіи и хроники о разныхъ царствахъ и странахъ, что въ нихъ прежде происходило и что теперь происходитъ; также книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, камняхъ, все это замѣчать и приспособлять въ своей рѣчи; нужно читать и проповѣдниковъ нынѣшняго времени и имъ слѣдовать“. Между другими источниками темы и матеріи для слова Голятовскій указываетъ на имя празднуемаго въ извѣстный день святого. Въ день, напр., св. Владиміра, имя котораго значитъ—владеѣль міромъ, Христофора—носиѣль Христа въ сердцѣ, Василія, что значитъ—царь, Николая—витязь, защитникъ,—можно говорить о свойствахъ, выражаемыхъ ихъ именами. Особья правила приложены для составленія надгробныхъ словъ. Матерію для нихъ совѣтуется брать или изъ общей мысли о неизбежности смерти, или изъ положенія, какое въ жизни занималъ умершій, а также изъ тѣхъ свойствъ, какими онъ отличался. Можно также при этомъ имѣть въ виду его фамилію, древность рода, гербъ или прозваніе. Но самымъ лучшимъ источникомъ для темы надгробныхъ поученій представляется опять имя умершаго. Если, напр., умершаго звали Стефаномъ, что значитъ—корона, въ поученіи можно говорить о томъ, какую корону приготовилъ для себя умершій изъ своихъ добродѣтелей. Наконецъ, при избрѣтеніи и расположеніи матеріи въ словѣ, Голятовскій совѣтуетъ имѣть въ виду общія мѣста, или циркумстанціи: Во всѣхъ правилахъ высказывается одна цѣль—всеми средствами сдѣлать проповѣдь интересною. Для достиженія этой цѣли совѣтуется составлять

замысловатыя вступленія, чтобы заставить слушать произносимую проповѣдь, и хитрыя заключенія, чтобы расположить слушателей притти на слѣдующую проповѣдь.

Излагая эти правила, Голятовскій, для примѣра, постоянно ссылается на свои проповѣди. Его проповѣди, дѣйствительно, составлены по этимъ правиламъ и въ то же время отличаются характеромъ тѣхъ богословскихъ системъ, которыя преподавались въ школахъ. Догматы вѣры и нравственной дѣятельности въ нихъ излагаются со всѣми научными приемами и формами, какія были приняты въ этихъ системахъ, такъ что нѣкоторыя проповѣди могутъ быть названы трактатами изъ системы догматическаго или нравственнаго ученія, перенесенными въ проповѣдь. Въ правилахъ для проповѣди Голятовскій, между прочимъ, совѣтуетъ проповѣдникамъ обращаться къ природѣ, къ исторіи и наукамъ естественнымъ. Это мы встрѣчаемъ постоянно и въ его проповѣдяхъ. Предметы въ нихъ обыкновенно объясняются образами, заимствованными изъ природы—царства минералогическаго, растительнаго и животнаго. Иногда цѣлое слово состоитъ изъ аналогическаго сближенія, или сопоставленія того или другого предмета или событія духовнаго царства съ предметами и явлениями природы физической, которые въ этомъ случаѣ должны быть образами міра духовнаго. При этомъ Голятовскій, подобно другимъ проповѣдникамъ, мѣста св. Писанія любитъ объяснять въ символическомъ и аллегорическомъ смыслѣ. Такъ, въ словѣ на Срѣтеніе Господне изъ текста: „се лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многимъ во Израили“ (Лук. 2, 34), назвавъ Спасителя камнемъ многоцѣннымъ и краеугольнымъ, положеннымъ въ основаніе Церкви, Голятовскій примѣняетъ къ Нему названія разныхъ драгоценныхъ камней: *карбункула, ясписа (яшмы), шифера, хризолита, берилла, агата, аметиста, смарагда (изумруда), топаза и магнита*. Почти все слово состоитъ изъ указанія сходства многоцѣннаго камня, т. е. Иисуса Христа и его добродѣтелей съ свойствами упомянутыхъ драгоценныхъ камней, почему Иисусъ Христосъ и называется *карбункуломъ, берилломъ, агатомъ и т. д.* (1). Въ словѣ на Успеніе Богоматери изъ текста: „предста Царица одѣваную Тебе, въ ризы позлащенны одѣяна“ (Псал. 44, 10), Голятовскій говоритъ о ниткахъ, изъ которыхъ Богоматерь соткала себѣ ризу—*льняной, шерстяной (вовняной), шелковой (едвабной) и золотой*. Нитки эти означаютъ разныя добродѣтели Богоматери: нитка льняная означаетъ терпѣніе и умерщвленіе плоти и страстей; шерстяная—чистоту и невинность; шелковая—смирненіе и

(1) Ключъ разумѣнія, ч. I, лист. 46—53.

поворность; золотая—мудрость. Основаніемъ для такого сближенія служатъ свойства льна, шерсти, шелка и золота. Ленъ означаетъ терпѣніе, потому что, приготовляя его, мочать, сушатъ, трутъ и бьютъ; шелкъ означаетъ поворность, потому что шелкъ, какъ покорный человѣкъ, отличается мягкостью,—его можно согнуть, какъ угодно,—но въ то же время и крѣпостію, его трудно разорвать и проч. (1).

Ко второй части сборника Голятовскій приложилъ наставленія, какъ должно пользоваться проповѣднику его словами и поученіями для составленія новыхъ поученій. „Изъ слова на св. великомученика Георгія, говоритъ Голятовскій, ты можешь составить другое слово на св. Димитрія, Прокоція, Евстафія и другихъ мучениковъ; та же будетъ тема; тотъ же экзордіумъ, та же наррація и конклюдія; только тамъ, гдѣ я говорю о св. Георгіи, ты называй св. Димитрія, Прокоція, Евстафія и др. Изъ словъ на праздники Господскіе и Богородичныя можно составлять слова на дни святыхъ. Во второмъ словѣ на Срѣтеніе, говоритъ Голятовскій, изображаются дорогіе камни, которыми Христосъ называется; изъ этихъ дорогихъ камней ты можешь устроить архіерейскую корону св. Николаю. Тема будетъ та же: „положилъ еси на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна“ (Псал. 20, 4). Въ нарраціи изображай тѣ дорогіе камни и силу и свойства каждаго изъ нихъ приспособляй къ св. Николаю, какъ я приспособлялъ ко Христу. Также въ первомъ словѣ на Успеніе Богородицы изображаются нитки, изъ какихъ Пречистая Дѣва соткала себѣ ризу; изъ тѣхъ нитокъ можешь устроить ризу св. Онуфрію, приспособляя свойство каждой къ св. Онуфрію, какъ я приспособлялъ ихъ къ Св. Дѣвѣ. А экзордіумъ и конклюдію къ коронѣ св. Николая и къ ризѣ св. Онуфрія можешь придѣлать, какія захочешь“ (2). Слова на дни святыхъ можно передѣлывать и произносить въ Господскіе и Богородичныя праздники, а слова на эти праздники, измѣнивши, можно произносить въ какую-нибудь недѣлю. Наконецъ, Голятовскій учитъ, какъ изъ цѣлаго слова сдѣлать одну часть для другого слова и, наоборотъ, какъ изъ одной части слова сдѣлать цѣлое слово.

При такихъ правилахъ проповѣдь становится, очевидно, дѣломъ механическимъ, въ которомъ на первомъ планѣ стоитъ соблюденіе формы и установленныхъ приемовъ. Правда, Голятовскій предписываетъ проповѣднику приспособленіе ко времени проповѣди, къ лицу, къ случаю и проч., но это приспособленіе относится не къ внутренней, а къ внѣшней сторонѣ дѣ-

(1) Тамъ же, лист. 146—153. (2) Тамъ же, ч. II, лист. 125—127.

ла, къ формѣ, и приспособленная проповѣдь также является общемою формою, такъ что, измѣнивши ее немного, можно приспособить къ другому лицу и другому случаю.

Проповѣди Антонія Радивиловскаго. Другимъ знаменитымъ проповѣдникомъ былъ Антоній Радивиловскій, игумень Кіево-Николаевскаго монастыря. Онъ составилъ два сборника проповѣдей: „*Огородокъ (садъ) Маріи Богородицы*“ (1676 г.) и *Вънецъ Христовъ изъ проповѣдей недѣльныхъ, аки изъ цвѣтовъ рожаныхъ (изъ цвѣтовъ розы) сплетенный* (1688 г.). Первый сборникъ посвященъ Богородицѣ, второй—Господу Спасителю. Аналогическое сближеніе или сопоставленіе духовныхъ предметовъ съ предметами и явленіями природы физической и вообще орнаментальная обстановка священныхъ и богословскихъ истинъ матеріаломъ изъ наукъ свѣтскихъ, замѣченныя нами въ словахъ Голятовскаго, еще рѣзче высказываются въ проповѣдяхъ Радивиловскаго. Въ первомъ отношеніи особенно замѣчательны слова въ недѣлю 5-ю по Пасхѣ и въ недѣлю 2-ю по Пятидесятницѣ. Въ первомъ словѣ, изъ текста: „*аще бы въдала еси, кто есть глаголюй съ тобою: даждь ми пити, ты бы просила у него, и далъ бы ти воду живу*“ (Іоан. 4, 10), Радивиловскій проводитъ самую подробную параллель между водою и благодатію, указывая между ними сходство и различіе. Сходство указывается въ слѣдующемъ. Какъ вода живая, т. е. текучая, разливается по всѣмъ полямъ, такъ и благодать Св. Духа изливается на всѣхъ людей. Какъ вода твердую и сухую землю умягчаетъ и дѣлаетъ плодородною, такъ и благодать размягчаетъ душу человѣка и дѣлаетъ ее плодородною для разныхъ добродѣтелей. Какъ естественная вода очищаетъ тѣло отъ грязи и охлаждаетъ его жаръ, такъ и благодать омываетъ душу нашу отъ грѣховной грязи и охлаждаетъ плотскія похоти. Вода одна по натурѣ, но производитъ разныя свойства въ предметахъ: въ лиліи бѣлый цвѣтъ, въ розѣ—красный, въ фіалкѣ—лазуревый, въ фигѣ—сладость, въ полыни—горечь. Такъ и благодать одна, но производитъ въ людяхъ разныя дѣйствія: одному сообщаетъ чистоту, подобную лиліи, въ другомъ возбуждаетъ стыдъ, выражающійся въ краскѣ, похожей на розу; въ одномъ возбуждаетъ богомысліе, подобное сладости фиги, въ другомъ—плачь и раскаяніе во грѣхахъ, похожіе на горечь полыни. Различіе между водою и благодатію представляется въ слѣдующихъ чертахъ. Естественная вода не имѣетъ такой силы, чтобы измѣнять природу дерева: кто когда видѣлъ, чтобы низкій иссопъ силою натуральной воды превратился въ высокій кедръ. Благодать совершенно измѣняетъ людей: грѣшника дѣлаетъ праведникомъ, сыновъ тьмы—сынами свѣта, гордыхъ—смиренными. Вода не

можетъ утолять жажды такъ, чтобы потомъ снова ея не чувствовали: пьющій отъ воды благодатной *не вжаждетъ во вкуи*. Подобнымъ образомъ, въ словѣ въ недѣлю 2-ю по Пятидесятницѣ, изъ текста: „*ходяй Иисусъ при мори галилейстмъ*“ и проч. (Матѣ. 4, 18), Радивилловскій, объясняя, что подъ моремъ тиверіадскимъ можно разумѣть *сей прелестный свѣтъ*, проводитъ параллель между міромъ и моремъ, между рыбами и людьми. „Въ мірѣ—въ семь великомъ и пространномъ морѣ люди погружены, живутъ и дѣйствуютъ, какъ рыбы въ морѣ. Какъ въ морѣ тиверіадскомъ были разныя ловленія рыбы, такъ и на семь свѣтѣ одни люди ловятъ богатство, другіе—почести, одни роскошь, другіе—ласку и пріязнь своихъ господъ. При этомъ употребляются разные способы ловленія, или сѣти: сѣть лувавства, сѣть похлебства, подарковъ, лицемѣрія. Какъ въ морѣ рыбы играютъ и бѣгаютъ повсюду, какъ будто дѣлаютъ что-нибудь нужное и полезное, но иногда ничего не находятъ; такъ и люди бѣгаютъ повсюду, гоняются за почестями, богатствомъ и роскошью прелестнаго свѣта и потомъ у него въ забвеніе приходятъ. Какъ въ морѣ большія рыбы пожираютъ меньшихъ, такъ то же бываетъ и на свѣтѣ, гдѣ богатые и сильные притѣсняють убогихъ и низшихъ подчиненныхъ лихвами, тяжкими поборами, судомъ. Какъ рыбы бываютъ сильны и рѣзвы только до тѣхъ поръ, пока находятся въ водѣ, а когда вытащатъ ихъ на землю, теряють свою силу и умирають, такъ и люди бываютъ смѣлы, высоводумны, неуверотимы, пока не постигнетъ ихъ смертельная болѣзнь. Весьма часто Радивилловскій въ своихъ проповѣдяхъ приводитъ примѣры и свидѣтельства изъ древней исторіи, міеологіи и апокрифовъ, иногда даже басни и пословицы. Сообщая разнообразіе и украшеніе проповѣди, эти примѣры и свидѣтельства, впрочемъ, мало придають силы доказываемымъ мыслямъ; большая часть изъ нихъ относятся къ разряду такъ называемыхъ анекдотовъ. Подражая польскимъ и латинскимъ образцамъ, и русскіе проповѣдники главнымъ образомъ заботились о занимательности своихъ проповѣдей и часто, опуская изъ виду прямыя потребности, поученіе и назиданіе слушателей, старались больше всего обратить вниманіе на самихъ себя, блеснуть своимъ умомъ и образованіемъ и для этого прибѣгали къ баснословнымъ и анекдотическимъ рассказамъ, или вдавались въ хитрыя схоластическія разсужденія.

Проповѣди Лазаря Барановича. Третьимъ знаменитымъ проповѣдникомъ на Юго-Западѣ былъ Лазарь Барановичъ, архіеп. Черниговскій. Онъ составилъ два сборника поученій: „*Мечъ ду-*

ховный" (1666 г.) на недѣли, и „Трубы словесъ проповѣдныхъ“ (1674) на разные церковные праздники.

Тонъ и характеръ проповѣди Барановича гораздо строже и церковнѣе проповѣди Голятовскаго и Радивиловскаго. Въ его поученiяхъ, нѣтъ такихъ сказанiй и анекдотовъ изъ миеологiи и исторiи, какiе встрѣчаются часто въ словахъ Голятовскаго и Радивиловскаго. Онъ основывается преимущественно на св. Писанiи и учении отеческомъ. Поэтому онъ ближе подходитъ къ восточнымъ проповѣдникамъ византiйскаго стиля; но вмѣстѣ съ свойствами византiйскаго краснорѣчiя въ его проповѣдяхъ выражаются и свойства юго-западнаго схоластическаго образованiя и словесности. Такъ, напр., въ словѣ на Богоявленiе онъ вдаётся въ такiя же сближенiя и уподобленiя, какiя мы видѣли у Голятовскаго. Въ этомъ словѣ грѣхи уподобляются разнымъ звѣрямъ: гордость—льву, лихоимство—виту, гнѣвъ—волку, объяденiе—медвѣдю, зависть—псу, лѣность—ослу, прелюбодѣянiе—свинѣ. Особенно любитъ Барановичъ отыскивать въ св. Писанiи символическiй и аллегорическiй смыслъ. Въ такомъ смыслѣ онъ объясняетъ почти каждое евангельское чтенiе и при этомъ прибѣгаетъ къ сближенiямъ и противоположенiямъ, часто слишкомъ далекимъ и натянутымъ; поученiя выходятъ слишкомъ витiеваты и искусственны; языкъ и слогъ наполнены риторическими фигурами: метафорами, сравненiями, антитезами. Такъ, въ словѣ о разслабленномъ Барановичъ представляетъ овчюу iерусалимскую купель образомъ вѣрстной купели, исполненной искупительной крови агнца Христа. Пять притворовъ овчей купели соотвѣтствуютъ пяти ранамъ Спасителя: „при сихъ-то пяти притворахъ—пяти ранахъ агнца Исуса, возстаютъ здоровыми грѣшники, больные всѣми пятью чувствами: тѣ, которые очи имѣютъ и не видятъ нагаго; уши имѣютъ и не слышатъ просящаго; ноздри имѣютъ и не обоняютъ благоуханiя Христова, смрада посѣщаемыхъ больныхъ и мертвыхъ; уста имѣютъ и не произносятъ словъ молитвы, сладчайшихъ меда; руки и ноги имѣютъ, и не осяжутъ воздѣянiемъ рукъ до неба и шестiемъ ногъ до церкви, руками не бiютъ себя въ перси, не вводятъ страннаго въ домъ свой, ногами не приходятъ въ темницы къ заключеннымъ и не бѣгаютъ отъ грѣховныхъ искушенiй“ (1). Въ словѣ въ недѣлю Самарянки, Барановичъ проводитъ параллель между первою женою въ родѣ человѣческомъ и женою Самарянскою. „Въ тотъ же часъ шестый, въ который первая жена пришла въ рай сорвать плодъ съ древа и согрѣшила вкушенiемъ, въ тотъ же полуденный часъ

(1) Мечъ духовный, 1666 г., лист. 25—27.

шестый приходит сія жена Самаряныня почерпнуть изъ источника воду (благодати), чтобы очистить грѣхъ вкушенія первой жены. Первая жена, пришедшая сорвать плодъ дерева въ полдень, прельщена была бѣсомъ полуденнымъ; но сія жена, приходящая въ тотъ же часъ почерпнуть воды изъ источника, угасить силу огненную, обрѣтши, при семъ источникѣ Іаковлемъ, источника Іисуса, могущаго весь адъ угасити“ и т. д. (1).

Витіеватость, замысловатость и остроуміе въ сближеніяхъ и противоположеніяхъ составляютъ отличительныя черты, всего рѣзче выдающіяся въ проповѣдяхъ Барановича. Почти каждая, самая обыкновенная мысль у него принимаетъ какую-нибудь витіеватую или замысловатую форму. Въ приступѣ проповѣди юго-западные проповѣдники имѣли обыкновеніе обращаться съ молитвою въ Богу о помощи, а къ слушателямъ съ просьбою о вниманіи; у Барановича эти обращенія отличаются также особенною замысловатостію. „Въ нынѣшней проповѣди, говоритъ онъ въ словѣ о расслабленномъ, сотворимъ воспоминаніе о томъ, какъ при купели овчей возставилъ расслабленнаго отъ разслабы агнецъ Іисусъ. Іисусе, исцѣляющій всякій недугъ и всякую язву въ расслабленномъ, исцѣли и мою разслабу въ глаголаніи, а слушателей въ слышаніи!“ Въ словѣ въ недѣлю Самаряныни онъ дѣлаетъ такое молитвенное обращеніе: „Христе, источниче воды живыя!... исполни благодатію твоею почерпало устъ моихъ, да полезная возмогу глаголати; исполни и почерпало ушей и сердца слушателей моихъ, да усердно послушаютъ!“

Проповѣди этихъ трехъ проповѣдниковъ и особенно проповѣди Голятовскаго и Радивиловскаго могутъ служить образцами юго-западной проповѣди, развившейся подъ вліяніемъ схоластическаго образованія въ школахъ и латинскихъ и польскихъ образцовъ.

Юго-западная поэзія. Выше мы замѣтили, что на преподаваніе риторики и пѣттики въ Кіевской академіи и другихъ школахъ было обращено особенное вниманіе. Въ сочиненіи рѣчей и стиховъ упражнялись, кромѣ пѣтического и риторическаго, и въ другихъ классахъ. Особенно любили сочинять духовныя стихотворенія, переложенія молитвъ, церковныхъ пѣсней и *псалмы и канты*. Псалмы и канты писались преимущественно на Рождество и Пасху какъ воспитанниками, такъ и наставниками. Потомъ ихъ произносили, а чаще всего распѣвали иногда цѣ-

(1) Мечъ духовный, 1666 г., лист. 35—38.

лымъ хоромъ пѣвчихъ предъ училищнымъ начальствомъ, въ домахъ богатыхъ и знатныхъ людей, которые за это распѣвавшимъ ученикамъ давали нѣкоторые подарки, и даже на улицѣ, предъ народомъ. Вотъ для примѣра стихотвореніе на Рождество, которое имѣетъ разговорную форму и написано, вѣроятно, для пѣнія хоромъ:

«Пастыри милі! Гдѣ вы днесь были,
Гдѣ вы бывали, что вы видали?»

— Грядемъ днесь отъ Вилеема,

Изъ града уничиженна,

Но днесь блаженна.—

«Коежъ оттуда несете чудо?

И намъ прорците, благовѣстите».

— Видѣли мы вновь рожденно

Отроча свято, блаженно,

Владыку всѣмъ намъ.—

«Кои палаты имѣетъ тое,

Ахъ, всеблаженно чадо царское?»

— Вертепъ выбить подъ скалою,

И то простою рукою;

Се чертогъ Его.—

«Мягка ли постель, въ красномъ ли ложи

Сей почиваетъ чудный Сынъ Божій?»

— Въ яслехъ мати кладетъ траву.

Тужь перину и подъ главу:

Се царска кровать.—

«Кіа тамъ слуги отъ домочадцевъ

Имѣетъ тое милое чадо?»

— Овцы и мулы съ ослами,

Волы и кони съ козлами:

Се домочадцы.—

«Куюжъ тотъ домъ вкушаетъ пищу?

Развѣ имѣетъ трапезу нищу?»

— Пища въ зельѣ, въ млекѣ, зернѣ:

Се столъ ранній и вечерній,

Въ томъ чудномъ домѣ.—

«Музыка ли тамъ модна и лестна

Увеселяетъ царя небесна?»

— Пастырей сонмъ на свирѣлкахъ,

Хвалитъ его на сопѣлкахъ,

Прекраснымъ хоромъ.—

«Кіа же ризы, мню, златотканны

У сего Сына Маріи Панны?»

— Баволна (хлопчатка), ленъ и волна

Снѣтъ нищета предовольна
Въ наготѣ своей.—⁽¹⁾.

Изъ школы обычай писать стихи переходилъ и въ жизнь. Стихи, вмѣстѣ съ рѣчами разнаго рода, составляли необходимую принадлежность всякаго торжества, церковнаго и гражданскаго; кромѣ праздниковъ, они писались на дни тезоименитствъ, по случаю посѣщеній знаменитыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, особъ. При изданіи книгъ стихи составляли также неизбѣжное украшеніе; они помѣщались въ посвященіяхъ, прологахъ, эпилогахъ и въ самомъ текстѣ книгъ, разнообразя собою прозаическую рѣчь; а иногда писались стихами и цѣлыя книги. Въ этомъ отношеніи замѣчательны сочиненія *Іоанна Максимовича* (архіеп. Черниговскаго, а потомъ митр. Тобольскаго († 1715)). Онъ написалъ стихотвореніе „Богородице, Дѣво радуйся“, въ которомъ было до 25,000 силлабическихъ стиховъ; потомъ въ стихахъ изложилъ молитву *Отче нашъ, восемь блаженствъ евангельскихъ и Алфавитъ духовный, рѣчимами сложенный, содержащій стихотворныя похвалы святымъ въ азбучномъ порядкѣ*.

Мистеріи. Лучшую сторону юго-западной поэзіи составляютъ духовныя драмы, или *Мистеріи*. — Мистеріи были первою формою драматическихъ представленій у всѣхъ западныхъ христіанскихъ народовъ. Онѣ возникли изъ стремленія духовенства, съ одной стороны, уяснить посредствомъ наглядныхъ представленій догматы христіанской вѣры и важнѣйшія событія священной исторіи, а съ другой—противопоставить эти представленія народнымъ языческимъ зрѣлищамъ. По началу своему онѣ стоятъ въ тѣсной связи съ богослужебными обрядами Западной церкви. Въ Западной церкви, въ самыя раннія времена, мы замѣчаемъ стремленіе драматизировать богослуженіе и богослужебные обряды. Въ V и VI в. существовали процессіи въ память входа Іисуса Христа въ Іерусалимъ, при чемъ Іисуса Христа изображалъ одинъ изъ священниковъ, сидящій на осляти; были также процессіи, изображавшія шествіе Іисуса Христа на распятіе подъ бременемъ тяжелаго креста. Въ Страстную недѣлю чтеніе Евангелія распредѣлялось между нѣсколькими лицами, изъ коихъ одно представляло Іисуса Христа, а другія—начальниковъ іудейской синагоги. Пасхальная служба сопровождалась также разными обрядами: изъ гробницы, устроенной подъ алтаремъ,

⁽¹⁾ Калѣки, выш. 4, стр. 66—68.

вынимали съ пѣніемъ и рѣчами крестъ, положенный туда въ Великій пятокъ; воскресеніе Спасителя возвѣщалось рѣчью священника, который былъ одѣтъ на подобіе ангела, въ бѣломъ хитонѣ, съ золотымъ сіяніемъ надъ головой; рѣчь его была обращена къ двумъ женщинамъ (ихъ представляли два молодыхъ священника, закутанные въ плащи, на подобіе женщинъ), которыя изображали собою Богоматерь и Марію Іаковлю. Въ Рождество Христова посреди церкви ставили ясли, которыя окружены были рисованными изображеніями, или статуэтками, или подвижными куклами (маріонетками), представлявшими Богоматерь, пастуховъ, осла и быка. Изъ этихъ драматическихъ обрядовъ въ Богослуженіи Западной церкви и возникла духовная драма. Изъ обрядовъ въ Страстную недѣлю и Пасху развились *Пасхальныя представленія*, обнимавшія изображеніе страстей Господнихъ, воскресеніе Спасителя и явленія апостоламъ; изъ обрядовъ въ праздниѣ Рождества Христова — *Рождественскія представленія*, заключавшія рожденіе Спасителя, поклоненіе волхвовъ и бѣгство въ Египеть. Такъ какъ содержаніемъ этихъ представленій служила тайна искупленія рода человѣческаго, выразившаяся въ двухъ преимущественно событіяхъ, въ рожденіи и крестной смерти и воскресеніи Спасителя, то и самыя представленія получили названіе *Мистерій* (mysterium, греч. *μυστήριον*, тайна, таинство). Съ теченіемъ времени стали изображать и другія событія изъ жизни Спасителя и Богоматери; вмѣстѣ съ новозавѣтными событіями стали представлять и событія ветхозавѣтныя, напр.: паденіе Адама и Евы, исторія Авраама и Исаака, исторія Іосифа, исторіи Юдиои, Эсѣири, Давида и трехъ отроковъ въ Вавилонѣ, исторія Тови и его сына. Почитаніе святыхъ произвело особый видъ духовной драмы, содержаніе которой составляли жизнь и дѣянія святыхъ и особенно ихъ чудеса. Наконецъ, въ духовныхъ драмахъ иногда не было ничего историческаго; въ нихъ изображалась кабая-нибудь поучительная мысль въ дѣйствіяхъ вымышленныхъ лицъ, которыя были аллегоріями какихъ-нибудь добродѣтелей (вѣры, надежды, любви, милосердія) или пороковъ (гордости, зависти, скупости, любостыжанія); по нравственному направленію эти аллегоріи назывались *Moralités*.

Какъ возникшія изъ церковныхъ обрядовъ, мистеріи сначала представлялись въ церквахъ, потомъ въ церковныхъ оградахъ и на кладбищахъ. Сначала мистеріи, при изображеніи событій, составлявшихъ ихъ содержаніе, строго держались библейскаго, или евангельскаго текста, но съ теченіемъ времени начали распространять его разными подробностями, взятыми изъ апокрифическихъ сказаній; а потомъ и вообще въ духовныя драмы начали встав-

дять сцены изъ обыденной жизни, и не только серьезныя, но и забавныя; въ нихъ началъ проникать элементъ комическій. Поэтому, начиная съ XIII в. духовенство уже стало изгонять мистеріи изъ церкви и запрещало представленіе ихъ въ церковныхъ оградахъ и на кладбищахъ. Тогда мѣстомъ ихъ представленія сдѣлалась городская площадь. На городской площади устраивался бревенчатый помостъ, на которомъ приготовлялась сцена, состоявшая изъ трехъ отдѣленій; въ верхнемъ отдѣленіи помѣщался рай, въ среднемъ—міръ, а въ нижнемъ—адъ. Съ Запада чрезъ Польшу духовныя драматическія представленія или мистеріи перешли и къ намъ. Въ Польшѣ, по указанному обычаю Западной церкви, церковные праздники также имѣли драматическую обстановку. Въ праздникъ Рождества, напр., ставили въ церквахъ изображеніе вертепа; въ немъ находились картонныя фигуры Богоматери, Иисуса Христа, Праведнаго Иосифа, ангеловъ, пастырей и восточныхъ волхвовъ; изображалось также избіеніе младенцевъ Иродомъ. Когда въ Польшѣ утвердились іезуиты, они начали составлять духовныя драмы изъ церковной исторіи и житій святыхъ и представляли ихъ въ своихъ школахъ и на площадяхъ предъ народомъ. Изъ Польши и преимущественно изъ іезуитскихъ школъ духовныя представленія перешли въ Юго-Западную Россію. Они начались съ *вертепныхъ представленій*. Вертепомъ назывался ящикъ въ три этажа; въ первомъ и третьемъ этажахъ происходило дѣйствіе посредствомъ куколъ; второй этажъ назначался для машинъ и пружинъ, которыми приводились въ движеніе фигуры. Въ такомъ ящикѣ, освѣщенномъ восковыми свѣчами, представлялись: появленіе звѣзды на востокѣ, рожденіе Спасителя въ ясляхъ, привѣтствіе ангеловъ, поклоненіе волхвовъ, избіеніе младенцевъ, бѣгство въ Египетъ. При этомъ показывавшіе вертепъ иногда произносили рѣчи отъ лица фигуръ или куколъ, разными голосами, соотвѣтственно роли фигуръ, а иногда просто распѣвали, или произносили нараспѣвъ какіе-нибудь стихи на Рождество. Сначала представленіе довольно строго держалось исторіи; но съ теченіемъ времени *вертепы* превратились въ извѣстный *раекъ*, гдѣ, вмѣсто картонныхъ фигуръ священныхъ лицъ, начали показывать лубочныя картинки разнаго содержанія.

Мистеріи наши первоначально писались по образцу мистерій польскихъ школъ, онѣ вошли въ обычай особенно въ Кіевской академіи; на преподавателяхъ риторики и пѣтій лежала обязанность ежегодно готовить драму, комедію или трагедію, для представленія во время лѣтнихъ рекреаций. Какъ книжныя произведенія школы, наши мистеріи рѣзко отразили въ себѣ всѣ черты книжнаго образованія и того схоластическаго направленія, какое господствовало въ Кіевской академіи и другихъ школахъ, и дол-

го сохраняли свой духовный характер и поучительное направление.

Первыми мистеріями, которыя представлялись въ Кіевѣ, а потомъ перешли въ Москву, были: „Алексѣй, человекъ Божій“, „Іосифъ, сынъ Израилевъ“ и „Жалостная комедія объ Адамъ и Еву“. Мистерія объ Алексѣѣ, человекѣ Божіемъ, была передѣлана изъ польской мистеріи, составленной изъ житія св. Алексѣя. Въ ней, согласно съ житіемъ, изображаются всѣ обстоятельства жизни Алексѣя: бракъ его, удаленіе изъ дома, потомъ возвращеніе, жизнь въ домѣ, въ видѣ нищаго, и смерть его. Мистерія „Іосифъ, сынъ Израилевъ“ взята изъ Библии. Въ началѣ ея Іосифъ рассказываетъ отцу и братьямъ свои сны, потомъ братья продаютъ его купцамъ измаилтянамъ, которые передаютъ его въ Египетъ царедворцу Пентефрію, наконецъ жизнь у Пентефрія до заключенія въ темницу.

Гораздо интереснѣе этихъ піесъ „Жалостная комедія объ Адамъ и Еву“ (1), предметъ которой составляетъ грѣхопаденіе прародителей. Эта комедія состоитъ изъ 4-хъ дѣйствій. Въ 1-мъ дѣйствіи Адамъ въ монологѣ изображаетъ свое блаженное состояніе въ раю. Во 2-мъ дѣйствіи сначала изображается разговоръ змія съ Евою, вкушеніе запрещеннаго плода и, наконецъ, сѣтованіе Адама о своемъ паденіи. Въ 3-мъ дѣйствіи изображается судъ надъ Адамомъ и Евою. Архангелы Гавріиль, Рафаиль и Урииль приготавливаютъ мѣсто для суда. Змій радуется и говоритъ: „теперь родъ человѣческой мой, и Богъ не имѣетъ на него права, потому что люди отринули Его слово“. Но архангелъ Гавріиль останавливаетъ его радость и запрещаетъ судить людей до изреченія суда Божія, который имѣетъ теперь послѣдовать, и позволяетъ ему только привести Адама и Еву на судъ связанными. Начинается предварительный судъ. Змій является какъ уполномоченный „отъ первоначальника своего Люцифера“ и требуетъ, чтобы Адамъ и Ева, какъ нарушители заповѣди Божіей, были отданы ему, для преданія смерти... Для окончательнаго суда надъ Адамомъ и Евою, приходятъ *Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Правда, Истина, Милосердіе и Миръ*. Начинается въ высшей степени интересный и глубокознаменательный споръ Правды, Истины, Милосердія и Мира объ участи прародителей. *Истина* требуетъ, чтобы опредѣленіе Божіе осталось неизмѣннымъ; Адаму и Евѣ сказано было, что они смертію умрутъ, если преступятъ заповѣдь Божію. Но *Милосердіе* или *Милость* составляетъ такое же существенное свойство Божіе, какъ и *Правда* и *Истина*. Она ходатайствуетъ предъ Богомъ за Адама и Еву.

(1) Напечатана въ дѣт. русск. лит., т. III.

Споръ ихъ ованчивается тѣмъ, что онѣ рѣшаютъ обратиться къ самому Сыну Божию за совѣтомъ, какъ избавить родъ человѣческій, съ такимъ условіемъ, чтобы ни одна изъ нихъ не потерпѣла оскорбленія, чтобы *Милость* сочеталась съ *Правдою*, а *Истина* соединилась съ *Миромъ*. Въ 4-мъ дѣйствіи *Правда*, *Истина*, *Милость* и *Миръ* выражаютъ каждая отдѣльно просьбу подать совѣтъ, какъ избавить родъ человѣческій. Выслушавъ ихъ, *Сынъ Божій* говоритъ: „никакое иное средство не можетъ быть изобрѣтено, *развѣ единый за то да терпитъ*; тѣмъ же взыщите такова мужа, иже смертію за нихъ долгъ той воздастъ: такимъ бо образомъ безвредны пребудете, и бѣдный человѣкъ освободится. Любви ради къ человѣкомъ скорблю о семь, и хотѣлъ быхъ усердно, дабы въ живыхъ сохранены были“. На этомъ мѣстѣ мистерія прерывается.

ПЕРЕХОДЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ ВЪ МОСКВУ. СОСТОЯНІЕ МОСКОВСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ XVII в.

Съ половины XVII в., особенно съ присоединенія къ Московскому государству Малороссіи, юго-западная образованность стала переходить въ Москву. Переходили въ Москву книги, явившіяся на Югѣ; вызывались изъ Кіева въ Москву ученые люди для устройства училищъ, для перевода и печатанія книгъ. Первымъ замѣчательнымъ вызовомъ ученыхъ изъ Кіева былъ вызовъ, сдѣланный при Алексѣѣ Михайловичѣ бояриномъ Ртищевымъ въ 1649 г. для заведеннаго имъ училища при Андреевскомъ монастырѣ. Прибывшіе по этому вызову иноки составили ученое братство, которое трудилось не только въ училищѣ, но и при исправленіи, переводѣ и печатаніи книгъ. Съ этого времени кіевскіе ученые составляютъ въ Москвѣ постоянный кружокъ, около котораго преимущественно сосредоточиваются образованіе и литературная дѣятельность.

Ереси и разные беспорядки и нестроенія въ общественной и частной жизни еще въ XVI в. приводили московское правительство къ сознанію необходимости науки и образованія. Но, сознавая необходимость образованія и вызывая иностранцевъ, въ то же время, по-прежнему еще боялись иностранной науки и думали, что она можетъ быть опасна для вѣры. Юго-западная наука, повидимому не представляла такой опасности; она приходила изъ страны единовѣрной и единокровной, имѣла характеръ религіозный и, слѣд., была согласна съ общимъ строемъ русской жизни. Но, съ другой стороны, единовѣрная и единокровная страна уже давно страдала отъ Уніи и латинства; образованіе, приходившее изъ нея, хотя было религіозное, но имѣло чуждыя для русскаго ума западныя формы;

люди, приносившіе это образованіе, не всегда и сами были свободны от увлеченія латинскимъ образованіемъ и латинскими идеями. Поэтому очень естественно, что и кіевское образованіе было принято въ Москвѣ съ недовѣріемъ, а впоследствии возбудило противъ себя оппозицію въ русскихъ. Книги, приходившія изъ Кіева, всегда подвергались строгому пересмотру и часто сужденію. Катихизисъ Лаврентія Зизанія патр. Филаретомъ былъ отданъ на разсмотрѣніе Богоявленскому игумену Ильи и справщику Григорію, у которыхъ по этому случаю было любопытное преніе ⁽¹⁾. Это преніе весьма хорошо характеризуетъ различіе взглядовъ на образованіе Кіевскихъ и Московскихъ ученыхъ. Лаврентію, между прочимъ, поставлено было въ вину то, что составляло отличительную черту юго-западнаго богословскаго образованія, именно научные приемы и употребленіе въ богословской области свѣтскихъ знаній и литературы. „Другую притчу, замѣчали Зизанію, ты сказалъ о чловѣкѣ, душа и плоть какъ орелъ со свиньею связаны. Въ нашихъ обычаяхъ и въ греческихъ книгахъ такіа *бестды* (выраженія) о чловѣкѣ не употребляются, а мнится намъ, тѣ простыя *прилоги* (примѣры) взяты изъ книгъ Езопа, франскаго мудреца, баснослогателя“. Еще Зизанію говорили: „у тебя въ книгѣ написано о кругахъ небесныхъ и о планетахъ и о зодіахъ, и о затменіи солнца, о громѣ и о молніи и о тресновеніи, и о шибеніи и о перунѣ и о кометахъ и о прочихъ звѣздахъ: тѣ статьи изъ книги астрологіи, а та книга астрологія взята отъ волхвовъ еллинскихъ и отъ идолослужителей; потому книга эта въ нашемъ правовѣрію не сходна... А развѣ это правда, говоришь: облака, надувшись, сходятся и ударяются, и отъ того бываетъ громъ и огонь, какъ отъ камня и желѣза? Огонь и звѣзды, что на тверди небесной, называешь животными и звѣрями“ (разумѣются знаки зодіака). „Да какъ же, по вашему, писать о звѣздахъ?“ спрашивалъ Зизаній. „Мы пишемъ и вѣруемъ, отвѣчали ему, какъ Моусей написалъ: и сотвори Богъ два свѣтила великія и звѣзды, и постави ихъ на тверди небесной свѣтити по земли, и владѣти днемъ и ноцію, и разлучати между свѣтомъ и ноцію. А животными звѣрями ихъ не называлъ Моусей“. На вопросъ Зизанія: какъ же эти свѣтила движутся и обращаются? Илья и Григорій сказали: „по повелѣнію Божию, ангелы служатъ, тварь вода“.

При такомъ различіи взглядовъ неизбѣжно должны были произойти столкновенія между московскими грамотниками и кіевскими учеными, когда послѣдніе явились въ Москвѣ, какъ учи-

(1) Напеч. въ Лѣт. русск. лит., т. II, 1859 г.

тели. На кievскихъ ученыхъ стали смотрѣть какъ на людей, наклонныхъ къ латинству, тѣмъ болѣе, что воспитанные въ школахъ, гдѣ все преподаваніе происходило на латинскомъ языкѣ и по латинскимъ руководствамъ, они почти всѣ сохраняли расположеніе къ латинскому языку и латинскому образованію. Невыгодное мнѣніе о кievскихъ ученыхъ усиливали въ русскихъ еще греки и восточные патріархи. Патріархи, съ одной стороны, боялись утратить свое давнее просвѣтительное вліаніе на Россію, а съ другой—опасались, чтобы западное образованіе не повредило ея православной вѣрѣ. Поэтому, узнавъ о намѣреніи царя Θεодора завести въ Москвѣ высшее училище, они постоянно внушали ему мысль открыть греческое училище, учить на греческомъ языкѣ и въ греческомъ духѣ.

Но, и взгляды на грековъ въ Москвѣ уже давно измѣнились. Уже при Максимѣ Грекѣ было мнѣніе, что не должно принимать посвященія на митрополию отъ Цареградскаго патріарха, такъ какъ онъ живетъ подъ властію погананаго царя безбожныхъ турковъ. Въ XVII в. книги, печатанныя въ Греціи, принимались въ Москвѣ съ такою же осторожностію, какъ и книги, приходившія изъ Малороссіи. Это предубѣжденіе особенно утвердилось въ средѣ раскольниковъ, которые уже рѣшительно не хотѣли вѣрить греческимъ книгамъ, когда на нихъ въ спорахъ указывали православные.

Такимъ образомъ, юго-западное образованіе недружелюбно встрѣтилось въ Москвѣ съ русскими понятіями и должно было уступить мѣсто греческому образованію; но и греческое образованіе не могло утвердиться и при Петрѣ В. въ свою очередь должно было уступить кievскому образованію. Московская академія при Петрѣ В. была совершенно преобразована по образцу Кіевской академіи, и кievскіе ученые начали занимать въ ней должности начальниковъ и учителей и высшія іерархическія мѣста во всей Россіи. Съ этого времени кievское образованіе надолго утвердилось повсюду. Несмотря на односторонность и указаные выше недостатки, оно имѣло большое значеніе и приносило существенную пользу. Кіевская наука воспитывала въ учащихся способность къ анализу, развивала мысль и укрѣпляла разсудочныя силы. Она не сообщала новыхъ идей и знаній, но своими научными приемами и формами помогала уяснять и утверждать религіозныя истины и знанія и способствовала развитію духовной науки.

Заведеніе училищъ, исправленіе богослужебныхъ книгъ, борьба съ расколомъ, просвѣщеніе народа посредствомъ проповѣди и распространенія книгъ религіозно-нравственнаго содержанія составляли главные предметы, около которыхъ преимущественно со-

средоточивалась дѣятельность просвѣщенныхъ людей XVII в. Во главѣ ихъ стоитъ знаменитый патр. Никонъ, который извѣстенъ въ исторіи исправленіемъ богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ и многостороннею дѣятельностію на пользу духовнаго просвѣщенія. Не страшась нареканій, онъ приблизилъ къ себѣ кіевскихъ ученыхъ, оказывалъ имъ особенное покровительство; онъ обогатилъ патриаршую бібліотеку собраніемъ множества славянскихъ рукописей и греческихъ книгъ; съ его именемъ дошелъ до насъ весьма важный лѣтописный сборникъ; по его распоряженію началась въ Москвѣ проповѣдь. Изъ лицъ, получившихъ образованіе на Юго-Западѣ, самыми замѣчательными дѣятелями были: Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій и св. Димитрій Ростовскій; изъ грековъ—Арсеній Грекъ и Іоанникій и Софроній Лихуды, изъ другихъ иноземцевъ видный слѣдъ въ нашей литературѣ оставилъ хорватскій сербъ, Юрій Крыжаничъ.

Училища въ XVII в. Московская академія. Братья Лихуды. Заведеніе училищъ составляло самую настоятельную потребность. Первое училище было устроено патр. Филаретомъ около 1633 г. при Чудовѣ монастырѣ и называлось патриаршею школою. Потомъ бояринъ Ртищевъ въ 1649 г. завелъ училище при Андреевскомъ монастырѣ и вызвалъ для него въ учителя ученыхъ иноковъ изъ Кіева. Въ 1679 г. царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ вздумалъ завести для грековъ училище въ Москвѣ. Училище это, устроенное первоначально для поддержанія греческаго образованія, совершенно упавшаго на Востокѣ, сдѣлалось вторымъ, послѣ Кіевской академіи, знаменитымъ разсадникомъ просвѣщенія въ Россіи. Сначала оно называлось *Еллинно греческимъ училищемъ* (1685—1700), потомъ *Славяно-латинскою академіей* (1700—1775), наконецъ *Славяно-греко-латинскою академіей* (1775—1814). Въ исторіи сѣверо-восточнаго образованія Московская Славяно-греко-латинская академія получила такое же значеніе, какое въ исторіи Юго-Западной Россіи имѣетъ Кіевская академія. Проектъ устава для академіи былъ составленъ Симеономъ Полоцкымъ; за образецъ были приняты западныя училища и Кіевская академія. Въ академіи положено было преподавать грамматику, пѣнгику, риторику, діалектику, философію и богословіе, право церковное и гражданское и прочія свободныя науки. Но ни Полоцкому, ни другимъ юго-западнымъ ученымъ не привелось быть первыми наставниками академіи. Полоцкій не дождалъ до ея открытія, которое было оставлено смутами, происшедшими по смерти Ѳеодора Алексѣевича; при царевнѣ Софіи ученикъ Полоцкаго, Сильвестръ Медвѣдевъ, возобновилъ дѣло объ открытіи академіи и самъ надѣялся быть въ ней начальникомъ и наставникомъ, но своими латински-

ми заблужденіями онъ не только на себя навлекъ осужденіе, но и бросилъ тѣнь на всѣхъ юго-западныхъ ученыхъ. Первыми наставниками въ академіи были сдѣланы греки, братья Лихуды.— Иоаннѣй и Софроній Лихуды получили образованіе въ Венеціи и Падуѣ, гдѣ приобрѣли докторскіе дипломы, и потомъ, до прибытія въ Москву, нѣсколько лѣтъ были учителями и проповѣдниками въ разныхъ мѣстахъ Греціи. Въ 1685 г. они открыли преподаваніе въ академіи, которая сначала помѣщалась въ Заиконоспасскомъ монастырѣ и называлась *Заиконоспасскими школами*. Въ продолженіе 8-ми лѣтъ они преподавали, на греческомъ и латинскомъ языкахъ, грамматику, шитику, риторику, логику и физику. По всѣмъ этимъ наукамъ они составили учебники, которые донинѣ хранятся въ рукописяхъ въ Московской академіи. Изъ этихъ учебниковъ видно, что Лихуды владѣли обширнымъ образованіемъ; образованіе это имѣло характеръ схоластическій; главнымъ авторитетомъ въ риторикѣ, логикѣ и физикѣ былъ Аристотель. Впрочемъ, они не рабски во всемъ слѣдовали Аристотелю, а стремились и къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. Лихуды преподавали въ академіи съ такимъ успѣхомъ, что въ короткое время воспитали много учениковъ, которые послѣ нихъ могли продолжать преподаваніе. Изъ нихъ особенно замѣчательнъ іеромонахъ *Палладій Роговскій*. Палладій былъ весьма даровитый и любознательный человекъ. Не удовлетворяясь преподаваніемъ въ Московской академіи, онъ отправился въ Виленскую іезуитскую школу, потомъ въ Ольмюць, гдѣ изъ любви къ наукѣ рѣшился на временное отступленіе отъ православія, и, наконецъ, въ Римъ. Здѣсь онъ семь лѣтъ изучалъ въ греко-уніатской коллегіи философію и богословіе и получилъ степень доктора богословскихъ и философскихъ наукъ. Возвратившись въ Москву, онъ исповѣдалъ патриарху Адриану свое невольное отступленіе, проклялъ латинскія мудрованія и написалъ исповѣданіе своей вѣры, согласно съ православіемъ. Патриархъ принялъ его и сдѣлалъ наставникомъ академіи. Со времени Палладія преподаваніе въ академіи измѣнилось. При преемникахъ Лихудовъ оно происходило на греческомъ языкѣ; Палладій не зналъ греческаго языка и началъ преподавать всѣ науки на латинскомъ языкѣ. Но уже совершенно другою видъ получила академія, когда въ 1701 г. протекторомъ ея былъ пазначенъ митр. Рязанскій, Стефанъ Яворскій. Воспитанникъ Кіевской академіи, онъ совершенно преобразовалъ ее по образцу своей академіи. На латинскомъ языкѣ стали читать всѣ лекціи и писать сочиненія; наставники были вызваны изъ Кіева и начали преподавать науки по кіевскимъ руководствамъ и ввели въ академію вообще всѣ порядки, существовавшіе въ Кіевской академіи. Преобразованная такимъ образомъ Московская акаде-

мія стала на ряду съ Кіевской академіей и подъ именемъ Славяно-греко-латинской академіи сдѣлалась разсадникомъ просвѣщенія не только для духовнаго, но и гражданскаго сословія. Въ нее долго поступали не только духовные, но и свѣтскіе люди; изъ нея брали воспитанниковъ для академической гимназіи, заведенной при академіи наукъ, и для отправленія за границу; въ ней получили первое образованіе многіе дѣятели въ новой русской литературѣ и въ томъ числѣ самъ основатель ея, Ломоносовъ.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ. Патріархъ Никонъ. Епифаній Славинецкій и Арсеній Грекъ. Другою настоятельною потребностію времени было исправленіе богослужебныхъ книгъ, которое началось при Максимѣ Грекѣ и съ тѣхъ поръ было постоянною заботою нашихъ пастырей. Ошибки въ богослужебныхъ книгахъ произошли отъ невѣжества переписчиковъ. Введеніе книгопечатанія не могло исправить зла, произведеннаго переписчиками, потому что справщики типографіи, которымъ поручалось печатаніе книгъ, были также необразованны. Подобнымъ невѣжественнымъ справщикамъ поручено было печатаніе книгъ при патр. Иосифѣ, и они напечатали до 6000 богослужебныхъ книгъ, наполненныхъ разными ошибками. Прекратить это зло суждено было патр. Никону. Сознавая всю трудность дѣла, онъ приступилъ къ нему съ большими предосторожностями и приготовлениями. Сначала онъ созвалъ соборъ (1653—1654) и предложилъ на немъ исправить богослужебныя книги по греческимъ книгамъ и славянскимъ рукописямъ, а чтобы придать значеніе этому собору, испросилъ утвержденія его постановленій у Константинопольскаго патріарха; потомъ онъ удалил изъ типографіи прежнихъ невѣжественныхъ справщиковъ и поручилъ исправленіе и печатаніе книгъ Епифанію Славинецкому и Арсенію Греку. Епифаній Славинецкій стоялъ во главѣ ученаго братства, вызваннаго Ртищевымъ изъ Кіева. Это былъ глубокой богословъ и серьезный ученый; съ богатыми дарованіями: онъ соединялъ обширныя свѣдѣнія въ наукѣ и горячую, безкорыстную любовь къ ней. Получивъ образованіе въ Кіевской академіи, онъ ѣздилъ еще учиться за границу и по возвращеніи сдѣланъ былъ учителемъ въ кіевскомъ братскомъ училищѣ. По прибытіи въ Москву онъ также поступилъ въ наставники патріаршаго училища въ Чудовъ монастырь и кромѣ обученія постоянно занимался переводомъ книгъ съ греческаго языка. Арсеній Грекъ былъ также ученый человекъ и получилъ образованіе въ западныхъ училищахъ, между прочимъ въ римской коллегіи, для поступленія въ которую онъ, ради науки, принималъ на время даже католичество. Въ Москву онъ прибылъ въ 1649 г. съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ и остался здѣсь по просьбѣ Але-

ксія Михайловича. Для повѣрки при исправленіи книгъ Никонъ приказалъ собрать въ Москву изъ всѣхъ русскихъ монастырей древнія славянскія рукописи, а для приобрѣтенія греческихъ книгъ и древнѣйшихъ греческихъ рукописей отправилъ въ Грецію и на Аѳонъ инока *Арсенія Суханова*. Сухановъ еще за три года до этого, при патр. Іосифѣ, ѣздилъ въ Грецію и Іерусалимъ для описанія церковныхъ чиновъ и представилъ это описаніе въ запискахъ о своемъ путешествіи, которыя онъ назвалъ *Проскимитаріемъ*. Во второе же путешествіе, по приказанію Никона, онъ собралъ въ Греціи множество книгъ и рукописей, которыя впоследствии вошли въ составъ патриаршей библиотеки. Послѣ такихъ приготовленій было приступлено къ самому исправленію книгъ. Прежде всего былъ исправленъ и напечатанъ *Служебникъ* (1655). Потомъ Арсеніемъ Грекомъ была переведена съ греческаго и разсмотрѣна на соборѣ 1656 г. книга *Скрижалъ*, заключающая объясненіе обрядовъ православной греко-восточной церкви. Одобривъ исправленныя книги, соборъ постановилъ отобрать повсюду старыя книги и замѣнить новоисправленными. Это въ приверженцахъ старыхъ книгъ и обрядовъ, считавшихъ грѣхомъ и ересью перемѣну даже одной буквы въ прежнихъ книгахъ, возбудило ропотъ, потомъ сопротивленіе и, наконецъ, открытое возстаніе, приведшее ихъ къ *расколу*, или отпаденію отъ православной церкви. Первыми расколу учителями явились тѣ самыя лица, которыя были справщиками типографіи и печатали отмѣненныя теперь книги. Это были: протопопъ Аввакумъ, священники Никита и Лазарь, діаконы Ѳеодоръ и Іоаннъ Нероновъ.

Произведенія московской словесности въ XVII в. Симеонъ Полоцкій и Димитрій Ростовскій. Съ появленіемъ училищъ начали появляться сочиненія по разнымъ отдѣламъ науки; юго-западные ученые принесли въ Москву проповѣдь; вмѣстѣ съ ними явилась и силлабическая поэзія. Со всѣми этими явленіями науки и образованности весьма тѣсно связана дѣятельность преимущественно двухъ писателей: *Симеона Полоцкаго и св. Димитрія Ростовскаго*. Послѣ Епифанія Славинецкаго іеромонахъ Симеонъ Петровскій-Ситніановичъ Полоцкій (1628—1682) былъ самымъ виднымъ представителемъ юго-западнаго образованія въ Москвѣ. Полоцкій воспитывался въ Кіевской академіи, гдѣ слушалъ Лазаря Барановича, потомъ въ польскихъ католическихъ училищахъ. Въ Полоцкѣ, гдѣ онъ родился и жилъ по окончаніи своего образованія, его встрѣтилъ Алексѣй Михайловичъ, пригласилъ въ Москву и сдѣлалъ воспитателемъ царевича Ѳеодора Алексѣевича. Занявъ такое положеніе, Полоцкій такъ хорошо имъ воспользовался, что ему долго не могла вредить противная

ему партія и даже патр. Іоакимъ, подозрѣвавшій его въ приверженности къ латинству. Пользуясь расположеніемъ Θεодора Алексѣевича, онъ смѣло писалъ и печаталъ свои сочиненія, боролся съ расколомъ, говорилъ проповѣди и писалъ силлабическіе стихи и духовныя комедіи. Другимъ знаменитымъ дѣятелемъ въ области духовнаго просвѣщенія, впрочемъ уже въ самомъ концѣ этого періода, уже въ первыхъ годахъ XVIII в., былъ св. *Димитрій Ростовскій* (1651—1709). Онъ получилъ образованіе также въ Кіевской академіи и былъ проповѣдникомъ при Лазарѣ Барановичѣ въ Черниговѣ, потомъ въ Слуцкѣ, Батуринѣ и Кіевѣ. Обративъ на себя вниманіе проповѣдническою дѣятельностію, онъ былъ посвященъ въ митрополита Сибирскаго, но такъ какъ здоровье не позволило ему ѣхать такъ далеко, то онъ сдѣланъ былъ митр. Ростовскимъ. Въ санѣ митр. Ростовскаго онъ 9 лѣтъ неутомимо трудился для духовнаго просвѣщенія, завелъ въ Ростовѣ духовную семинарію, проповѣдывалъ Слово Божіе, боролся съ расколомъ и писалъ разныя сочиненія. Въ Малороссіи св. Димитрій усвоилъ плоды кіевской учености и въ то же время глубоко изучилъ творенія отцевъ и учителей греческой церкви; призванный въ Великороссію, онъ все вниманіе обратилъ на потребности современной русской жизни и старался удовлетворить имъ. Поэтому его сочиненія совмѣщаютъ въ себѣ свойства греческой отеческой письменности и черты юго-западнаго образованія, а нѣкоторыя отличаются особенными качествами—примѣнительностію или приспособленіемъ къ понятіямъ и потребностямъ православнаго русскаго народа. Стоя на переходѣ церковной словесности отъ древняго русско-византійскаго періода, при концѣ своемъ принявшаго въ себя элементы западнаго образованія, къ новому періоду словесности, получившей послѣ реформы Петра новый характеръ, св. Димитрій является послѣднимъ и самымъ лучшимъ представителемъ древне-русскаго духовнаго образованія, образцомъ древне-русскаго богослова и проповѣдника.

Полемическія сочиненія противъ раскола. Самымъ сильнымъ вызовомъ къ литературной дѣятельности былъ расколъ. Чтобы остановить распространеніе раскола, нужно было показать его заблужденія, тѣмъ болѣе, что сами раскольники съ первыхъ временъ начали полемику противъ православныхъ. Первые расколуучители были люди не только грамотные, но и стояли во главѣ грамотниковъ тогдашняго времени: протопопъ Аввакумъ, священники Никита и Лазарь, діакопъ Θεодоръ и Іоаннъ Нероновъ были справщиками типографіи при патр. Іосифѣ. Протопопъ Аввакумъ написалъ больше 30 сочиненій, изъ коихъ особенно замѣчательна его автобіографія, весьма хорошо характеризующая

его грубую, но оригинальную личность. Діаконъ Θεодоръ писалъ обличительныя посланія. Но самымъ рѣзкимъ выраженіемъ раскольнической полемики были такъ называемыя *Челобитныя*, которыя расколоучители подавали правительству въ защиту своего отпаденія и какъ протестъ противъ разныхъ *новшествъ*, церковныхъ и гражданскихъ. Таковы *Челобитныя*: суздальскаго священника *Никиты Пустосвята*, романовскаго священника *Лазаря* и *Соловецкихъ раскольниковъ*. Къ сочиненіямъ, написаннымъ противъ раскола, относятся: *Жезлъ правленія* Симеона Полоцкаго, *Увѣтъ духовный* патр. Іоакима, *Опроверженіе Соловецкой Челобитной* серба Юрія Крыжанича, *Окружныя посланія* Игнатія, митр. Сибирскаго, и *Розыскъ* св. Димитрія Ростовскаго. Выше всѣхъ этихъ сочиненій о расколѣ и противъ раскола стоятъ *Розыскъ* св. Димитрія Ростовскаго. На борьбу съ расколомъ св. Димитрій былъ вызванъ успѣхами раскола въ Ростовѣ и Ярославлѣ, проникшаго сюда изъ раскольническихъ свитовъ въ *Брынскихъ лѣсахъ* (Калужской губерніи), почему и вѣра раскольниковъ называется въ *Розыскѣ* Брынскою вѣрою. При составленіи *Розыска* св. Димитрій пользовался какъ прежде написанными вышеуказанными сочиненіями противъ раскола, такъ и сочиненіями самихъ раскольниковъ. *Розыскъ* состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой части разсматриваются два вопроса: 1) есть ли вѣра раскольниковъ правая? и 2) есть ли вѣра раскольниковъ старая? Во второй части *Розыска* Димитрій доказываетъ, что ученіе раскольниковъ ложно, потому что проповѣдуется учителями самозванцами, не имѣющими права учить, и людьми необразованными, которые ложно объясняютъ слово Божіе и ученіе отеческое. Въ третьей части разсматриваются дѣла, въ которыхъ приводитъ раскольническая вѣра.

Четы-Миней св. Димитрія Ростовскаго.—Историческими изслѣдованіями любилъ заниматься св. Димитрій Ростовскій. Кромѣ *Діаріуса*, или дневныхъ записокъ, онъ составилъ: *каталогъ Кіевскихъ митрополитовъ съ краткимъ лѣтосчисленіемъ, лѣтописаніе краткое константинопольскихъ царей и патриарховъ и о благочестивѣйшихъ царехъ и святѣйшихъ патриархахъ всероссійскихъ и лѣтопись отъ начала міробытія до Рождества Христова*. Лѣтопись эта составлена изъ книгъ св. Писанія, греческихъ и славянскихъ хронографовъ, латинскихъ и польскихъ хроникъ. Но самый важный трудъ св. Димитрія—*Четы-Миней*, которыя онъ началъ составлять еще въ Кіевѣ и составлялъ въ продолженіе 20-ти лѣтъ. Кромѣ жизнеописаній святыхъ, въ составъ *Четы-Миней* вошли также синаксари на праздники Господскіе, Богородичныя, по случаю перенесенія мощей, явленія чудотвор-

ныхъ иконъ и т. п.; поучительныя слова, содержание коихъ заимствовано изъ исторіи праздника; отдѣльныя историческія разсужденія при началѣ или концѣ четверти Миней. Составленіемъ Четьи-Миней св. Димитрій оказалъ великую услугу; проникнутые искреннею вѣрою и благочестіемъ, его разказы о жизни святыхъ сдѣлались любимымъ чтеніемъ благочестивыхъ христіанъ.

Повѣствованіе о Россіи Котошихина.—Къ историческимъ сочиненіямъ, изображающимъ состояніе Россіи въ XVII в., принадлежатъ два замѣчательныя сочиненія: „*О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича*“ Котошихина и „*Русское государство въ половинѣ XVII в.*“ Юрія Крыжанича. Котошихинъ былъ дьякъ посольскаго приказа и занимался письмоводствомъ при дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранными дворами. Спасаясь отъ неприяностей по службѣ, онъ убѣжалъ около 1664 г. въ Польшу, потомъ странствовалъ по Пруссіи, наконецъ поселился въ Стокгольмѣ и здѣсь написалъ сочиненіе о Россіи. Сочиненіе начинается краткимъ разказомъ о царяхъ—предкахъ Алексѣя Михайловича, съ Іоанна Грознаго. Дошедши до Алексѣя Михайловича, онъ останавливается на его вѣнчаніи на царство и женитьбѣ и при этомъ описываетъ подробно свадебныя чины, обряды и пиры на царской свадьбѣ. Потомъ изображаетъ жизнь царя и царскаго семейства вообще, описываетъ покои царя, царицы, царевичей и царевенъ; обычаи и праздники при рожденіи и крещеніи дѣтей, воспитаніе и жизнь царевичей и царевенъ, хожденіе въ церковь, путешествіе по монастырямъ, обряды при погребеніи царя и царскаго семейства. Далѣе говоритъ о царскихъ чиновныхъ людяхъ, составляющихъ дворъ царя; боярахъ, окольниковыхъ думныхъ людяхъ, стольникахъ и стряпчихъ, изображая ихъ степени и должности, ихъ службу и пріѣздъ ко двору; потомъ о царицыныхъ чиновныхъ людяхъ и бояривыхъ, составляющихъ придворный штатъ царицы. Особенно подробно Котошихинъ разказываетъ о русскихъ посольствахъ къ иностраннымъ дворамъ и о пріемѣ иностранныхъ пословъ въ Москвѣ. Затѣмъ нѣсколько главъ посвящено описанію управленія въ Московскомъ государствѣ. Здѣсь говорится о разныхъ *дворахъ и приказахъ*—какой приказъ какими дѣлами завѣдуетъ, и кто какимъ приказомъ или дворомъ управляетъ; о помѣстьяхъ, вотчинахъ и земляхъ; о войскѣ, военныхъ чинахъ и ратныхъ людяхъ; о торговлѣ, торговыхъ и посадскихъ людяхъ. Особенно интересна послѣдняя 13-я глава сочиненія. Въ ней изображается жизнь боярская: обѣды, пиры и брачныя обычаи: сватовство и смотръ невѣсть, стоворы и рядныя записи, вѣнчаніе, свадебныя обѣды и подарки, подмѣнъ невѣсть, разводы и расторженія брака. Таблицъ

образомъ, Котошихинъ изображаетъ почти всѣ стороны древне-русскаго быта высшихъ сословій, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ, лагаясь издавна, существовалъ предъ самой реформой Петра В. Поэтому сочиненіе его составляетъ драгоцѣнное дополненіе въ лѣтописямъ и другимъ историческимъ документамъ. Положеніе Котошихина, писавшаго въ Россіи и, слѣд., не связаннаго никакими официальными отношеніями, позволяло говорить ему прямо о всѣхъ недостаткахъ русской жизни; онъ рассказываетъ объ отсутствіи науки и образованія даже въ царскомъ семействѣ, о невѣжествѣ породистыхъ бояръ, которые, засѣдая въ думѣ, часто вичего не могли отвѣтить на вопросы царя, потому что многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые; изображаетъ вредныя послѣдствія мѣстничества, боярскую спѣсь, обманъ, недержаніе слова, страшное лихоимство, подмѣнъ и разнаго рода обманы при выдачѣ невѣсть, оскорбительныя для цѣломудрія и нравственнаго чувства обычаи при свадьбахъ и проч. (1).

Русское государство въ половинѣ XVII в. Крыжанича.— Но, изображая недостатки русской жизни, Котошихинъ не задается мыслію о способахъ къ ея улучшенію; его сочиненіе имѣетъ характеръ простаго историческаго разсказа. Другой характеръ имѣетъ сочиненіе о Россіи Крыжанича. Крыжаничъ не столько описываетъ состояніе Россіи, сколько разсуждаетъ о причинахъ ея недостатковъ и предлагаетъ разные планы для ея улучшенія или преобразованія; его сочиненіе имѣетъ не столько историческій, сколько политическій, или политико-экономическій характеръ.—Юрій Крыжаничъ (род. 1617 г.) родомъ былъ Хорватъ, по званію католическій священникъ. Съ обширнымъ образованіемъ онъ соединялъ знакомство съ законами, правами и обычаями разныхъ народовъ. Горячій патріотъ, онъ глубоко скорбѣлъ о бѣдственномъ положеніи славянскихъ племенъ, задавленныхъ другими сильными народами, и потому естественно все вниманіе свое сосредоточилъ на Россіи, которая представлялась ему единственною великою, свободною славянскою державою и въ которой онъ видѣлъ единственное спасеніе для всѣхъ славянскихъ племенъ. Въ 1658 г. въ Вѣнѣ онъ встрѣтился съ Московскимъ посланникомъ Лихаревымъ и получилъ отъ него приглашеніе ѣхать въ Россію. Сначала онъ

(1) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича Григорія Котошихина
Изд. 2 е. 1859 г.

жилъ въ Малороссіи, въ Нѣжинѣ (до октября 1659 г.) а потомъ пріѣхалъ въ Москву. Онъ хотѣлъ здѣсь, какъ говорить въ предисловіи къ своей Политикѣ, пробудить въ Русскихъ сознание своей славянской народности и познакомить ихъ съ единоплеменниками, и для этой цѣли: 1) исправить и очистить Славянскій языкъ и написать для него „*добру грамматику и лексиконъ*“, 2) написать исторію всего славянскаго народа и 3) обличить „*обманы*“ иностранцевъ относительно славянъ вообще и въ частности Русскихъ. Но въ Москвѣ Крыжаничу суждено было жить не долго; 20 января 1661 г. онъ былъ сосланъ въ Тобольскъ. Причины ссылки неизвѣстны; но можно предполагать, что онъ пострадалъ или за тѣ рѣзкія осужденія недостатковъ въ Русскомъ народѣ и Московскомъ государствѣ, которыя мы находимъ въ его сочиненіяхъ и которыя онъ, вѣроятно, и прежде высказывалъ, живя въ Москвѣ, или за то, что считалъ себя принадлежавшимъ въ одно и то же время и католической и православной церкви, готовъ былъ причащаться въ Русской церкви, но не хотѣлъ принимать второго крещенія, что требовалось тогда отъ всякаго католика, принимающаго православіе; къ тому же онъ вмѣшался въ споры о расколѣ, на который онъ смотрѣлъ не согласно съ православными, какъ на пустую распрю, не заслуживающую серьезнаго вниманія. По смерти Алексѣя Михайловича въ 1676 г. ему позволено было возвратиться въ Москву. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Въ Тобольскѣ Крыжаничъ прожилъ 15-ть лѣтъ и здѣсь написалъ свои сочиненія: 1) Грамматично Изказаніе, 2) Опроверженіе Соловецкой Челобитной, 3) О св. крещеніи, 4) О Промыслѣ Божіемъ и 5) Политику. Въ сочиненіи о Промыслѣ Божіемъ (*De providentia Dei*)⁽¹⁾ Крыжаничъ разсуждаетъ объ условіяхъ счастья и благоденствія государства. Благоденствіе это зависитъ отъ Божественнаго промысла, который всѣмъ управляетъ въ мірѣ. Промыслъ Божій возвышаетъ народъ за добрыя нравы и дѣла; за дурныя нравы и дѣла онъ наказываетъ народъ униженіемъ и разнаго рода бѣдствіями. Крыжаничъ подробно разбираетъ всѣ дѣла, или, какъ онъ называетъ, *грѣхи*, за которые посылаются на народъ разныя бѣдствія, подтверждая свои разсужденія фактами изъ священной и гражданской исторіи. Самое важное сочиненіе Крыжанича, въ которомъ выражены всѣ его задушевные мысли, чувства и стремленія, есть *Политика*, изданная Безсоновымъ подъ заглавіемъ: *Русское государство въ половинѣ XVII в.* (2). Въ Политикѣ, въ формѣ разго-

(1) Оно издано Безсоновымъ. Москва. 1860 г.

(2) Русское Государство въ половинѣ XVII в. часть I. Москва. 1859, часть II. Москва 1860. Въ рукописи оно называется: «Разговоры объ владательству».

воровъ и отдѣльныхъ разсужденій, Крыжаничъ излагаетъ теорію устройства государства вообще и въ частности Россіи, сравниваетъ состояніе Россіи съ состояніемъ другихъ славянскихъ и всѣхъ европейскихъ государствъ; подробно разсматриваетъ всѣ стороны политическаго и частнаго быта въ Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича; разсуждая о какихъ-нибудь слабостяхъ или недостаткахъ въ русскомъ народѣ въ религіозномъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, онъ указываетъ причины ихъ и средства къ ихъ исправленію, предлагаетъ разныя реформы и наконецъ рисуеъ полную идеальную картину преобразованной по его плану Россіи. Вся Политика раздѣляется на три части: 1) о народномъ и державномъ благѣ и богатствѣ; 2) о силѣ державной и 3) о мудрости вообще и въ частности о мудрости политической. 3-я часть самая обширная и самая важная. Говоря о мудрости вообще, Крыжаничъ замѣчаетъ: Мудрость столько же нужна для государей, какъ и для обыкновенныхъ людей; при живыхъ совѣтникахъ нужны еще лучшіе совѣтники мертвые—книги; книги не увлекаются ни алчностью, ни враждою, ни любовію, книги не ласкательствуютъ, не боятся повѣдать истину“. Сказутъ: между мудрыми рождаются ереси, и потому мы не должны учиться мудрости. На это отвѣчаю: Магометъ не былъ мудръ и нивакахъ мудрыхъ бесѣдъ и хитростей не выдумалъ, а крайнюю глупость написалъ въ своихъ книгахъ, а между тѣмъ наплодилъ ересь, болѣе всѣхъ распространившуюся по свѣту. А на Руси ересь встала развѣ не отъ глупыхъ, невѣжественныхъ мужиковъ?... Отъ мудрости ереси искореняются, а отъ невѣжества пребываютъ во вѣки.... Святые отцы были мудры, а не зачинали ересей, но ратовали противъ нихъ.... Отъ огня, воды, желѣза умираютъ многіе, а между тѣмъ люди не могутъ жить безъ нихъ; также точно и мудрость потребна людямъ“ (1). Разсуждая о разныхъ родахъ мудрости и знанія, Крыжаничъ особенно останавливается на *мудрости политической*. Основаніе этой мудрости заключается въ познаніи народомъ самого себя: „познай самъ себя и не втруй чинородникомъ“. Врачъ не можетъ лѣчить человѣка, если не узнаетъ его болѣзни: такъ и политикъ, не узнавъ своихъ силъ и нуждъ, не можетъ ни направить своихъ дѣлъ, ни промыслить о своихъ нуждахъ“. Незнаніе своихъ силъ и способностей, своихъ пороковъ и недостатковъ составляетъ корень народнаго зла: „тогда люди сами себя и свои обычаи излишне любятъ, и считаютъ себя сильными и богатыми и мудрыми, не будучи тако-

(1) Русск. Госуд. ч. I. стр. 105—112.

выми на самомъ дѣлѣ“ (1). Потомъ Крыжаничъ разсуждаетъ о народныхъ свойствахъ и народныхъ порокахъ. Къ народнымъ порокамъ онъ относитъ: лѣность, расточительность и рядомъ съ нею скудость, пированіе, пьянство и излишнее гостепримство, жестокость къ подвластнымъ, какъ слѣдствіе расточительности, недостатокъ благородной гордости, неумѣренность во власти, какъ слѣдствіе той же склонности къ крайностямъ, гибельную охоту мѣшаться въ чужія дѣла и несогласіе между собою. „Между всѣми народами, говоритъ онъ, особенно свойственно намъ *пированіе и расточительность*. Еще древніе предки наши въ язычествѣ почитали славнаго идола *Радигоста*, въ честь коего пировали и упивались, а нынѣ, вмѣсто Радигоста, мы имѣемъ двѣ недѣли св. Николы, масляницу, всю свѣтлую недѣлю, крестины, имянины, поминки и особенные пиры... и во всѣхъ этихъ случаяхъ мы всѣ и всегда упиваемся *на уморъ*“ (2). За неумѣреннымъ пированіемъ и расточительностью слѣдуетъ *обубоженіе и окрѣпость на подвластныхъ*. „Несмѣтное множество въ нашемъ народѣ людей, говоритъ онъ, которые за честь себѣ вмѣняютъ, если много пируютъ и имѣніе свое раскидываютъ безъ причины. А когда у нихъ не останется потребнаго содержанія на траты, нещадно притискиваютъ и выжимаютъ съ своихъ подвластныхъ“ (3). Но съ особенною силою Крыжаничъ нападаетъ на крайнее пристрастіе Славянъ и Русскихъ къ иностранцамъ и ко всему иноземному, которое онъ называетъ *ксеноманіей, или чужебьсіемъ*. Онъ считаетъ этотъ недостатокъ господствующею чертою въ характерѣ Славянъ и видитъ въ немъ причину многоразличныхъ бѣдствій. „Сія смертоносная болѣзнь, говоритъ онъ, заразила весь нашъ народъ. Неисчислимы бѣдствія и срамоты, какія терпѣлъ и терпитъ весь нашъ народъ *отъ чужебьсія* т. е. отъ того, что мы чрезмѣрно довѣрчивы къ иноземцамъ и допускаемъ ихъ дѣлать въ своей землѣ все, что они хотятъ“ (4). Самыми сильными врагами Славянъ онъ считаетъ Нѣмцевъ. „Ни одинъ народъ подъ солнцемъ, говоритъ онъ, искони вѣковъ не былъ такъ осрамленъ и изобиженъ, какъ мы, Славяне, отъ Нѣмцевъ и слѣд. ни одинъ народъ не долженъ беречься такъ инородческаго общенія, какъ мы, Славяне“. Другимъ непріязненнымъ народомъ для Славянъ онъ считаетъ Грековъ. Между Нѣмцами и Греками Русскіе поставлены, какъ между двумя крайностями. „Нѣмцы, говоритъ онъ, убѣждаютъ насъ ко всему новому, хотятъ чтобы презрѣвши всѣ похвальныя древнія учрежденія и нравы, мы со-

(1) Русск. госуд. ч. I. стр. 116—117. (2) Тамъ же, стр. 175—176.

(3) Тамъ же, стр. 178. (4) Тамъ же, 181.

образовались съ ихъ развращенными нравами и законами. Греки же рѣшительно осуждаютъ всякую новизну: вричатъ и повторяютъ, что все новое—зло.... Расходясь такъ далеко между собою, въ большей части вещей, они въ томъ только отлично согласуются между собой, что тѣ и другіе ненавидятъ нашъ народъ, презираютъ и злословятъ и провизываютъ самыми злѣйшими клеветами и нареканіями, доводя этимъ многихъ до отчаянія“ (1)... „Тѣ и другіе ищутъ надъ нами господства. Греки жаждутъ удержать духовный авторитетъ и духовную власть надъ Русью, если не надъ всею, то по крайности надъ кievскою епархіею. Я слышалъ одного грека, который сердился на блаженнаго Кирилла Солунскаго, зачѣмъ онъ изобрѣлъ намъ и передалъ славянскія буквы, равно какъ и перевелъ писанія. Слѣдовало, говорилъ онъ, не давать тѣмъ людямъ буквъ и не переводить писаній, а принудить ихъ, чтобы они учились языку и буквамъ грековъ; пусть бы, такимъ образомъ, нуждались всегда въ греческихъ учителяхъ.... А Нѣмцы добились того, что состоятъ вождями въ нашемъ войскѣ“ (2). Наконецъ Крыжаничъ жалуется, что Греки и Нѣмцы постоянно сѣютъ распри между славянами. Онъ убѣждаетъ всѣхъ оставить эти распри и проситъ русскихъ соединиться съ поляками (3). Мысль о соединеніи всѣхъ славянскихъ народностей составляетъ задушевную мысль Крыжанича. Но этому соединенію препятствуетъ разность въ вѣрѣ Славянъ, напр. Русскихъ и Поляковъ; поэтому онъ скорбитъ о раздѣленіи церквей—Восточной и Западной и желаетъ ихъ соединенія.—Но, упрекая Русскихъ и Славянъ въ крайнемъ пристрастіи къ иноземному и къ иноземцамъ, Крыжаничъ самъ впадаетъ въ крайность—въ излишнее порицаніе иноземцевъ. Въ этой крайности онъ доходитъ даже до того, что проповѣдуетъ рѣшительную *исенеласію*—изгнаніе иностранцевъ, требуетъ не допускать иностранныхъ купцовъ во внутреннія области, не принимать въ службу ни одного иностранца, не давать ни одному права гражданства.

Указавъ разныя нестроенія, пороки и недостатки въ Русскомъ народѣ и у славянъ вообще, Крыжаничъ предлагаетъ средства къ ихъ исправленію. Средства эти заключаются въ разныхъ законодательныхъ реформахъ и предоставленіи всѣмъ сословіямъ *слободинъ* т. е. правъ и привилегій. Съ просьбою объ этомъ Крыжаничъ обращается къ царю Алексѣю Михайловичу, и молить его позаботиться о всемъ Славянскомъ народѣ, помочь Заду-

(1) Русск. госуд. ч. II. стр. 136. (2) Тамъ же, стр. 193.

(3) Тамъ же, стр. 194.

найцамъ, Ляхамъ и Чехамъ и собрать всѣхъ воедино. „Въ твоихъ рукахъ, царь, говоритъ онъ, чудодѣйственный жезлъ Моисеевъ, посредствомъ котораго ты можешь творить дивныя чудеса, въ твоихъ рукахъ самодержавіе—совершенная поворность и послушаніе подданныхъ. Уже давно на свѣтѣ не было такого царя или владѣтеля, который имѣлъ бы силу творить такіа чудныя дѣла, какія ты легко можешь дѣлать и приобрѣсти за нихъ у всего славянскаго народа нескончаемое благословеніе, у другихъ народовъ бессмертную славу, а у Бога, послѣ сего земнаго царства, царство небесное“ (1). Наконецъ Крыжаничъ выводитъ и самого царя, какъ преобразователя, и представляетъ его говорящимъ рѣчь къ народу о тѣхъ реформахъ, которыя нужно произвести. Въ ней излагаются права и привилегіи разныхъ сословій и *вольности* торговцевъ, ремесленниковъ, посадниковъ и даже цѣлыхъ городовъ. Для охраненія этихъ привилегій и вообще для утвержденія благосостоянія государства и всего народа нужно издать хорошіе законы. Неизвѣстно, какъ приняты были всѣ эти разсужденія и проэекты Крыжанича царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и образованными и правительственными лицами въ Москвѣ; но едвали они могли найти въ нихъ особенную симпатію къ себѣ. По своему образованію Русскіе въ то время еще не способны были стать вполнѣ на точку зрѣнія Крыжанича, которая была высока для нихъ, да и во многихъ отношеніяхъ противорѣчила ихъ издавна укоренившимся воззрѣніямъ. Къ тому же это были разсужденія и проэекты латинскаго священника, который православную вѣру Грековъ и Русскихъ называлъ схизмою и былъ рѣзкимъ обличителемъ недостатковъ Русскаго народа и безпорядковъ въ Московскомъ государствѣ.

Проповѣдническая литература. Вмѣстѣ съ другими явленіями науки и образованности перешла въ Москву изъ югозападной Россіи и проповѣдь. Собственной проповѣди въ Москвѣ уже давно не было. При совершенномъ упадкѣ просвѣщенія въ духовенствѣ не только не было людей способныхъ учить народъ живымъ словомъ, но даже образовалось въ XVI в. странное мнѣніе, что проповѣдь ведетъ къ ереси. Вмѣсто проповѣдей положено было читать въ церкви уставныя чтенія изъ отцевъ церкви. Въ XVII в. явилось въ Москвѣ Учительное Евангеліе Кирилла Транквиліона, которое было первымъ опытомъ югозападной проповѣди. Со времени пришествія въ Москву югозападныхъ ученыхъ явилась настоящая проповѣдь. Патріархъ Никонъ сначала поручилъ

(1) Русск. госуд. ч. II. стр. 5.

проповѣдывать Епифанію Славинецкому. Послѣ него усердными проповѣдниками явились Симеонъ Полоцкій и св. Дмитрій Ростовскій.

Проповѣди Епифанія Славинецкаго. Въ рукописяхъ встрѣчается болѣе 50 словъ и поученій Славинецкаго на разные церковные праздники и дни святыхъ. Между ними есть нѣсколько такихъ словъ, которыя были написаны, вѣроятно, не для произнесенія съ кафедры, а какъ образцы для общаго употребленія и руководства; таковы, напр., три слова къ священникамъ, одно къ монахамъ, три слова противъ раскола и три слова о милосердіи. На проповѣдяхъ Славинецкаго вполне отразился его личный характеръ. Какъ самъ онъ былъ не практическимъ дѣятелемъ, а учителемъ и ученымъ, въ тишинѣ монашеской кельи занимавшимся переводомъ и исправленіемъ книгъ, такъ и его проповѣди имѣютъ не практическій, а созерцательный характеръ. Въ нихъ видно глубокое знаніе св. Писанія и писаній отеческихъ, но онѣ слишкомъ общи и отвлеченны. Такъ, напр., въ словѣ *на страсть Христову*, онъ обращается къ слушателямъ съ такимъ увѣщаніемъ: „раздеремъ жестокое сердце нашихъ каменіе, ветхую грѣхъ нашихъ расторгнемъ катапетазму, неплодную ума нашего изтрясемъ землю, и злосмрадныхъ душъ нашихъ, грѣхами умерщвленныхъ, отвержимъ страсти, да отъ смерти грѣховныя свободимся и воскреснемъ со Христомъ воскресшимъ, побѣдителемъ смерти побѣдоноснымъ“. Воспитанный подъ влияніемъ югозападныхъ проповѣдниковъ, которые любили украшать проповѣди разными свѣдѣніями изъ наукъ свѣтскихъ, Славинецкій нерѣдко употребляетъ въ своихъ поученіяхъ свидѣтельства изъ языческихъ писателей и естественной исторіи, цитуетъ Одиссею, приводитъ примѣры изъ Плутарха, мѣнія философовъ, Эпиктета, Демокрита и др. Особенно сильно обнаруживается въ Славинецкомъ наклонность къ метафорическому выраженію мыслей, что дѣлаетъ его поученія слишкомъ витіеватыми и искусственными.

Проповѣди Симеона Полоцкаго. Гораздо проще были и приложимѣе къ жизни и потому пользовались большою извѣстностію у современниковъ проповѣди Полоцкаго, который и по таланту своему былъ ораторомъ-проповѣдникомъ. Полоцкій составилъ два сборника проповѣдей: „*Объѣдъ душевный*“ (1681 г.) и „*Вечерю душевную*“ (1683 г.). Въ первомъ сборникѣ помѣщены слова и поученія на дни воскресные; во второмъ на праздники господскіе, богородичные и святыхъ. Подобно другимъ сочиненіямъ, и проповѣди Полоцкаго не отличаются ни глуби-

ною, ни оригинальностію; онъ свободно и безъ большого разбора пользовался въ нихъ разными сочиненіями, не пренебрегалъ даже и апокрифическими сказаніями; но существенная заслуга его, какъ проповѣдника, заключается въ томъ, что онъ обращалъ вниманіе на состояніе и потребности современной русской жизни, раскрывалъ ея темныя стороны и недостатки и старался проводить въ нее здравыя христіанскія понятія. Такъ, напр., въ нѣсколькихъ словахъ онъ разсуждаетъ о необходимости воспитанія и обученія дѣтей, чего особенно не доставало русскому чело-вѣку. Въ недѣлю о блудномъ сынѣ онъ говоритъ: „ему же (т. е. блудному) подобни сынове двесъ у многихъ родителейъ въ странахъ нашихъ обрѣтаются, виною ненаказанія родителей, безчинству вдающихся и многу печаль со скорбію имъ приносящи“. Въ словѣ проводится та мысль, что воспитываетъ дѣтей примѣръ, жизнь ихъ родителей и вообще среда окружающая. Поэтому родители и воспитатели должны быть чисты во всемъ: „отецъ долженъ быть въ дому, какъ солнце, мать какъ луна, а чада какъ звѣзды“. Воспитывая примѣромъ собственной жизни, родители въ то же время должны учить дѣтей. *Чинъ ученія*, предписываемый Полоцкимъ, почти тотъ же самый, какой предписывается въ Домостроѣ: нужно учить дѣтей молитвѣ Господней, символу вѣры, заповѣдямъ Божиимъ, заставлять ходить въ церковь къ службамъ, исповѣдываться и причащаться, молиться дома утромъ и вечеромъ. Въ то же время должно учить руководѣлію, или какому нибудь честному занятію, чтобы, оставаясь въ праздности, дѣти не привыкали къ худымъ дѣламъ: „праздность есть мать всѣхъ худыхъ дѣлъ“. Воспитаніе и ученіе дѣтей должно начинать съ малыхъ лѣтъ: „что будетъ написано жезломъ на молодыхъ деревьяхъ, говоритъ онъ въ первомъ словѣ на день чудотворца Николая, то яснѣе и сильнѣе обозначается въ старыхъ; такимъ деревьямъ подобны юноши: что примутъ въ себя, какъ сѣмя, въ юности, то покажутъ, какъ плодъ въ старости“.—Въ первомъ словѣ въ недѣлю 30-ю по Пятидесятницѣ изъ текста: како не удобъ имущи богатство въ царствіе Божіе видуть (Лук. 18, 24), Полоцкій старается установить правильный взглядъ на богатство и научить, какъ должно имъ пользоваться. Въ словахъ на дни святыхъ Полоцкій говоритъ большею частію о тѣхъ добродѣтеляхъ, которыми отличались святые, и учить подражать имъ. Во многихъ словахъ Полоцкій объясняетъ значеніе праздникова, учить проводить ихъ по христіански и при этомъ возстаётъ противъ разныхъ дурныхъ обычаевъ и пороковъ, всего рѣзче обнаруживающихся въ праздники. „Праздники установлены, говоритъ онъ въ одномъ словѣ (въ первомъ словѣ въ недѣлю 27-ю по Пятидесятницѣ), для воспоминанія благодѣяній

Божіихъ и святыхъ, а также для того, чтобы посреди трудовъ отдохнуть душевно, подобно тому, какъ путники и трудолюбцы останавливаются въ пути, чтобы отдохнуть и запастись силами для дальнѣйшихъ подвиговъ; они установлены „въ пользу и успокоеніе не точію господей свободныхъ, но и рабовъ и рабынь, паче же и скотовъ, человѣкомъ трудящихся“. Проводить праздники должно въ дѣлахъ благочестія: „полезно есть слова Божія слушати, чести ѣ, писати, проповѣдати, учиться тому и учить“. Обращаясь отъ этихъ наставленій къ тому, какъ обыкновенно проводятъ праздники, онъ нападаетъ на обычай „*напиваться, якоже обыкоша едва не всякихъ саноу модіе въ праздники наипаче творити*“. „Когда, говоритъ онъ (въ общемъ поученіи въ день недѣльный), пьянствомъ умы себѣ наипаче помрачаемъ? тоѣмо въ день воскресный или во иный нѣкоторый праздникъ. Когда пиршества, когда бесѣды, когда всенощная при полныхъ чашахъ бдѣнія, когда даже до дрождей истощеніе? тоѣмо въ день воскресный“. Въ словѣ о суетвѣри онъ между прочимъ обличаетъ вунальскія игры въ ночь на Іоанна Крестителя (на 24-е іюня), когорую многіе проводили безъ сна, чтобы увидѣть, какъ будетъ играть солнце при восходѣ. „Оле безумія! Оле суетвѣрія! говоритъ онъ. Откуда сіе играніе солнца пріяша?... Невѣгласи (невѣжды) и слышать другъ отъ друга и видать своими очами. Что же видятъ? воистину то: яко піану сущу человѣку, вся видатся колесообразно вращатися, за умноженіе паръ (паровъ), отъ питія излишняго во главу восходящихъ, аще вся стоятъ неподвижно; и яко едина вещь піаному удвоется и утроется во очію его, а не въ себѣ самой: тако тѣмъ солнцезрителемъ, егда излишне присмотрятся къ солнцу, отъ великаго дѣйства лучесь его зрѣніе повредятся, ибо излишне чувствуемое вредить чувство: и того ради видятся скакати и измѣняться въ шарѣхъ, аще ни скачеть, ни измѣняется“. Здѣсь же Полоцкій нападаетъ сильно *на качели*, находя въ нихъ слѣды древняго языческаго обычая. „Есть обычай богомерзскій въ странахъ нашихъ російскихъ во градѣхъ же, въ селѣхъ и въ весѣхъ, еже *вистлицы* нѣкія поставляти, именуемыя просто *рыли*, на нихъ же маліи и велиціи обыкоша колыхатися, съ великимъ бѣдствомъ здравія своего, многажды съ лишеніемъ живота, а всегда со грѣхомъ: ибо то древле идолослужители въ честь лжебогомъ своимъ творяху, а мы тоже содѣваемъ, ави боги ихъ знающе и чтуще“. Само собою разумѣется, что въ проповѣдяхъ Полоцкаго, какъ воспитанника югозападныхъ школъ, отразились и черты югозападнаго образованія и югозападной проповѣди—наклонность въ символическимъ и метафорическимъ объясненіямъ и украшеніе проповѣди свѣтскими

знаніями, хотя далеко не так рѣзко, какъ у другихъ проповѣдниковъ югозападной школы. Рядомъ съ отцами Церкви Полоцкѣй ссылается и на языческихъ писателей и пользуется апокрифическими сказаніями.

Проповѣди св. Димитрія Ростовскаго. Но самымъ лучшимъ проповѣдникомъ въ XVII в. былъ св. Димитрій Ростовскій. Съ должности проповѣдника, какъ выше замѣчено, Димитрій и началъ свое служеніе церкви; еще въ Малороссіи своимъ проповѣдническимъ талантомъ онъ приобрѣлъ такую славу, что разные города наперерывъ приглашали его къ себѣ для проповѣди. Обстоятельства обратили его дѣятельность на другіе предметы; 20-тъ лѣтъ онъ трудился надъ Четы-Минеями; въ санѣ митр. Ростовскаго онъ долженъ былъ постоянно бороться съ расколомъ; но посреди всѣхъ занятій проповѣдь онъ считалъ главнымъ своимъ дѣломъ. „Моему сану, говорилъ онъ, надлежитъ слово Божіе проповѣдати не точію языкомъ, но и пишущею рукою; то мое дѣло, то мое званіе, то моя должность“. Проповѣди св. Димитрія отличаются разнообразными свойствами; онѣ совмѣщаютъ въ себѣ всѣ существенныя черты греческой отеческой проповѣди, подъ вліаніемъ которой онъ преимущественно воспитался; но въ то же время въ нихъ отразились и слѣды юго-западнаго образованія и юго западной проповѣди; это особенно надобно сказать о тѣхъ проповѣдяхъ, которыя были написаны св. Димитріемъ въ Малороссіи; тѣ же проповѣди, которыя были сказаны въ Россіи, отличаются знаніемъ русской жизни и примѣнительностію къ понятіямъ народа. Изъ проповѣдей Димитрія, написанныхъ въ Малороссіи и отличающихся преимущественно указанными выше свойствами юго-западнаго стиля, особенно замѣчательно *Слово на Св. Троицу*, сказанное въ Батуричѣ въ 1698 г. Въ этомъ словѣ онъ приглашаетъ слушателей поклониться Св. Троицѣ, явившейся Аврааму, подъ дубомъ мамврійскимъ, и для того проситъ перенестись туда своимъ воображеніемъ. „До неба, говоритъ онъ, высоко; не всякъ умными и богомысленными ногами взйти можетъ, а плотяными и вовсе невозможно; до мамврійскаго же урочища и до Авраамова намета ближе... Тамъ (на небѣ) тысячи тысячъ и тьмы темъ обстоятъ ему, а тутъ, какъ на безлюдьи, никого, oprичъ семьи Авраамовой, не видать. Здѣсь-то способное имѣемъ время поклониться въ нынѣшній праздникъ“. Поклоненіе Богу проповѣдникъ сближаетъ съ образомъ поклоненія людямъ. „Не довольно воистину главою господину поклониться, тѣло съ главою къ ногамъ господскимъ повергнуть, но должно и подарокъ къ господину поднести. И сіе-то болѣе нынѣ поклономъ называется, когда что господину поднесешь, а не гла-

ву только предъ нимъ преклонишь. И болѣе господа взирають на таковой поклонъ, что имъ поднесешь, а не на простое поклоненіе головы“. На поклонъ Св. Троицѣ онъ приносить *три златника* отъ трехъ частей человѣка; отъ души—Богу Отцу, отъ тѣла—Богу Сыну, отъ духа—Богу Духу. Св. Златникомъ онъ называетъ вѣру во Святую Троицу и при этомъ проводитъ параллель между золотомъ и вѣрою. „Яко бо золото огнемъ, говоритъ онъ, такъ святая вѣра бѣдами, гоненіями очищена: *яко злато въ горниль искуси ихъ* (Прем. 3, 6); чищено сіе злато каменіемъ: *каменіемъ побѣди быша*; пилено пилами: *претрени быша*; рѣзано желѣзомъ: *убійствомъ меча умроша*; пробовано разными образы: *искушени быша* (Евр. 11, 37): то въ огонь, то въ воду владено, искушаемо: *придохохъ сквозь огонь и воду...* Златомъ дорогія вещи покупаются, и за златникъ вѣры чего же не купишь? Еслибы кто имѣлъ того духовнаго злата вѣры такъ много, какъ велико есть зерно горчицы, купилъ бы себѣ таковую силу, которою бы могъ горы преставляти. *Аще имате вѣру, яко зерно горчищно, речете горь сей: двинися и верзися въ море, и будетъ тако*“ (Мате. 21, 21). Какъ святая вѣра сравнивается съ золотомъ, такъ и Богъ-Троица сравнивается также съ золотомъ. „Золото въ глубокихъ, закрытыхъ нѣдрахъ родится, не скоро его кто найдетъ, а божество Св. Троицы кому открыто? Кто его дознатися и взискати можетъ?.. Злато полированное прекраснымъ блескомъ блещетъ, иногда какъ бы солнечныя изъ себя издаетъ отбѣны; а божество Св. Троицы, о какихъ пресвѣтлыхъ лучей, неизреченнаго сіянія есть исполнено! котораго сіянія малую часточку, на Фаворѣ оказанную, и святыхъ очи не могли възрѣти... Злато людей обогащаетъ, и божество Св. Троицы богатствомъ даровъ своихъ исполняетъ весь свѣтъ“. Первымъ златникомъ Димитрій называетъ вѣру въ Бога Отца; изображеніе на этомъ златникѣ—образъ Ноя съ голубицею и масличною вѣтвію, что значитъ спасеніе міра. Вторымъ златникомъ называется вѣра въ Бога Сына; изображеніе на немъ—Исаакъ, несущій бремя, что значитъ: Сынъ Божій понесъ на себѣ бремя грѣховъ нашихъ. Третій златникъ—вѣра въ Бога Духа Св., на немъ изображеніе голубя съ серебряными крыльями и огонь во храмѣ свидѣнія, на алтарѣ всегда горящій, ибо Духъ Св. въ видѣніи голубя и въ видѣ огня сходитъ“. Все слово имѣетъ символическій характеръ и наполнено разными сближеніями новозавѣтныхъ писавій съ ветхозавѣтными, духовныхъ предметовъ съ предметами вещественными (1). Такой же характеръ имѣетъ *Слово*

(1) Сочиненія св. Димитрія, т. 2, стр. 279—302.

на *Благовѣщеніе* въ понедѣльникъ Свѣтлой недѣли. Въ этомъ словѣ св. Димитрій проводитъ параллель между двумя праздниками—Благовѣщеніемъ и Пасхою.

Сознавая, что такія высокія богословскія проповѣди не могутъ быть понятны для большинства, особенно для слушателей необразованныхъ, св. Димитрій, иногда въ одной и той же проповѣди, послѣ замысловатыхъ сближеній, прибавлялъ простыя наставленія для простыхъ людей. Такъ, въ приведенномъ словѣ на благовѣщеніе, послѣ объясненія сходства двухъ праздниковъ, онъ говоритъ: „но еще не аминь, еще нѣчто къ простѣйшимъ реку, пользы ради; то бо, еже глаголахъ, глаголахъ книжныхъ ради, не хочу же и безкнижныхъ отпустить не попользовавъ“. И потомъ онъ объясняетъ этимъ безкнижнымъ, чему поучаютъ оба праздника, благовѣщеніе и воскресеніе; это объясненіе составляетъ другую половину слова.

Наконецъ, св. Димитрій и цѣлыя поученія говорилъ простымъ языкомъ и глубокія истины и высокія нравственныя наставленія излагалъ въ наглядныхъ, взятыхъ изъ повседневной жизни, картинахъ и образахъ. Такой характеръ имѣютъ многія поученія, говоренныя имъ въ Ростовѣ къ народу. Таковы, напр., поученія въ недѣлю Мирносицъ, въ недѣлю сыропустную и не память св. великомученика Евстафія Плакиды. Въ поученіи въ недѣлю Мирносицъ изъ текста: „Исуса ищите Назарянина распятаго: воста, вѣсть здѣ“ (Марк. 16, 6), Димитрій поставляетъ предметомъ указать, гдѣ Христосъ нынѣ обитаетъ. Сначала онъ замѣчаетъ, что, при исканіи Христа, надобно имѣть осторожность, чтобы, вмѣсто истиннаго Христа, не найти ложнаго, какъ это случилось съ раскольниками, которые, ища Христа и правой вѣры, оставляютъ свои дома и бѣжатъ въ пустыню (въ лѣса-брынскіе), „будто бы Христосъ и аже вѣра въ Него сѣдитъ нѣгдѣ въ лѣсу, за колодою“. Затѣмъ, ища Христа, проповѣдникъ останавливается прежде всего на храмѣ. Храмъ и созидается для Христа, но христіане часто дѣлаютъ изъ него вертепъ разбойниковъ. „Соберутся людие въ церковь будто бы на молитву, а между собою молвятъ и праздниословятъ о внѣшнихъ, или о куплѣ, или о бранехъ, или о пиршествахъ, или кого осуждаютъ, или ругаются кому, и хульными словесы добрую ближняго славу разбиваютъ, и творятъ храмъ Божій не храмъ Божій, но вертепъ разбойниковъ“... „Бѣ то время, егда Господь нашъ сотворилъ бичъ отъ вервий, и изгна вся продающія и купующія въ церкви. О, аще бы нынѣ видимо пришелъ во храмъ свой съ бичемъ онѣмъ! Не всѣхъ ли бы изгналъ вонъ молвящихъ и свернословащихъ, и сверная мыслящихъ и чтенію и пѣнію не внимающихъ? Но о Господи! уже то Твое время прошло, когда Ты

изгонялъ безчинниковъ отъ святаго твоего храма; вывѣ наше окаянное время настало: уже мы Тебя изгоняемъ, а храмъ твой въ вертепъ разбойниковъ претворяемъ, и уже иногда речи есть о храмѣ Господнемъ: нѣсть здѣ Бога; былъ да пошелъ прочь: воста, нѣсть здѣ“. Не находя Христа въ рукотворенныхъ храмахъ, проповѣдникъ ищетъ Его потомъ въ храмахъ нерукотворенныхъ, т. е. въ душахъ христіанскихъ. „Но мнози суть вресченіемъ и правовѣріемъ просвѣщенни, но мало тѣхъ, въ нихъ же бы Христосъ, яко въ истинномъ своемъ обиталъ храмѣ; и воръ вресченъ, и тать, и разбойникъ, и прелюбодѣй, и кійждо злодѣй правовѣріемъ просвѣщенъ, но Христа въ немъ не спрашивай: *нѣсть здѣ*; развѣ давно нѣбогда былъ, когда младенческіе дни воръ имѣлъ, а какъ пришелъ въ возрастъ, началъ воровати, абіе отъиде отъ него Христосъ: *воста, нѣсть здѣ*“. Потомъ проповѣдникъ проходитъ по всѣмъ сословіямъ отдѣльно, ищетъ Христа въ чину духовномъ, высшемъ и низшемъ, ищетъ въ монастыряхъ, въ простомъ народѣ, въ людяхъ великихъ, боярахъ и судяхъ, и нигдѣ не находитъ: нѣсть здѣ. „Грѣхи наши, говоритъ онъ, взяли Господа нашего, и не вѣмы, гдѣ исвати Его“. При этомъ изображаются разныя картины религіозно-нравственнаго состоянія людей разныхъ сословій ⁽¹⁾. Въ поученіи на память св. великомученика Евстафія Плакиды, объясняя слова Евангелія: „*подобно естъ царствіе небесное сокровищу, сокровенну на селѣ* (Мате. 13, 14), св. Димитрій изображаетъ царствіе Божіе странствующимъ и ищущимъ себѣ мѣста въ мірѣ. Оно заходитъ въ палаты внязей и бояръ и прочихъ могучихъ людей, потомъ *въ ряды*, гдѣ премногіе драгоценныя товары, въ *приказы и ратуши*, гдѣ суди правду творить поставлены, заходитъ въ палаты вельможъ, но нигдѣ не находитъ себѣ мѣста. Встрѣтилъ его царь и пророкъ Давидъ и спросилъ: „откуда ты, царство небесное, грядени и камо идеши?“ Царство небесное сказало ему, что оно нигдѣ не находитъ для себя мѣста и намѣрено отправиться къ простому народу. „Не изыщеши мѣста и въ простомъ народѣ, сказалъ Давидъ: *ибо вси уклонимася, екутъ не потребни быша; нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единого*“ (Псал. 52, 4). Не находя себѣ мѣста въ городѣ, даже въ храмѣ, царство небесное ушло изъ города въ село. При этомъ путешествіи царства небеснаго опять изображаются просто, но чрезвычайно характеристично, картины жизни разнаго рода людей. „Пошло царство небесное, говорятъ проповѣдникъ, въ ряды, идѣже торговыхъ людей премногіе драгоценныя купеческіе товары, и помыслило въ себѣ: здѣ всякъ отъ своего труда имать,

(1) Сочиненія св. Димитрія, т. 2; стр. 175—185.

еже имать, нѣсть здѣ грабленія и обидѣ; здѣ убо вселюся. Смотришь небесное царство, какъ дѣлается продажа и купля; и се видишь великую обману, и слышишь многія ложныя словеса, другъ друга обманываютъ, другъ другу жжетъ, худое вмѣсто лучшаго продавая, и большую паче подобающія цѣну уставляя, другъ другу клянется, рогится въ неправдѣ: не мѣшкая убо тамо, царство небесное прочь оттуда исходитъ“ (1).

Конечно, эти картины, въ которыхъ изображаются исканіе Христа, путешествіа царства небеснаго, своєю замысловатостію напоминаютъ также стиль юго-западной проповѣди; но онѣ являются вполнѣ умѣстными въ поученіяхъ св. Димитрія. Онѣ употреблены св. Димитріемъ не для простаго ораторскаго украшенія, но для упрощенія высокихъ понятій, для болѣе яснаго представленія истинъ вѣры и благочестія. Изображеніе современныхъ нравовъ, примѣнительность къ понятіямъ и жизни народа и практическое направленіе, имѣющее прямое, непосредственное отношеніе къ нравственной жизни и нравственному назиданію слушателей, составляютъ отличительныя черты проповѣдей, говоренныхъ Димитріемъ къ ростовской паствѣ.

Силлабическая поэзія. Вмѣстѣ съ наукою юго-западные ученые принесли въ Москву и силлабическую поэзію. Въ XVII в. и въ Москвѣ, какъ на Юго-Западѣ, мы встрѣчаемъ стихи, какъ необходимое украшеніе, во всѣхъ книгахъ, которыя тогда печатались. Они помѣщались въ посвященіяхъ, предисловіяхъ, послѣсловіяхъ и въ самомъ текстѣ книгъ; какъ бы ни далеко, повидимому, отходило содержаніе этихъ книгъ отъ сущности и характера поэзіи. Въ ариѳметикѣ Магницкаго, напр., были изложены въ стихахъ даже опредѣленія дѣйствій ариѳметическихъ. Отдѣльно стихи писали по всякому случаю въ царскомъ семействѣ, по случаю восшествія на престоль, бракосочетанія, смерти, по случаю побѣды, какаго-нибудь церковнаго или гражданскаго праздника. Во главѣ такихъ стихотворцевъ въ XVII в. стоялъ Симеонъ Полоцкій. Отъ него остались цѣлыя сборники стихотвореній: *Вертоградъ многоцвѣтный*, въ которомъ, въ краткихъ стихахъ, излагаются размышленія о разныхъ предметахъ, расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ на разныя слова, напр.: благородіе, вѣждество, гордость, дѣва и проч. *Римологіонъ*, гдѣ помѣщены: Орелъ російскій, въ солнцѣ представленный—въ похвалу царю Алексію Михайловичу; элегія на смерть его, въ формѣ разговора умирающаго царя съ разными лицами, которыя

(1) Сочиненія св. Димитрія, т. 3, стр. 285.

выражают свою скорбь, каждое отдѣльнымъ плачемъ; всѣхъ плачей 12-ть. *Гусли добродѣсная*—стихотвореніе, написанное при востшествіи на престолъ Θεодора Алексѣевича. Кромѣ того, Полоцкій переложилъ въ стихи всю Псалтирь и весь Мѣсяцесловъ. Вотъ, для образца, переложеніе перваго псалма.

«Блаженъ мужъ, иже во злыхъ совѣтъ не вхождаше,
Ниже на пути грѣшныхъ человекъ стояше:
Ниже на сѣдалищѣхъ восхотѣ сидѣти
Тѣхъ, иже не желаютъ блага разумѣти,
Но въ законъ Господни волю полагаетъ,
Тому днемъ и ношю себе поучаетъ.
Будетъ бо яко древо при водахъ насажденно,
Еже дастъ во время си плодъ свой неизмѣнно.
Листъ его не отпадетъ, и все, еже дѣетъ,
По желанію сердца онаго усѣетъ.
Не тако нечестивый, ибо исчезаетъ
Яко прахъ, его же вѣтръ съ земли развѣваетъ.
Тѣмъ же нечестивыи не имутъ востати
На судъ, ниже грѣшницы въ совѣтъ правыхъ стати.
Вѣетъ бо Господь путь правныхъ, тыя защищаетъ,
Путь пакы нечестивыхъ въ конецъ погубляетъ.»

Псалтирь Полоцкаго пользовалась большимъ уваженіемъ у современниковъ и была весьма распространена. Извѣстно, что по ней познакомился впервые съ стихотворческимъ искусствомъ и самъ преобразователь русской поэзіи, Ломоносовъ. Кромѣ Полоцкаго писали стихи: ученикъ его Сильвестръ Медвѣдевъ, Θεодоръ Поливарповъ и Каріонъ Истомина.

Духовныя драмы. Изъ Кіева перешелъ въ Москву также обычай писать и представлять духовныя драмы и комедіи. Симеонъ Полоцкій написалъ двѣ комедіи, которыя представлялись при Московскомъ дворѣ. Въ Ростовскомъ училищѣ представлялись духовныя драмы, которыя были составлены св. Димитріемъ Ростовскимъ. Въ Московской академіи этотъ обычай былъ утвержденъ Регламентомъ, которымъ предписывалось писать и представлять комедіи для резолюцій, *сіестъ честной смѣлости* студентовъ. Изъ Московской и Кіевской академій онъ распространился потомъ во всѣхъ семинаріяхъ. Первое начало театральныхъ представленій въ Москвѣ относится еще къ 1672 г., когда прибылъ въ Москву съ театральною труппою нѣмецъ, Іоганнъ Готфридъ Грегоріи. Воспользовавшись этимъ случаемъ, бояринъ Матвѣевъ устроилъ театральное представленіе для двора въ селѣ Преображенскомъ, гдѣ и

построена была театральная коромна. Изъ Преображенскаго театръ иногда переносился въ Москву, въ домъ боярина Мидославскаго, получившій отъ этого названіе потѣшнаго дворца. Въ числѣ первыхъ пьесъ, которыя представлялись въ устроенномъ такимъ образомъ театръ, были комедіи: „Алексѣй цесаревичъ Божій“, „Адамъ и Ева“, „Іосифъ сынъ Израилевъ“, перешедшія съ Юго-Запада. — Изъ писателей духовныхъ драмъ собственно въ XVII вѣкѣ извѣстны только Симеонъ Полоцкій и Дмитрій Ростовскій. Полоцкій, какъ мы замѣтили, написалъ двѣ комедіи: о блудномъ сынѣ и о трехъ отрокахъ въ пещи вавилонской.

Комедія о блудномъ сынѣ ⁽¹⁾ раздѣляется на 6-ть частей: въ началѣ помѣщенъ прологъ, въ концѣ — эпилогъ. Въ прологѣ заключается обращеніе къ зрителямъ, въ которомъ объясняется, почему притча представляется въ дѣйствіи:

«Не тако слово въ памяти держится,
Якоже аще что дѣломъ явится.
Христову притчу дѣйствомъ проявити,
Здѣ умнслихомъ и чиномъ вершити.
О Блудномъ сынѣ вся рѣчь будетъ наша,
Аки вещь живу узритъ милость ваша.»

Въ 1-й части изображается бесѣда отца съ сыновьями. Благословляя Бога, который научилъ его жить и далъ ему много всякаго богатства, отецъ даетъ сыновьямъ наставленія, какъ слѣдуетъ имъ жить, и въ заключеніе говоритъ:

«Все вамъ вручаю, томо мене чтите,
Между собою миръ, любовь храните.»

Старшій сынъ общаетъ полное повиновеніе отцу и хочетъ жить съ нимъ постоянно; младшій проситъ отца отпустить его на водку, чтобы увидѣть чужія страны и умножить славу и богатство дома.

«Свѣщи подъ спудомъ нелѣпо стояти,
Съ солнцемъ азъ хоцу теши и сіати.
Богъ волю дасть естъ; се птици летавтъ,
Забрѣ въ лѣсахъ вольно пребивавтъ,
И ты мнѣ, отче, изволь волю дади.
Разумну суму весь міръ посѣщати.
Твое-то слава и мнѣ слава будетъ,
До конца міра всякъ насъ не забудеть.»

(1) Напечатана въ Библіонекѣ, ч. VIII.

Отец говоритъ, что хорошо исвать славы и посѣщать чужія страны:

«За славу люди главу полагають.
Морскія волны съ бѣдствомъ преплавають».

Но указываетъ ему на его молодость и неопытность, наконецъ уступаетъ его просьбѣ и отпускаетъ его на свободу.

Во 2-ой части изображается жизнь блуднаго на свободѣ. Оказывается, что онъ не въ славѣ и знанію стремился, а ушелъ изъ родительскаго дома потому, что ему не нравилась домашняя жизнь.

«Бѣхъ у отца яко рабъ плѣненный,
Во предѣлахъ домовыхъ яко въ тюрьмѣ замкненный.
Не что быше свободно творити,
Ждахъ обѣда, вечера, хотая ясти, пити.
Не свободно играти, въ гости не нуцано,
А на красныя лица зрѣти запрещано,
Во всякомъ дѣлѣ указъ, безъ того ничто же,
Ахъ, колѣво неволя, о мой святыи Боже!
Отецъ, яко мучитель, сына си томляше,
Ничесо же творити по воли даше.
Нынѣ, слава Богови! отъ узъ свободихся,
Едва въ чуждую страну едва отмолихся.
Яко птенецъ изъ кѣтки на свѣтъ испущенный,
Желаю погуляти, тѣмъ быти блаженный».

Идеаль свободной жизни у Блуднаго сына самый грубый. Онъ набираетъ множество слугъ, даетъ каждому по сту рублей, начинаетъ съ ними пить, играть въ зернь, въ карты и тавлеи. Слуги обираютъ и обыгрываютъ Блуднаго; въ концѣ сцены онъ пьяный отправляется спать: „и тако блудный сынъ пойдетъ слоняся, а за нимъ вси“, замѣчается въ комедіи.

3-я часть начинается замѣчаніемъ: „изыдетъ Блудный сынъ похмѣленъ, слуги различно его утѣшаютъ; онъ обнищаетъ“. Страдая отъ послѣдствій безобразно проведеннаго дня, Блудный хочетъ опять повеселиться и требуетъ музыкантовъ и пѣвцовъ. Но оказывается, что денегъ уже нѣтъ и платить имъ нечѣмъ. Блудный обращается къ слугамъ, товарищамъ своего пира, и проситъ у нихъ денегъ, но они не только не даютъ ему ничего, но и смѣются надъ нимъ. Одинъ изъ нихъ совѣтуетъ ему возвратиться домой къ отцу.

Въ 4-й части изображается наказаніе Блуднаго. Томимый голодомъ, онъ продаетъ свою послѣднюю одежду, надѣваетъ рубище и нанимается въ слуги къ одному богатому господину. Бо-

гатый господинъ посылаетъ его пасти свиней; но Блудный, ударивъ одну свинью, разогналъ все стадо; за это другіе слуги начали бить его плетьюми. Эти несчастія заставляютъ Блуднаго возвратиться домой къ отцу.

«О коль бѣ благо въ дому отчемъ быти,
Нежели въ страны чуждыя ходити».

Въ 5-й и 6-й частяхъ изображается возвращеніе Блуднаго домой къ отцу, который принимаетъ его съ радостію. Въ эпилогѣ, заключающемъ обращеніе къ зрителямъ, опять объясняется цѣль комедіи:

Видѣте притчу, Христомъ нареченну,
По силѣ дѣломъ днесъ воображенну.
Дабы Христовымъ словамъ въ сердцахъ быти
Глубже писаннымъ, чтобы не забыти.
Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,
На младнй разумъ свой не уповати».

Такимъ образомъ, комедія о блудномъ сынѣ есть представленіе въ лицахъ и дѣйствіяхъ евангельской притчи. Она не прибавляетъ къ притчѣ ничего особеннаго, но только распространяетъ ее нѣкоторыми подробностями. Главный интересъ заключается въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ, въ которыхъ выражаются русскія понятія того времени. Въ рѣчахъ отца о пользѣ посѣщенія чужихъ странъ выражается, конечно, взглядъ самого автора и другихъ образованныхъ людей того времени. Но особенно интересны рѣчи Блуднаго, въ которыхъ выражается жалоба на несвободное положеніе дѣтей въ семействѣ и вообще стѣснительную обстановку домашней жизни. Поведеніе Блуднаго на свободѣ показываетъ, какъ глупо понимали воспитанные въ рабствѣ и невѣжествѣ люди идеалъ свободной и пріятной жизни, поставляя его во множествѣ слугъ, пьянствѣ, игрѣ въ зернь и т. п. Нравоучительная мысль въ комедіи та же, что и въ извѣстной повѣсти о *Горь-злочастіи*; она выражена въ эпилогѣ словами:

«Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати
На младнй разумъ свой не уповати».

Св. Димитрію Ростовскому приписываютъ шесть духовныхъ драмъ, изъ коихъ интереснѣе всѣхъ „*Рождество Христово*“ или „*Рождественская*“ драма (1).

(1) Напечатано въ Лѣт. русск. лит., т. IV.

Въ началѣ драмы антипрологъ и прологъ. Въ антипрологѣ выведено нѣсколько человѣческихъ фигуръ: Человѣческая Натура, Золотой Вѣкъ, Желѣзный Вѣкъ, Надежда, Миръ, Вражда, Злоба, Смерть. *Натура* *человѣческая* сѣтуетъ о своемъ паденіи и поврежденіи, приходитъ въ отчаяніе и начинаетъ призывать *Смерть*. *Смерть* является и хочетъ сѣсть на престолъ. Но въ это время является *Жизнь*. Она отводитъ *Смерть* отъ трона, говоря, что только она имѣетъ власть мертвить и живить.

Въ прологѣ выражается мысль о томъ, что слава міра сего маловременна, что сладость ея смѣшана съ желчью. Примѣръ этого—въ Иродѣ *треокаянномъ*, который ради временной славы возсталъ противъ самого Бога, за что теперь и мучится въ аду. Самая комедія на *Рождество Христово* состоитъ изъ 18-ти явленій.

1-е явленіе открывається плачемъ *Земли* и жалобою, что она проклята за грѣхи Адама и Евы и вмѣсто прекрасныхъ цвѣтовъ осуждена производить *мерзкій волчецъ*. *Небо* утѣшаетъ *Землю* тѣмъ, что она чрезъ воплощеніе Бога-Слова получить вѣчную благодѣянію. Во время этого разговора *Земли* съ *Небомъ* раздается пѣніе: „*Христосъ рождается, славите*“ и проч... *Милость Божія* возвращаетъ радость *Земли* и *Небу*:

«Земля Небу причтена, радуйся сугубо!
Ликуй Небо, мѣсто бо ангела гордыни
Человѣкомъ наполнить Бога благодѣяніи(я).

.....
Земле, за змія вражду иногда проклята,
Радуйся, яко Богомъ нынѣ есть свята!»

Земля и *Небо* выражаютъ свою радость, и при этомъ поется пѣснь: „*Слава въ вышнихъ Богу*“.

Во 2-мъ явленіи *Вражда* или *Зависть* выражаетъ негодованіе на близкое паденіе царства Люцифера. Пока это не исполнилось, она хочетъ, какъ можно болѣе, произвести убійства на землѣ, и потому вызываетъ къ *Вулкану* и *циклопамъ*:

«Вулкане, о Вулкане, ты молю усильиъ,
Остра ми оружія надобно есть зельиъ.
Поспѣшите на помощь, охотны Цикліоны!
Возжигайте огонь, бронты, бійте въ млатъ стеропы!
Мечи, козья, узы, остры куйте стрѣлы:
Сія въ іудейскіе разсѣю предѣлы,
Сотворю пролитіе крове, аки море» . . .

Далѣе слѣдуетъ сцена *Виоліемскихъ пастырей*. Двое изъ нихъ пошли въ городъ купить хлѣба и зашли на кружало. Тре-

тій, оставшійся при стадѣ, соскучившись ждать, пошелъ отыскивать и встрѣтилъ ихъ вскорѣ. Пастыри сѣли закусывать. Вдругъ они слышатъ пѣніе и съ изумленіемъ, съ кусками во рту, долго смотрятъ одинъ на другого. Наконецъ, пастыръ Авраамъ говоритъ:

«Што, братъ, гдѣ же такъ гетаетъ поютъ хорошенько?
Еще я такъ не слыхавъ: ты слышишь, Аеонько?»

Пастыръ Аеоня говоритъ:

«Я вже слышу и вижу ей птички высоко.
Смотрите. Видакъ ваше не досмотрить око:
Ты старъ, ты на глазъ хромъ. Вотъ въ гору смотрите.

Борисъ и Авраамъ: Е! е! е! видимъ, видимъ.

Аеоня: А што правда птички.

Авраамъ: Братъ, кажется, ребятка стоять не велички?

Аеоня: Судари! и кто видалъ ребята съ крылами?

Птицы то залетѣли межю облаками:

Етакъ бы хорошенько ребята не пѣли.

Смотри, смотри: не видно, вотъ и полетѣли.»

Въ 3-мъ явленіи ангелъ возвѣщаетъ пастырямъ о рожденіи Спасителя и посылаетъ ихъ поклониться Ему. Пастыри недоумѣваютъ, почему ангелъ говоритъ имъ это.

Авраамъ говоритъ:

«Чавъ, тебе, государь, къ князьямъ послали,
Чтобъ они великому царю поклонъ дали,
Не къ намъ, нищимъ пастухамъ. Что ты заблудилъ,
Или не вслухалъ? вѣстникъ къ намъ таки не ходилъ.»

Убѣжденные ангеломъ, пастыри начинаютъ наряжаться. Пастыръ Борисъ говоритъ:

«Что же такъ итти худо худѣмъ? украсѣмся.
Въ чулки, лапти новые, пождемъ, приберемъся;
Аеоня, позабирай калачи и вино;
Да и ты приберися, поидемъ всѣ за одно.»

Въ 4-мъ явленіи изображается самое поклоненіе пастырей. Пришедши въ вертепу, Борисъ говоритъ:

«Постойте же вы здѣсь, я посмотрю пойду,
Есть ли въ ясляхъ реченный, и знова къ вамъ приду.»

Есть, братья, есть и не спать, и жутушка сидеть,
Ангелы поютъ и старъ Іосифъ тамъ стоитъ.
Ходѣмъ; я скажу: здравствуй; ты рци: милость пошли,
А ты скажи: прости намъ, что ни съ чѣмъ пришли.»

Потомъ каждый изъ пастырей кланяется Спасителю и говорить привѣтствіе. Первый, напр., Борисъ говоритъ:

«Здравствуй, о Спасителю нашъ, нынѣ рожденный,
Самовольно въ ясляхъ смиренъ положенный!
И подушечки нѣту, одѣяльца нѣту,
Чѣмъ бы тебѣ согрѣться, нашему свѣту!
На небѣ, якъ скажутъ, въ тебѣ палатъ много;
А здѣсь что въ вертепншкѣ лежиши убого,
Въ ясляхъ, на остромъ снѣгѣ, между бунъ скота,
Нища себя сотворивъ, всѣмъ давай щедроты?
Это намъ деревенскимъ здѣ лежати прилично,
А тебѣ, Спасителю, этакъ необычно.»

Въ слѣдующихъ явленіяхъ выводится *Любопытство звѣздочетское*, которое удивляется тому, что явилась новая звѣзда на необычномъ мѣстѣ; изображается поклоненіе Спасителю восточныхъ царей; представляется избіеніе младенцевъ „не слышимое, но зримое“. Когда Ироду донесли, что по его приказанію избито 14000 отрочатъ, онъ радуется и приказываетъ пѣть и играть: „Аполліо! Музы! сѣмо поспѣшите!“ Повеселившись, онъ хочетъ „на пресладеомъ почити Морееуша лонѣ“. Между тѣмъ Невинность взываетъ къ небу о мщеніи Ироду; являются Истина и два ангела и говорятъ, что Ироду уготовано мѣсто въ аду. Затѣмъ изображаются мученія и смерть пораженнаго гнѣвомъ Божиимъ Ирода, который, наконецъ, проваливается въ адскую пропасть. Смерть торжествуетъ свою побѣду надъ Жизнію, но Жизнь говоритъ, что она напрасно радуется, потому что чрезъ искупленіе Спасителя Натура человѣческая оживетъ и будетъ жить вѣчно. Въ эпилогѣ актеры благодарятъ зрителей за слушаніе и, привѣтствуя съ *нарощеннымъ Христомъ*, просятъ ихъ простить *согрѣшившихъ въ дѣяствѣ*. — При глубокой богословской основѣ, драма отличается и характеромъ тогдашняго классическаго направленія въ образованіи и словесности; кромѣ аллегорическихъ фигуръ: Надежды, Любви, Мира и Кротости, въ ней дѣйствуютъ: Фортуна, Золотой вѣкъ, Желѣзный вѣкъ. Вражда взываетъ къ Вулкану и циклопамъ; Иродъ взываетъ къ Аполлону и музамъ. Но есть въ драмѣ также и народный элементъ; наивное поведение и наивныя рѣчи виолеемскихъ пастырей весьма ясно указываютъ на простой малороссійскій народъ.

Повѣсти. При религіозномъ направленіи въ древней словесности не могла развиваться свѣтская повѣсть, какъ изображеніе обыкновенной современной дѣйствительной жизни. Только одно небольшое произведеніе въ этомъ родѣ мы встрѣчаемъ въ XVII в.; это „*Исторія о россійскомъ дворянинѣ, Фролѣ Скобѣевѣ, и стольничей дочери Нардина (Ордина) Нащокина, Аннушкѣ*“. Герой ея — бѣдный новгородскій дворянинъ, Фроль Скобѣевъ, ловкій и изворотливый ябедникъ. Хитростію и обманомъ онъ вошелъ въ знакомство съ дочерью знаменитаго боярина Нащокина, посредствомъ ея мамы, и тайно женился на ней. Бояринъ разгнѣвался; но Скобѣевъ съ такою ловкостію велъ свои дѣла и такъ умѣлъ поддѣлаться въ боярину, что онъ не только простилъ его и дочь свою, но и передалъ имъ впослѣдствіи все свое имѣніе, и Фроль Скобѣевъ изъ бѣднаго и незначительнаго человѣка сдѣлался богатымъ и знатымъ.

Свѣтскую повѣсть замѣняли въ древнія времена разныя *духовныя легенды*, въ которыхъ преобладалъ элементъ чудесный, въ которыхъ рассказывалось о силѣ и торжествѣ вѣры, о нравственныхъ паденіяхъ человѣка и бѣсовскихъ искушеніяхъ, и другія повѣсти и сказанія преимущественно религіозно-нравственнаго содержанія. Въ переводной словесности было много такихъ повѣстей и сказаній, переходившихъ съ Востока и Запада; но по временамъ являлись такія повѣсти и въ Россіи. Къ такимъ повѣстямъ, напр., относятся повѣсти о кіевскомъ купцѣ Басаргѣ (XV или XVI в.), о Саввѣ Грудцынѣ (XVII в.) и о *Горѣ-Злочастіи*.

Повѣсть о Горѣ-Злочастіи, и какъ Горе-Злочастіе довело молодца во мноческій чинъ (1). Въ этой повѣсти также изображается судьба добраго молодца, ушедшаго изъ родительскаго дома и подвергшагося разнымъ злоключеніямъ; злоключенія эти приписываются не бѣсовской, но также посторонней силѣ, какому-то *Горю-Злочастію*, которое имѣетъ характеръ роковой, неизбѣжной судьбы. Спасеніе отъ Гора молодецъ находитъ также въ монастырѣ. Горе-Злочастіе стало преслѣдовать молодца съ того времени, какъ онъ пересталъ слушаться отца и матери и началъ жить по своей волѣ:

«Своему отцу стыдно покориться,
И матери поклониться,
А хотѣлъ жить, какъ ему любо.»

(1) Эта повѣсть найдена г. Пыпинимъ въ одномъ старинномъ сборникѣ и была напечатана въ Современникѣ 1856 г., № 3.

Повѣсть начинается съ паденія прародителей, съ преслушанія ими заповѣди Божіей, откуда явилось всякое непослушаніе и „пошло зло племя человѣческо не покорливо, къ отцову ученію заворчиво, къ своей матери не послушливо и къ совѣтному другу обманчиво“. Отецъ и мать наставляли молодца на всякое добро, учили его не ходить въ пиры и братчины, не садиться на мѣсто большое, не пить двухъ чаръ за одну, не ходить къ востарямъ (игрокамъ въ кости) и корчемникамъ, не знаться съ головами кабацкими, а знаться съ мудрыми и разумными и друзьями надежными. Но молодецъ не послушался этихъ наставленій; онъ началъ жить по своей волѣ, завелъ знакомство съ дурными людьми, которые однажды увели его въ избу кабацкую, напоили до-пьяна и ограбили до-чиста. Молодцу стыдно было послѣ этого показаться отцу и матери, и онъ вздумалъ уйти на чужую сторону. На чужой сторонѣ ему привелось испытать много бѣдствій: дома онъ не захотѣлъ слушать наставленій отца и матери, а на чужой сторонѣ онъ самъ принужденъ былъ просить поучить его, какъ жить въ чужихъ людяхъ; дома ему стыдно было покориться родителямъ, а на чужой сторонѣ ему велать покориться всякому человѣку:

«Говорятъ молодцу люди добре:
Добро еси ты, разумный молодецъ!
Не буди ты спѣсивъ на чужой сторонѣ:
Покорися ты другу и недругу,
Поклонися ты стару и молоду,
А чужихъ ты дѣлъ не объявлявай,
А что слышишь или видишь, не сказывай!
Не льсти ты межъ други и недруги;
Не имѣй ты упадки вилявны,
Не вейся змією лукавою,
И ты съ кротостію держися истини съ правдою;
То тебѣ будетъ честь и хвала великая».

Необходимость заставила молодца послушаться этихъ совѣтовъ чужихъ людей, и онъ началъ жить *умтючи*, нажилъ большое состояніе, такъ что залумалъ жениться и нашелъ уже себѣ невѣсту, но, позабывъ смиреніе, онъ возгордился и однажды похвалился на пиру предъ своими друзьями, что на чужой сторонѣ „нажилъ живота больше старого“.

«А всегда гнило слово похвальное.
Похвальба живетъ чловѣку на пагубу».

Подслушало эту похвальбу Горе-Злочастіе и сказало:

«Не хвастай ты, молодецъ, своимъ счастьемъ,
Не хвастай своимъ богатствомъ:
Бывали люди у меня, Гора,
И мудрѣ тебя и досужае,
И я ихъ, Горе, перемудрило.
Учинися имъ злочастіе великое:
До смерти со мною боролися,
Во зломъ злочастіи позорилися;
Не могли у меня, Гора, уѣхать.
А только они во гробъ вселилися,
Отъ меня на вѣрно они землею накрылися,
Босоты и наготы они избыли,
И я отъ нихъ, Горе, миновалось,
А злочастіе на ихъ могилѣ осталось».

Горе привидѣлось молодцу во снѣ и начало совѣтовать:

«Откажи ты, молодецъ, невѣстѣ твоей любимой;
Быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
Еще быть тебѣ отъ той жены удувлену,
Изъ-за злата и серебра быть убитому!
Ты пойдѣ, молодецъ, на царевъ кабакъ;
Не жалѣй ты, пропивай свои животы.»

Молодецъ не послушался этихъ внушеній; тогда Горе явилось ему въ другой разъ уже въ образѣ архангела Михаила и стало дѣлать тѣ же внушенія. Молодецъ началъ опять вести прежнюю разгульную жизнь и скоро прожилъ все имѣніе, сдѣлался нищъ и нагъ, такъ что стыдно стало ему показаться своимъ друзьямъ, и онъ опять пошелъ на чужую сторону. На дорогѣ ему встрѣтилась рѣва; перевозчики не хотѣли перевозить его даромъ, а заплатить имъ у него было нечѣмъ. Въ такой крайности молодецъ хотѣлъ броситься въ рѣву; но Горе вдругъ высочило изъ-за камня:

«Босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
Еще лычкомъ Горе подпоясано.

.....
Стои ты, молодецъ: меня, Гора, не уйдешь живуды.

Не мечиса въ быстру рѣву,
Да не буди въ горѣ кручиновать:

А въ горѣ жить—некручинну быть;

А кручинну въ горѣ погинути!

Спамятуй, молодецъ, житіе свое первое;

И какъ тебѣ отецъ говаривалъ,

И какъ тебѣ мать наказывала.

Зачѣмъ тогда ты ихъ не послушалъ?

Не захотѣлъ ты имъ погорѣться,
Посындился имъ доклонитися,
А хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ либо есть!
А кто родителей своихъ на добро ученія не слушаетъ,
Того внучу я, Горе злочастное!

.....
Поклонися мнѣ, Горю нечистому.

.....
И ты будешь перевезенъ за быстру рѣку.»

Молодецъ поворился Горю, зацѣлъ всесудю пѣсню, которая такъ понравилась перевозчикамъ, что они не только даромъ перевезли его черезъ рѣку, но и накормили его, дали ему платъе и посовѣтовали возвратиться на свою сторону, къ своимъ родителямъ. Молодецъ послушался и пошелъ на свою сторону, но Горе не хотѣло оставить его:

«Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ связнымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
А Горе за нимъ съ борвыми выжлецы (съ борвыми собаками);
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-травой,
А Горе пришло съ косою вострою.

.....
Пошелъ молодецъ въ море рыбою,
А Горе за нимъ съ частыми неводами.

.....
Молодецъ пошелъ пѣшию дорогою,
А Горе подъ руку подъ правую:
Научаетъ молодца богато жить,
Убити и ограбити,
Чтобы молодца за то повѣсили,
Или съ камнемъ въ воду посадили.
Спамятуеть молодецъ спасенный путь,
И оттолѣтъ молодецъ въ монастырь пошелъ постригатися;
А Горе у святыхъ воротъ остается,
Къ молодцу вперед не приважится.»

Несчастіе, преслѣдующее молодца, въ повѣсти называется *Горемъ-Злочастіемъ*, которое имѣетъ характеръ какой-то роковой неизбѣжной силы, но въ то же время причиною этого несчастія представляется непослушаніе молодца родителямъ и его самонадѣянность. Непослушаніе родителямъ увлекло молодца сначала

изъ родительскаго дома, а потомъ изъ своей стороны на чужую сторону и сдѣлалось причиною всѣхъ его несчастій. Въ этомъ заключается основная мысль повѣсти—мысль о послушаніи родителямъ, о святости родительской власти и семейной жизни, которая постоянно внушалась въ произведеніяхъ древней письменности. Отецъ и мать въ повѣсти даютъ тѣ же наставленія, какія встрѣчаются въ поученіи Владиміра Мономаха, въ Домостроѣ Сильвестра и въ разныхъ церковныхъ поученіяхъ. На чужой сторонѣ молодецъ сталъ направляться на добрый путь; но похвальба, говоритъ повѣсть, опять его погубила, т. е. молодецъ слишкомъ понадѣялся на свои силы, пересталъ строго слѣдить за собою, и прежнія привычки и страсти, сдержанныя на время необходимостію, снова явились и увлекли его въ прежней жизни и довели его до прежнихъ несчастій. Совершенное исправленіе могло произойти чрезъ женитьбу, которая должна была возвратить его въ семейную жизнь, изъ которой онъ самовольно и преждевременно вышелъ. Но при этомъ и сказалась вся сила нажитыхъ привычекъ и прежняго поведенія: съ одной стороны, мысль о жизни на волѣ, къ которой онъ привыкъ, съ другой—опасенія несчастій, какія ему приводилось встрѣчать въ семейной жизни (быть тебѣ отъ невѣсты истравлену...), пересилили его доброе желаніе вступить въ новую жизнь, и онъ скоро очутился въ прежнемъ положеніи. Такимъ образомъ, несчастіе добраго молодца есть необходимое послѣдствіе избраннаго имъ пути, его собственнаго поведенія, въ связи съ общимъ складомъ окружающей жизни. Не принимая во вниманіе естественнаго, но логически необходимаго (по связи причинъ и слѣдствій) хода жизни, древніе греки и другіе народы рѣзко выдающіяся въ ней явленія обыкновенно производили отъ вліянія высшей посторонней силы, которую называли *судьбою или рокомъ*. Въ нашей повѣсти эта сила представлена въ образѣ *Горя Злочастія*, которому также приписывается характеръ неизбѣжной судьбы. Образъ *Горя-Злочастія* составилъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ народныхъ пѣсень, въ которыхъ Горе изображается въ такихъ же чертахъ. Помирившійся съ Горемъ молодецъ поетъ одну изъ такихъ пѣсень, которая учитъ забвенію горя во время самаго горя:

«А и въ горѣ жить—некручинну быть;
А кручинну быть въ горѣ погинути.»

Всѣ черты *Горя-Злочастія* изображаютъ тотъ кругъ русской жизни, въ какой попалъ молодецъ: „Горе босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки, еще лычкомъ Горе подпоясано“; разгульная, бражническая жизнь неизбѣжно приводитъ къ крайней бѣдности.—

Повѣсть о Горѣ-Злочастіи—*обыкновенная исторія* добраго молодца древне-русской жизни: въ молодые годы онъ жилъ подъ строгими правилами Домостроя, потомъ, вырвавшись на свободу, которой долго его лишали, предавался часто полному разгулу страстей, воздерживаться отъ которыхъ не научало его ни воспитаніе, ни образованіе, и при этомъ подвергался разнымъ злоключеніямъ, а дошедши до крайнихъ бѣдствій, уходилъ, наконецъ, въ монастырь, куда, по убѣжденію древне-русскаго чловѣка, уже не могло проникнуть никакое Горе-Злочастіе:

«А Горе у святыхъ воротъ остается,
Къ молодцу впредь не привяжется».

Главною причиною всѣхъ бѣдствій, которыми преслѣдовало *Горе-Злочастіе* добраго молодца древне-русской жизни, было пьянство. Начиная съ поученій преп. Θεодосія Печерскаго, въ церковной литературѣ постоянно раздаются жалобы и обличенія противъ него; въ народной словесности, начиная съ былинъ, изображающихъ пиры богатырей у князя Владиміра, оно представляется единственнымъ источникомъ, въ которомъ русскій чловѣкъ искалъ забавы и веселія во всякомъ счастіи и утѣшенія и забвенія во всякомъ горѣ и несчастіи. Въ XVII в. мы встрѣчаемъ нѣсколько сатирическихъ разказовъ, направленныхъ противъ пьянства. Таковы: *Повѣсть о хмельномъ питіи, разказъ о происхожденіи винокурения, слово о пьянствѣ и повѣсть о бражникахъ.*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стран.</i>
ВВЕДЕНІЕ	3.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Мимическія или обрядныя пѣсни	10.
Былины или богатырскія пѣсни	28.
Историческія пѣсни Московскаго періода	65.
Малороссійскія думы	79.
Бытовныя пѣсни	83.
Русскія сказки	93.
Русскія пословицы	104.
Загадки, заговоры или заклятія	107.

ДРЕВНЕ-РУССКАЯ КНИЖНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Начало славянской письменности. Просвѣтительная дѣятельность святыхъ Кирилла и Меѳодія. Переводъ священныя и богослужебныя книгъ. Кириллица и Глаголица	110.
Кириллица и Глаголица	114.
Общій характеръ и направленіе древне-русской словесности.	115.

ПЕРЕВОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Списываніе и переводы книгъ. Общій обзоръ переводной словесности. Книги св. Писанія и писанія отеческія. Разныя сборники отеческихъ и другихъ сочиненій	118.
Историческія сочиненія: Палем, Хроникъ и Хронографы	125.
Восточныя Византійскія и Западно-европейскія повѣсти и сказанія.	127.
Апокрифическія сочиненія	131.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ОБРАЗОВАВШИЯСЯ ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ КНИЖНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Духовныя стихи	147.
Народныя легенды	175.

**СОБСТВЕННО-РУССКАЯ КНИЖНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.
ПРОИЗВЕДЕНИЯ СЛОВЕСНОСТИ XI В.**

Поученіе Новг. архіеп. Луки Жидаты	177.
Сочиненія св. Иларіона, митр. Кіевскаго	181.
Сочиненія преп. Θεодосія Печерскаго	184.
Сочиненія пр. Нестора. Начало Русскихъ лѣтописей. Лѣтопись Нестора. Лѣтописная дѣятельность послѣ Нестора	186.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ СЛОВЕСНОСТИ XII В.

Сочиненія Кирилла, еп. Туровскаго	194.
Хожденіе въ Іерусалимъ игумена Даніила	200.
Поученіе Владиміра Мономаха	203.
Слово о полку Игоревѣ	206.
Слово Даніила Заточника	215.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ СЛОВЕСНОСТИ XIII В.

Посланія Симона, еп. Владимірскаго и Кіево-печерскаго инока Поликарпа	219.
Поученія св. Серапіона, еп. Владимірскаго	220.
Общій характеръ образованія и словесности въ XIV—XVI в.	223.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ СЛОВЕСНОСТИ XIV В.

Сочиненія митр. Кипріяна. Посланія Кирилла Бѣловерскаго	226.
Путешествія XIV в.	227.
Историческія повѣсти. Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ	227.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ СЛОВЕСНОСТИ XV В.

Св. Геннадій, архіеп. Новгородскій	232.
Просвѣтитель преп. Іосифа Волоцкаго	234.
Путешествія іеродіакона Зосимы по св. мѣстамъ, іеромонаха Симеона въ Италію и Аванасія Никитина въ Индію	237.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ СЛОВЕСНОСТИ XVI В.

Общій характеръ и направленіе словесности XVI в.	238.
Сочиненія Максима Грека	239.
Стоглавъ. Начало книгопечатанія	245.
Домострой	246.

III

Стран.

Четьи-Миней и другія сочиненія митр. Макарія	253.
Сочиненія Іоанна Грознаго и князя А. Курбскаго	255.
Истинны показаніе Отенскаго инокъ Зиновія	264.
Путешествія XVI в	265.

СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ И СЛОВЕСНОСТИ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РОССИИ ВЪ XVI—XVII В.

Начало и характеръ образованія въ Югозападной Россіи. Братскія училища и Кіевская Академія	266.
Характеръ югозападной литературы.	269.
Югозападная проповѣдь. Проповѣди Голятовскаго, Радивиловскаго и Барановича	270.
Югозападная силлабическая поэзія	277.
Югозападныя мистеріи	279.

ПЕРЕХОДЪ ЮГОЗАПАДНОЙ ОБРАЗОВАНОСТИ ВЪ МОСКВУ. СОСТОЯНІЕ МОСКОВСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ XVII В.

Положеніе Кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ. Значеніе Кіевскаго обра- зованія	283.
Училища въ XVII в. Московская Академія. Братья Лихуды	286.
Исправленіе богослужебныхъ книгъ. Патріархъ Никонъ. Вифаній Славинецкій и Арсеній Грекъ	288.
Произведенія Московской словесности XVII в. Симеонъ Полоцкій и Димитрій Ростовскій	289.
Полемическія сочиненія противъ раскола	290.
Четьи Миней св. Димитрія Росовскаго. Повѣствованіе о Россіи Кото- шихина	291.
Русское государство въ половинѣ XVII в. Юрія Крыжанича	293.
Проповѣдническая литература. Проповѣди Вифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго и св. Димитрія Ростовскаго	298.
Силлабическая поэзія. Духовныя драмы Симеона Полоцкаго и св. Димитрія Ростовскаго	306.
Повѣсти и разсказы XVII в.	314.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 01346 6902

KSIEGARNIA*
ANTYKWARIAT
DOM
KSIĄZKI
DOM
C 448444

by

